

Л.А.ГОЛУБЕВА

ВЕСЬ И СЛАВЯНЕ на Белом озере

X - XIII вв.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Л. А. ГОЛУБЕВА

ВЕСЬ И СЛАВЯНЕ
НА БЕЛОМ ОЗЕРЕ.
X—XIII вв.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1973

В книге рассмотрена ранняя история Белозерского края, где в древности жило угро-финское племя весь, а затем расселились славяне. Исследование взаимоотношений веси и славян составляет одну из главных задач монографии. Особая часть посвящена Белоозеру — городу, раскопками которого руководил автор книги.

Ответственный редактор

В. В. СЕДОВ

Г $\frac{0162-0000}{042(02).--73}$ 104—73

*Реки да озера к Нову-городу,
А мхи да болота к Белу-озеру.*

Былина

Белоозеро, Белое озеро — одно из крупнейших и величественных озер лесного Севера европейской части СССР.

В древности срединное положение Белого озера на водоразделе нескольких речных систем имело огромное значение для межплеменных связей. Двадцать шесть рек — больших и малых, впадающих в Белое озеро, связывали его непосредственно или системой удобных волоков на северо-востоке — с бассейном Онеги и Белым морем, на востоке — с Сухоной и Вычегдой, а через них — с областью Верхнего Прикамья; на северо-западе — с Онежским и Ладожским озерами и Балтийским морем. Единственная река, вытекающая из Белого озера, — Шексна соединяет его с Волгой.

Белое озеро расположено на южной границе ледниковой озерной равнины, полной торфяниковых болот, озер, коротких и мелких рек. Южнее озера начинается вторая терраса ледниковых отложений и полоса конечных морен. Здесь много различных возвышений моренного происхождения характера оз, удобных для боровой растительности, однако обширные моховые болота в верхнем течении Андоги, Шогды, между Андогой, Судой, Юлпью, Чагодошей и Мологой делают общий пейзаж края сходным. В глубокой древности человек селился здесь только по берегам рек и озер.

Но Белоозеро также и город на одноименном озере. В Начальной летописи под 862 г. Белоозеро упоминается наряду с Новгородом и Изборском. В этих древнейших русских городах сидели легендарный Рюрик и его братья — Синеус и Трувор. По местным преданиям, Белоозеро было основано первоначально на северном берегу Белого озера, а затем перенесено на юго-восточное его побережье, к истоку р. Шексны. Здесь, на правом берегу р. Шексны, город засви-

детельствован и археологически. Время его существования — с X по начало XV в.¹

Белоозеро не только город, названный по одноименному озеру. Исключительное географическое положение Белого озера дало название обширному району, охватывающему и бассейны связанных с ним рек. В летописях, грамотах XV—XVI вв. Белоозеро, Белозерщина, Белозерские волости, позднее — Белозерье и Белозерский край выступают как синонимы.

У В. Н. Татищева и Н. М. Карамзина мы найдем еще одно значение Белоозера. В первом томе «Истории Российской» в разделе, озаглавленном «Княжения местные», В. Н. Татищев после Новгорода и Изборска называет «Весь, или Белоозеро, в котором первый князь был Синеус»².

Итак, Белоозеро — это географический и исторический комплекс, в древности выступающий и как этническая территория одного народа — веси.

Район Белого озера, расположенного на водоразделе Беломорского, Волжского и Балтийского бассейнов, с древнейших времен связан с историей и культурой волжских, прибалтийских и вычегодско-пермских групп финно-угров. Его древнее население — весь — принадлежало к прибалтийско-финской или западнофинской группе финно-угорских народов. С раннего средневековья сюда начинают проникать славяне. Белоозеро становится частью территории, где совершался процесс сложения древнерусской и великорусской народности. Все эти факты оправдывают интерес к истории данного района,

¹ Белоозеро, или Старый город, расположено в 18 км к юго-востоку от г. Белозерска, районного центра Вологодской обл.

² В. Н. Татищев. История Российская, т. I. М.—Л., 1962, стр. 352.

тем более что по сравнению с областями летописных меря, муромы и пермян — ближайших соседей веси — территория последней изучена совершенно недостаточно. Систематическое археологическое изучение белозерской веси началось лишь в 50-х годах XX в. Это обстоятельство мешало правильной этнической интерпретации лучше изученных памятников Юго-Восточного Приладожья, исторически теснейшим образом связанного с Белозерьем.

Особенностью массового археологического материала, полученного с территории Приладожья и Белозерья, является его узкая дата — X—XIII вв. Погребальные памятники I тысячелетия н. э. на данной территории неизвестны, возможно, вследствие того, что древнее население хоронило умерших на поверхности земли или на деревьях. Поселения этого времени почти не раскапывались.

Свидетельства летописных источников о веси обрываются на X в. Это привело к мысли о полном слиянии веси со славянами, подобно тому, как это произошло с мерей и муромой. Однако лингвисты и этнографы обнаружили потомков веси в современных вепсах, заселяющих область между Ладожским и Белым озерами. В книге В. В. Пименова дана историография проблемы веси и впервые изображена этническая история веси-вепсов³. В этом ценном исследовании нашел свое отражение и накопленный к этому времени археологический материал, освещающий материальную культуру, хозяйство,

быт, погребальные обряды веси (главным образом по раскопкам курганов Юго-Восточного Приладожья).

Опубликованные данные опровергают взгляды А. Тальгрена и Н. Клеве на область веси, как на страну полудиких бродячих охотников. Оплотами цивилизации здесь были якобы варяжские крепости — фактории (Старая Ладога, Белоозеро). Раскопки городища у с. Городища Кирилловского района Вологодской области и Белоозера показали, что весь культивировала земледелие и скотоводство, имела развитые кузнечное и литейное ремесла. Привлекаемые годами Великого Волжского торгового пути, варяжские пришельцы селились на обжитых весью поселениях и быстро растворялись в местной среде.

Ряд вопросов, связанных с проблемой веси, вследствие недостаточности письменных источников и медленного накопления археологического материала еще ждет своего решения. В силу этого автор ограничил свое исследование несколькими конкретными задачами:

1 — обобщение всех археологических данных о веси, главным образом белозерской; 2 — выделение комплексов погребального обряда и инвентаря белозерской веси по памятникам X—XIII вв.; 3 — выявление локальных групп веси и их взаимоотношений со славянами в процессе движения последних на Белоозеро. Во второй части книги рассматривается история главного города страны веси — Белоозера, восстанавливаемая на основе многолетних работ белозерской археологической экспедиции под руководством автора.

³ В. В. Пименов. Вепсы. Очерк этнической истории и генезис культуры. М.—Л., 1965.

Глава первая

ВОПРОС О ВЕСИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Проблема веси, особенно ее этногенеза, относится к числу сложных и еще далеких от окончательного решения тем отечественной истории. Совсем недавно эта проблема рассматривалась исключительно на основе свидетельств письменных источников, данных исторической географии и языкознания.

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ О ВЕСИ

Весь упоминается уже в западноевропейских письменных источниках VI в. Так, готский историк Иордан^{3а} среди обитателей Европейского Севера называет Thiudos — Jnauhxis⁴ — чудь, Vasinabroncas или Vasina — весь, Merens — мерю, Mordens — мордву.

Более поздние источники западноевропейского происхождения содержат лишь единичные и весьма лаконичные сведения о веси. Адам Бременский в сочинении, датированном 1070 г., сообщает о народе аланы, или албаны, которые на своем языке называются виссы⁵. К. Тиандер⁶ полагал, что Адам Бременский, писавший свое сочинение по-латыни, название wizzi воспринял как weiss (нем. — белый) и дал латинский перевод этого слова — Albus. Адам Бре-

менский говорил также, что виссы от рождения седовласы; в стране их много собак, которые защищают ее от нападений.

Автор второго сообщения — Самсон Грамматик, «Датская история» которого относится к 1220 г., ограничился лишь упоминанием о народе vissinus (весь)⁷.

Комментируя сообщение Адама Бременского о седовласости виссов с младенчества, В. В. Пименов⁸ считает его фантастическим. Возможно, однако, что седовласость есть не что иное, как поразившая информатора Адама Бременского светловолосость народа. На этот характерный признак обращали внимание и арабские авторы, говоря о людях из стран вису (*vesu*. — Л. Г.): «Они... с голубыми глазами, с волосами как лен»⁹.

На Европейском Севере есть народ, относящийся по пигментации к самой светлой группе населения Советского Союза. Это белозерские вепсы¹⁰. О генетической связи между весью и вепсами будет сказано далее. Суммируя же приведенные выше письменные свидетельства о веси, мы приходим к выводу, что речь идет об одном из северных народов, жившем по соседству с чудью (эсты, воль) и мерей. Сведения о множестве собак в стране виссов носят характер достоверности, если учесть, что для веси, как об этом сообщают другие источники, огромное значение имела пушная охота, а это, как правило, охота с собакой.

⁷ Там же, стр. 44 и сл.

⁸ В. В. Пименов. Вепсы. Очерк этнической истории и генезис культуры. М. — Л., 1965, стр. 28.

⁹ А. Л. Монгайт. Абу Хамид-ал-Гарнати и его путешествия в русские земли в 1150—1153 гг. «История СССР», 1959, № 1.

¹⁰ Г. Ф. Дебец. Вепсы. «Уч. зап. МГУ», вып. 3. М., 1941, стр. 156—157.

^{3а} Иордан. О происхождении и деяниях гетов. «Getica». М., 1960, стр. 150.

⁴ Ф. Браун предлагает чтение: Thiudos in Aunxis, т. е. чудь между Ладожским и Онежским озерами (Aunksen-таа) (см.: Ф. Браун. Разыскания в области готско-славянских отношений, т. I. СПб., 1899, стр. 255).

⁵ И. Андерсен. История Швеции. М., 1951, стр. 39; К. Тиандер. Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906, стр. 46; I. Manninen. Die finnisch-ugrischen Völker. Leipzig, 1932, S. 71.

⁶ К. Тиандер. Указ. соч., стр. 47, 48.

Письменные источники славянского происхождения говорят о веси, тесно связанной с Белоозером: «А на Беле озере седять весь»¹¹. Начальная летопись подчеркивает, что весь являлась древнейшим дославянским населением края: «А перьвии насельници в Новегороде Словене, в Полотысте Кривичи, в Ростове Меря, в Белоозере Вось, в Муроме Мурома»¹². Сведения о веси скудны и встречаются на страницах Начальной летописи не более семи раз. Видимо, отражая древние исторические связи области Белоозера со словенами и кривичами, Начальная летопись в рассказе о событиях под 859 и 862 г. упоминает весь в перечне северной группы племен, выступавших совместно против варягов и также сообща участвовавших затем в их «призвании».

Последний раз «Повесть временных лет» упоминает о веси под 882 г. в связи с походом Олега на Смоленск, Любеч и Киев. В этом походе, закончившемся вокняжением Олега в Киеве, участвовали варяги, чудь, словене, меря, весь, кривичи¹³. В более позднее время (1071 г.), говоря о событиях в Белозерском крае и Белоозере, летопись называет его население уже не весью, а белозерцами. Как заметил еще Д. В. Бубрих, весь в летописи упоминается «всегда в числе волжских этнических групп, после мери»¹⁴.

«Повесть временных лет», содержащая сведения о веси, была составлена около 1113 г. в Печерском монастыре и сохранила следы древнейших редакций 1116 и 1118 гг.¹⁵ Очевидно, киевскому летописцу были известны по имени те группы веси, которые входили в пределы ростовских владений¹⁶. Летописные списки новгородского происхождения, восходящие к реконструированному А. А. Шахматовым древнейшему своду середины XI в.¹⁷, не содержат упоминания о веси. В рассказе о северной группе племен, объединенных вокруг Новгорода в борьбе с варягами и названных летописью «людьми новгородскими», упомянуты, кроме словен, кривичи, меря, чудь¹⁸. Варяги «насиле деяху словенем, кривичем и мерем и чуди. И всташа словене и кривицы и меря и чудь на варяги и изгнаша я за море»¹⁹.

Существуют различные мнения о чуди, упоминаемой новгородскими летописями в связи с «варяжской легендой».

1. Чудь — позднейшая вставка в новгородский текст²⁰.

2. Чудь — прибалтийские эсты²¹. Источники не дают, однако, указаний на то, что эстонская чудь входила в состав Новгородской обл., подобно ижоре, кареле, Ладогере, Пскову²². Чудь эстонская, например, никогда не входила в состав новгородского войска²³. Тесного союза у словен с эстами в столь раннее время, вероятно, не было. Поход Ярослава из Киева в земли эстов в 1030 г. также не привел к установлению прочных отношений. Походы за даяниями из Новгорода и Киева к эстам упоминаются в источниках под 1054, 1055 и 1060 гг.

3. Чудь — это вепсы Юго-Восточного Приладожья. Д. В. Бубрих указывал, что славяне не распространяли название «вьсь» на родственное последнее население между Свирью и Волховом²⁴. Оно, вероятно, и скрывалось под именем «чудь»²⁵.

Несмотря на собирательное значение термина (под ним летописи упоминают эстов, воль и чудь заволочскую), имеются документальные подтверждения тому, что русские называли чудью и вепсов Белоозера²⁶ (см. также стр. 13). Эту мысль аргументировал В. В. Пименов²⁷. А. В. Куза привел ряд соображений в пользу отнесения термина «чудь» новгородской легенды о «призвании» варягов приладожским вельсам²⁸.

В данном случае важно отметить, что русские летописные источники говорят о веси (как восточной, белозерской, так, очевидно, и западной) в связи с крупнейшими событиями Древней Руси. В. В. Мавродин полагал, что летопись сообщает о реально существовавшем «могучем племенном союзе» чуди, мери и веси, сплотившихся вокруг Новгорода в борьбе против засилья варягов²⁹. Л. С. Лихачев также считает ве-

²⁰ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 292—293.

²¹ «Очерки истории СССР». М., 1953, стр. 688—690.

²² А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, стр. 83.

²³ Там же, стр. 71.

²⁴ Д. В. Бубрих. Происхождение карельского народа, стр. 24—25.

²⁵ Там же, глава «Чудь».

²⁶ Д. В. Бубрих. Русское государство и формирование карельского народа. «Прибалтийско-финское языкознание», вып. 5. Л., 1971, стр. 10.

²⁷ В. П. Пименов. Указ. соч., стр. 117—171.

²⁸ А. В. Куза. Новгородская земля. Доклад на секторе славяно-русской археологии ИА АН СССР 7 января 1971 г.

²⁹ В. В. Мавродин. Образование Древнерусского государства. Л., 1945, стр. 206—209.

¹¹ ПСРЛ, т. VIII. СПб., 1859, стр. 160.

¹² ПВЛ по Лаврентьевскому списку. СПб., 1910, стр. 19.

¹³ Там же, стр. 22.

¹⁴ Д. В. Бубрих. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947, стр. 24—25.

¹⁵ Д. С. Лихачев. Русские летописи. М., 1947, стр. 147—151, 429.

¹⁶ П. Н. Третьяков. У истоков древнерусской народности. Л., 1970, стр. 145.

¹⁷ Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963, стр. 189—190, 198—199.

¹⁸ НПЛ старшего и младшего изводов. М., 1950, стр. 106.

¹⁹ Там же.

роитным политический союз племен, на которых варягами была возложена дань. Этот политический союз народная легенда могла превратить в кровное родство князей. По словам Л. С. Лихачева, Рюрик, Трувор, Синеус были, возможно, племенными князьями славян, кривичей и мери (веси? — Л. Г.) варяжского (Рюрик, Трувор) и местного (Синеус) происхождения. Л. С. Лихачев относит «к народной основе, возможно, совпадающей с исторической правдой...имена трех „варягов“ и указания на места, где эти „варяги“ сидели»³⁰.

Упоминание Белоозера в числе древнейших северных городов — Ладоги, Новгорода, Изборска, Ростова, в которых появляются варяжские «находницы», видимо, соответствовало его реальному историческому значению.

Белоозеро, как и Ростовский край, находилось в сфере новгородского политического влияния, вероятно, в течение всего X в. А. Н. Насонов считает, что киевское преобладание над северо-востоком «устанавливается предположительно уже после того, как оно установилось над Новгородом»³¹.

В условиях складывающихся феодальных отношений политическое подчинение веси выражалось в уплате дани. «Повесть временных лет» сообщает об этом так: «А се суть инии языци, иже дань дают Руси: Чюдь, Меря, Весь, Муром, Черемись, Мордва»³².

А. Н. Насонов полагал, что дань на Русь с северо-восточных земель в X в. доставлялась через Новгород³³. Это обстоятельство объясняет особые отношения с северными славянами, сложившиеся у местного населения Белозерского и Ростовского краев.

Более подробные сведения сообщают о стране веси восточные авторы X—XIV вв. Они получали свою информацию от волжских булгар, куда неоднократно проникали арабские торговцы, путешественники и дипломаты. О стране Вису, Ису, или Весу, и ее народе упоминали Ибн-Фадлан, Бируни, Марвази, Абу Хамид-ал-Гарнати, Якут Ибн-Абдуллах, Казвини, Ибн-Батута и др.

Интересно сопоставить рассказы арабских путешественников X и XII вв., живших в Булгаре

и видевших там людей из страны Вису. Так, Ибн-Фадлан, посетивший Булгар в 922 г., пишет, что за страной Булгар «на расстоянии трех месяцев пути есть люди (народ), которых называют вису. Ночь у них меньше часа»³⁴. «У них [булгар.— Л. Г.] много купцов, которые отправляются... в страну, называемую Вису, причем привозят соболей и черных лисиц»³⁵. Ибн-Фадлан сообщил также о великане с севера, который приплыл по Волге во владения булгар. По этому поводу царь булгар, как он рассказывал Ибн-Фадлану, «написал к людям Вису — а они от нас на расстоянии трех месяцев, — спрашивая их о нем. Они же написали ко мне, извещая меня, что этот человек (муж) из числа Яджуд и Маджуд»³⁶.

Арабский купец и путешественник Абу Хамид-ал-Гарнати посетил Булгар в 1136 и 1150 гг.³⁷ Он рассказывает об областях Вису и Арв³⁸, которые зависят от Булгар и платят ему дань. Между ними и Булгаром расстояние в один месяц пути³⁹. «В этой области охотятся за бобром, горностаем и белкой. День длится там летом 22 часа. Оттуда вывозят очень хорошие и прекрасные шкурки бобра». Абу Хамид сообщает далее, что булгары ведут большую торговлю клинками мечей⁴⁰. «Эти мечи приво-

³⁴ «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу». Перев. и комм. под ред. акад. П. Ю. Крачковского. М.—Л., 1939, стр. 206а. В. В. Пименов справедливо считает, что сообщение Ибн-Фадлана о коротких летних почвах в стране Вису подтверждает правильность локализации последней на севере. См.: В. В. Пименов. Указ. соч., стр. 32.

³⁵ «Путешествие Ибн-Фадлана...», стр. 207б.

³⁶ Легендарные народы Гог и Магог (там же, 208а).

³⁷ А. Л. Монгайт. Указ. соч., стр. 170.

³⁸ Область Арв, по А. Л. Монгайту, — Арская земля русских летописей, населенная предками удмуртов.

³⁹ Вероятно, расхождение в сроках пути (3 месяца у Ибн-Фадлана) можно объяснить тем, что при путешествии на север вверх по Волге и Шексне затрачивалось гораздо больше времени, чем при возвращении.

⁴⁰ По Д. Х. Хвольсону и А. Л. Монгайту, необделанные железные клинки употреблялись для гарпунной охоты на китов. Свообразной иллюстрацией к рассказу Абу Хамида является «клад», найденный в 1908 г. у дер. Алферовской на р. Устье, притоке р. Ваги (быв. Вельский уезд Вологодской губ.). Он состоял из 11 перержавевших ножевых клинков, складных весов, наконечника копыя, двух кусков воска и четырех предметов, которые издатель считал разновесками. Среди них две круглые свинцовые матрицы (?), заключенные в латунную обойму с изображениями льва с хвостом в виде пальметки и двух птиц, обращенных друг к другу. Аналогичные находки известны в Болгарии Волжской; по широко распространенному сюжету они относятся к XI—XII вв. Такую же дату по аналогии с находками в Саркеле — Белой Веже и на Белоозере имеет бусина, покрытая сплошной инкрустацией из разноцветного стекла (М. Едемский. О старых торговых путях на

³⁰ Л. С. Лихачев. Легенда о призвании варягов и политические тенденции русского летописания второй половины XI — начала XII в. Доклад, зачитанный на симпозиуме в Москве (Дания) в октябре 1968 г. Однако имя Синеус, по мнению Б. А. Рыбакова, буквально переводится как sine hus — «свой род», что соответствует тексту Новгородской летописи: «...Изобрашеса три брата с роду своим...» (см.: Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 293).

³¹ А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 174.

³² ПВЛ, стр. 10.

³³ А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 175.

зятся из мусульманских земель в Булгарию с большой прибылью для торговли; потом они из Булгарии вывозятся в Вису, страну бобров, и из Вису их привозят в Юра, где продают за куньи и собольи шкурки и за рабов и отроков». Абу Хамид, видевший в Булгаре обитателей Вису и Арв, так описывает их внешность: «Они розового цвета, с голубыми глазами, с волосами как лен. Они носят одежду из льна, защищающую их от холода, а некоторые носят одежду из шкурок прекрасного бобра мехом наружу».

Некоторые сведения, сообщаемые Абу Хамидом, например относительно дани, взимаемой Булгарией Волжской со страны Вису в XII в. (?), кажутся архаичными. Однако факт захвата булгарами Устюга в 1219 г.⁴¹ свидетельствует, что территории по рекам Югу и Сухоне лежали в сфере интересов булгар. Торговые отношения сопровождались попытками установления поборов и даней.

Заслуживает внимания, что и в XII в. булгары называли своего активного посредника в торговле с далекими обитателями побережья Белого моря и Ледовитого океана — страну Вису — ее древним именем, в то время как в русских источниках оно уже давно исчезло. Возможно, это обстоятельство не только указывает на сохранение традиционных экономических связей с известной территорией, но и свидетельствует о жизнестойкости местного древнего этнического компонента веси — вепсов.

В правомерности отождествления вису с вёсью русских летописей у исследователей не возникало сомнений. Подавляющее большинство историков, вслед за известным востоковедом акад. К. Френом, считают, что страна Вису — область, расположенная к северу от верхней Волги⁴². А. Н. Насонов писал определеннее: «Белоозеро — страна веси»⁴³. Гипотеза Ф. Вестберга, отождествившего вису с югрой, поддержанная в 1941 г. М. В. Талицким⁴⁴, успеха не имела. Восточные авторы различают вису и югру (юру). Бируни указывал, что расстояние от вису до югры равно 12 дням пути.

А. П. Смирнов доказал, что данные летописи, помещающие мерю на Ростовском озере, а

мордву, мурому, черемис — по течению Оки, подтверждаются археологически⁴⁵. Поэтому нет оснований сомневаться в правильности помещения веси на Белом озере. Летопись различает весь и югру. В «Повести временных лет» югра упоминается рядом с самоядью, за горами, которые «зашли за луку моря» (Уральский хребет.— Л. Г.). В «Житии» Стефана Пермского югра и пещера названы вместе на р. Печоре. На своей карте (рис. LXI) А. П. Смирнов размещает вёсь-вису между районом Белого озера и Северной Двиной. Пересматривая восточные источники, А. П. Смирнов доказывает преимущественно западное направление торговли булгар, осуществлявшейся по Волге и через территорию веси. Свидетельством этого являются наиболее ранние клады восточных монет (до X в.), которые известны по Мологе и Шексне⁴⁶. Ювелирных и других булгарских изделий на Средней Каме меньше, чем на Волге, утверждает А. П. Смирнов. Важны находки булгарской круговой керамики в Муроме, Ярославском Поволжье, Белоозере и Приладжье в X — начале XI в.⁴⁷

Недавно А. П. Новосельцев пересмотрел арабские источники, содержащие сведения о трех группах руссов IX в.⁴⁸ Он сопоставил отрывки из сочинений арабских авторов X—XII вв., восходящих к географу Ал-Балхи (умер в 30-х годах X в.). Две группы руссов — Куйаба и Асс-Славийя — большинством исследователей отождествляются с Киевом и областью словен новгородских. Третья группа — Артанья, или правильнее Арсанья, Арса. О ней говорится следующее: «Неизвестно, что кто-нибудь из чужеземцев достигал ее, так как там они (жители) убивают всякого приходящего в их землю. Лишь сами они спускаются по воде и торгуют, но не сообщают никому ничего о делах своих и своих товарах и не позволяют никому сопровождать их и входить в их страну. И вывозятся из Арсы черные соболя и олово (свинец?)»⁴⁹.

Существует не менее одиннадцати точек зрения на местоположение этой страны.

Большинство современных востоковедов — сторонники северного расположения Арсы. Об этом же говорит и один из отрывков Ал-

Севере. ЗОРСА, т. IX. СПб., 1913, стр. 39—43, рис. 1, 2, 5).

⁴¹ ПСРЛ, т. XXXV. М.—Л., 1949, стр. 116.

⁴² А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 225 (вопрос о вису).

⁴³ А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 179.

⁴⁴ М. В. Талицкий. К этногенезу коми. КСИИМК, вып. IX, 1941, стр. 47.

⁴⁵ А. П. Смирнов. Указ. соч., стр. 225—231.

⁴⁶ В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956, рис. 5, 7.

⁴⁷ Л. А. Голубева. Белоозеро и волжские болгары. Сб. «Древности Восточной Европы». М., 1969, стр. 40—43.

⁴⁸ А. П. Новосельцев. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. Сб. «Древнерусское государство и его международное значение». М. 1965, стр. 418—419.

⁴⁹ Там же, стр. 419.

Истрахи: «Земля Арты прилежала к северной необитаемой пустыне»⁵⁰. На это же указывают предметы вывоза — меха и олово (свинец?). А. П. Новосельцев предполагал, что олово могли вывозить через страну Арса с Урала или Балтики. Е. Н. Черных, к которому автор обратилась за консультацией, исключает Урал и называет Британию и Германию, где имелись месторождения и наиболее крупные в средневековой Европе промышленные разработки олова и свинца. Олово есть и в Карелии, однако достоверных сведений о его древних разработках нет.

Руководясь соображениями о составе вывоза, А. П. Новосельцев предлагает отождествить Арсу с районом Верхнего Поволжья. Возможные центры этого района, по его мнению, — Белоозеро или Сарское городище — предшественник Ростова.

Предположение об отождествлении Белоозера с Арсой поддержал в 1969 г. В. А. Кучкин⁵¹. Отмечая, что древнейшее славянское освоение Верхнего Поволжья шло из области славян новгородских, он полагает, что феодальное освоение Белоозера и Ростовской земли началось в X в. из Новгорода. Белоозеро явилось первоначальным центром распространения феодальных дапей и суда на данной территории. Впоследствии «значение главного — „старшего“ города области от Белоозера переходит к Ростову»⁵².

Белоозеро являлось ближайшей к булгарам областью веси. Благодаря своему исключительно выгодному расположению на одном из ответвлений великого волжского пути оно рано стало экономическим и политическим центром земли веси. Поэтому можно предположить, что сведения арабских источников о стране Вису имеют самое непосредственное отношение к Белоозеру.

Отождествление земли веси с Белоозером, наблюдаемое в русских летописях, также объясняется не только ранним знакомством славян с областью Белоозера, но и большим значением последнего в древности.

ВЕСЬ — ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОЕ ПЛЕМЯ

Весь рано исчезла со страниц нашей летописи. Отсюда историки сделали вывод о полной ассимиляции ее славянами, как это произошло с

⁵⁰ Там же, стр. 498.

⁵¹ В. А. Кучкин. Ростово-Суздальская земля в X — первой трети XIII в. (центры и границы). «История СССР», 1969, № 2, стр. 63.

⁵² Там же, стр. 94.

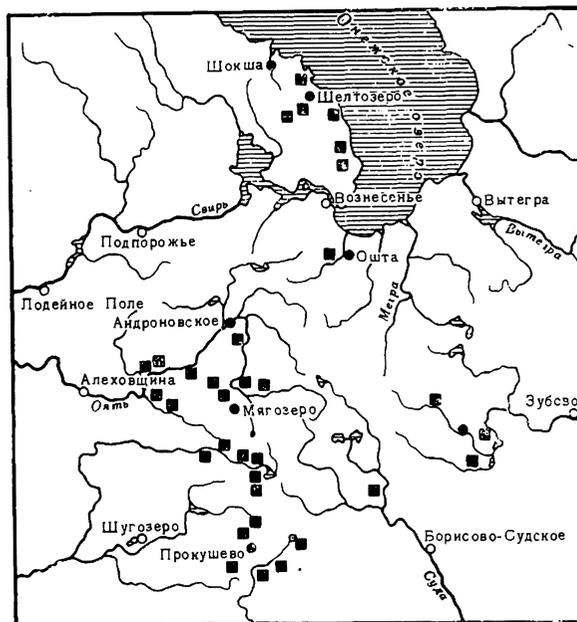

Рис. 1. Схema современного расселения вепсов (по В. В. Пименову)

мерей и муромой. Это положение, высказанное еще Н. М. Карамзиным, было до недавнего времени широко распространенным. В. В. Пименов подробно осветил, как медленно пробивала себе дорогу другая точка зрения о том, что весь не исчезла бесследно, а оставила своих потомков в лице народа вепсов⁵³.

Вепсы — небольшая народность прибалтийско-финской языковой группы, живущая чересполосно с русскими в верховьях рек Ояти, Суды, западнее Белого (рис. 1) и по юго-западному побережью Онежского озера⁵⁴. Еще в XIX в. вепсы заселяли также среднее течение Ояти, Свирь, значительную часть быв. Тихвинского и Белоозерского уездов⁵⁵. В древности район их обитания был еще обширнее.

Среди южных (оятских) вепсов сохранилось самоназвание вепсá, вепсь. На генетическую связь этнонимов вепсы — весь впервые обратил внимание академик А. И. Шегрен более 130 лет назад. Н. И. Богданов доказал закономерность фонетического сближения терминов «вепсá» и «весь» русских летописей⁵⁶. Вопрос преемст-

⁵³ В. В. Пименов. Указ. соч., стр. 1—53.

⁵⁴ Н. И. Богданов. К истории вепсов. «Изв. Карело-Финского филиала АН СССР», 1951, № 2, стр. 25—27, рис. 1; В. В. Пименов. Указ. соч., рис. 1.

⁵⁵ З. П. Малиновская. Из материалов по этнографии вепсов. «Западнофинский сборник». Л., 1930, стр. 164—167, табл. V.

⁵⁶ Н. И. Богданов. К истории вепсов, стр. 26; он же. Народность вепсы и их язык. «Труды Карельского филиала АН СССР», вып. XII, 1958, стр. 13.

венности веси — вепсов рассматривали многие русские и советские этнографы, лингвисты и археологи: Д. А. Золотарев, Н. Н. Попов, Г. А. Старцев, З. П. Малиновская, Д. К. Зеленин, Д. В. Бубрих, А. И. Попов, Н. И. Богданов, М. И. Хаммеляйнен, П. А. Аристе, Х. А. Моора.

Проследившая географическое распространение этнонима весь, Н. П. Барсов указал на обширность его ареала, достигавшего на западе Ладожского озера и р. Волхова (рис. 2)⁵⁷.

В. В. Пименов по окладной книге Вотской пятины установил множество новых топонимов, этимологизирующихся из вепского языка и этнонимов веси (вепсь) вокруг Ладожского и Онежского озер⁵⁸. Богата этнонимами весь и местность по среднему течению Шексны, Мологи, Колпи, Тверцы⁵⁹. Названия Весцо, Вески, Весково встречены также в Верхнем Поволжье и даже южнее Волги. Подчеркивая, что этнонимам свойственно удерживаться главным образом на этнографических порубежьях, Н. П. Барсов указывал на чересполосность вепско-мерских этнонимов по Волге от устьев Шексны и Мологи к устьям Медведицы и Шоши.

Весь в русском языке имеет и второе значение — «деревня» (близкое финскому *vesi* — «вода»). Но, как указывал Н. П. Барсов, весь в смысле «деревня» в Начальной летописи упомянута всего один раз⁶⁰. Это речение мало распространено у восточных славян и встречалось лишь в новгородских говорах.

В общих чертах ареал этнонима весь, несомненно, очерчивает территорию, где в разное время эта народность соприкасалась с пноязычными соседями.

В настоящее время вряд ли нуждается в доказательствах обоснованное рядом лингвистов, в первую очередь М. Фасмером, положение о том, что дославянская гидронимия Новгородской земли и Белозерья — прибалтийско-финского или западно-финского происхождения⁶¹. Столь же убедительно свидетельствует об этом и анализ местных топонимических названий⁶². Районы наибольшей концентрации топонимов,

этимологизирующихся из вепского языка, Юго-Восточное Приладожье и Белозерье совпадают с местами, где в настоящее время или в историческом прошлом обитали вепсы. Таковы многочисленные вепские топонимы указанные Н. И. Богдановым для Ояти и бас сейна Свири, где сейчас живут русские⁶³.

А. И. Попову удалось выявить в Белозерье десятки гидронимов и топонимов, объясняющихся из вепского языка. При этом им использованы данные писцовых и переписных книг XVI и XVII вв. по быв. Кирилловскому уезду⁶⁴. Вепский язык в XVI в. был живым языком для значительной части населения Белоозера. Так проезжавший в 1517 или 1526 г. через Белоозеро С. Герберштейн отмечал, что «жители этой местности имеют особый язык, хотя ныне почти все говорят по-русски»⁶⁵.

Исследования топонимии района от Свири до Белозерья позволили А. И. Попову и Н. И. Богданову утверждать, что жившее здесь древнее население говорило на одном языке — вепском. А. М. Матвеев также не сомневается в том, что перед приходом славян Белозерский край был занят вепсами⁶⁶. До настоящего времени компактная группа вепсов живет всего в 50—60 км от западного побережья Белого озера. А. К. Матвеев указал, что семь из названных А. И. Поповым и Н. И. Богдановым собственно прибалтийско-финских терминов отсутствуют в волжских, пермских и угорских языках: лахта, лохта — залив; matka, мотка — путь, волок; нема (нем, мепь, мсня) — мыс, наволоок; оя (ой, уя, уй, бой, буй) — речка, ручей; сара, сора — разветвление, рукав реки; пелда — поле; рандаранд — берег).

Пять первых повторяются множество раз на территории между Ладожским, Онежским и Белым озерами и нижним течением Шексны, составляя основной фон топо- и гидронимических названий. Два последних встречаются тоже широко, но реже. Отсутствует в угорских языках и прибалтийская по происхождению основа *перт* — *пзба*. Этот термин широко известен в окрестностях Онежского, Ладожского и Белого озер. Близ Череповца есть деревня Пертовка.

Для рассматриваемой территории весьма характерны также прибалтийско-финские топо- и гидронимические названия, относящиеся к животному миру. Таковы р. Мягрица и ручей

⁵⁷ Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885, стр. 49—52.

⁵⁸ В. В. Пименов. Указ. соч., рис. 2, стр. 36—37.

⁵⁹ Г. И. Виноградов. История Череповецкого края. Белозерск, 1925, стр. 7—9; А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.—Л., 1951, стр. 6; В. В. Пименов. Указ. соч., стр. 36—37, рис. 2.

⁶⁰ Н. П. Барсов. Указ. соч., стр. 266.

⁶¹ В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвипья. М., 1970, рис. 1.

⁶² А. И. Попов. Топонимическое изучение Восточной Европы; *он же*. Топонимика Белозерского края. «Уч. зап. ЛГУ», серия востоковедческих наук, № 105, вып. 2. Л., 1947.

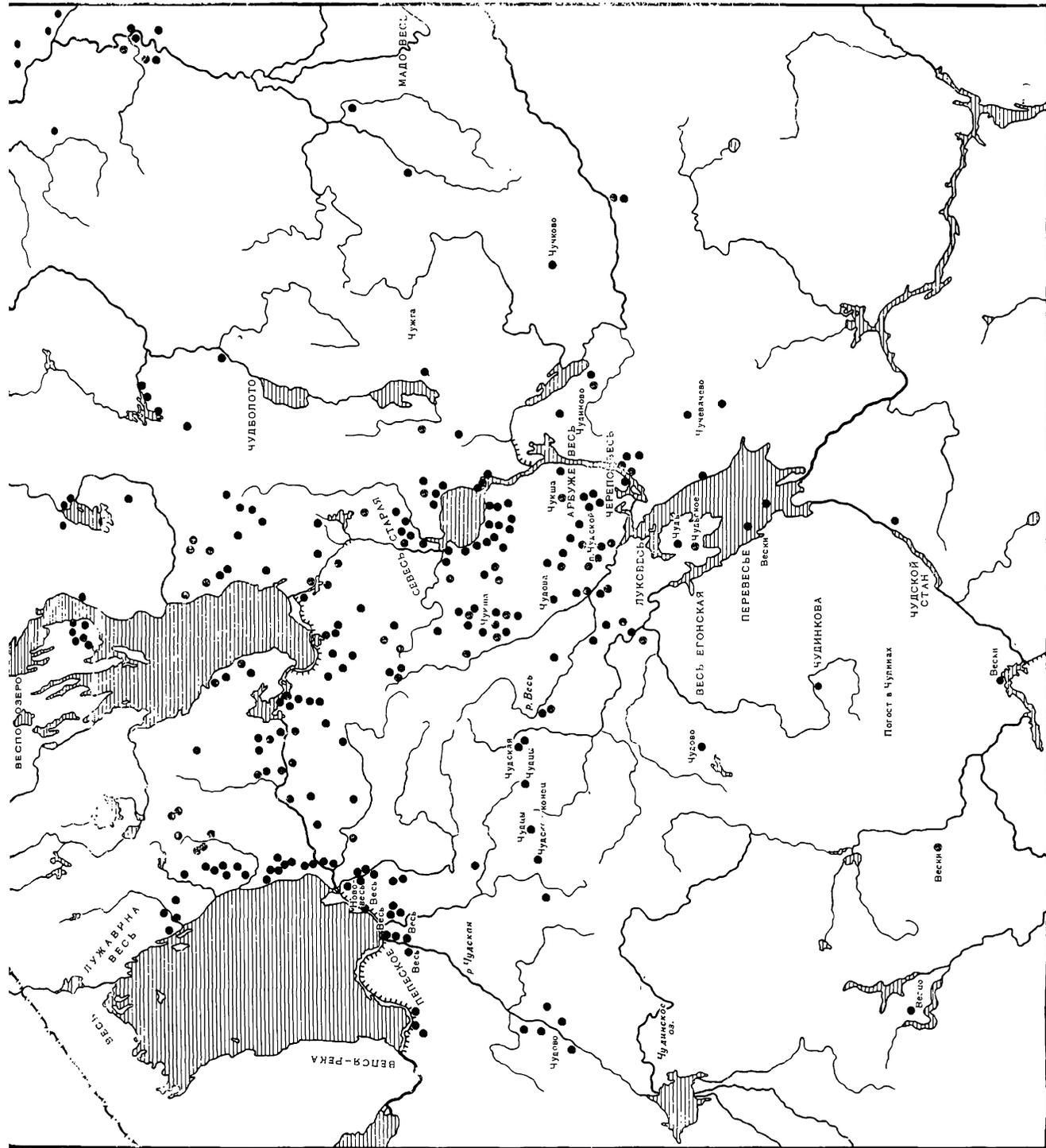
⁶³ Н. И. Богданов. К истории вепсов, стр. 27—31.

⁶⁴ А. И. Попов. Топонимика Белозерского края, стр. 169—174.

⁶⁵ С. Герберштейн. Записки о московитских делах Перев. А. И. Малеипа. СПб., 1901, стр. 122—123.

⁶⁶ А. К. Матвеев. Происхождение субстратной топонимии Русского Севера. ВЯ, 1969, № 5, стр. 45.

Рис. 2. Распространение топонимов, эти-мологизующихся из вепского языка, и этнонимов «весь» и «чудь», по данным Н. П. Барсова, А. И. Попова, Н. И. Богданова, А. И. Коганева, В. В. Пименова, А. К. Матвеева с дополнениями автора

Мягрой — в бассейне Паши; оз. Мегрское, р. Мегра и одноименный населенный пункт у Онежского озера; р. Мегра, впадающая в Белое озеро; населенные пункты Мегрино близ р. Чагодоши и Мягра на р. Волхове — от вепского *mägr* — барсук.

Столь же широко распространены названия с основой *карг*: карельск. (ливв.) фолькл. *karhu* — медведь⁶⁷. Это ручей Карголовский в бассейне р. Сясь, Каргозеро — западнее Белоозера и восточнее оз. Чарондского; Каргач — западнее г. Кириллова, а также Каргачь — ручей, Каргобода, Каргободка, Каргободь — деревни и волости близ Кирилло-Белозерского монастыря⁶⁸; Карголома — волость в Белозерье⁶⁹, Каргулино — деревня на Шексне, Каргополь — город.

Так же часто встречаются здесь «медвежьи» названия рек, озер и населенных пунктов на русском языке. А. К. Матвеев указывает на многочисленные соответствия собственно прибалтийско-финским терминам данной территории в саамском языке⁷⁰. Характерно также, что ряд гидронимов, например Печеньга (название притоков Вологды, Кубены и Суды), имеют саамскую основу *пече* — сосна⁷¹.

Основной вывод А. К. Матвеева: Белозерский край и регион восточнее, включающий Северную Двину, до прихода славян был заселен прибалтийско-финскими племенами (вепсами, небольшими группами карельского происхождения и саамами). Угорские племена в субстратной топонимии данной территории явственных следов не оставили⁷².

Восточнее Белоозера число топонимов, этимологизирующихся из вепского языка, заметно сокращается. В. В. Пименов отметил также, что степень прибалтийско-финских заимствований в русских диалектах Севера в направлении к востоку и северу сильно уменьшается, хотя на Каргопольщине и в низовьях Северной Двины ощущается достаточно отчетливо⁷³. Вероятно, это обстоятельство можно объяснить предположением, что в древности здесь обитали значительные группы вепского населения.

Еще Д. В. Бубрих предполагал, что население Северной Двины (чужь заволочкая) во-

шло в группу вепских племен⁷⁴. А. И. Попов убежден в том, что «древневепский (вепский) язык был несколько столетий назад широко распространен в Заволочье, в Коми крае...»⁷⁵ Недавно на р. Пинеге, правом притоке Северной Двины, Г. Я. Семина⁷⁶ обнаружила «великолепные образцы географических названий чисто вепского происхождения»⁷⁷. А. К. Матвеев также утверждал, что язык чуди заволочской следует сблизить с прибалтийско-финскими языками⁷⁸.

Позднее он отмечал, что по среднему течению Пинегы и в бассейне Ваги имеются топонимы вепского облика, а в бассейне средней Сухоны есть доказательства существования «прибалтийско-финской колонии»⁷⁹. На притоке Ваги р. Верхней Кокшеньге в XV в. было с. Мадовсе⁸⁰.

Граница между прибалтийско-финскими и пермскими топонимами, по мнению А. К. Матвеева, проходит по восточным районам Заволочья, принадлежащим Коми АССР⁸¹.

В настоящее время вепсы и коми не являются соседями. Однако в древности контакты между предками коми (зыряи) и предками вепсов, несомненно, существовали. Об этом свидетельствует наличие среди коми-зырян бело-морского и восточнобалтийского (характерного для вепсов) антропологических типов⁸², в то время как другим группам коми свойственны вепско-камский сублапоидный тип, занимающий промежуточное положение между европеоидами и монголоидами. На значительное количество общих черт в домостроительстве, одежде и обрядах между вепсами и коми-зырянами указывает В. В. Пименов⁸³. Это подтверждают

⁷⁴ Д. В. Бубрих. Происхождение карельского народа, стр. 28.

⁷⁵ А. И. Попов. Основные задачи исследования финно-угорской и самодийской топонимики СССР. Сб. «Вопросы финно-угорского языкознания». М.—Л., 1964, стр. 206.

⁷⁶ Г. Я. Семина. Дославянская топонимика Пинегы «Вопросы географии», 1962, № 58.

⁷⁷ А. И. Попов. Основные задачи исследования..., стр. 206.

⁷⁸ А. К. Матвеев. К проблеме происхождения севернорусской топонимики. Сб. «Вопросы финно-угорского языкознания», стр. 191.

⁷⁹ А. К. Матвеев. Происхождение субстратной топонимики Русского Севера, стр. 45.

⁸⁰ Л. А. Зарубин. Важская земля в XIV—XV вв. «История СССР», 1970, № 1, стр. 186.

⁸¹ А. К. Матвеев. Происхождение субстратной топонимики Русского Севера, стр. 51; *он же*. Пермские элементы в субстратной топонимике Русского Севера. СФУ, 1968, № 1.

⁸² Н. Н. Чебоксаров. Этногенез коми в свете антропологических данных. КСИИМК, вып. IX, 1941, стр. 54—58; *он же*. Этногенез коми по данным антропологии. СЭ, 1946, № 2.

⁸³ В. В. Пименов. Указ. соч., стр. 110—112.

⁶⁷ А. К. Матвеев. Указ. соч., стр. 44.

⁶⁸ «Агты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.», т. II. М., 1958, стр. 646.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ А. К. Матвеев. Указ. соч., стр. 43.

⁷¹ А. К. Матвеев. Угорская гипотеза и некоторые проблемы изучения субстратной топонимики Русского Севера. Сб. «Вопросы финно-угроведения», вып. V. Йошкар-Ола, 1970, стр. 121.

⁷² Там же, стр. 124.

⁷³ В. В. Пименов. Указ. соч., стр. 158—161.

и прибалтийско-финские заимствования в коми-зырянском языке⁸⁴.

На территории с вепской топо- и гидронимией встречается и этноним «чудь». Несмотря на широкое (от Прибалтики до Западной Сибири) распространение и собирательное значение этого термина, в качестве самоназвания он зафиксирован только у вепсов, эстов и води.

Русские Севера обозначали также вепсов словом «чухарь». По мнению Р. А. Агеевой, «слова чудь, чухнь, чухарь семантически связаны с названием глухаря в западных прибалтийско-финских и саамских языках»⁸⁵, что восходит к образу птицы-тотема. Д. В. Бубрих указывал, что русские источники XVII в., восходящие к XIII и XIV вв., называли чудью не только эстов и води, но приладожскую и белозерскую весь, а также финское (вепское) население юго-восточного побережья Онежского озера⁸⁶. В других русских источниках XV и XVI вв. упоминается ряд этнонимов чуди в окрестностях Белого озера⁸⁷, есть они и на реках Тверце и Медведице, в Верхнем Поволжье (рис. 2).

В. В. Пименов не сомневается в том, что этнонимы чуди, о которых говорилось выше, соответствовали действительному расселению вепсов. По его мнению, закрепившееся за местным населением района Каргополя название «чудь белоглазая» также свидетельствует о присутствии в данном районе в прошлом вепсов. Картографируя источники фольклорных преданий и средневековых упоминаний о чуди, В. В. Пименов указывает на совпадение их в общем с ареалом веси, устанавливаемым по данным языкознания и этнографии⁸⁸. Как мы уже видели, этот ареал, простиравшийся от Приладожья до Северной Двины, огромен. Не будет ошибкой предположить, что степень концентрации веси на этой территории была весь-

ма различной. Кроме того, в процессе этнической консолидации весь, вероятно, включала в себя различные племенные образования, и ее имя можно рассматривать (в известной мере и на различных территориях) как собирательное. Так, на западных и северо-западных границах своего ареала весь смешивалась с карелами — людиками и ливвиками, на востоке — с предками коми, на севере и северо-востоке — с саамами⁸⁹, на юге — с мерей.

Возвращаясь к установившемуся мнению о том, что верхний пласт субстратной топонимии Русского Севера создан прибалтийскими финнами, отмечаем, что лингвистический анализ позволяет говорить об уже сложившихся языках саамов, карел, вепсов — веси.

Накануне русского заселения этих мест те и другие выступают как самостоятельные этнические образования — племена и народности (весь). Прибалтийско-финский характер языка вепсов — веси проливает определенный свет на происхождение последней.

Между тем в прошлом высказывались и другие точки зрения относительно языка веси, взаимно исключаящие друг друга. Так, Д. П. Европеус утверждал, что весь говорила на угорском языке и потому не может рассматриваться в качестве предка вепсов^{89а}. Он причислял весь, как и мерю, к уграм (вогулам).

С. К. Кузнецов, относя весь к одной из ветвей мери, считал последнюю тождественной мари — черемисам⁹⁰, т. е. волжским финнам. Эти ошибочные взгляды объясняются как предвзятостью исторических концепций авторов, так и несовершенством приемов лингвистического анализа. За прошедшее столетие современное финно-угроведение ушло далеко вперед. Взгляды Д. П. Европеуса выглядят теперь не только ненаучными, но и фантастическими^{90а}.

⁸⁴ И. И. Лыткин. Вепско-карельские заимствования в коми-зырянских диалектах. Сб. «Академику В. В. Виноградову». М., 1956; *он же*. К вопросу о прибалтийско-финских заимствованиях в коми-зырянских диалектах. «Труды Карельского филиала АН СССР», вып. XXXIX, 1963; Г. Н. Макаров. К проблеме прибалтийско-финских и коми-зырянских языковых контактов. «Всесоюзная конференция по финно-угроведению». Петрозаводск, 1965, стр. 76—77; В. А. Сорвачева. К вопросу о влиянии прибалтийско-финских языков на северо-западные диалекты коми-зырянского языка: «Тезисы III Международного конгресса финно-угроведения в Таллине». Таллин, 1970, стр. 125.

⁸⁵ Р. А. Агеева. Об этнониме чудь (чухна, чухарь). Сб. «Этнонимы». М., 1970, стр. 198—199.

⁸⁶ Д. В. Бубрих. Происхождение карельского народа, стр. 24.

⁸⁷ А. И. Копанев. Указ. соч., стр. 249; «Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией», т. V. СПб., 1910, стр. 61—72.

⁸⁸ В. В. Пименов. Указ. соч., стр. 10, 152—153, 183.

⁸⁹ А. К. Матвеев. Историко-этимологические разыскания. «Уч. зап. Уральского гос. ун-та», вып. 36. Свердловск, 1960, стр. 118; *он же*. Субстратная топонимика Севера. ВЯ, 1964, № 2, стр. 72; *он же*. Происхождение субстратной топонимии Русского Севера, стр. 45, рис. 1.

^{89а} Д. П. Европеус. К вопросу о народах, обитавших в Средней и Северной России до прибытия славян. ЖМНП, 1868, т. СXXXIX, июль, отд. 2, стр. 55—71; *он же*. О курганных раскопках около погоста Бежец в Бежецком уезде Тверской губернии. ЖМНП, 1872, т. CLXIV, декабрь, отд. 2, стр. 376—387; *он же*. Об угорском народе, обитавшем в Средней и Северной России. в Финляндии и в северной части Скандинавии до прибытия туда их нынешних жителей. «Труды II АС», вып. I. СПб., 1876, отд. IV, стр. 81—103.

⁹⁰ С. К. Кузнецов. Русская историческая география. М., 1940, стр. 154—163.

^{90а} А. И. Попов. Топонимика Белозерского края, стр. 168; А. К. Матвеев. Угорская гипотеза..., стр. 116—124.

ПОИСКИ ПАМЯТНИКОВ ВЕСИ

Несмотря на раннее упоминание веси в письменных источниках (с VI в.), она долго оставалась загадкой для археологов и историков. Памятники веси были неизвестны, поэтому определение этнической территории основывалось на материалах и выводах истории, языкознания, этнографии и отчасти антропологии.

Нельзя сказать, что поиски памятников веси не предпринимались. Еще З. Д. Ходаковский, совершивший в 20-х годах XIX в. путешествие по северным губерниям России, искал на реках Колпи и Егне следы веси. Он указал на «городок» по р. Колпи при впадении в нее речки Веси. Однако З. Д. Ходаковский полагал, что «весь колпская» и «весь егонская», так же как «весь с Белозерской стороною», из финского племени уже обратилась в славян⁹¹.

Господствовавшая в исторической науке мысль о раннем и полном поглощении веси славянами, несомненно, оказала отрицательное влияние на поиски ее памятников.

Так, в 1843—1844 г. Н. А. Ушаков, открывший на Мологе и Сорогоже курганы с ярко выраженными финскими особенностями погребального обряда (северная ориентировка, ярусность погребений), не задумываясь отнес их к славянским⁹². Умение выявлять этнически определяющие особенности погребального обряда и инвентаря веси пришло значительно позже. В 60—70-х годах XIX в. исследователи при определении этнической принадлежности раскрытых ими погребений нередко исходили только из своей исторической концепции, зачастую предвзятой.

В 1872 г. Д. П. Европеус сообщил, что он открыл курганы веси под Бежецком. Однако он не мог указать ни одного признака, по которому эти курганы с западной ориентировкой погребенных и славянским инвентарем можно было отнести к неславянам. Исходя из своей «угорской теории», Д. П. Европеус отдал бежецкие курганы югре — обским уграм⁹³.

В 1875 г. финский археолог И. Р. Аспелин⁹⁴ сделал попытку выделить весскую группу древ-

ностей. Помимо материала собственных раскопок под г. Бежецком в 1872 г. Аспелин располагал данными курганных раскопок Ф. М. Глипки, Н. А. Ушакова и Д. П. Европеуса в Вессьгонском, Бежецком и Устюженском уездах Тверской и Новгородской губерний. Исходя из шовинистической исторической концепции, Аспелин отнес все исследованные курганы к финским, хотя в подавляющем большинстве по западной ориентировке погребенных и инвентарю они являются типично славянскими. И. Р. Аспелиным правильно указана характерная локальная особенность инвентаря «весской группы» — нагрудные цепи в женских и мужских погребениях, по которым он сближал последние с западнофинскими. Но в данном случае эта особенность являлась лишь элементом местной финской (субстратной) культуры, сохранившимся в славянской среде. Вещные древности в работе Аспелина по существу не были выделены.

В 1868 г. первые раскопки курганов в верхнем течении Суды произвел И. А. Якубович⁹⁵. В 1894 г. в том же районе А. В. Панин раскопал четыре кургана в двух курганных группах у деревень Митино и Зворыкино. По южной ориентировке погребений и большому количеству инвентаря А. А. Спицын, издавший раскопки А. В. Панина, отличил их от славянских. Он, однако, отнес раскопанные А. В. Паниным и И. А. Якубовичем курганы к мерянским⁹⁶. К этой же мерянской культуре он относил курганы, исследованные в 1844 г. Н. А. Ушаковым близ Пестова на Мологе и в 80-х годах XIX в. Д. П. Европеусом близ дер. Белые Кресты, при впадении р. Песи в Чагодощу. В архиве А. А. Спицына сохранилась карта, на которой эти курганы этнически объединены с курганами Костромского и Ярославского Поволжья X—XIII вв.⁹⁷

Впервые древности веси (вепсов) были обнаружены в Юго-Восточном Приладожье раскопками Н. Е. Бранденбурга. Последний датировал исследованные им курганы VIII—XI вв. и отнес их к финским, вепским. Правда, вслед за Д. П. Европеусом он противопоставлял вепсов (обонежскую чудь) веси, относя последнюю к уграм⁹⁸.

Особенностями археологической культуры Юго-Восточного Приладожья Н. Е. Бранден-

⁹¹ «Донесение о первых успехах путешествия по России З. Д. Ходаковского». «Русский исторический сборник», т. VII. М., 1844, стр. 87—88.

⁹² «Санкт-Петербургские ведомости», 1844, № 286; 1845, № 64, раздел «Смесь»; МАЭ, колл. 1533.

⁹³ Д. П. Европеус. О курганных раскопках около погоста Бежец...

⁹⁴ Г. Филимонов. Аспелин. Основы финно-угорской археологии. Гельсингфорс, 1875; *I. R. Aspelin. Suomalais-urkilaisen Muinaistutkinon alkoita. Helsingissa, 1875*; «Вестник Общества древнерусского искусства 1876 г.», вып. 11—12. М., 1876; см. также: *I. R. Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien, II—IV. Helsingfors, 1876—1878.*

⁹⁵ Д. И. Прозоровский. Древние вещи, найденные в Белозерском уезде. ИРАО, т. VIII. СПб., 1877, стр. 64—66.

⁹⁶ А. А. Спицын. Курганы Белозерского уезда. ЗРАО, т. VIII, вып. 1 и 2, новая серия. СПб., 1896, стр. 160—162.

⁹⁷ ЛОИА, архив А. А. Спицына, ф. 5, д. 381, л. 111.

⁹⁸ Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. МАР, № 18. СПб., 1895.

бург считал расположение курганов цепью или одиночно вдоль рек; наличие в основании насыпи зольно-пепельного слоя, присутствие кострищ или очагов со своеобразным инвентарем. Им отмечена ярусность погребений. А. А. Спицын, комментировавший «Курганы южного Приладожья», указал на северо-южную ориентировку кострищ и преобладающую южную ориентацию труположений. Он отметил значительное количество скандинавских изделий, предметов прикамского происхождения. А. А. Спицын выделил также ряд характерных местных шумящих и зооморфных украшений, бытовых изделий (пластинчатые огнива)⁹⁹.

Приблизительные границы этой «чуждой» культуры он определял по р. Сясь на севере, р. Тихвинке на юге и Вепской возвышенности на востоке. Впоследствии он с уверенностью назвал эту культуру вепской¹⁰⁰.

В 1914 г. А. Колмогоров подтвердил финскую принадлежность основной массы курганов по рекам Тихвинке, Паше, Сяси антропологическими исследованиями 32 скелетов¹⁰¹.

В 1924 г. В. И. Равдоникас не сомневался в принадлежности Приладожских курганов предкам вепсов — веси. Он особенно подчеркивал меридиональную ориентировку погребений, обилие инвентаря как в женских, так и в мужских погребениях, наличие местных типов женских украшений. В. И. Равдоникас определял приблизительную границу территории веси следующим образом: на запад — не далее Волхова, на юг — от Тихвина к р. Мологе; на север — выше Свири, на восток — за Шексну¹⁰². В своих последующих работах он датировал Приладожские курганы X — началом XII в.

В 1928 г. А. М. Тальгрэн предложил свой археологический очерк финских культурных провинций¹⁰³. Он выделил древности води, «чужди с берегов Ладоги», костромичей, зырян, пермяк и др.¹⁰⁴ Древности вепсов он помещал на территории от Волхова до Белоозера. Заметив, что исследована археологически только территория между Волховом и Свирью, он писал, что восточную часть этой культуры должны представлять вепсы Белоозера, которые исторически известны, а археологически совершенно не изучены. Он допускал, что вепсская

культура имела контакты с чуждью Вологды — Костромы.

Относя Приладожские курганы в целом к культуре вепсов, А. М. Тальгрэн полагал, что она объединяла две группы финского населения — вепсов и карел. В качестве этнически определяющих древностей финнов он назвал зооморфные и шумящие женские украшения, а также огнива с бронзовыми рукоятями. Расчленить вепсов и карел по материалам курганов Юго-Восточного Приладожья А. М. Тальгрэн не считал возможным.

Впоследствии, как он полагал, одна часть карел передвинулась на Олонецкий перешеек, а другая — на запад и север Ладожского озера, где, смешавшись с жившим здесь ранее финским населением, создала культуру кексгольмских могильников XII—XIV вв.¹⁰⁵ А. М. Тальгрэн подчеркивал смешанный финно-скандинавский характер культуры вепсов X—XI вв., ведущую роль в которой отводил варягам. Последним принадлежало вооружение, определенные наборы женских украшений (фибулы, браслеты) и виды утвари: односторонние гребни, коробчатые замки, трехногие котлы и т. д.

На своей карте А. М. Тальгрэн отметил наличие постоянного финского населения по среднему и нижнему течению Онеги и Ваги, предположив, что оно могло прийти из района Белоозера. А. М. Тальгрэн имел в виду находку уже упоминавшегося клада у дер. Алфферовской и великолепную коллекцию женских украшений (зооморфные и шумящие подвески, пронизки, игольник и др.), собранную на Васильевском городище близ с. Воскресенского, у впадения в Вагу р. Устья¹⁰⁶. Дата вещей — XI—XIII вв. Издавший коллекцию А. А. Спицын отметил, что большинство вещей целиком повторяется в древностях вепсов (южное побережье Ладожского озера) и в Костромских курганах, а остальные близки прикамским.

Вместе с пайдеными в дер. Аксеновой близ устья р. Пуи (левый приток Ваги) женскими украшениями приладожских типов (X—XII вв.)¹⁰⁷ вещи из Васильевского городища до настоящего времени являются основным археологическим доказательством восточных рубежей вепсской культуры.

В 1929 г. Г. П. Гроздилов и В. И. Равдоникас раскопали курганы XI в. на р. Кобоже с северо-западной и юго-западной ориентировкой погребенных. Топоры в мужских погребениях

⁹⁹ Там же, стр. 153.

¹⁰⁰ А. А. Спицын. Русская историческая география. Пг., 1917, стр. 32; *он же*. Разведки памятников материальной культуры. Л., 1927, стр. 35.

¹⁰¹ А. Колмогоров. Тихвинские курганы. М., 1914.

¹⁰² В. И. Равдоникас. Доисторическое прошлое Тихвинского края. Тихвин, 1924, стр. 29.

¹⁰³ А. М. Tallgren. Les provinces culturelles finnoises de l'age recent de fer dans la Russie du nord. ESA, III. Helsinki, 1928.

¹⁰⁴ Там же, рис. 1 (карта).

¹⁰⁵ Там же, стр. 19.

¹⁰⁶ А. А. Спицын. Археологический альбом. ЗОРСА, т. XI. Пг., 1915, стр. 241—242, рис. 39—41; А. М. Tallgren. Viarmia. ESA, VI. Helsinki, 1931, fig. 6—7.

¹⁰⁷ ОАК за 1913—1915 гг. Пг., 1918, стр. 179; ГЭ ОИПК, секция Северо-Запада, колл. 655, № 1—12.

ниях, нагрудные цепочки, бронзовые бусы и лепная керамика с гребенчатым и кольцевидным чеканами свидетельствовали о финском элементе в составе захороненных, но это обстоятельство осталось не замеченным исследователями¹⁰⁸.

Еще более отчетливо финские этнические черты проявились в курганах XII в. по р. Суде у хутора Стан. Здесь южная ориентировка захоронений сочеталась с обилием инвентаря, в котором большое значение имели зооморфные и антропоморфная подвески. Однако исследователи и эти курганы отнесли к славянским, отметив только необычность лепной орнаментированной керамики.

В 1929 г. В. И. Равдоникас изменил свое первоначальное мнение о принадлежности Приладожских курганов вепсам — веси. Основываясь на том, что вепсы по летописи известны только на Белом озере, где курганы не обнаружены, В. И. Равдоникас отнес Приладожские курганы к карелам. Продвинувшись в XII в. на северное и западное побережье озера, они затем создали здесь кексгольмскую культуру XII—XIV вв.¹⁰⁹

Мнение В. И. Равдоникаса о принадлежности курганов Юго-Восточного Приладожья карелам не получило поддержки у позднейших исследователей, хотя последние и не вступали с ним в открытую полемику¹¹⁰. С решительным возражением против этой точки зрения выступил лишь Д. В. Бубрих¹¹¹.

¹⁰⁸ Г. П. Гроздилов. Отчет о летних работах в Череповецком округе, 1929. Рукопись. Архив ЛОИА, ф. 2, 1929 г., № 126; 1930 г., № 109; *он же*. Археологические памятники IX—XIII вв. в Белозерье. Рукопись. Устюженский краеведческий музей, ф. 7, д. 9; «Археологические экспедиции ГАИМК и ИА АН СССР. 1919—1956. Указатель». М., 1962. стр. 46 (год раскопок в указателе дан неверно.— Л. Г.).

¹⁰⁹ В. И. Равдоникас. Норманны и Приладожье. «Человек и природа», № 4. Л., 1929, стр. 46—47; *он же*. Проблемы изучения культур эпохи металла в Карелии. «Карелия». Ежегодник за 1928 г. Петрозаводск, 1930, стр. 60—66; W. I. Raudonikas. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930, S. 124; *он же*. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и Юго-Востоком Приладожья. ИГАИМК, вып. 94. М.—Л., 1934; *он же*. Археологические памятники западной части Карело-Финской ССР. КСИИМК, вып. VII, 1940, стр. 11.

¹¹⁰ С. С. Гадзяцкий. Карелы и Карелия в новгородское время. Петрозаводск, 1941, стр. 5, карта 1; Я. В. Стапкевич. Курганы Юго-Восточного Приладожья и Карело-Финской ССР. «Археологический сборник». Петрозаводск, 1947, стр. 109—110; А. М. Линевский. Общество Юго-Восточного Приладожья в XI в. «Изв. Карело-Финской научно-исслед. базы АН СССР», 1949, № 1, стр. 60—61.

¹¹¹ Д. В. Бубрих. Происхождение карельского народа, карта II; *он же*. Не достаточно ли емских теорий? «Изв. Карело-Финского филиала АН СССР», 1951, № 1, стр. 88.

Я. В. Стапкевич¹¹² и С. И. Кочкуркина¹¹³ приняли положение В. И. Равдоникаса относительно олонекто-видлицкой группы курганов как переходной формы к грунтовым могильникам карел северного и западного побережья Ладозского озера. Я. В. Стапкевич, пересмотрев датировку В. И. Равдоникаса, отнесла курганы Юго-Восточного Приладожья к концу IX—XII в. Последующие раскопки А. М. Линевского и С. И. Кочкуркиной¹¹⁴ дали новые доказательства того, что культура вепсов по рекам Ояти и Паше сохранялась в XII и XIII вв. несмотря на усиливающееся влияние славян. Г. П. Гроздилов в Челмужах¹¹⁵ обнаружил курганы вепсов X—начала XII в. на северном побережье Онежского озера.

Раскопки Белоозера, проведенные в 1949—1952 и 1957—1963, 1965 гг., выявили поселение X—начала XI в., в котором керамика, производственный инвентарь (тигли, млячки, литейная форма, серпы), женские украшения, утварь носили ярко выраженный финский характер. Не было сомнений в том, что белозерская вепсы открыта археологически.

Раскопки Белоозера послужили толчком к выявлению финского этноса в погребальных комплексах восточнее Белого озера¹¹⁶. Они позволили пересмотреть заново материалы прежних раскопок курганов по Кобоже и Суде и поставить вопрос о связи этих памятников с Приладожскими курганами вепсов¹¹⁷.

Уже тогда было очевидно, что в Белозерье X—XII вв. сосуществовали курганный и бескурганный обряды погребения, причем последний, видимо, принадлежал субстратному финскому населению, тогда как курганный мог быть привнесен переселенцами из Юго-Восточного Приладожья.

В 1961—1962 гг. автором были названы следующие основные признаки, позволяющие

¹¹² Я. В. Стапкевич. Хронологическая классификация погребений Юго-Восточного Приладожья. КСИИМК, вып. XIV, 1947, стр. 74—76.

¹¹³ С. И. Кочкуркина. Приладожье в X—XIII вв. Автореф. канд. дисс. М., 1968; *она же*. Приладожье в X—XIII вв. Канд. дисс. Рукопись. Архив ИА АН СССР. P-2, № 2029, стр. 221, 245—249.

¹¹⁴ С. И. Кочкуркина. Курганы на р. Паше. СА, 1967, № 4, стр. 308—315.

¹¹⁵ Г. П. Гроздилов. Курганы у дер. Челмужи. «Археологический сборник», стр. 111—114; С. И. Кочкуркина. Курганы северного побережья Онежского озера. Сб. «Археологические исследования в Карелии». Л., 1972, стр. 103—112.

¹¹⁶ Л. А. Голубева. Могильник X—середины XI в. на Белом озере. СА, 1961, № 1.

¹¹⁷ Л. А. Голубева. Археологические памятники вепсов на Белом озере. СА, 1962, № 3; *она же*. Белозерская вепсы и ее западные соседи в X—начале XI в. «Скандинавский сборник», VIII. Таллин, 1964, стр. 285—295.

сближать финские курганы Белозерья с Приладожскими курганами: меридиональная (главным образом южная) ориентировка, обилие инвентаря в женских и мужских погребениях, наличие в женских захоронениях типичных для Приладожья шумящих и зооморфных украшений. Тогда же автор высказала предположение, что курганы приладожского типа на Суде появились в результате передвижения населения с р. Ояти, которая своими верховьями сближается с бассейном Суды¹¹⁸.

Раскопки 50—60-х годов А. В. Никитина в бассейне Мологи и Суды и работы Н. В. Тухтиной в 1960—1966 гг., имевшие специальной целью отыскание археологических памятников веси, дали богатый археологический материал. Удалось выявить ряд новых признаков, характерных для финских памятников Белозерья. Так, в 1966 г. Н. В. Тухтина отметила расположение курганов веси по Суде, Колпи и Кобоже цепью, обычно вдоль реки, наличие одиночных курганов и групп, состоящих всего из 2—3 курганных насыпей¹¹⁹. Она же указала на ярусность захоронений с южной, юго-восточной и северо-западной ориентировкой в насыпях курганов XI в. (у с. Никольского на Суде, в Борисово-Судском, в Бабаеве)¹²⁰. Ярусность захоронений, ориентированных на север или северо-запад, была отмечена и А. В. Никитиным в курганах X — начала XI в. у дер. Степаново¹²¹. Он и Н. В. Тухтина сообщали также о бескурганых погребениях веси¹²².

Сопоставление материалов, полученных из нижнего горизонта Белоозера и курганов бассейна Шексны, позволило говорить о единстве материальной культуры финского населения от Приладожья до Белозерья в X—XI вв. Материалы и выводы Белозерской экспедиции были использованы В. В. Пименовым в его работах, посвященных этнической истории вепсов — веси¹²³. В. В. Пименов убедительно сопоставил ряд особенностей материальной культуры, выявленных в Приладожских курганах, с характерными для вепсов XIX в. чертами домостроительства, традиционными занятиями,

утварью и древними верованиями. В. В. Пименову принадлежит большая заслуга в обобщении лингвистических, этнографических, топонимических и археологических данных для подтверждения преемственности веси и вепсов.

Очерченный В. В. Пименовым ареал расселения древней веси, вероятно, близок к действительному¹²⁴. Попробуем проверить его выводы, сопоставляя погребения XI—XIII вв. с одними современными погребальными памятниками соседних финноязычных народов. Выше мы указали, что этноним «весь» редко встречается западнее Волхова. Не распространяются в этом направлении и курганы типа приладожских. В бассейне Невы и вдоль южного побережья Финского залива известны грунтовые могильники XI—XIV вв. с трупоположениями головой на запад или юг (рис. 3). Они исследованы недостаточно, но тем не менее есть основание отнести их к ижоре¹²⁵.

Южнее ижоры и по побережью Финского залива жила воль, оставившая курганы с трупоположениями XI—XIV вв. Ее памятники выделены В. В. Седовым¹²⁶.

Между юго-западным побережьем Ладожского озера и Финским заливом вепсская топонимика почти отсутствует. Здесь расположены круглые, удлиненные и прямоугольные насыпи и различные каменные вымостки, содержащие трупосожжения. Характерна их северо-южная ориентировка. Курганы датируются XI—XIII вв. Поздняя дата обоснована круговой керамикой — приземистой, с прямым или загнутым внутрь венчиком типично финских форм. Инвентарь курганов весьма скуден. С. С. Гамченко относил курганы к финскому населению¹²⁷. В. И. Равдоникас предположил, что они оставлены тавастами¹²⁸. Этническая интерпретация этой группы памятников пока не ясна.

В бассейне р. Вуоксы и по северному побережью Ладожского озера известны грунтовые могильники с трупосожжениями и каменные вымостки, прикрывающие прах от трупосожжений. Их датировка (IX—XI вв.) основана на оружии и украшениях скандинавских, западнофинляндских и прибалтийских типов. Вероятно, это

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Н. В. Тухтина. Об этническом составе населения бассейна р. Шексны в X—XII вв. «Археологический сборник. Труды ГИМ», вып. 40. М., 1966.

¹²⁰ Там же, стр. 127, 130.

¹²¹ А. В. Никитин. Раскопки курганов в Вологодской области. Сб. «Археологические открытия 1967 г.», М., 1968, стр. 16.

¹²² А. В. Никитин. Городище и могильник у дер. Крестцы. КСИА, вып. 139, в печати; Н. В. Тухтина. Указ. соч., стр. 134—135.

¹²³ В. В. Пименов. Этническая принадлежность курганов Юго-Восточного Приладожья. СА, 1964, № 1, стр. 11—98; он же. Вепсы.

¹²⁴ В. В. Пименов. Вепсы, рис. 2; 3, 10.

¹²⁵ В. В. Седов. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода. СА, XIII, 1953, стр. 201, рис. 3.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ С. С. Гамченко. Раскопки на побережье Финского залива. ЗОРСА, т. VIII, вып. 2. СПб., 1909, стр. 1—43; он же. Исследования Сестрорецких курганов в 1907 г. ЗОРСА, т. VIII, вып. 2, стр. 44—134; он же. Исследование Сестрорецких курганов в 1908 г. ЗОРСА, т. IX, 1913.

¹²⁸ В. И. Равдоникас. Археологические памятники..., стр. 15, 17.

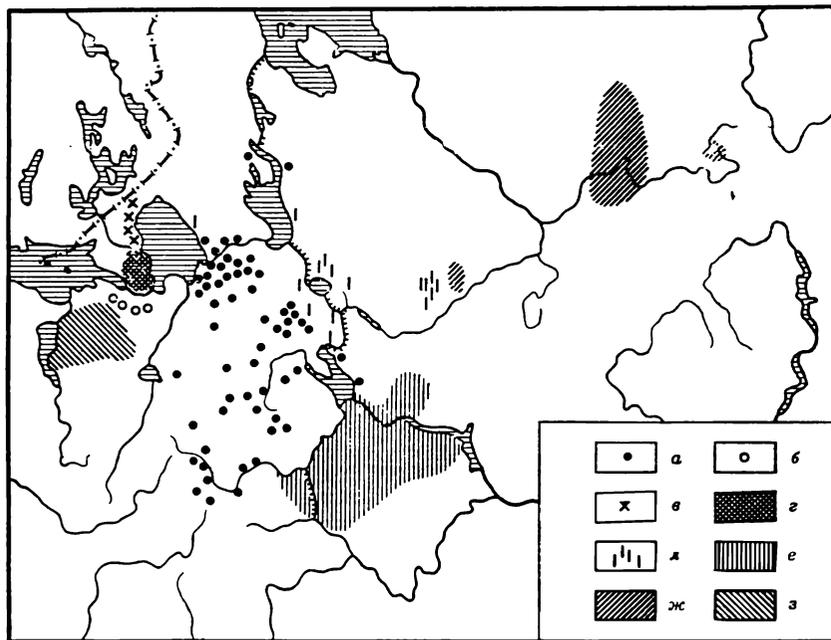

Рис. 3. Схема расселения веси и ее финноязычных соседей в XI—XIII вв. по погребальным памятникам

- а — курганные группы веси и отдельные курганы с вепско-мерянскими элементами (в Поволжье);
- б — грунтовые могильники ижоры;
- в — грунтовые могильники карел;
- г — курганы с трупосожжениями и каменными вымостками (?);
- д — грунтовые погребения веси;
- е — мерянские погребения и мерянские элементы в русских курганах;
- ж — грунтовые могилы с трупосожжениями коми-зырян;
- з — курганы води

население частично вошло в состав древней карелы¹²⁹, которая известна по западным источникам в описании событий IX в. Позднее, в XII—XIV вв., в этом же районе известны грунтовые могильники с северной ориентировкой труположений. Благодаря обильному инвентарю эта культура, названная кексгольмской, хорошо изучена и отнесена к карелам¹³⁰. По мнению Д. В. Бубриха, территория карелы в XII в. соприкасалась с территорией веси в районе севернее Виллицы¹³¹. Этноним «весь» (вепсь) распространен по северному побережью Ладожского озера, что свидетельствует о сильном влиянии веси в среде карел.

На восточном берегу Ладожского озера группа курганов X—XII вв. по рекам Видлице, Олонке и Тулоке выделяется расплывчатыми насыпями, захоронениями в срубах как сожженных, так и несожженных трупов при южной и юго-восточной ориентировке. Рядом обнаружены грунтовые могильники, еще плохо изученные. В. И. Равдоникас, Я. В. Станкевич и С. И. Кочуркина рассматривают эти курганы как памятники переходного типа к кексгольмским могильникам. Предположение о том, что население, оставившее Видлицко-Олонецкие курганы, могло участвовать в формировании карел, заслуживает полного доверия. Лингвисты, отмечая языковую близость южных карел — жителей

Олонецкого перешейка — вепсам, объясняют ее вхождением в состав карел значительной группы вепсов¹³².

Вепская топонимия на северном побережье Онежского озера весьма значительна. Раскопанные здесь курганы у дер. Челмужи содержат трупосожжения, захоронения головой на юг в срубах с очагом. По своему устройству и инвентарю Челмужские курганы аналогичны курганам Юго-Восточного Приладожья X — начала XII в. Они могут служить доказательством продвижения отдельных групп веси на северо-восток уже в X—XI вв.

Характерные черты погребального обряда веси, оставившей курганы Юго-Восточного Приладожья и Белозерья, нам уже знакомы.

Финские курганы восточнее Шексны и Белого озера почти неизвестны. К XI в. относится женское погребение с южной ориентировкой у дер. Минино, ниже Череповца¹³³. К XII в. — четыре мужских погребения у дер. Болтинское на р. Кеме, оставленных славянизированной вепсю. По рабочему инвентарю, монетам на груди и во рту покойных¹³⁴, кострищам над могильными ямами эти погребения имеют аналогии в курганах Юго-Восточного Приладожья¹³⁵.

¹³² Там же, стр. 5, 6.

¹³³ Л. А. Голубева. Археологические памятники веси на Белом озере, стр. 68, рис. 11.

¹³⁴ В. М. Погин. Монеты в погребениях Древней Р и их значение для археологии и этнографии. «Труды ГЭ», т. XII. Л., 1971, стр. 56—57.

¹³⁵ Л. А. Голубева. Кемские курганы. СА, 1969, № стр. 261—262.

¹²⁹ Д. В. Бубрих. Происхождение карельского народа, стр. 15, 31.

¹³⁰ В. И. Равдоникас. Археологические памятники..., стр. 16—17.

¹³¹ Д. В. Бубрих. Происхождение карельского народа, стр. 32—33.

Восточнее Онежского и Белого озер и в бассейне Сухоны известны труположения в грунтовых могилах с меридиональной, преимущественно южной, ориентировкой¹³⁶. Среднее течение Сухоны являлось восточным пределом распространения этого погребального обряда¹³⁷.

По Вычегде и Выми господствовал в XI—XIV вв. другой погребальный обряд — трупосожжение. Кальцинированный прах вместе с вещами бросался в грунтовую могилу. Последние ориентированы с севера на юг и расположены правильными рядами. Этот обряд прослежен на 22 могильниках (310 раскопанных погребений)¹³⁸ и может быть признан характерным для вымской и вычегодской перми — предка коми-зырян, ближайшего восточного соседа веси¹³⁹.

В пограничной зоне контактов топонимов, этимологизирующихся из вепсского и коми языков — на Вашке и Мезени, в настоящее время известны лишь грунтовые могильники с трупосожжениями, аналогичные вымским могильникам XII—XIV вв. В другой пограничной зоне — на Сухоне и р. Лузе — наблюдается смешение различных погребальных обрядов и разных этнических традиций в области материальной культуры. Так, на Лоемском городище (р. Луза) обнаружена лепная плоскодонная керамика X в., чуждая круглодонной посуде пермян, но весьма сходная с весской¹⁴⁰, а на Сухоне, близ деревень Проневской, Ульяновской, Новгородской, найдены следы трупосожжений в ямах с инвентарем XII—XIII вв. (однопрорезные бубенчики, полые подвески-барашки и др.)¹⁴¹.

Мы очертили этническую территорию веси на основании погребальных памятников XI—XIII вв. Сравнивая ее с ареалом веси, установленным по данным языкознания и этнографии, убеждаемся в их совпадении. Однако границы территории веси до славянского переселения в

эти места могут быть в настоящее время намечены лишь самыми общими контурами. Археологическое изучение земли веси охватило пока часть территории Межозерья. На Ваге и Северной Двине, в Западном Обонежье поиск памятников веси не предпринимался. Неясна и южная граница расселения веси, где последняя соприкасалась с мерей. М. В. Фехнер и В. А. Мальм полагают, что курганы Ярославского Поволжья оставлены везью¹⁴². Им возразили А. Н. Кирпичников и И. П. Шаскольский, указав на отсутствие весской топонимики в Ярославском Поволжье¹⁴³. Уточнение территории веси требует целеустремленных поисков не только археологов, но и лингвистов.

ГРУНТОВЫЕ МОГИЛЬНИКИ ВЕСИ

Мы располагаем небольшим количеством сведений о грунтовых могильниках веси X—XIV вв. (табл. 1). Они известны преимущественно в Белозерье, но встречены также в Приладожье и Обонежье. Будущие исследования, возможно, установят их связь с погребальными памятниками веси I тысячелетия н. э., пока не найденными. В настоящее время на территории веси можно назвать лишь два более ранних погребения в грунтовых могилах головой на юг, открытых в 1940 г. на стоянке Кубенно у оз. Лаче¹⁴⁴. По ножи и лопаточке из кости, а также текстильной керамике В. И. Смирнов датировал погребения I—II вв. н. э.

В табл. 1 указано наличие инвентаря в мужских погребениях, нагрудных пряжек, шумящих украшений — в женских, а также засвидетельствован факт устойчивости меридиональной, преимущественно южной, ориентировки погребенных с X по XIV в. Отмечены и локальные черты погребальной обрядности. Так, очаг в погребении у Муромского озера (восточный берег Онежского озера)¹⁴⁵ сближает это захоронение с приладожскими и подтверждает местное происхождение данной погребальной обрядности. В бассейне Сухоны покойных укладывали в могиле на подстилку из мха и хвоя и заваливали камнями.

¹⁴² «Ярославское Поволжье X—XI вв.». М., 1968, стр. 15, 17, 37, 38.

¹⁴³ А. Н. Кирпичников, И. П. Шаскольский. Рецензия на сб. «Ярославское Поволжье X—XI вв.». СА, 1965, № 1, стр. 318—319.

¹⁴⁴ В. И. Смирнов. Археологические работы в бассейне Лача-озера в 1940 г. Рукопись. Архангельский областной краеведческий музей, археологический отдел.

¹⁴⁵ Г. А. Панкрушев. Отчет о работе Южнокарельской археологической экспедиции за 1968 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 3657, стр. 56. альбом, рис. 117.

¹³⁶ Л. А. Голубева. Археологические памятники веси..., стр. 74—75; она же. Могильник X — середины XI в. на Белом озере; Н. В. Тузгина. Указ. соч., стр. 123, 134—135; А. Я. Брюсов. Финское погребение X—XI вв. в дер. Погостище Кирилловского района Вологодской области. КСИА, вып. 120, 1969, стр. 81—83; С. В. Ошибкина. Могильник Пески в Вологодской области. КСИА, вып. 129, 1972, стр. 65—68.

¹³⁷ Н. А. Черницын. Угро-финские могильники на территории Вологодской области. СА. 1966, № 4, стр. 196—201.

¹³⁸ По сведениям на март 1971 г.

¹³⁹ Э. А. Савельева. Пермь вычегодская. К вопросу о происхождении народа коми. М., 1971, стр. 29—34.

¹⁴⁰ Э. А. Савельева. Лузская Пермь. Сыктывкар, 1972, табл. 1—3.

¹⁴¹ Н. А. Черницын. Из доисторического прошлого Кокшеньги. Рукопись, 1925 г. Тотемский краеведческий музей, № 99; коллекция вещей из Ульяновского, Проневского и Новгородского могильников. Там же.

Таблица 1

Финские грунтовые могильники X—XIV вв.

№	Местонахождение	Последователь	Дата, век	Число захоронений	Ориентировка	Погребальный инвентарь
1	Муромское озеро	Г. А. Панкрушев	X — начало XI	1	ЮВ	Лигровидная пряжка, пластинчатое кресало Очаг
2	Киснема	И. К. Цветкова, Л. А. Голубева, Н. В. Тухтина	X — XI	11	ЮЗ СЗ З	Топоры рабочие и боевые, бусины стеклянные, позолоченные, гребни односторонние, височное кольцо с головой рогатого зверя
3	Крестцы	А. В. Няктия	XI — XII	3	С СЗ	Височные кольца узелковые и перстнеобразные
4	Торово	А. А. Алексева, Н. В. Тухтина	XI—XII	10 6	ЮЗ Ю	Височные кольца в 1,5 оборота с перегибом, трехбусинные височные кольца
5	Пески, погр. 4	С. В. Ошибкина	XII — XIII	4	СЗ	Овальное кресало, антропоморфные подвески
6	Кудринская	И. А. Черницын	XII — XIII	1	?	Лунничные височные кольца, зооморфные подвески
7	Марьяно	Он же	XII — XIII	4	Ю З	Нагрудная пряжка, зооморфные подвески
8	Старовская пустошь	»	XII — XIII	3	ЮВ СЗ	Лунничные височные кольца, колоколовидные и зооморфные подвески, нагрудные пряжки
9	Погостище	А. Я. Брюсов, Н. В. Тухтина	XI—XIII	3	ЮЗ СВ	Колоколовидные и зооморфные подвески, ф-образные пронизки, бронзовые бусины, топор
10	Нефедово	Н. В. Тухтина	XIII—XIV	2	Ю ЮЗ	Височные кольца проволочные в виде вопросительного знака, с большой бусиной из топаза.

Глава вторая

КУРГАНЫ СЛАВЯН И ВЕСИ

СЛАВЯНСКИЕ И ВЕСКИЕ КУРГАНЫ С ТРУПОСОЖЖЕНИЯМИ X — НАЧАЛА XI В.

Для всей территории расселения восточнославянских племен в X в. характерны невысокие полукруглые курганы с одиночными трупосожжениями. Обычно они содержат остатки сожженных, совершенных на стороне. Известны также курганы с трупосожжениями на месте. В таких курганах иногда прослеживается западно-восточная ориентировка кострищ (Залучье, курган 1)¹ или встречаются остатки костяка, подвергнутого неполному сожжению, лежавшего головой на запад (курганы под г. Бежецком², у дер. Лопатино на р. Сить³, на верхней Волге). Вещи почти всегда отсутствуют. В некоторых группах насыпи обложены у основания валунами. Курганы расположены кучно вместе с курганами, содержащими труположения. Кальцинированный прах оставался на кострище или помещался в урну.

Ареал славянских курганов с индивидуальными трупосожжениями X в. охватывал Верхнее Поволжье, бассейн Мологи и западные притоки Суды (карта 1). На Суде и Шексне эти курганы неизвестны. Обряд труположения у славян начал вытеснять трупосожжение во второй половине X в., а в XI в. являлся господствующим.

У веси Юго-Восточного Приладожья, по наблюдениям С. И. Кочкуркиной, переход к обряду труположения происходил значительно медленнее и до середины XI в. курганы с обоими обрядами сосуществовали. В них обычны очаги и кострище (в ряде случаев прослежена их меридиональная ориентировка). Характерны коллективность захоронений сожженного праха (ярусность) и обилие инвентаря.

За пределами Приладожья весские курганы с трупосожжениями обнаружены у дер. Пробужки⁴, а также у дер. Крестцы на р. Кать⁵ и у дер. Левочи⁶ (карта 1). По величине они значительно превышают обычные круглые курганы, достигая почти 3 м. В них содержатся от двух до девяти скоплений кальцинированных костей, помещенных кучками в различных частях насыпи, иногда в горшках, закрытых опрокинутым горшком. Вместе с кальцинированным прахом здесь находят бронзовые спирали, обрывки цепочек, фибулы, бусы (лимонки, сердоликовые призматические, пастовые красные), хорошо датирующиеся X в. Бляшки поясного ремня из кургана 1 у дер. Крестцы также датируются этим временем; они имеют аналоги в бляшках поясного набора из кургана 282 Михайловского могильника⁷. Эту дату подкрепляет ромбовидный наконечник стрелы. Бронзовый ладьевид-

⁴ ЦГИА, ф. Н. Н. Калачева.

⁵ А. В. Никитин. Отчет об археологических раскопках 1964 г. у дер. Крестцы на р. Кать Устюженского р-на Вологодской обл. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2922; *он же*. Городище и могильник у дер. Крестцы. КСИА, вып. 139, в печати.

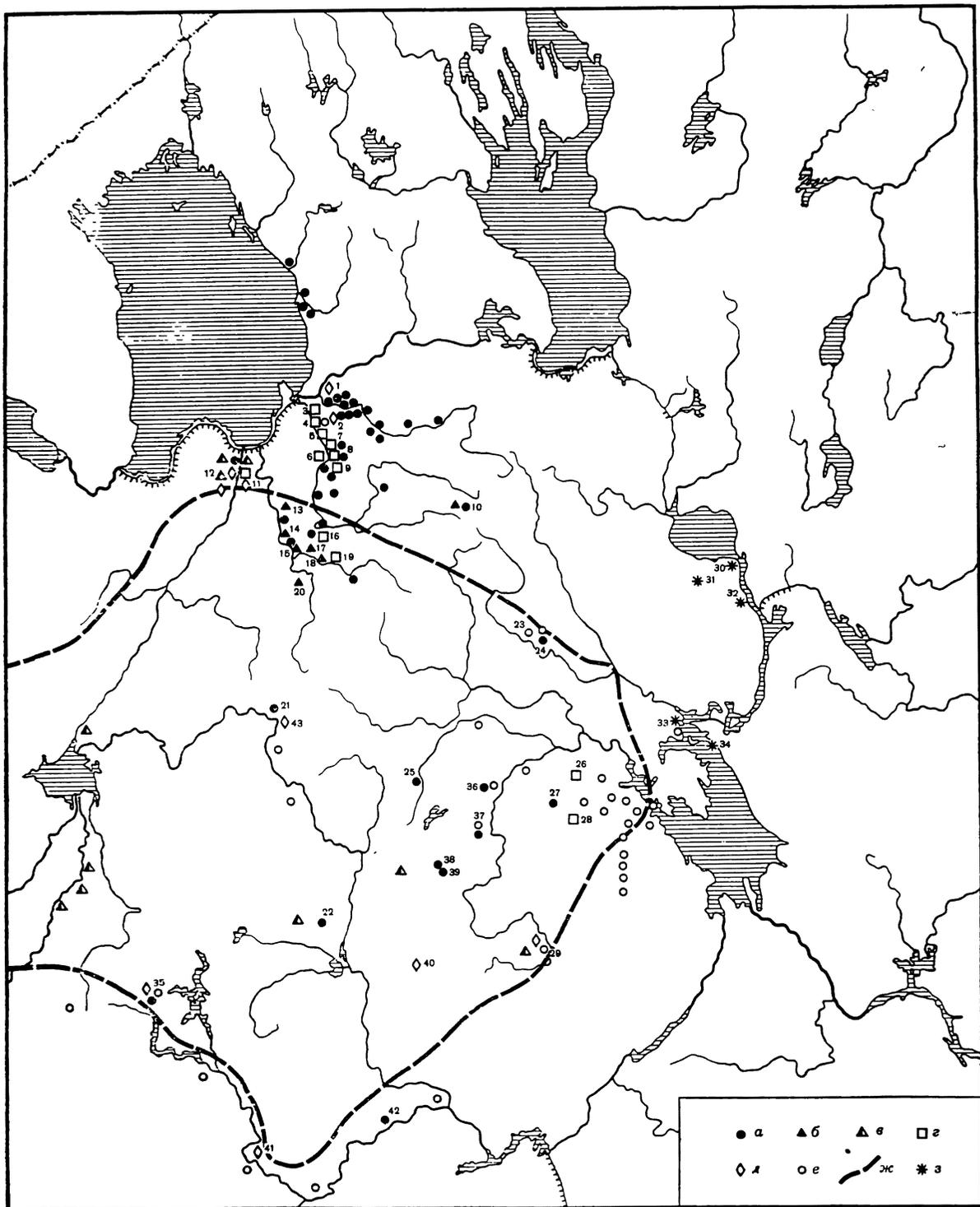
⁶ Н. В. Тухтина. Об этническом составе населения бассейна р. Шексны в X—XII вв. «Археологический сборник. Труды ГИМ», вып. 40. М., 1966, стр. 133.

⁷ В. В. Мальм. Поясные и сбруйные украшения. Сб. «Ярославское Поволжье X—XI вв.». 1968, рис. 37.

¹ А. В. Успенская. О раскопках Селигерской археологической экспедиции 1969 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 4045.

² А. А. Спицын. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. ЗРАО, т. IX, вып. 1 и 2, новая серия. СПб., 1897, стр. 280.

³ Отчет Л. К. Ивановского о раскопке курганов в Моложском уезде Ярославской губ. «Древности», т. IX, вып. 1. М., 1881, стр. 15.

Карта 1. Славянские и финские (веские) курганы с трупосожжениями X — первой половины XI в.

а — финские курганы с трупосожжениями и смешанными погребениями (сожжения и труположения);
 б — финские сопки;
 в — финские элементы в сопках (по В. В. Седову);
 г — скандинавские курганы;

д — курганы с захоронениями коней;
 е — славянские курганы;
 ж — ареал сопок новгородского типа (по В. В. Седову);
 з — поселения с лепной керамикой веси;

ный браслет из кургана VII у дер. Левочи — скандинавского происхождения и также датирует погребение X в.

Тип лепной посуды из курганов у дер. Крестцы, по мнению А. В. Никитина, совершенно финский. Эти курганы аналогичны ярусным курганам с трупосожжениями из Юго-Восточного Приладожья и, вероятно, оставлены продвинувшимся отсюда населением⁸.

В части Пестовских курганов на Мологе в подше насыпи обнаружены следы кострищ и скопление обожженных валунов. Б. Кириллов предполагал, что это были трупосожжения с очагами типа приладожских. Вещи отсутствовали. хронологическая и этническая интерпретации этих курганов неясны⁹. Своеобразны также курганы, содержащие захоронения пережженных человеческих костей в яме, вырытой в материке или насыпи. Этот обряд можно сопоставить с типичными для финнов захоронениями в грунтовых могильниках, трансформировавшихся под влиянием славян в курганные погребения. Такие курганы раскопаны у деревень Абакумовой, Абакиной, Избрижье (карта 1)¹⁰. Некоторые из них достигали 6 м высоты и содержали впускные погребения головой на северо-запад и северо-

ро-восток. Трупосожжение в Избрижье датирует брактат — подражание дирхему 914 г.

Следы жертвоприношений животных дают основание В. В. Седову¹¹ отметить финно-угорские элементы в сопках (карта 1). Наличие частей туш жертвенных или поминальных животных (кости лошади, когтевые фаланги медведя) — также характерная черта весских курганов с трупосожжениями Юго-Восточного Приладожья. Аналогичный обряд зафиксирован в курганах с трупосожжениями VIII—IX вв. бассейна Мсты, связываемых исследователями с весью¹². В курганах Ярославского Поволжья X—XI вв. с преобладающим финским составом захороненных кости лошади найдены в 93 случаях.

В Приладожье, верховьях Мсты, Волги и Мологи известны захоронения сожженных и несожженных коней вместе с трупосожжениями человека и в отдельных курганах (карта 1)¹³.

¹¹ В. В. Седов. Новгородские сопки. САИ, вып. Е-1-8. М., 1970, стр. 21—23.

¹² В. А. Мальм, М. В. Фехнер. Об этническом составе населения Верхнего Поволжья во второй половине I тысячелетия н. э. Сб. «Экспедиция Государственного Исторического музея». М., 1969, стр. 176—179, 187—188; Е. Г. Андреева. Кости животных из курганов в окрестностях Вышнего Волочка. Там же, стр. 189—192; она же. Фауна Ярославского Поволжья по костным остаткам из курганных погребений. Сб. «Ярославское Поволжье X—XI вв.», стр. 93.

¹³ В. А. Мальм, М. В. Фехнер. Указ. соч., стр. 176—178; А. В. Куза. Раскопки курганов в Новгородчине. Сб. «Археологические открытия 1965 г.». М., 1966, стр. 157; А. В. Успенская. Раскопки на оз. Селигер. Сб. «Археологические открытия 1969 г.». М., 1970, стр. 66; она же. Раскопки на оз. Селигер. Сб. «Археологические открытия 1970 г.». М., 1971, стр. 77; Д. П. Еропеев. О курганных раскопках около погоста Бежец в Бежецком уезде Тверской губернии. ЖМНП, 1872, т. CLXIV, декабрь, отд. 2, стр. 376—387; он же. Об угорском народе, обитавшем в Сред-

⁸ Вероятно, финскими являлись также курганы с трупосожжениями X в. у дер. Княжье Село быв. Боровичского уезда; отсюда происходят приземистые горшки с загнутым внутрь венчиком, множество спиралей, оплавленные рифленые бусины X в. См.: ОАК за 1912 г., стр. 76—77; ГЭ, ОИПК, секция Северо-Запада, колл. 352. № 10—23.

⁹ Л. А. Голубева. Пестовские курганы. Сб. «Культура Древней Руси». М., 1966, стр. 54.

¹⁰ А. А. Сплицын. Обзорение некоторых губерний России в археологическом отношении, стр. 340; В. П. Воробьев, С. С. Ширинский. Городище и курганы X—XII вв. у дер. Избрижье. КСИА, вып. 110, 1967, стр. 40—41; Ю. Н. Урбан. Отчет о раскопках курганов у озера Иловец в 1969 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 40008.

Карта 1 (окончание подписи).

1 — Горка Никольская;	12 — Старая Ладога, Победище, Княжчино;	22 — Гридино;	33 — Луковец;
2 — Карлуха;	13 — Городище;	23 — Новиянка;	34 — Городище;
3 — Кумбита;	14 — Сугорево;	24 — Степаново;	35 — Залучье;
4 — Исаева;	15 — Овино;	25 — Левоча;	36 — Пестово;
5 — Усть-Рыбежна;	16 — Залущик;	26 — Славыново;	37 — Сорогожское;
6 — Сязнига;	17 — Горбиничи;	27 — Крестцы-Городок;	38 — Абакумово;
7 — Вихмес;	18, 19 — Ильинский Погост;	28 — Залужье;	39 — Абакинова;
8 — Кириллина;	20 — Ново-Андреево;	29 — Бежец;	40 — Шихино;
9 — Костина;	21 — Пробужу;	30 — Белоозеро;	41 — Горки;
10 — Татарова;		31 — Попова гора;	42 — Избрижье;
11 — Плакун;		32 — Городище (Мигуновского сельского совета);	43 — Воймерицы

Некоторые из них, сопровождавшие погребение дружинника в ладье или трупосожжения война и женщины с импортным инвентарем, бесспорно принадлежали скандинавам. Обстоятельства захоронения других — наличие очага, смешанный характер инвентаря — позволяют пока с уверенностью определить лишь дату захоронения (не позже начала XI в.)¹⁴. Но конское захоронение обнаружено в кургане с типично восточным обрядом и инвентарем; зафиксирована и южная ориентировка конских остовов, что совпадает с господствующей ориентировкой погребений веси¹⁵. (Напомним, что погребения людей и коней у муромы также имели одинаковую ориентировку — северную¹⁶).

Для славян обряд погребения коня вместе с человеком не характерен. Отметим также, что факты отдельных захоронений коней в виде целых или расчлененных остовов¹⁷ имеют ближайшие аналогии в погребальной обрядности мери и муромы, связанной с культом коня.

СЛАВЯНСКИЕ КУРГАНЫ С ТРУПОПОЛОЖЕНИЯМИ XI—XIII ВВ.

Во времени последней стадии существования курганов мощное движение славян на Север значительно изменило этническую картину в Верхнем Поволжье, бассейне Мологи и Шексны. В этих районах курганы уже в основном принадлежали славянскому или смешавшемуся с ним населению (карта 2).

Славянские курганы с труположениями XI—XIII вв. невысоки, полукруглой формы,

ней и Северной России, в Финляндии и в северной части Скандинавии до прибытия туда их нынешних жителей. «Труды II АС», вып. 1. СПб., 1876, отд. IV, рис. 1—6.

¹⁴ В. А. Булкин, В. А. Назаренко, Е. Н. Носов. О работах Староладожского отряда. Сб. «Археологические открытия 1971 г.». М., 1972, стр. 31—32; H. Salonen. Gräberfunde aus dem Ladogagebiet. ESA, IV, 1929; С. Н. Орлов. Сопки волховского типа около Старой Ладогы. СА, XXII, 1955, стр. 197—211; В. В. Седов. Новгородские сопки, стр. 22—23; В. П. Петренко. Работы Староладожского музея. Сб. «Археологические открытия 1971 г.». М., 1972, стр. 32.

¹⁵ Курган № 17 у дер. Карлуха. См.: В. И. Равдоникас. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и Юго-Восточном Приладжье. ИГАИМК, вып. 94. М.—Л., 1934, стр. 34; А. В. Успенская. О раскопках Селдгерской археологической экспедиции 1969 г. Архив ИА, Р-1, № 4045, кург. 2.

¹⁶ В. А. Городцов. Археологические исследования в окрестностях г. Муромы в 1910 г. «Древности», т. XXIV. М., 1914.

¹⁷ Раскопки П. Н. Шульда в Ржевском уезде Тверской губ. в 1925 г. Архив ЛОИА, ф. 2, оп. 1, № 142; А. А. Спицын. Поездка в погост Бежецы в 1920 г. Архив ЛОИА, ф. 5, № 92.

расположены кучно и близко друг к другу. Иногда число насыпей в группе приближается к 200 (Пестово, Новинка). Для Севера с его редкой населенностью такие большие курганные группы свидетельствуют о возникновении районов с большой плотностью постоянного земледельческого населения.

Славянские курганные погребения с труположением отличается западная ориентировка, что является общеславянским этническим признаком. Следующим можно назвать одиночность захоронений. Парные погребения очень редки. Одним из характерных признаков славянских захоронений является также бедность инвентаря в мужских погребениях. Обычно в них встречаются только ножи. Существенной чертой женских славянских погребений является отсутствие пряжек в области ключиц, что позволяет судить об определенном покрое женской одежды.

Детали погребального обряда и инвентаря свидетельствуют о различных этнических группах восточного славянства, принимавших участие в заселении страны вост. Так, для курганов Верхнего Поволжья характерны захоронения на материке, господствующие с XI по XIII Это обстоятельство было отмечено еще А. А. Спицыным¹⁸. Его подтвердила Т. Н. Никольская¹⁹. Господство данного обряда — свидетельство заселения славянами Верхнего Поволжья в основном из области смоленских кривичей. Некоторое участие в освоении самого верхнего отрезка течения Волги принимали также, по мнению В. В. Седова, псковские кривичи²⁰.

Встречаются также захоронения на небольшой подсыпке в насыпи. Различия между обрядами погребальными обрядами по инвентарю или хронологически не ощущаются.

Погребения в могильных ямах редки. Они наблюдаются по Тверце и Медведице, куда достигал поток переселенцев из Новгородской земли. Там же встречается обкладка оснований курганов валунами. В целом же погребения в могильных ямах для этого района являются более поздними (XII—XIII вв.)²¹, что отметил еще Т. Н. Никольская. То же установил В. В. Седов для всей территории кривичей²².

¹⁸ А. А. Спицын. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении стр. 287.

¹⁹ Т. Н. Никольская. Этнические группы Верхнего Поволжья XI—XII вв. КСИИМК, вып. XXIV, 194 стр. 79.

²⁰ В. В. Седов. Кривичи. СА, 1960, № 1, рис. 6, 7.

²¹ Т. Н. Никольская. Хронологическая классификация верхневолжских курганов. КСИИМК, вып. XXX 1949, стр. 41.

²² В. В. Седов. Кривичи, стр. 62; он же. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвпня. М., 1970, стр. 117.

Этнически определяющими украшениями женского головного убора данного района являются проволочные браслетообразные височные кольца с завязанными концами²³.

В курганах XII—XIII вв. между городами Мышкиным и Рыбинским в женских погребениях встречаются зооморфные пулящие украшения, а в мужских — орудия труда, что свидетельствует о сильном влиянии финской среды. Это обстоятельство было отмечено Т. Н. Никольской²⁴.

Славянские курганы бассейнов рек Мсты, Паши, Сяси, Ояти, Суды и Мологи отличает обряд захоронения в могильных ямах (карта 2). Захоронения в подкурганых ямах появляются на Мологе уже во второй половине X — начале XI в. Эта дата определяется по цилиндрическим, призматическим и 14-гранным сердоликовым бусам (Пестово). В погребениях Куреванихи такие бусы найдены вместе со скандинавскими подвесками и дирхемами 907—977 гг.

Курганные захоронения в могильных ямах характерны для новгородских славян. В Новгородской земле они получили массовое распространение значительно раньше, чем у кривичей. В XI в. захоронения в подкурганых могилах еще сосуществовали с погребениями на материке и в насыпи. В XII в. они господствовали.

Характерной чертой славянских погребений Новгородской земли является наличие кольца из валунов в основании кургана и камней в насыпи. Каменная обкладка имеет иногда вытянутую форму в направлении запад — восток²⁵. Кольцо из камней обычно уже для ранних труположений на материке (X в.). В курганах с могильными ямами последние также бывают окружены камнями²⁶. Эта же традиция продолжена в жальниках, переход к которым, по мнению А. А. Спицына, совершился уже в XI в.²⁷ В XII в. жальники сосуществуют с курганами, затем вытесняют их, будучи неопределенно долго (XIV—XVI вв.)²⁸.

Обкладка валунами основания насыпи иногда сопровождается каменной выкладкой наверху. А. А. Спицын наблюдал у дер. Гришкиной на р. Лидь жальники прямоугольной формы,

расположенные рядами и огражденные каменными плитами. Такое же устройство жальников отмечает А. В. Никитин у дер. Лебедево на Колпи²⁹. Жальники под Череповцом были обложены каменными плитами, поставленными на ребро³⁰. Они содержат как единичные, так и групповые захоронения в могильной яме, головой на запад, почти без вещей. При раскопках жальника под Череповцом на Малечкинских холмах наблюдались захоронения в колодах³¹.

Напомним крылатую фразу А. А. Спицына: «Где на севере России нет жальников, там в XIII—XVI вв. не было новгородцев»³². Курганы с могильными ямами и жальники известны на реках Колпи, Суде и Шексне, отмечая собой направление передвижения новгородцев. На Мологе, Тверце и Медведице новгородские славяне встречались с кривичами полоцко-смоленской группы. На верхней Волге и Суздальщине жальники до сих пор не найдены.

Для инвентаря славянских курганов северного района характерны щитковые височные кольца, являющиеся этническим украшением новгородских славян³³.

Подвергшееся славянскому влиянию субстратное население сохраняло длительное время этническое своеобразие, что делает карту погребальных памятников исследуемой территории весьма пестрой. Так, на Мсте, Сорогоже и в верховьях Волги в десяти курганных группах обнаружены сидячие захоронения (карта 2). В некоторых случаях костяки частично обожжены. Одни из этих погребений по инвентарю датируются X—XI вв. Ориентировка погребенных неустойчива: юго-восток, север, восток, запад. Погребальный инвентарь не дает материалов, достаточных для этнической интерпретации³⁴. Для данного района характерно также значительное число отдельных захоронений и целых курганных групп с восточной и северо-восточной ориентировкой погребенных (свыше 40 курганов, содержащих 50 захоронений; см. карту 2). По инвентарю они не отличаются от славянских. В. В. Седов объясняет восточную ориентировку влиянием балтской

²³ В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, рис. 18 и 19.

²⁴ Т. Н. Никольская. Этнические группы Верхнего Поволжья XI—XIII вв., стр. 83.

²⁵ В. Д. Ершевский. Ильменские курганы. Сб. «Археологические открытия 1969 г.», М., 1970, стр. 17.

²⁶ А. В. Никитин. Раскопки в Вологодской области. Сб. «Археологические открытия 1969 г.», М., 1970, стр. 19.

²⁷ «Сопки и жальники». ЗРАО, 1899, стр. 153.

²⁸ Н. И. Репников. Жальники Новгородской земли. ИГАИМК, т. IX, вып. 5, 1931, стр. 3—4.

²⁹ А. В. Никитин. Отчет об археологических раскопках 1967 г. в Вологодской области. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 3530.

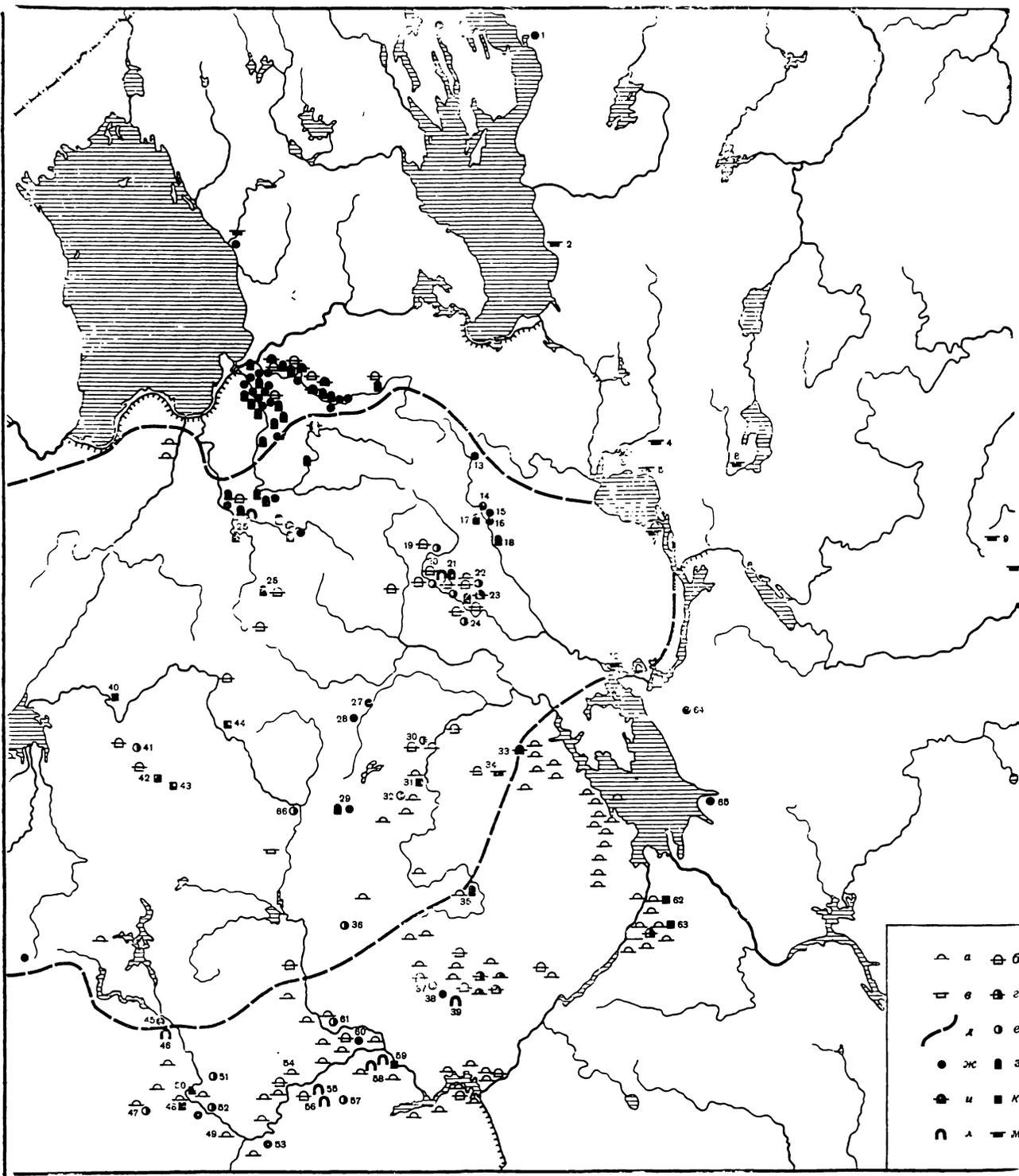
³⁰ Архив ЛОИА, л. 69, 1924 г.

³¹ Сообщено К. К. Морозовым.

³² А. А. Спицын. К истории заселения Верхнего Поволжья русскими. «Труды II областного тверского АС», Тверь, 1906, стр. 4.

³³ В. В. Седов. Этнический состав населения северозападных земель Великого Новгорода. СА, XIII, 1953, стр. 195—196.

³⁴ В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, рис. 33, стр. 117.

Карта 2. Славянские и финские (веские) курганы с группоположениями XI—XIII вв.

субстратной культуры³⁵. Г. Ф. Соловьева описывает типично балтское происхождение этой погребальной обрядности³⁶.

ЭТНИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ВЕСИ XI—XIII ВВ.

Характерные детали погребального обряда приладожской веси и его эволюция, на основе наблюдений С. И. Кочкуркиной³⁷, представляются следующим образом.

Во второй половине XI в. курганы со смешанным обрядом погребения исчезают. В курганах с труположениями сохраняются очаги, но примерно в 2/3 насыпей они отсутствуют. Наблюдается ярусность захоронений. Южная ориентировка по-прежнему преобладает, но увеличивается число захоронений с западной ориентировкой. Как правило, это впускные погребения в насыпь, с оружием или без вещей

³⁵ В. В. Седов. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах Древней Руси. СА. 1961, № 2, стр. 103—121; он же. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья, рис. 42, 43.

³⁶ С. И. Кочкуркина. Приладожье в X—XIII вв. Рукопись. Архив ИА АН СССР, Р-2, № 2029, стр. 208—263 (погребальные обряды).

³⁷ Г. Ф. Соловьева. О роли балтского субстрата в истории славянских племен Верхнего Поднепровья. СА, 1971, № 2, стр. 127.

(славянские? — Л. Г.). Погребения в подкуранных могильных ямах появляются в XI в., но даже в XII в. численно уступают погребениям на материке или в насыпи. Они сохраняют меридиональную ориентировку и обильный инвентарь. Очаги здесь сменяются кострищами. Последние разжигались над засыпанной могилкой, а затем насыпь кургана доводилась до нужной высоты.

Финские курганы с труположениями XI—XIII вв. на рассматриваемой территории встречаются небольшими группами; они невысоки (до 1 м). Преобладающим обрядом являются захоронения на материке, реже — в насыпи, еще реже — в могильных ямах. В основании многих курганов — следы кострищ. Погребения одиночные, парные или ярусные (см. табл. 2 и 3). Ориентировка меридиональная, чаще южная, встречается и восточная. Западная ориентировка весьма редка (лишь в группах, где финские курганы соседствуют со славянскими). Там же обычна и неустойчивость ориентировки — на северо-запад или юго-восток. Захоронения в могильной яме появляются в конце X — начале XI в. (погребение у дер. Сухолинно; см. табл. 2). К XI в. можно отнести с уверенностью еще одно захоронение головой на юг (у дер. Митино под Череповцом; см. табл. 2).

Погребения XII—XIII вв. несут черты смешения финской и славянской погребальных обрядностей. Оскудения погребального инвен-

Карта 2 (окончание подписи)

а — славянские курганные группы с обрядом труположения в насыпи и на материке;	г — славянские курганные группы с труположениями в могилах и восточной ориентировкой;	ж — группы веских курганов с труположениями;	к — курганы с сидящими погребениями;
б — славянские курганные группы с труположениями в могильных ямах;	д — ареал жальников;	з — веские курганы с ярусными труположениями;	л — курганы с погребениями под сводами и каменными вымостками;
в — славянский грунтовой	е — отдельные веские	и — веские курганы с	м — грунтовые погребения веси;
1 — Чёлмужи;	17 — Борисово-Судское;	34 — Крестцы-Городок;	50 — Горки;
2 — Муромское озеро;	18 — Никольское;	35 — Бежец;	51 — Шолохово;
3 — Болтинская;	19 — Плоское;	36 — Могилевская Пустынь;	52 — Подборовье;
4 — Нефедово;	20 — Новинки;	37 — Прудово;	53 — Бабково;
5 — Киснема;	21 — Степаново;	38 — Кидомля;	54 — Свистунова;
6 — Белоозеро;	22 — Дудино;	39 — Воробьево;	55 — Клеопино;
7 — Пески;	23 — Бабаево;	40 — Поляще;	56 — Рождествено;
8 — Погостяще;	24 — Володино;	41 — Бор;	57 — Могильцы;
9 — Марьино;	25 — Овино;	42 — Подол;	58 — Каменка;
10 — Кудринская;	26 — Мозолево;	43 — Березовик;	59 — Никольское;
11 — Старовская пустошь;	27 — Левоча;	44 — Березовский Рядок;	60 — Дуденева;
12 — Торово;	28 — Кобожя;	45 — Коши;	61 — Савянские Горки;
13 — Нижний Конец;	29 — Абакумова;	46 — Косино;	62 — Кривец;
14 — Варнакушка;	30 — Пестово;	47 — Пустошка;	63 — Жукова;
15 — Митино-Зворыкино;	31 — Сорогожское;	48 — Петровское;	64 — Митино;
16 — Стан;	32 — Бустрыгино;	49 — Гульцева;	65 — Зубарево;
	33 — Сухолинно;		66 — Березовский Рядок

Таблица 3

Финские курганные погребения. Многоярусные группоположения

№	Местонахождение	Исследователь	Дата, век	Число		Ориентировка	Этнически определяющий инвентарь				Монеты
				погребений	ярусов		нагрудные пряжки	зооморфные подвески	пумящие подвески	бронзовые бусины	
1	Абакумова	Н. А. Ушаков	?	6	2	С					
2	Там же	Он же	?	6	2	?					
3	»	Д. А. Воронцов	?	5	?	Ю					
4	Бабаево, курган 6	Н. В. Тухтина	XI	3	2	СВ	×				
5	Борисово-Судское, курган 1	Она же	XII	3	2	Ю ? и ЮВ		×	×	×	
6	Никольское, курган 1	»	XI	2	2 (?)	Одно — В, другое — ?					
7	Там же курган 2	»	XI	3 (?)	2 (?)	Одно — З, другое — ?					XI в.
8	Степаново, курган 3/1958	А. В. Никитин	Конец X — начало XI в.	3	2	Два — В и одно — З					
9	Там же, курган 4/1958	Он же	?	6	3	Пять — З и одно С					
10	» » 3/1967	»	?	7	2	Три СЗ, четыре — С					
11	» » 5/1967	»	?	9	3	Четыре СЗ, пять — З					
12	» » 6/1967	»	?	3	2	Два — С и одно СЗ					

таря не наблюдается, в мужских погребениях сохраняются орудия труда и оружие (карта 3). Над погребальными ямами (курганы у дер. Болтинской) заметны следы кострищ.

Ярусные погребения не составляют отдельных групп. Для них характерна меридиональная ориентировка (табл. 3). Такие курганы существуют длительное время (конец X — начало XI—XII в.). Их финская принадлежность подтверждается не только ориентировкой, но и инвентарем³⁸.

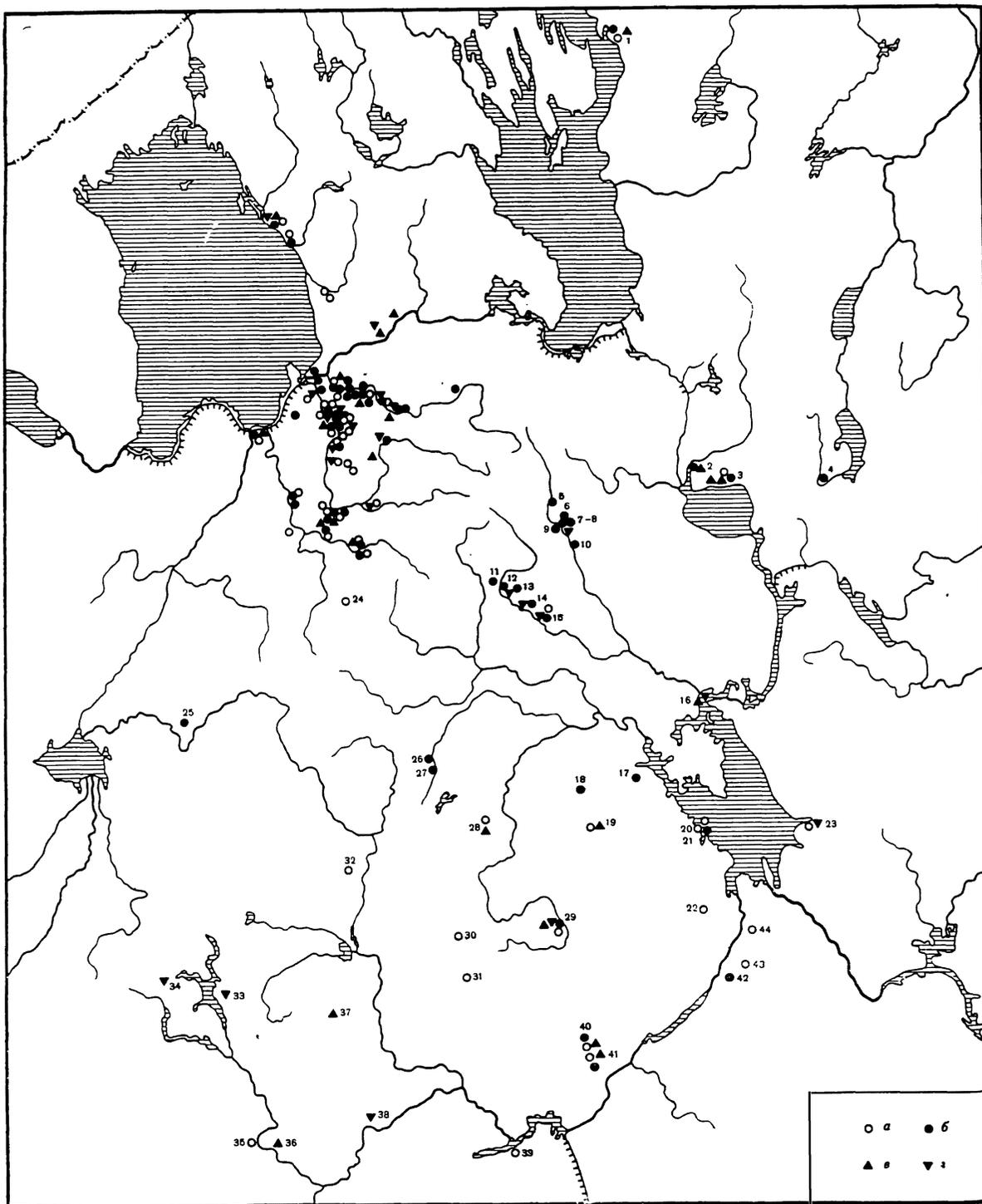
На реках Сяси, Вешарке (приток Колпи) и в Верхнем Поволжье обнаружены курганы, содержащие каменные вымостки и своды (карта 2, табл. 4). Для значительной части этих курганов характерна обкладка основания и насыпи камнем. Ориентация костяков — меридиональная или восточная. Погребения под сво-

дами (известковой заливкой) широко распространены в Костромском Поволжье. Е. И. Горюнова относит их к обрусевшей мере³⁹. Хотя конструктивно погребения с каменными вымостками и сводами отличны от костромских погребений под заливкой, их финская принадлежность не вызывает сомнений.

Курганы веи XI—XIII вв. сохранились компактными группами по Суде, в верхнем течении Мологи, по рекам Кобоже и Левоче. В бассейне Колпи наблюдается чересполосность финских и славянских погребений XI—XIII вв., но вместе с тем здесь же сохраняются чисто финские и славянские кладбища X—XI вв. и XII в. То же наблюдается на Кобоже, Мологе и Сорогоже. В бассейне верхней Волги отмечены уже не группы, а отдельные финские курганные погребения (см. табл. 5).

³⁸ В. В. Седов. Курганы с ярусными погребениями. КСИИМК, вып. 71, 1958, стр. 3—11.

³⁹ Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, № 94, 1961, стр. 224, 227—228.

Карта 3. Топоры, колья и стрелы в курганах X—XIII вв.

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ИНВЕНТАРЯ ВЕСИ X — XIII ВВ.

ИНВЕНТАРЬ ЖЕНСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ

Над материалами курганов Юго-Восточного Приладожья большую источниковедческую работу проделала С. И. Кочкуркина. На основании этнически определяющих признаков в обряде погребения и инвентаре ей удалось среди 342 захоронений помимо финских, составивших 74,5% исследованных погребений, выделить также захоронения славян (21%) и скандинавов (14 погребений, или 4,3%)⁴⁰. Вряд ли последняя цифра доказывает, что «скандинавы составляли значительный процент населения Приладожья в X в.»⁴¹. А именно в этом упрекает Н. В. Тухтина С. И. Кочкуркину и утверждает в свою очередь, что скандинавских погребений в курганах Юго-Восточного Приладожья, кроме одного (курган 19 с трупосожжением в ладье у с. Усть-Рыбежна), не было вовсе.

При смешанности форм погребальной обрядности и обилии скандинавских вещей трудность выделения чисто скандинавских погребений может быть объяснена только быстрым этническим смешением скандинавских пришельцев с местным весским населением. Результатом этого смешения явилась своеобраз-

ная метисная финно-норманнская⁴² культура X—XI вв. Как отмечает В. В. Седов, «в этих условиях часто невозможно этнически интерпретировать каждое отдельное погребение»⁴³.

Однако финский этнос оставался преобладающим, и в некоторых районах, например на Ояти, он выражен совершенно отчетливо⁴⁴. Поэтому такие украшения веси, как нагрудные и поясные, отражающие идеологические представления, а также особенности женского убора и покроя одежды можно с уверенностью выделить в качестве этнически определяющих.

Славянское влияние на приладожскую весь начинает сказываться с середины XI в., а массовое проникновение в этот район славян отмечается только в XII в.

К характерным предметам женского убора веси относятся нагрудные пряжки и цепи, бронзовые бусы, нгольники, шумящие украшения, подвески — обереги, копоушки (рис. 4) и в меньшей мере — височные кольца.

Выделение этих предметов в качестве этнических украшений приладожской веси — большая заслуга С. И. Кочкуркиной. Ее подсчетами и наблюдениями мы воспользуемся и в нашей работе. То обстоятельство, что в Приладожских курганах большинство этих изделий известно с X в., придает им особую ценность в качестве исторического источника. За пределами Приладожья весь пока известна главным образом по памятникам более поздним — XI—XIII вв. Малочисленность раскопанных здесь археологических памятников является причиной того, что почти все категории предметов, найденных

⁴⁰ Последние выявлены в девяти курганных группах по р. Паше (С. И. Кочкуркина. Приладожье в X—XIII вв. Автореф. канд. дисс. М., 1968, стр. 17; она же. Оятские могильники X—XI вв. СА, 1968, № 2, стр. 72—81, рис. 4)

⁴¹ Н. В. Тухтина. Этническая принадлежность погребенных в курганах Юго-Восточного Приладожья. Сб. «История и культура Восточной Европы по археологическим данным». М., 1971, стр. 165.

⁴² В. В. Седов. Славяне и племена юго-восточного региона Балтийского моря. «II Международный конгресс славянской археологии». Берлин, 1970, стр. 19.

⁴³ Там же.

⁴⁴ С. И. Кочкуркина. Курганные группы Юго-Восточного Приладожья. КСИА, вып. 120, 1969, стр. 23.

Карта 3 (окончание подписи)

а — боевые топоры;	9 — Борисово-Судское;
б — рабочие топоры;	10 — Никольское;
в — наконечники копий;	11 — Плоское;
г — наконечники стрел;	12 — Новинка;
1 — Чёлмужи;	13 — Степаново;
2 — Болтинская;	14 — Дудино;
3 — Киснема;	15 — Бабаево;
4 — Погостице;	16 — Луковец;
5 — Нижний Конец;	17 — Старая;
6 — Варнакушка;	18 — Славьиново;
7 — Митино-Зворыкино;	19 — Залужье;
8 — Стан;	20 — Владимировское;

21 — Плавь;	33 — Залучье;
22 — Юрьевское;	34 — Березовецкие курганы;
23 — Зубарево;	
24 — Мозолево;	35 — Оселки;
25 — Полище;	36 — Петровское;
26 — Левоча;	37 — Архангельское;
27 — Кобожя;	38 — Свистунова;
28 — Сорогожское;	39 — Загорье;
29 — Бежец;	40 — Посады;
30 — Воронцово;	41 — Хрипелево;
31 — Васильевское;	42 — Воронова;
32 — Федово;	43 — Жуково;
	44 — Кирьяново

Таблица 4

Курганы с каменными вымостками и сводами

№	Местонахождение	Исследователь	Высота насыпи, м	Обкладка насыпи камнем	Положение скелета, погребальный инвентарь	Дата, век	Этническая принадлежность
1	Овино, урочище Горбичи, курган 2	А. К. Колмогоров	1,5	×	На материке — две прямоугольные вымостки из камня; на каждой — костяк головой на юг. Вещи: наковечник копья, браслеты, височные проволочные кольца, стеклянные бусины	XI (?)	Ф
2	Каменка, курган 1	В. И. Колосов	3,5	×	На материке — вымостка из мелкого булыжника, на ней костяк головой на северо-запад. У головы и ног — стенки из камня. В насыпи — булыжная кладка наподобие свода	?	Ф
3	Никольское	Курган разрыт в 1840 г.	?	?	Костяк под сводом, выложенным из нескольких рядов больших и малых камней	?	Ф
4	Косино, курган 1	В. И. Власов	?	?	Костяк на материке головой на северо-запад. В северной части кургана — стенка из камней. Накрыт каменной плитой. Брактеев, пояс с бронзовыми бляхами, ножи	XI	Ф
5	Ворожьево, курган 39	Н. Е. Макарецько	?	×	Костяк головой на восток. Наподсыпке из мелких камней. Проволочный перстень	?	Ф
6	Там же, курган 41	Он же	?	×	Костяк головой на восток. На подсыпке из мелких камешков. Нож, височное перстнеобразное кольцо	XI (?)	Ф
7	Степаново, курган 7, погребение 1	А. В. Никитин	0,8	×	Костяк на материке головой на северо-запад, в колоде. Над ним — выкладка из камня размером 2,5×0,5 м. Вокруг головы и груди костяка — оградка из вертикально вкопанных плит	XI (?)	Ф
8	Степаново, погребение 2	Он же	0,8	×	Костяк на материке головой на северо-запад, в колоде. Вокруг верхней части скелета — оградка из каменных плит, вкопанных вертикально	XI (?)	Ф
9	Клеопино, курган 3	Л. Н. Бастамов	?	?	Костяк головой на северо-восток на вымостке из яркой (обожженной? — Л. Г.) глины	?	Ф
10	Там же, курган 5	Он же			Верхняя часть костяка на основании из глины	?	Ф
11	Рождествено, курган 6 (раскопки 1882 г.)	»			Костяк обернут берестой. Над ним — свод из обожженной глины размером 2,1×1 м; направление свода — к югу (над головой? — Л. Г.)	?	Ф

Ф — фивская.

Таблица 5

Финские курганные погребения на славянских кладбищах

№	Местонахождение	Исследователь	Дата, век	На материале	В могиле	Ориентировка	Погребальный инвентарь
1	Березовский рядок, курган 2	Д. А. Воронцов	?	?		Ю	Горшок
2	Бор, курган 43 (7)	В. Н. Глазов	XI		×	?	Нагрудная цепь с цепедержателем, нагрудная пряжка, монета X в.
3	Володино	Н. В. Тухтина	XI	×		ЮВ	Кожаный пояс с наборными бляшками и пряжкой, лепной горшок
4	Дуденево, курган 5	А. А. Спицын	XI—XII	×		СВ	Нож, бубенчик
5	Там же, курган 1	Убожков	XI (?)	?		С	Два поясных кольца, бляшка от ремня, нож, оселок
6	» , курган 2	Он же	XI	?		С	Гривна витая из двух проволок, бусины стеклянные позолоченные, горшок
7	Дудино, курган 3	Н. В. Тухтина	Конец XI	×		ЮЗ	Бусины, гривна железная, пряжка нагрудная, западноевропейские монеты XI в., нож, лепной горшок
8	Там же, курган 6; два погребения	Она же	Начало XII	×		Ю и ЮЗ	Бусины, венчик, нагрудная цепочка, колокольчик, западноевропейские монеты XI в., лепной горшок
9	Могилевская Пустынь	?	XII	?		?	Спираль, зооморфные подвески, игольник
10	Могильцы, курган 1	А. А. Спицын	?	?		СВ	В ногах горшок
11	Мозолево, курган 3	В. И. Равдоникас	XII	×		С	Височные кольца, бусины, перстень, бубенчики, гребень
12	Там же, курган 9, погребение 2	Он же	XII		×	З	Фибула на шее (ключице? — Л. Г.). Стилизованная коньковая и бутылковидные подвески и др.
13	Новинка, курган 20 (раскопки 1969 г.)	А. В. Никитин	XI—XII		×	С	Бусины глазчатые
14	Там же, курган 40	Он же	?		×	С	Без вещей
15	Плоское, курган 4	Он же	?	×		С	То же
16	Подборовье, курган 1	?	XII	×		С	Нагрудная пряжка
17	Пустошка, курган 1	?	?			СВ	Две бронзовые пуговицы, горшок
18	Там же, курган 2	?	?			СВ	Два поясных бронзовых кольца, нож, горшок
19	Прудово	А. Е. Гроздов	XI—XII			СВ	Фибула подковообразная, кольца височные проволочные разомкнутые, бубенчик, бусины серебряные, зеренные, горшок лепной
20	Савинские Горки, курган 22	В. И. Колосов	XI—начало XII			СЗ	Фибула на правом плече, два проволочных браслета, бусины сердоликовые и стеклянные позолоченные, «железный предмет вроде шила» (игла с кольцом? — Л. Г.), горшок круговой
21	Свистуново, курган 4	?	XI?			СВ	Наконечник стрелы, браслет, бубенчик, бусины
22	Сухолюдино	Н. В. Тухтина	X—начало XI		×	В	Игла с кольцом
23	Шолохово, курган 1	Путятин	?		×	Ю	Без вещей
24	Пестово, курган 8	В. Г. Кириллов	XI—XII		×	З	Подвеска бутылковидная, пряжка, бубенчики, спираль, нагрудник из бус
25	Там же, курган 5, погребение 2	В. И. Равдоникас	XI—XII		×	С	Нож, три горшка

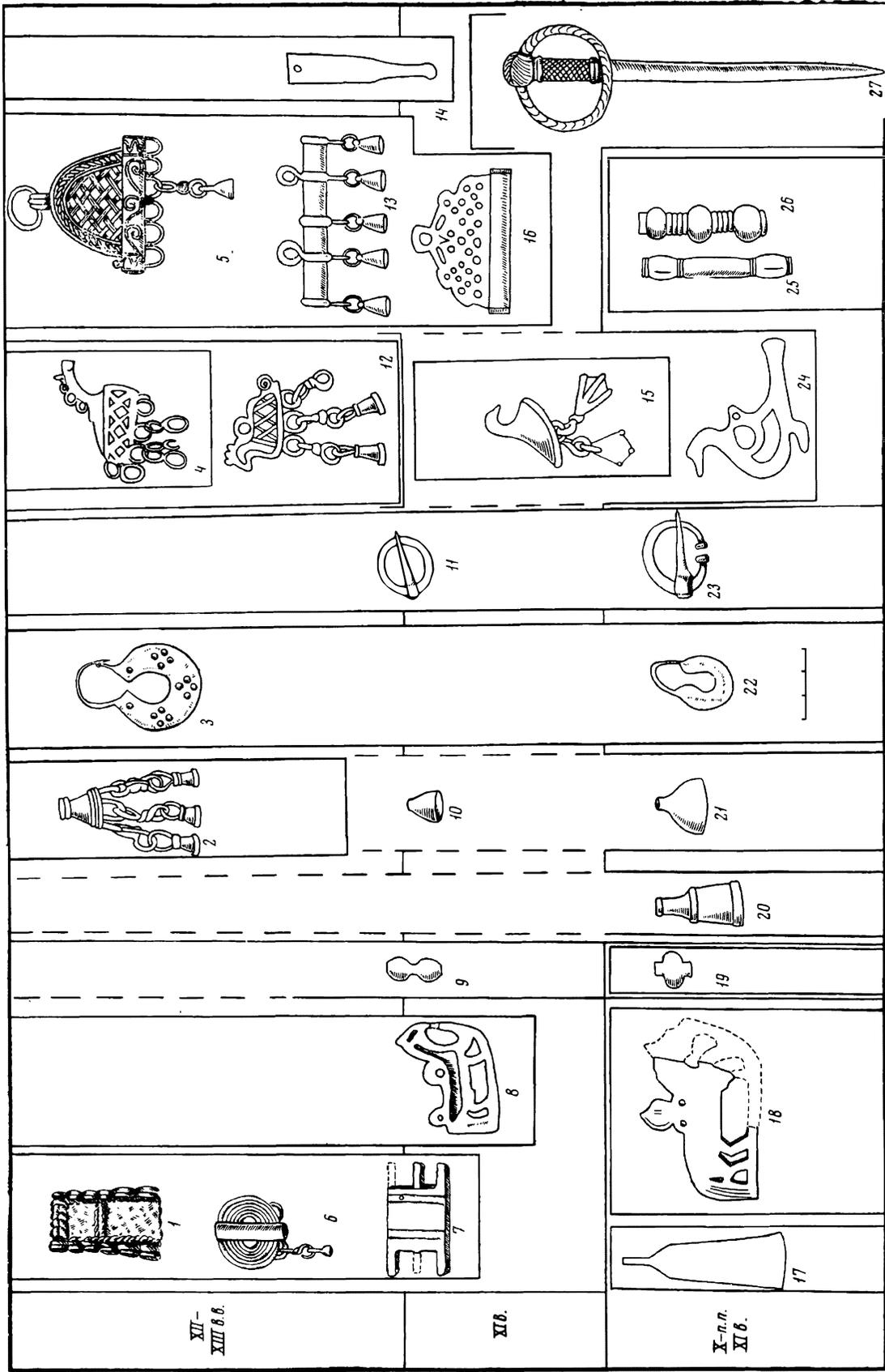

Рис. 4. Этнически определяющие украшения веса и характерные вещи из женских погребений

- 1 — цепдержатель; 2 — конусовидная шумящая привеска; 3 — лунничное височное кольцо; 4 — коньковая подвеска; 5 — игольник с арочным навершием; 6, 7 — цепдержатели; 8 — подвеска «конь на змее»; 9 — двойная бронзовая бузина; 10 — кололовидная подвеска; 11 — игольник с прорезной; 12 — огниво пластинчатое; 13 — подвеска «свадница на змее»; 14 — копоушка; 15 — подвеска-птичка; 16 — игольник прорезной; 17 — огниво пластинчатое; 18 — подвеска «свадница на змее»; 19 — бронзовая бусина; 20 — бутылковидная привеска; 21 — кололовидная привеска; 22 — лунничное височное кольцо; 23 — пряжка подковообразная; 24 — подвеска — уточка прорезная; 25, 26 — игольники лунные; 27 — лунничное височное кольцо.

восточнее Приладожья, представлены немногочисленными сериями. Однако и здесь, как мы увидим, они чрезвычайно четко связаны именно с финским этносом, что дает нам право рассматривать их в качестве этнически определяющих для белозерской и моложской веси (карта 4).

Эти группы веси также не были однородны, поскольку имели ранние и тесные контакты с мерей и славянами. Так, Воскресенская летопись различает «мерску и кривичску вель, рекше Белозерскую»⁴⁵. Значительные группы веси уже к XI в. вошли в состав древнерусской народности. Однако этот процесс не был завершен и в XIII в.⁴⁶

Нагрудные пряжки являются одним из характерных признаков женских финских погребений. В курганах с трупосождениями Юго-Восточного Приладожья и Мологи (Залужье) и в самых ранних курганах с трупоположениями встречены овалы фибулы (50 экз.). Обычно в погребении их две или одна в паре с фибулой другого типа. Как выяснила А. Гейер⁴⁷ по материалам некрополя Бирки, овалы фибулы соединяли на груди две пары бретелей неспитой юбки: короткие передние и длинные задние, перебрасываемые через плечо. Как фибулы, так и сам тип одежды характерны для национального женского костюма Скандинавии IX—XI вв.⁴⁸

Наличие парных овалы фибул в Ярославских и Приладожских курганах конца IX — начала XI в. с финским погребальным обрядом и инвентарем позволяет думать, что подобный костюм был свойствен и местным финским женщинам⁴⁹.

В погребениях XI в. овалы фибулы исчезают. В XI—XII вв. в качестве женских нагрудных пряжек встречаются различные типы подковообразных и кольцевидных. Нами учтено 122 экз.; из них 96 происходят из курганов Юго-Восточного Приладожья.

В табл. 6 приведены сведения о числе нагрудных пряжек в погребениях XI—XIII вв. и их расположении. В 16 погребениях XI в. и в 8 — конца XI—XII в. найдено по две и более нагрудных пряжек. В 13 случаях известно их

расположение на груди — слева и справа, на уровне ключиц или несколько ниже, что соответствует расположению овалы фибул. Не указывает ли это обстоятельство на сохранение определенного покроя женской одежды в финской среде и в XI—XII вв.?⁵⁰ Важно отметить, что погребения с парными нагрудными пряжками встречены в это время и на Суде (Нижний Конец, курган 4, Митино-Зворыкино, курган 3 группы 1). Две пряжки найдены в погребении женщины у дер. Копи (Верхнее Поволжье).

В 61 погребении найдено по одной нагрудной пряжке. В 5 случаях известно их расположение на середине груди, в 3 — на шее. Здесь пряжки, очевидно, служили для скрепления разреза рубахи или концов косынки, накидки. Но в 14 погребениях пряжки найдены у плеча или ключицы справа (5) или слева (9).

В кургане 2 у дер. Залюцик, раскопанном Д. П. Европеусом, на правом плече женщины лежали две подковообразные пряжки, одна под другой. Х. Салонен, издавший материалы этого погребения, полагал, что подобное расположение пряжек указывает на тип одежды, укрепленной на правом плече, аналогичной карельской *hurstut*⁵¹ — «юбке на лямке».

Бытование неспитой юбки на лямках, завязывающихся на плечах или на одном плече, зафиксировано этнографами в качестве древнейшего комплекса женской одежды у южных карел, ижорцев, води, эстонцев⁵². У вепсов юбка также являлась исконным видом одежды⁵³.

В славянских погребениях женские нагрудные пряжки встречались чрезвычайно редко и там, где славянское и финское население жило чересполосно. При этом более одной

⁴⁵ ПСРЛ, т. VIII. СПб., 1859, стр. 160.

⁴⁶ Н. Н. Третьяков. У истоков древнерусской народности. Л., 1970, стр. 117.

⁴⁷ I. A. Geijer. Die Textilfunde aus den Graben. «Birka», Bd. III. Uppsala, 1938, S. 139, 153—155.

⁴⁸ М. В. Феллер. Внешнеэкономические связи по материалам Ярославских могильников. Сб. «Ярославское Поволжье X—XI вв.». М., 1963, стр. 76, 80—83, рис. 43. В Норвегии и Швеции найдены 1092 овалы фибулы. В Финляндии, где этот тип одежды не был известен, зафиксировано всего 12 находок овалы фибул.

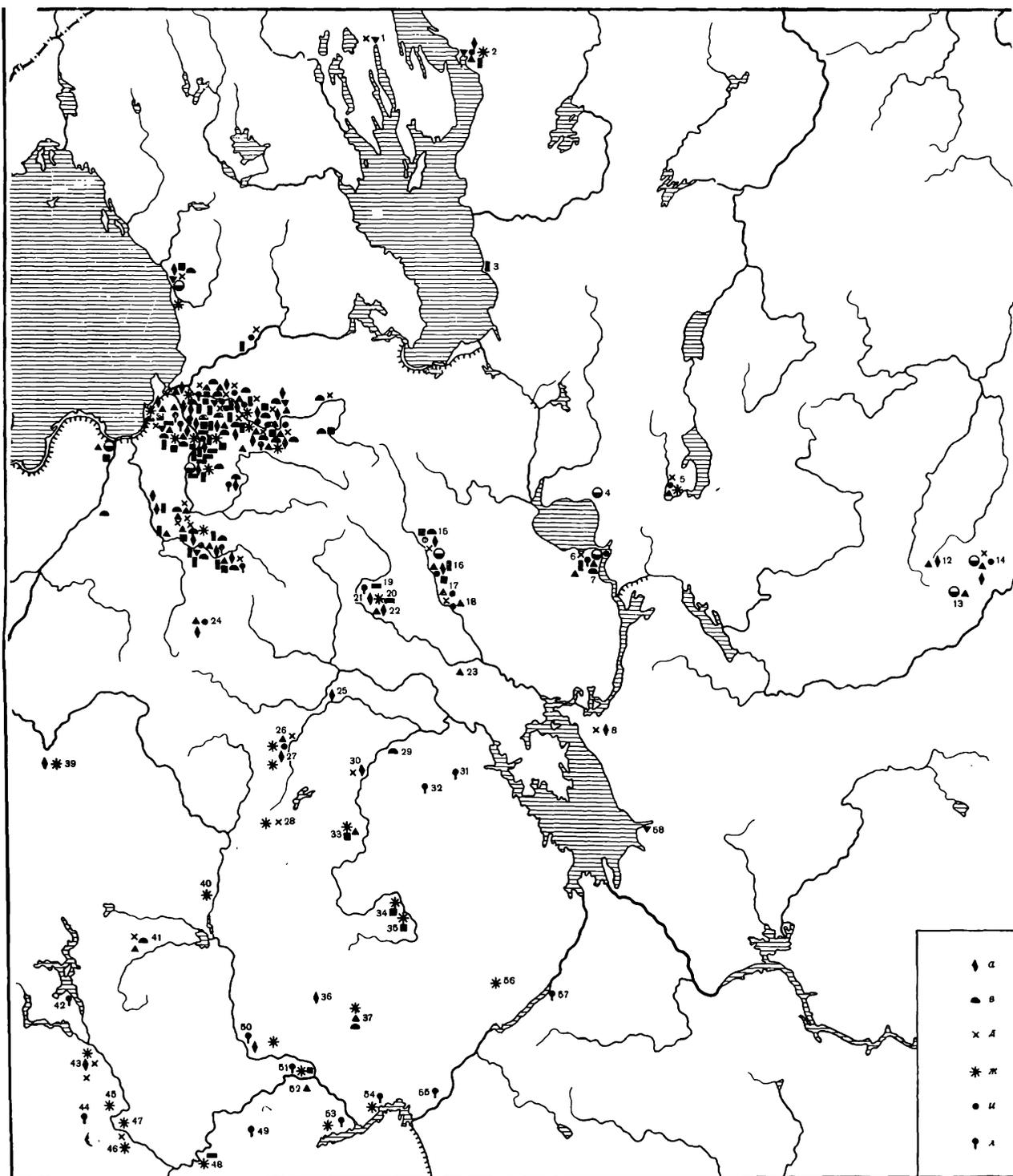
⁴⁹ Там же, стр. 82—83.

⁵⁰ Л. А. Голубева. Рец. на кн.: В. В. Пименов. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры (М.—Л., 1965). СА, 1967, № 1, стр. 306—307. Материал погребений в Кексгольме подтверждает бытование у карел в XII—XIII вв. неспитой юбки с двумя лямками, которую носили с парными нагрудными овалы фибулами карельского типа (см.: «Aus dem Eisenalta Karelens nach im Bezirke Kexholm gamschten». Funde von Theodor Schwandt. SMUA, XIII. Helsingissa, 1933, S. 109). Такие же фибулы вместе с нагрудными цепочками найдены в погребениях XII в. близ Костромы (см.: П. Н. Третьяков. Костромские курганы. ИГАИМК, т. X, вып. 6-7, 1934, стр. 20).

⁵¹ H. Salonen. Gräberfundt aus dem Ladogagebiete. ESA, IV, 1929, S. 245.

⁵² Н. Ф. Прыткова. Одежда ижор и води. «Западно-финский сборник», 16. Л., 1930, стр. 319—320; Р. Ф. Тарова. Материальная культура карел. М.—Л., 1965, стр. 159.

⁵³ В. В. Пименов. Вепсы. М.—Л., 1965, стр. 108.

Карта 4. Характерные вещи женских и мужских погребений веси

пряжки, располагавшейся обычно на середине груди, не найдено.

Нагрудные цепочки. Уже отмечалось, что овальные фибулы всегда сопровождалась нагрудными цепочками. Для X—XI вв. характерны цепочки из двойных или тройных проволочных звеньев⁵⁴. Одна цепочка или связка их (до четырех), присоединенных к двум бронзовым колечкам, прикреплялись к фибулам. Способ ношения двойки: цепочка прикреплялась противоположными концами к парным фибулам, располагаясь поперек груди, или каждая цепочка присоединялась только к одной фибуле и спускалась вдоль груди. Цепочки, носившиеся исперек груди, были более длинными (0,7—0,9).

Находки длинных цепочек в верховьях Мологи (табл. 7) позволяют предположить, что их носили здесь так же, как и в Юго-Восточном Приладожье. Косвенно это говорит о распространении такого покроя одежды, который требовал парных нагрудных фибул. В XI в. цепочки присоединялись к парным подковообразным фибулам.

Цепочки, прикреплявшиеся каждая к одной фибуле, были более короткими (0,2—0,35 м). К свободному концу их подвешивались зооморфные и шумящие подвески — обереги, копоушки, игольники. Подобный способ ношения нагрудных цепочек зафиксирован с X по XII в. Связки коротких нагрудных цепочек (две-три)

⁵⁴ Такие же цепочки в X—XI вв., бывшие в употреблении у земгалов, ливов, эстов, составляли вместе с булавками и цепедержателями специфически прибалтийское нагрудное украшение. Самое раннее употребление цепочек из проволочных колечек отмечено у латгалов (с VIII в.).

встречались и в погребениях XII в. с одной нагрудной пряжкой. Они найдены также в погребениях без пряжек. Вероятно, их прикрепляли к одежде. Известны находки таких цепочек у правого плеча (Левоча, курган 5) вместе с амулетами-оберегами.

Примечательно широкое распространение коротких нагрудных цепочек в верховьях Мологи и Волги, где финское население в основном слилось со славянами уже к XI в. Здесь они найдены в девяти курганных группах (Бежецы, Глинники, Загорье, Устье, Сорогожское, Дуденево и др.; 24 погребения).

Значительно реже нагрудные цепочки носились как ожерелье. В этом случае они прикреплялись к цеперазделителю, составляя замкнутое кольцо.

Цеперазделители (или цепедержатели). На исследуемой территории их найдено шесть. Два (курган 43 у дер. Бор и курган 44 у дер. Сязнига) — прямоугольные литые, имеют по 3—4 петли с боковых сторон⁵⁵ (рис. 4, 7). По находкам с монетами Оттона III датируются XI в. Такие цеперазделители известны и в курганах Ленинградской обл.⁵⁶, а также на территории земгалов, ливов и эстов. Весьма вероятно их восточнобалтийское происхождение⁵⁷. Четыре других экземпляра найдены в комплексах XII в. Два из них одинаковые кольцевидные с вертикальной перемычкой. Один найден Д. П. Евро-

⁵⁵ Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. МАР, № 18. СПб., 1895, рис. 111, 22.

⁵⁶ А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. МАР, № 20. СПб., 1896, рис. VII, 3.

⁵⁷ Э. С. Мугуревич. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965, стр. 84.

Карта 4 (окончание подписи)

а — нагрудные пряжки;
б — копоушки;
в — игольники;
г — подвески «всадница на змее»;
д — шумящие подвески;
е — лунничные височные кольца;
ж — нагрудные цепи и цепедержатели;
з — пластинчатые огнива и огнива с бронзовыми рукоятями;
и — бронзовые бусы;
к — горшки, окованные железными обручами;
л — железные иглы с кольцами;
м — зооморфные подвески;

1 — о-в Кокорив;
2 — Чёлмужи;
3 — Муромское озеро;
4 — Киснема;
5 — Погостище;
6 — Белоозеро;
7 — Пески;
8 — Минино;
9 — Аксеново;
10 — Васильевское городище;
11 — Кокшеньга;
12 — Кудринская;
13 — Марьино;
14 — Старовская Пустошь;
15 — Нижний Конец;
16 — Митино-Зворыкино;
17 — Борисово-Судское;
18 — Стан;
19 — Новинка;

20 — Степаново;
21 — Дудино;
22 — Бабаево;
23 — Ширьево;
24 — Мозолево;
25 — Белые Кресты;
26 — Левоча;
27 — Кобожа;
28 — Абакумова;
29 — Куреваниха;
30 — Пестово;
31 — Сухолжино;
32 — Крестцы;
33 — Сорогожское;
34 — Узмень;
35 — Бежец;
36 — Прудово;
37 — Кидомля;
38 — Новгород
(б, в, л, м);
39 — Бор;
40 — Федово;
41 — Могилевская Пустынь;
42 — Николо-Рожок;
43 — Коши;
44 — Сазонова;
45 — Васильевское;
46 — Гульцево;
47 — Подборовье;
48 — Бабново;
49 — Гостомля;
50 — Савинские Горки;
51 — Дуденева;
52 — Мятлева;
53 — Загорье;
54 — Устье;
55 — Кимры;
56 — Кашин;
57 — Золоторучье;
58 — Зубаревские курганы

Таблица 6

Нагрудные пряжки в женских погребениях с труположениями (без Юго-Восточного Приладожья)

№ п/п	Местонахождение	Исследователь	Ориентировка	Число пряжек	Расположение пряжки	Дата, век	Этническая принадлежность
1	Бабаево, курган 2	Н. В. Тухтина	З	1	На груди	XII	Ф (?)
2	Там же, курган 4	Она же	З		У челюсти (ключицы? — Л. Г) слева	XII—XIII	Ф (?)
3	» » » 6, погребение 1	»	СВ	1	У ног	XI	Ф
4	Бабаево, курган 6, погребение 2	»	»	1	На груди	XI	Ф
5	Бор, курган 43 (7)	В. Н. Глазов	?	1	То же	XI	Ф
6	Белые Кресты	Д. П. Европеус	?	1	?	Начало XI	Ф (?)
7	Дудино, курган 3	Н. В. Тухтина	ЮЗ	1	На груди	Конец XI	Ф
8	Кобожа, курган 7	В. И. Равдоникас	ЗЮ	1	То же	XI	Ф
9	Коши, курган 10	В. И. Власов	СЗ (?)	2	?	XI	Ф
10	Марьино, погребение 1	Н. А. Черницын	З	1	На груди	XII—XIII	Ф
11	Мишино	?	Ю	1	То же	XI	Ф
12	Митино-Зворыкино, 1-я группа, курган 3	А. В. Панин	Ю	2	»	XII	Ф
13	Там же, курган 4	Он же	Ю	1	»	XII	Ф
14	Нижний Конец, курган 1	Н. В. Тухтина	Ю	1	»	Конец XI—XII	Ф
15	Там же, курган 4	Она же	Ю	2	Справа и слева у ключиц	Конец XI—начало XII	Ф
16	» » курган 5	»	Ю	1	На груди слева	То же	Ф
17	Прудово	А. Е. Гроздов	СВ	1	?	XII	Ф
18	Савинские горки, курган 22	В. И. Колосов	СЗ	1	На правом плече	XI—XII	Ф
19	Старовская пустошь, погребение 1	Н. А. Черницын	ЮВ	1	На груди справа	XII	Ф
20	Там же, погребение 2	Он же	СЗ	1	То же	XII	Ф
21	Челмужи, курган 2, погребение 1	Г. П. Гроздилов	Ю	2	Справа и слева у ключиц	Начало XI	Ф
22	Там же, курган 5	Он же	Ю	1	На груди	XI—начало XII	Ф

пеусом в кургане 3 — Горка Никольское на Ояти⁵⁸. Второй происходит с Васильевского городища на Ваге; у него снизу припаяны две петли (рис. 4, 6). Аналогичные экземпляры известны в Костромских и Ивановских курганах. Пятый и шестой экземпляры индивидуальны. Один найден в кургане 5 у дер. Яровщины на р. Ояти⁵⁹, другой — в погребении у дер. Погостице на р. Модлоне⁶⁰ (рис. 4, 1). Цеперазделители отливались по восковой модели, и их местное производство очевидно.

Бронзовые бусы. Бусины из листовой бронзы, сферические, с узкими оттянутыми краями, заполненные внутри глинистой массой с

воском, так называемые флакончики, — характерная особенность курганов Юго-Восточного Приладожья. Это отметил еще В. И. Равдоникас. С. И. Кочкуркина предложила рассматривать их в качестве этнически определяющего признака приладожской, главным образом оятской, веси⁶¹. Н. В. Тухтина справедливо считает их характерными также для веси белозерской⁶² (рис. 4, 19).

С. И. Кочкуркина полагает, что бронзовые бусы носили в качестве ожерелий. Но в кургане 2 (63) в Ньюиничи нить с 77 бусинами длиной 118 см были прикреплены обоими концами к двум подковообразным пряжкам, лежавшим на груди скелета справа и слева. Нить с бусами

⁵⁸ A. Tallgren. Fornsaker från Olonets på Historiske Museet i Helsingfors. Finsk Museum, 1916, fig. 20.

⁵⁹ I. R. Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien, v. III. Helsingfors, 1878, fig. 1127.

⁶⁰ Л. А. Голубева. Археологические памятники веси на Белом озере. СА, 1962, № 3, рис. 15, 7.

⁶¹ С. И. Кочкуркина. Приладожье в X—XIII вв., стр. 53—54; она же. Оятские могильники X—XI вв., стр. 76.

⁶² Н. В. Тухтина. Об этническом составе..., стр. 135.

Таблица 7

Цепи, соединявшие парные нагрудные пряжки, в женских курганных погребениях (без Юго-Восточного Приладожья)

№ п/п	Местонахождение	Исследователь	Размер и число нагрудных цепочек	Дата, век	Этническая принадлежность
1	Залужье	Д. П. Европеус	Длинная цепочка, соединявшая две овальные фибулы	X — начало XI	Скандинавская
2	Коши, трупоположение на материке	В. И. Власов	Цепочка из проволочных звеньев; две бронзовые пряжки	XI	Ф
3	Гульцево, трупоположение головой на север	Курган раскопан в 1886 г.	Четыре цепочки навешаны на одно кольцо, а одна — на другое кольцо. Там же проволочная спираль длиной 17 см	XI	Ф
4	Воронцово	Н. А. Ушаков	Цепочка из тройных проволочных колец. Длина — 43 см. Подвешен крест	XI	Славянская
5	Кидомля, трупоположение головой на запад	П. И. Казначеев	Цепочка из овальных проволочных звеньев длиной 39 см и обрывки другой, одетой на кольцо. Там же подвеска-уточка, медная трубочка с тремя вздуттями (игольник? — Л. Г.)	XI	Ф
6	Сорогожа	А. Анненский	Четыре цепочки длиной по 37 см из тройных проволочных звеньев. Присоединены к двум бронзовым кольцам. Подвешены: ложечка, конек обычный, бубенчики	XI (?)	Ф
			Цепочка длиной около 65 см из тройных проволочных звеньев. Присоединена к одному кольцу. Подвешены: ложечка, конек обычный, бубенчик, крестик	XI (?)	Ф
7	Узмень, оз. Берестово	Курган раскопан в 1892 г.	Части цепочек из проволочных звеньев, навешанные на два кольца. Общая длина 140 см. К ним подвешены костяная и бронзовая копоушки, костылек, клык зверя	XI (?)	Ф
8	Васильково	Найдены при земляных работах в 1882 г.	Цепь из тройных проволочных звеньев длиной 77,5 см. Подвешены: бубенчик, крестик, два колечка, бусина, клык зверя, косточка сливы, трубочка, свернутая из медной пластинки (игольник? — Л. Г.)	XI (?)	Ф

заменяла в данном случае нагрудную цепь. Дата погребения — X в.⁶³ В погребении с сожжением — Шангиничи, курган 7 (63, лес) — 42 бронзовые бусины найдены вместе с двумя овальными фибулами. Нить с бусами, по-видимому, соединяла эти фибулы. Нагрудная цепь в числе находок не отмечена⁶⁴. Наконец, в Челмухах (курган 2) две низки бронзовых бус составляли украшение, спускавшееся от пояса до ног. На конце одной нити — бронзовая обойми-

ца для кисти⁶⁵. Бронзовые бусины — «флаконики» имеют хорошо установленную дату — X — первая половина XI в. Эта дата подтверждается находками в культурном слое Белоозера и погребениями на реках Кожобе и Суде. За пределами Приладожья и Белозерья эти бусы встречены в одновременных погребениях Ярославского Поволжья и Весселовского могильника на Ветлуге, а также в Прикамье⁶⁶, Приобье⁶⁷, Большеземельской тундре⁶⁸. Однако за преде-

⁶³ Г. П. Гроздилов. Курганы у дер. Челмухи, стр. 112.

⁶⁴ Мелехинский могильник, погребение 9. Вместе с прорезной подвеской-уточкой оятского типа. Колл. Пермского гос. ун-та, № 712.

⁶⁵ Т. Arne. Barsoff Corodok. Stockholm, 1935, № 3, fig. 15—16.

⁶⁶ Г. А. Чернов. Жертвенное место в Большеземельской тундре. СА, XXIII, 1955, рис. IX, 3.

⁶³ А. М. Линецкий. Отчет о раскопках курганов XI в. по р. Ояти в Ленинградской обл. в 1949 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 400.

⁶⁴ А. М. Линецкий. Отчет о раскопках курганов XI в. на р. Ояти Ленинградской обл. в 1948 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 258.

лами Приладожья они нигде не известны в большом количестве.

Помимо «флакончиков» в курганах Приладожья есть двоянные бусы меньшего размера (рис. 4, 9). Они появляются уже в погребениях с трупосожжениями. Так, в кургане 1 (148) Гайгово нить с 53 двоянными бусинами лежала отдельно от кальцинированных костей в свертке из бересты. Концами она была прикреплена к двум пряжкам, явно заменяя собой нагрудную цепь. Длина нити 130 см⁶⁹. Бронзовые двоянные бусы продолжали бытовать и после исчезновения бус-«флакончиков». Такие бусы найдены в составе ожерелья в кургане 3 первой группы у дер. Митино-Зворыкино на р. Суде⁷⁰, а также в траншее рядом с женским погребением 2 у дер. Погостице⁷¹. Дата погребения — XII в.

Маленькие кольцевидные или цилиндрические бронзовые бусины также должны быть отнесены к традиционным финским украшениям. Они бытовали в Приладожье и на смежных территориях с начала XI по XII—XIII вв. Наиболее ранние находки происходят из кургана 6 с трупосожжением у дер. Карлуха (начало XI в.)⁷². Затем они встречены в курганах XII в. на Ояти⁷³ и Суде⁷⁴. Такие же бусины-пронизки найдены в грунтовых погребениях XII в. восточнее Шексны, в Старовской Пустоши и Погостице.

В погребении 1 у дер. Погостице таких бусин было более 200. Одни входили, видимо, в состав нагрудного украшения, от которого сохранился цеперазделитель на шесть нитей; другие были наизаны на ремешки; с последних спускались массивные конусовидные привески⁷⁵.

Игольники. Представлены значительной серией находок — 67 экз. Из них 53 происходят из курганов Юго-Восточного Приладожья. Различаются цилиндрические, с фигурным навершием, с арочным плетеным навершием.

Игольников цилиндрических — 39 экз. Они имеют наиболее широкий ареал и бытуют с X

по XII в. Пять сделаны из птичьих косточек, остальные — металлические: железные и бронзовые пластинчатые, бронзовые литые. Металлические игольники представлены шестью типами (табл. 8). Как костяные, так и металлические игольники с петлями для подвешивания не представляют собой оригинальных местных форм. Такие же игольники в большом количестве найдены в Бирке⁷⁶. Они известны также в Норвегии⁷⁷, Латвии и Эстонии⁷⁸. В Финляндии обнаружен только 1 экз. Вероятно, некоторая часть цилиндрических игольников в курганах Юго-Восточного Приладожья представляла собой импорт из Скандинавии. Однако такие же могли изготовлять и на месте. Подавляющее большинство находок происходит из погребений, которые по обряду захоронения или инвентарю можно отнести к финским. Бесспорным доказательством местного производства игольников являются экземпляры, снабженные шумящими привесками (3). Два таких игольника найдены в кургане 3 у с. Шангиничи на р. Ояти с монетами 1038 — 1090 гг. (рис. 4, 13) и на Васильевском городище на Ваге. Различны только шумящие привески — колокольчики у первого и «лапки» у второго. За пределами Юго-Восточного Приладожья известен еще один игольник с петлей в финском кургане 1 у дер. Нижний Конец на р. Суде (XI в.).

К местным типам цилиндрических игольников можно отнести игольники без петель, в виде бронзовых трубочек, гладких, с нарезками и утолщениями на концах или с двумя-тремя шаровидными или овальными вздутиями (рис. 4, 25, 26). Последние помимо Юго-Восточного Приладожья найдены в бассейне р. Молого в кургане 9 близ дер. Куреванихи на р. Кат и в кургане 2 у дер. Кидомля; погребения датируются X — XI вв. (карта 4).

Аналогичные трубочки со вздутиями известны в женских финских погребениях X — XI вв. на Вычегде и Выми — в Усть-Сысольском могильнике, в могилах 6, 34, 79, 81 у порога Кичиль-Кос. Найдены они и в Костромских курганах. Обычно в погребении встречаются 1—2 экз.

Игольники без петель хорошо известны у народов Севера, в частности у чукчей и эскимосов. Способ употребления их описан Д. Н. Анучиным⁷⁹: в трубочку пропускается мягкий реме

⁶⁹ А. М. Ливневский. Отчет о раскопках курганов XI в. по р. Ояти в Ленинградской обл. в 1949 г.

⁷⁰ Л. А. Голубева. Археологические памятники веси на Белом озере, рис. 12, 27.

⁷¹ Н. В. Тухтина. Об этническом составе..., рис. 1, 1.

⁷² В. И. Равдоникас. Памятники эпохи возникновения феодализма..., рис. X, 6.

⁷³ А. М. Ливневский. Отчет о раскопках курганов XI в. по р. Ояти в Ленинградской обл. в 1949 г., курган 2, Кяргино-Гарняки. Бусины наизаны на ремешки, к которым прикреплены конусовидные привески.

⁷⁴ Женское погребение у хутора Стап; 47 бусинок, наизанных на тонкие ремешки. МАЭ, колл. 6012.

⁷⁵ Л. А. Голубева. Археологические памятники веси на Белом озере, рис. 16, 1.

⁷⁶ H. Arbmán. Birka, Bd. II Tafeln. Uppsala, 1940-1943, tab. 167, 168.

⁷⁷ I. Petersen. Vikingetidens smykker. Oslo, 1928, p. 17.

⁷⁸ RK, taf. 18, 33; 28, 7; I. K. Bähr. Die Gräber der Liven. Dresden, 1850, fig. IV, 4; X, 11-12.

⁷⁹ Д. Н. Анучин. О культуре Костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах. МАВГР, т. III. М., 1899, стр. 256.

Таблица 8

Игольники

Категории	Материал	Типы	Обряд погребений			Наличие финских украшений	Дата погребений, век	Этническая принадлежность	Число находок
			неизве-стен	сожже-ние	трупо-положе-ние				
Цилиндриче-ские	Кость Железные и бронзо-вые	С петлями	С одной петлей	4	1	×	X—XI	Сканд. и Ф	5
			С двумя петлями	3	7	×	X—XII	То же	11
			С шумящими при-весками	3	3	×	X—XII	Ф	6
	Бронзовые	Без петель	Гладкие	1	2	×	Начало XI—XII	Ф	3
С поясками и на-резками			2	2	×	X—XI	Ф	4	
С двумя-тремя вздутиями			2	4	×	X—XII	Сканд. и Ф	7	
С фигурным навершием	Бронзовые	Навершие сплош-ное	1	3	×	X — начало XI	Ф	4	
		Навершие прорез-ное	1	2	×	XI—XII	Ф	3	
		Навершие ажур-ное	2	8	×	XI—XII	Ф	10	
			1	3	×	XII—XIII	Ф	4	
С арочным пле-тенным навер-шием			4	2	×	XII—XIII	Ф	6	
Форма неизвес-тна								4	

шок с воткнутыми в него иголками и узлом внизу. Последний не позволяет трубочке соскочить; противоположный конец ремешка крепится к одежде на груди или к поясу.

Игольники с фигурным навершием появляются только в XI в. и бытуют в XII в. (17 экз.). Различаются три типа (см. табл. 8). Игольники с прорезным подтреугольным навершием (рис. 4, 16) представлены серией стандартных отливок (10 экз.). За пределами Приладожья игольники этого типа известны в Новгороде (1 экз.), Залахтове (1 экз.), Финляндии (1 экз.) и в Костромских курганах.

Игольники с арочным навершием (6 экз.) бытуют в XII—XIII вв. Найдены в курганах Ояты, Паши и быв. Тихвинском уезде. Выполнены в сложной технике: арка навершия и футляр для иголок отливались по восковой модели, а пространство под аркой заполнялось проволочками, переплетенными в косую решетку. Все игольники различны по рисунку навершия, но их объединяет форма литых звеньев и шумящих привесок с мотивом спирали (рис. 4, 5). Такие же звенья и трехспиральные привески украшают нагрудную це-

почку из кургана 3 Никольщина, раскопанного Д. П. Европеусом⁸⁰. По массивным конусовидным привескам, ф-образным пронизкам это погребение хорошо датируется XII в. Рисунок спирали повторен на копоушке, найденной совместно с арочным игольником в кургане 118 у дер. Шахново. Там же — четырехспиральные привески⁸¹.

Косорешетчатый орнамент наверший игольников повторяет рисунок на круглых подвесках XII—XIII вв., характерных для Новгородской земли⁸². Этот же орнамент встречается на зооморфных подвесках XIII в. (см. стр. 43, 45). Можно думать, что арочные игольники изготовлялись на той же территории, где и носили. Облик нарядной шумящей подвески и традиционный мотив спирали заставляют отнести арочные игольники к кругу ювелирных изделий фин-

⁸⁰ I. R. Aspelin. Antiquites du Nord Finno-Ougrien, v. III, fig. 1127.

⁸¹ Н. Е. Бранденбург. Указ. соч., рис. 5, 2.

⁸² А. В. Успенская. Нагрудные и поясные привески. Сб. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Труды ГИМ», вып. 43. М., 1967, стр. 108, рис. 19.

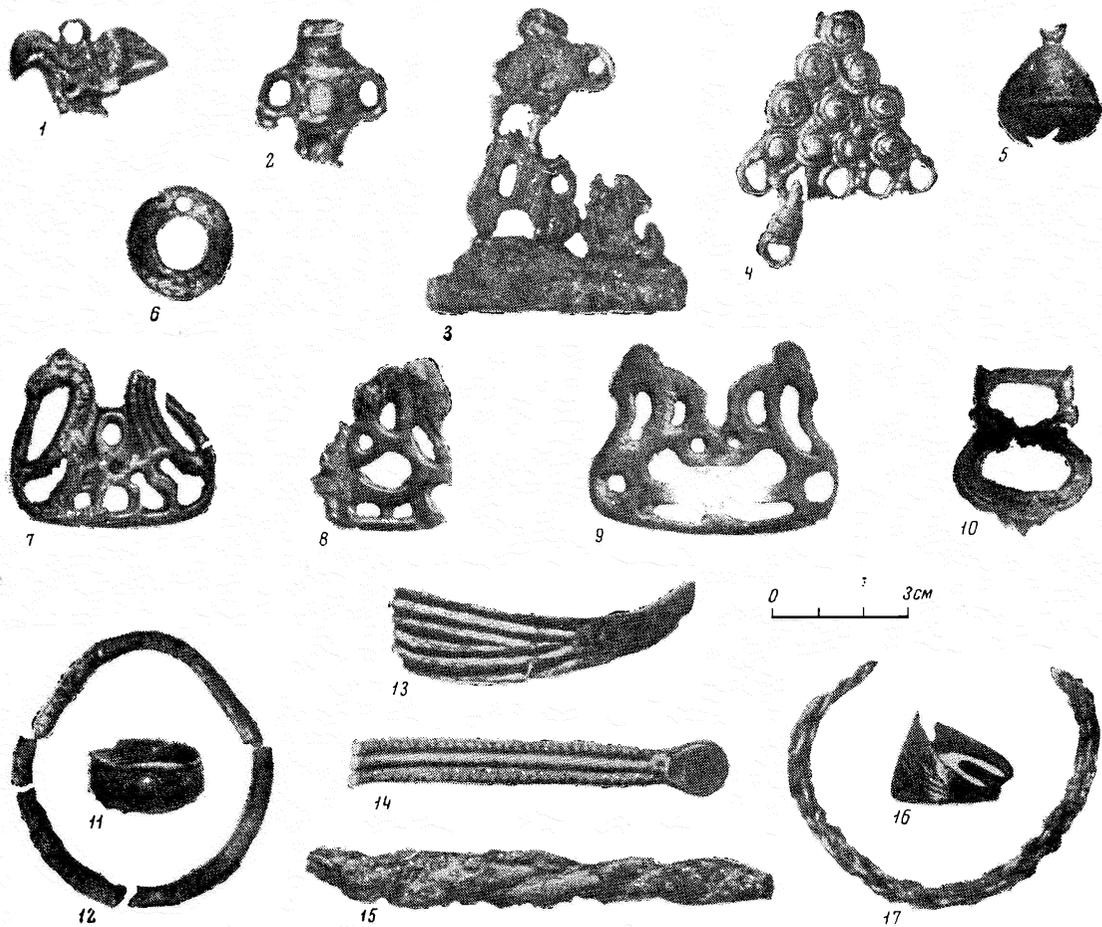

Рис. 5. Белоозеро. Украшения из цветных металлов

1, 4 — шумящие подвески;
2 — прошивка;
3 — подвеска-игольник;
5 — бубенчик;

6, 10 — пряжки;
7, 8, 9 — коньковые подвески;
11, 16 — перстни;
12—14, 17 — браслеты;

15 — гривна;
1 — 10, 15, 16 — бронза;
11 — 14 — свинцово-оловянистые сплавы

ского происхождения. Такой же игольник найден в Новгороде в слое середины XII в.⁸³ Сходные известны в Костромском Поволжье⁸⁴.

Шумящие украшения. К ним относятся бронзовые бутылковидные, колоколовидные и конусовидные привески. Они входили в состав сложных нагрудных и поясных украшений или употреблялись самостоятельно, подвешенные на ремешке.

Бутылковидные привески (рис. 4, 20). По подсчетам С. И. Кочкуркиной, в Приладожских

курганах известно 25 таких привесок из 18 погребений X и XI вв.⁸⁵ За пределами Приладожья они найдены в комплексах пачала XI в на о-ве Кокорин (Онежское озеро) и Белоозере, у с. Аксеново⁸⁶. Встречаются и в женских погребениях XII в. (погребение 9 у дер Мозолево⁸⁷ и в кургане 1, погребение 2 — Борисово-Судское⁸⁸). Такие подвески есть и в

⁸³ М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода. МИА, № 65, 1959, рис. 3, 12.

⁸⁴ Ф. Д. Нефедов. Раскопки курганов в Костромской губернии, произведенные летом 1895 и 1896 гг. МАВГР, т. III, рис. 2, 1.

⁸⁵ С. И. Кочкуркина. Приладожье в X—XIII вв. Руккопись, стр. 85.

⁸⁶ Л. А. Голубева. Археологические памятники весна на Белом озере, рис. 4, 3, приложение № 2, 96.

⁸⁷ В. И. Равдоникас. Памятники эпохи возникновения феодализма..., рис. XVIII, 5.

⁸⁸ Н. В. Тухтина. Об этническом составе..., рис. 4, 2

коллекции с Васильевского городища⁸⁹ (карта 4).

Колоколовидные привески также в основном характерны для X—XI вв. В Приладожье известно более 30 экз. Их ареал за пределами Приладожья тот же, что и бутылковидных привесок (о-в Кокорин, курганы XI в. по р. Левочье; Белоозеро; Минино под Череповцом). Единичные экземпляры встречаются и в XII в. на Суде и Ваге (рис. 4, 10, 21). Оба типа привесок имеют аналогии на территории поволжских финно-угров. Здесь они представлены многочисленными сериями, известны и в более ранних памятниках.

В XII—XIII вв. в Приладожье и Белоозерье появляются массивные конусовидные привески с двумя петлями внизу, к которым подвешены бубенчики или колокольчики. В Приладожских курганах их известно всего 7 экз. Такие же найдены в дер. Погостище⁹⁰, Пустышненском могильнике⁹¹, на Ваге (рис. 4, 2). В Погостище на Модлоне и Яровщине на Ояти (раскопки Д. П. Европеуса) эти привески найдены с ф-образными пронизками, характерными для Прикамья XII—XIII вв. Подобные пронизки обнаружены также на Белоозере (рис. 5, 2) и Васильевском городище на Ваге.

Подвески-обереги (всадница на змее). Одними из наиболее ранних являются подвески, изображающие женщину на коне, попирающем змея. Прикамское происхождение таких подвесок, равно как и связь их с древними местными культами, несомненны⁹² (рис. 4, 18). Из Приладожья, Тихвинского района⁹³, Обонья и района Ваги известно 13 таких подвесок. Они датируются X — серединой XI в. Эти подвески претерпели на территории Приладожья значительную эволюцию. В самом позднем варианте фигура женщины исчезает, замененная петлей на спине коня (рис. 4, 8). В кургане 5 (137) у дер. Круглицы такая подвеска найдена вместе с косорешетчатой подвеской, что датирует ее XII в. Помимо Приладожья (3 экз.) подвески «конь на змее» найдены в Зубаревских курганах на Рыбинском море (1 экз.), на Ваге (1 экз.).

Зооморфные подвески. Их классификация и хронология на материале Приладожских

курганов разработаны С. И. Кочкуркиной⁹⁴. Установлен ряд местных типов⁹⁵:

а) подвески, изображающие четвероногое с коротким хвостом и массивной головой, увенчанной кругом, датируются X—XI вв. Найдены только в курганах по р. Ояти⁹⁶. Очертания животного напоминают лося;

б) коньковые подвески. В памятниках X—XI вв. Приладожья и Белоозерья их очень мало. Можно назвать лишь несколько экземпляров.

Литые плоские двухголовые подвески прикамского происхождения (1 и 2-й варианты VI типа⁹⁷). Три экземпляра найдены в двух курганах Приладожья: с трупосожжением (Подъелье, курган 103, комплекс 1)⁹⁸ и с труположением с южной ориентировкой (Заозерье, курган 6)⁹⁹. Дата подвесок — вторая половина — конец X в.

Коньковые подвески ажурные, мерянского типа — 2 экз. Одна найдена вместе с прикамской подвеской в кургане 103 у дер. Подъелье; вторая происходит из горизонта второй половины X — начала XI в. Белоозера¹⁰⁰ (см. рис. 51, 14). Мы не упоминаем подвесок, известных как «конек обычный», и некоторых других, имевших распространение в славянских и финских памятниках. Их число невелико. В XII в. число коньковых подвесок несколько увеличилось.

Литые полые коньковые подвески. Среди них следует различать два варианта: а) коньки с зигзаговым орнаментом по тулову и гривой, переданной перевитым жгутом, — 5 экз. Четыре из них найдены в Приладожье и один — в кургане 1 Бабаева¹⁰¹. Дата — XII—XIII вв. Такие подвески известны в Новгородской земле, в Костромских курганах и погребениях коми; б) коньки с одинарным или двойным зигзаговым орнаментом, образующим косую решетку. Грива из напаянных колечек (5 экз.). Найдены вместе с коньком «а» в кургане 1 Бабаева, у дер. Щипняк на р. Паше¹⁰², а также в грунтовых погребениях Марьинского, Пустошенского и Кудринского могильников¹⁰³ (рис. 4, 4). Датируются также XII—XIII вв.

⁹⁴ С. И. Кочкуркина. Приладожье в X—XIII вв. Рукопись, стр. 89—106.

⁹⁵ С. И. Кочкуркина. Оятские могильники X—XI вв.

⁹⁶ Там же, стр. 75.

⁹⁷ Л. А. Голубева. Коньковые подвески Верхнего Прикамья. СА, 1966, № 3, стр. 95—97.

⁹⁸ Н. Е. Бранденбург. Указ. соч., рис. 3, 6.

⁹⁹ W. I. Raudonikas. Die Normannen der Wikingzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930, fig. 50.

¹⁰⁰ Л. А. Голубева. Археологические памятники веси на Белом озере, рис. 2, 5.

¹⁰¹ Н. В. Тухтина. Об этническом составе..., рис. 3, правый.

¹⁰² С. И. Кочкуркина. Курганы на р. Паше, рис. 1, 3.

¹⁰³ Н. А. Черницын. Угро-финские могильники..., рис. 1, 1; 2, 1; 3, 2.

⁸⁹ А. А. Спицын. Археологический альбом, ЗОРСА, т. XI. Пг., 1915, рис. 40.

⁹⁰ Л. А. Голубева. Археологические памятники веси на Белом озере, рис. 16.

⁹¹ Н. А. Черницын. Угро-финские могильники..., рис. 4, 7.

⁹² Л. А. Голубева. Археологические памятники веси на Белом озере, стр. 61.

⁹³ ГЭ, ОИПК, секция Северо-Запада, колл. 88/115.

Рис. 6. Женские украшения из погребений веси

- 1 — Абакумова (МАЭ, колл. 18, 1);
 2—4, 7, 16 — хут. Стан (МАЭ, колл. 6012);
 5—6, 8—11 — р. Кобожа (МАЭ, колл. 1533);
 15, 17, 19 — Бустрыгино (МАЭ, колл. 1533);
 12, 13 — Ширьево (Череповецкий музей, колл. 766 и 742);
 14, 18 — Торово (Череповецкий музей, колл. 2946)

Н. А. Черницын обратил внимание на косошеччатый орнамент коньков «б». От Приладожья до Сухоны такой орнамент распространен не только на объемных «коньках», но и на «птичках», щитках арочных игольников, круглых подвесках. Видимо, для данной территории он специфичен. Поэтому можно думать, что объемные коньки варианта «б» производились именно здесь.

Стилизованные прорезные коньковые подвески. Представлены двумя вариантами: а) условное изображение человека между двумя конями (3 экз.). Два такие подвески, возможно, литые в одной форме, происходят из культурного слоя Белоозера XII в. (рис. 5, 7) и женского погребения 1 у хутора Стан на Суде (рис. 6, 7). Такая же подвеска найдена на Ваге (Васильев-

скос городище); б) условно переданные парные разносмотрящие головы коней (9 экз.). В Приладожье найдены 2 экз. — у с. Никольщина на Опяти и в Старой Ладоге. Остальные происходят из погребений XII в. на реках Воложке (1 экз.), Модлоне (1 экз.) и у Рыбинского во дохранилища (1 экз.).¹⁰⁴ По 2 экз. обнаружены на Белоозере (рис. 5, 8, 9) и Васильевском городище.

Обзор трех групп коньковых подвесок приводит к выводу, что в Приладожье и Белоозерье они не местные, а привозные. Собственных типов коньковых подвесок здесь не было создано. Это отличает весь от соседней мери, для которой подвески-коньки, выполненные в наборной технике, являлись характерным этническим украшением X—XI вв.¹⁰⁵

Наибольшее число стилизованных прорезных коньковых подвесок разных вариантов известно на территории Костромской обл., где, очевидно существовало их производство.

Подвески-птички. Подвески, изображающие водоплавающую птицу — утку, получили большое распространение в Приладожье. Здесь уже в X—XI вв. возник ряд оригинальных типов «птичьих» подвесок.

Среди подвесок XII в. также можно выделить образцы, которые предположительно изготовлялись в Приладожье. Ареал «птичьих» подвесок приладожского происхождения охватывал в XI в. Вагу, а в XII в. и Сухону.

Плоские прорезные подвески-уточки. Подвеска, изображающая утку со сложенными крыльями, возникла, видимо, в Приладожье, где представлена 34 экз. Дата бытования — вторая половина X в. — начало XII в.¹⁰⁶ Для X—XI вв. данный тип отличался удивительной стандартностью, поэтому можно утверждать, что подвески найденные в Акснове, Старой Ладоге, Выриц Ленинградской обл.¹⁰⁷, Новгороде¹⁰⁸ и в Мелехинском могильнике в Прикамье¹⁰⁹, происходят из Приладожья (рис. 4, 24). В XII в. эти подвески в Приладожье уже не отличались единым образом. Тем не менее именно здесь можно найти аналогии прорезным подвескам-уточкам из погребения 2 у дер. Погостище¹¹⁰ и из Кокшеньги¹¹¹.

¹⁰⁴ Л. А. Голубева. Археологические памятники вез на Белом озере, стр. 70, 72.

¹⁰⁵ Е. И. Горюнова. Указ. соч., рис. 40, 41.

¹⁰⁶ С. И. Кочуркина. Оятские могильники X—XI вв стр. 72—75.

¹⁰⁷ ОИПК, секция Северо-Запада, колл. 703, № 9, 12

¹⁰⁸ М. В. Седова. Указ. соч., рис. 2, 6.

¹⁰⁹ Пермский ун-т, кабинет археологии, колл. 712/766 из погребения 9.

¹¹⁰ Н. В. Тухтина. Об этническом составе..., рис. 4, 4

¹¹¹ Колл. Тотемского музея.

Две подвески приладожского происхождения и не менее четырех подражающих им местных отливок найдены на севере Швеции¹¹².

Сходные с приладожскими прорезные подвески-уточни известны в Костромских курганах. Вероятно, они представляли собой местные отливки с поздних образцов приладожских подвесок. В Приладожье имеются также стилизованные прорезные подвески, утратившие сходство с определенным видом птицы; их единицы.

Полые подвески-уточни без лапок и с двумя подвижными лапками, гладкие или со жгутовыми накладками. В Приладожье выявлена серия стандартных подвесок этого типа (23 экз.). Дата — X—XI вв. Единичные экземпляры встречались в XII в.¹¹³ Такая подвеска найдена и на Суде¹¹⁴ (рис. 6, 16).

Полые подвески-птички с гребешком, вздернутым хвостиком и двумя утиными лапками, подвешенными к петлям на восьмеркообразных или двойных взаимно перпендикулярных звеньях. Некоторые сделаны из биллона. Двенадцать экземпляров из Приладожья датируются XI—XII вв.¹¹⁵ Отсюда они проникли на Суду (2 экз.)¹¹⁶, Шексну¹¹⁷ (рис. 6, 12) и Вагу. Такие же подвески найдены в Перми¹¹⁸ и на р. Сысоле¹¹⁹.

Полые подвески (судя по головке с крупным вздернутым клювом и зигзаговым орнаментом по тулову), изображающие водоплавающую птицу (утку?). Хвостик из закрученных в кольцо проволочек. Две привески — лапки или колоколовидные — на восьмеркообразных или двойных взаимно перпендикулярных звеньях. Пять таких подвесок из Приладожских курганов датируются XII в.¹²⁰ Такие же подвески, но с пятью петлями, украшенные ложной зернью, известны на Сухоне¹²¹ и Ваге (Васильевское городище —

3 экз.), две подвески с пятью петлями, в которых зигзаговый узор по тулову заменен спиральным, найдены в погребении 1 Погостища¹²² и на Княжпогосте¹²³. Спирали и имитация зерни в основании петель у этих подвесок повторяют орнаментацию игольников с арочным навершием. Сходные подвески происходят из Костромских курганов.

Плоские подвески-птички с гребешком и двумя-тремя петлями внизу представлены двумя вариантами: тулово орнаментировано вертикальными или наклонными жгутами (два экз. таких подвесок известно в Приладожье, один — на Суде¹²⁴ и два — в Белозерье¹²⁵ — дата — XII—XIII вв.); жгуты на тулове птички образуют косую клетку (рис. 4, 12). Две подвески из Приладожья датируются XII—XIII вв.¹²⁶ Такие же найдены в быв. Тихвинском уезде¹²⁷, Вологде (?)¹²⁸, в курганах Костромской и Ивановской областей. Орнамент сближает их с круглыми косорешетчатыми подвесками. Возможно местное происхождение этих «птичьих» подвесок.

Зооморфные подвески занимали определенное положение в уборе финских женщин: их носили на груди или у пояса. В ранних труположениях часто встречались парные подвески, размещавшиеся по обеим сторонам груди. Такое использование подвесок связано с их значением оберега, призванного охранять грудь и лоно женщины, сообщать ей плодородие.

Магическое значение имели и антропоморфные подвески, условно передающие женскую подбоченившуюся фигуру. Серия одинаковых подвесок (4 экз.) обнаружена на Суде¹²⁹ (рис. 6, 4) и Шексне. Здесь один экземпляр найден при случайных сборах на месте средневекового поселения у дер. Любец¹³⁰ и два — в грунтовом погребении могильника Пески под Белоозером¹³¹. Подвески лежали в берестяной коробочке, как дар умершему. По овальному

¹¹² E. Oxenstirna. Die Wikinger. Stuttgart, 1959, fig. 76; J. Serning. Lapska offerlatsfund från järnålder och Medeltid i de svenska Lappmarkerna. Stockholm, 1956, fig. 18, 4, 6, 7; 41, 11, 12.

¹¹³ С. И. Кочуркина. Приладожье в X—XIII вв. рукопись, стр. 101—103.

¹¹⁴ Л. А. Голубева. Археологические памятники веси на Белом озере, рис. 12, 13.

¹¹⁵ С. И. Кочуркина насчитывает 8 экз. Еще один найден у с. Никольщина (ОИПК, секция Северо-Запада, колл. 1416) и три — в кургане 3 Горка-Никольское на Ояти (A. Tallgren. Fornsaker från Olonets..., fig. 17—20).

¹¹⁶ Н. В. Тухтина. Об этническом составе..., рис. 4, 2.

¹¹⁷ Череповецкий музей, инв. № 766.

¹¹⁸ I. R. Aspelin. Antiquites du Nord Finno-Ougrien, v. II, fig. 714.

¹¹⁹ А. П. Лашук. Археологические древности народа коми. Сб. «Памятники культуры Коми АССР». Сыктывкар, 1959, стр. 51, рис. 2.

¹²⁰ С. И. Кочуркина. Приладожье в X—XIII вв., рукопись, стр. 104.

¹²¹ Колл. Тотемского краеведческого музея.

¹²² Л. А. Голубева. Археологические памятники веси на Белом озере, рис. 15, 13.

¹²³ I. R. Aspelin. Antiquites du Nord Finno-Ougrien, v. II, fig. 752.

¹²⁴ Л. А. Голубева. Археологические памятники веси на Белом озере, рис. 12, 1.

¹²⁵ Л. А. Голубева. Раскопки древнего Белоозера в 1961—1962 гг. КСИА, вып. 110, 1967, рис. 3; С. В. Ошибкина. Могильник Пески в Вологодской области. КСИА, вып. 129, 1972, рис. 22, 6.

¹²⁶ Новинка, курган 6, погребение 3 (1947); Яровщина, курган 3 (раскопки Д. П. Европеуса).

¹²⁷ ОИПК, секция Северо-Запада, колл. 702.

¹²⁸ I. R. Aspelin. Antiquites du Nord Finno-Ougrien, v. II, fig. 676.

¹²⁹ Погребение 1 у хутора Стан. МАЭ, колл. 6012/20. Раскопки Г. П. Гроздилова, 1929 г.

¹³⁰ Сборы А. А. Алексеевой в 1964 г.

¹³¹ С. В. Ошибкина. Указ. соч., рис. 22, 7, 8.

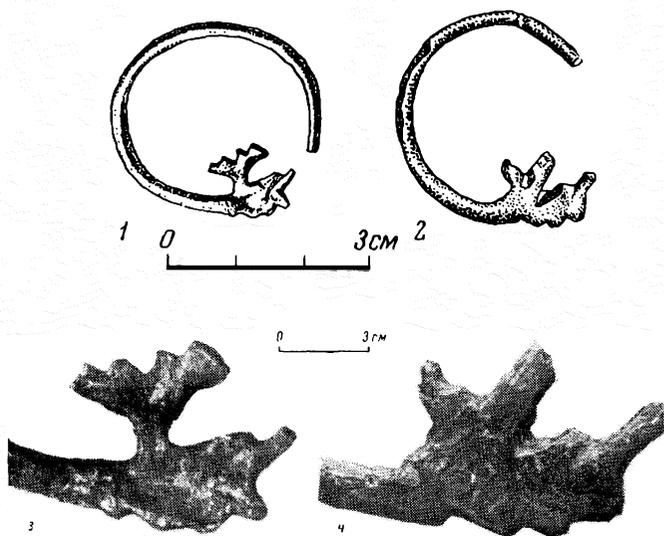

Рис. 7. Височные кольца с головой лося

1, 2 — в натуральном виде;
3, 4 — увеличенные

кресалу и бусине из желтого стекла захоронение датируется XII в.

Такие же подвески известны в Прикамье¹³² и Костромских курганах¹³³. Подвески несколько других очертаний, варьирующие тот же мотив, обнаружены в погребении XI в. с северной ориентировкой у дер. Пирозеро¹³⁴, на р. Сухоне и в Архангельской обл. Антропоморфные подвески не подвергались систематическому изучению. Между тем у них есть прототипы, известные уже в угро-финских древностях Прикамья VII—VIII вв.¹³⁵

Копоушки — характерный бытовой предмет, входивший в то же время в состав сложного нагрудного или поясного украшения финских женщин. Известно 34 экз., из них 27 — из курганов Юго-Восточного Приладожья. Подавляющее большинство копоушек бронзовые, но есть и костяные. По наблюдениям С. И. Кочкуркиной, они появляются в курганах с трупосожжениями второй половины X в.; наибольшее число находок приходится на XI в.; отдельные экземпляры встречаются и в XII—XIII вв.¹³⁶ Насчи-

тывается не менее 7 типов копоушек. В Приладожье прослеживается эволюция этого предмета от простых форм к сложным, богато орнаментированным. Фигурные литые копоушки, иногда снабженные петлями и многоспиральными привесками, — наиболее поздние.

За пределами Приладожья известны копоушки простых форм. Они найдены на Суде (рис. 4, 14), в курганах вокруг Берестова озера, в Сорогожских курганах и в одном женском погребении у дер. Дуденево на верхней Волге. Эти копоушки аналогичны находкам из ярославских могильников и Старой Ладogi.

Височные кольца. Наиболее ранние погребальные комплексы Приладожья — курганы с трупосожжениями первой половины X в. — не содержат данных относительно женских височных украшений.

В четырех погребениях второй половины и конца X в. Приладожья и одном на Суде¹³⁷ найдено 6 экз. серебряных и бронзовых височных колец полулунной или калачевидной формы. В Прикамье, на Вычегде и Выми, на Ветлуге такие кольца хорошо известны и датируются второй половиной X — началом XI в.¹³⁸ Такие же височные кольца найдены у с. Аксеново в бассейне Ваги. На Белоозере в горизонте конца X — начала XI в. обнаружено лунинное височное кольцо с шумящими трапециевидными привесками¹³⁹ (см. рис. 51, 15). Височное кольцо из Видлицы датируется серединой XI в.¹⁴⁰, а кольца из Кудринского и Пустошенского могильников — XII в.¹⁴¹ (рис. 4, 3).

Следует отметить локальный тип височного кольца с лопастью, напоминающей (при увеличении) увенчанную рогами голову лося с раскрытой пастью. Один экз. найден в Киснемском могильнике¹⁴² и два — на Белоозере в горизонте XIII в. (рис. 7).

ИНВЕНТАРЬ МУЖСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ

Финские мужские погребения отличает от славянских наличие орудий труда и оружия. Это весьма стойкий признак, позволяющий говорить

¹³⁷ Н. В. Тухтина. Новый памятник веси на р. Суде. «Ежегодник ГИМ, 1965—1966». М., 1970, стр. 62—69.

¹³⁸ Л. А. Голубева. Археологические памятники веси на Белом озере, стр. 61.

¹³⁹ Л. А. Голубева. Раскопки древнего Белоозера в 1961—1962 гг. КСИА, вып. 110, 1967, стр. 94.

¹⁴⁰ С. И. Кочкуркина. Приладожье X—XIII вв., рукопись, стр. 25.

¹⁴¹ Н. А. Черницын. Указ. соч., рис. 1, 3, 11; 2, 4.

¹⁴² Л. А. Голубева. Могильник X — середины XI в. на Белом озере. СА. 1961, № 1, рис. 6, 4. Известную близость имеет височное кольцо с лопастью в виде головы зверя с разинутой пастью из погр. 24 Ломского могильника XII—XIII вв. (Э. А. Савельева. Лузская пермца. Сыктывкар, 1972, табл. 20, 2).

¹³² МАВГР, т. II. М., 1896, рис. XI, 10.

¹³³ «Костромская старина», вып. 5. Кострома, 1901, стр. 387.

¹³⁴ ОИПК, секция Северо-Запада, колл. 699/255. Вместе с бронзовой якорьковой эта подвеска была, видимо, положена в качестве дара в погребение воина.

¹³⁵ Л. А. Голубева. Коньковые подвески Верхнего Прикамья, рис. 10.

¹³⁶ С. И. Кочкуркина. Приладожье X—XIII вв., рукопись, стр. 136—139.

об определенной этнической традиции. На карте 3 топоры отмечены в каждой финской курганной группе. При этом на Суде в погребениях XI—XII вв. топоры найдены в каждом мужском погребении, а на реках Кобоже и Левоче — в шести из девяти. В мужском погребении из кургана 8 у дер. Степаново были топор и сошник. Из предметов вооружения в погребениях найдены боевые топоры (редко), наконечники стрел и копий.

Необходимо отметить и такие категории бытовых предметов, как пластинчатые огнива и огнива с бронзовыми рукоятями, железные иглы с кольцами и горшки, окованные железными обрубками, составляющие специфику финских мужских погребений X—XIII вв.

Огнива пластинчатые в виде прямоугольной стальной толосы, верхний суженный конец которой образует петлю, являлись, по А. А. Спицыну, одним из наиболее характерных предметов «культуры Приладожских курганов»¹⁴³. По уточненным данным¹⁴⁴, 13 из них происходят из курганов с трупосожжениями и 8 — из курганов с трупоположениями. Еще один экземпляр найден в быв. Тихвинском уезде без указания на обряд погребения¹⁴⁵. Дата этих огнив — X—XI вв. Все они найдены в мужских погребениях (рис. 4, 17). Нередко им сопутствовали оружие и пряжки западного происхождения. Однако в типологии скандинавских огнив эпохи викингов, детально разработанной Я. Петерсеном¹⁴⁶, наши огнива не представлены, что позволяет настаивать на их связи с местной, финской средой. Все трупоположения Приладожья, с которыми они найдены, имели южную, северную или юго-восточную ориентировку, при некоторых были очаги¹⁴⁷.

За пределами Приладожья такое огниво найдено в мужском погребении с юго-восточной ориентировкой у Муромского озера (восточное побережье Онежского озера). В ногах погребенного, лежавшего в неглубокой яме, был очаг.

По раннему типу бронзовой лировидной пряжки погребение может датироваться концом X — началом XI в.¹⁴⁸

Важно отметить, что и в XII в. этот тип огнив сохранялся в финской среде. Он обнаружен на Суде¹⁴⁹, а также в мужских погребениях Ивановской обл. (у деревень Рыжково и Абабково; раскопки Е. Н. Ерофеевой в 1948 и 1968 гг.).

Мне приходилось уже отмечать, что огнива с бронзовыми рукоятями, датирующиеся X — началом XI в., также чрезвычайно характерны для территории веси¹⁵⁰. Помимо Юго-Восточного Приладожья (13 экз.) они найдены на Белоозере (2 экз.) и в районе г. Тихвина (1 экз.).

Приладожские находки в основном локализируются в районе р. Ояты. С. И. Кочкуркина считает эти кресала специфическими предметами оятской веси¹⁵¹.

Железные иглы с кольцами. Эти предметы весьма характерны для Северо-Запада территории СССР в X—XI вв. Наиболее ранние экземпляры найдены в курганах со скандинавским обрядом погребения и инвентарем (трупосожжение в ладье — Усть-Рыбежна, курган 19). Примечательно их распространение по торговым путям, которыми пользовались скандинавы (Западная Двина, Шексна, Волга; карта 4). В Эстонии известно 7 экз., в Латвии — не менее 17. В Приладожье, Белозерье и на верхней Волге 16 экз. найдено в погребениях X—XI вв. (табл. 9) и 6 — на поселениях. Всего же с находками XII—XIII вв. в СССР известно около 160 экз.¹⁵²

Железные иглы с кольцами X—XI вв. имеют стержень, круглый в сечении, длиной 15—16 см, утолщенный сверху до 0,8 см, и круглую головку, в сквозное отверстие которой продето железное или бронзовое, всегда замкнутое кольцо. Металл хорошего качества. Острие покрыто полудой. Подавляющее большинство железных игл этого времени простые, неорнаментированные. Выделяются отдельные экземпляры, инкрустированные серебряной проволокой в косую клетку или елочку (Белоозеро — 2 экз.;

¹⁴³ А. А. Спицын. Примечания. МАР, № 18. СПб., 1895, стр. 154.

¹⁴⁴ Л. А. Голубева. К истории пластинчатых огнив Восточной Европы. Сб. «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 257—260; рис. 1, 3, 4.

¹⁴⁵ ОИПК, секция Северо-Запада, колл. 702.

¹⁴⁶ J. Petersen. Vikingetidens Redskaper. Oslo, 1951. Таких огнив нет в Финляндии. Только одно пластинчатое огниво найдено в Швеции (Туна).

¹⁴⁷ Н. Е. Бранденбург. Указ. соч. Погребения 5, 41, 59, 68, 112. Раскопки В. И. Равдоникаса в районе Свири и Ояты. Пирозеро, курган 6, Архив ЛОИА, ф. 2, д. 59, 1929 г.; С. И. Кочкуркина. Отчет о работе Карельской экспедиции по изучению эпохи средневековья за 1970 г., курган 10 у р. Сязниги. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 4138; И. П. Крупейченко. Еремнигорская археологическая экспедиция. 1966 г., курган 1. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 3240.

¹⁴⁸ Г. А. Панкрушев. Отчет о работе Южнокарельской археологической экспедиции за 1968 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 3657, стр. 56. Альбом 7, рис. 117.

¹⁴⁹ Л. А. Голубева. Археологические памятники веси на Белом озере, стр. 69.

¹⁵⁰ Л. А. Голубева. Огнива с бронзовыми рукоятями. СА, 1964, № 3, стр. 123—131.

¹⁵¹ С. И. Кочкуркина. Оятские могильники X—XI вв., стр. 77—81.

¹⁵² Л. А. Голубева. Назначение железных игл с кольцами. СА, 1971, № 4, стр. 114—126. В дополнение к указанной здесь литературе см. раскопки В. И. Равдоникаса в районе Свири, верхних Ояты, в Белозерском крае (архив ЛОИА, ф. 2, д. 59/1929 г.).

Железные иглы с кольцами в курганных погребениях

№ п/п	Местонахождение	Исследователь	Погребальный обряд	Ориентировка	Положение иглы с кольцом при погребенном. Наличие футляра. Сопутствующие вещи	Дата и этническая принадлежность
1	Усть-Рыбежна, курган 19	Н. Е. Бранденбург	Трупосожжение	?	? Меч типа Е	Начало X в., сканд.
2	Подъяндебское	Д. П. Европеус	Трупоположение	?	? Огниво с рукоятью в виде борющихся медведей, дирхем X в.	X — начало XI в., Ф
3	Субочиичи	Он же	То же	?	? Топор, копые, нож	XI в., Ф
4	Балдино, курган 21	Н. Е. Бранденбург	Трупоположение на материке	Ю	Справа у таза. Нож, наконечник стрелы, украшения пояса, две западноевропейские монеты XI в.	XII в., Ф
5	Между Карлухой и Камской, курган 6	В. И. Равдоникас	То же в могиле	З	Справа у таза. Нож	Ф ?
6	Вина-Гора, курган 1	Он же	То же в могиле	Ю	Слева у таза. Нагрудная пряжка, игольник с фигурным прорезным навершием, бусы стеклянные позолоченные, подвеска-ключ бронзовый	XI—начало XII в., Ф
7	Ильино, курган 3	Он же	То же на материке	СЗ	Слева у таза. Огниво овально-прорезное, поясное кольцо, нож	XII в., Ф
8	Новосельск, курган 2	Он же	То же в могиле	СЗ	Слева у таза. Топор, пряжка на плече	XI—XII вв., Ф
9	Степаново, курган 8, погребение 2	А. В. Никитин	То же в насыпи	СЗ	Справа у таза. Остатки железного футляра, топор, нож, лировидная пряжка, 4 поясных кольца	X — начало XI в., Ф
10	Сухолжино, курган 1	Н. В. Тухтина	То же в могиле	В	Справа под тазом. Нож	Конец X — начало XI в., Ф
11	Дуденево, курган 9	А. А. Спицын	То же на материке	З	Слева у таза. Лировидная пряжка, два поясных кольца, колечко	XI в., Ф?
12	Сазоцова	?	?	?	? Лировидная пряжка, нож	XI в. (?), Ф?
13	Загорье, курган 24	Ю. Г. Гендуне	Трупоположение на материке	З	У левой ноги. Пряжка лировидная, нож	XI в., слав.
14	Устье, курган 1, погребение 2	Она же	То же в насыпи	З	У левой руки. Височные кольца проволочные завязанные, бусины стеклянные позолоченные	XI в., слав.
15	Устье, курган 3, погребение 1	»	То же	З	У левой руки. Нож, височные кольца, проволочный, разомкнутый браслет; брактеат дирхема 914—943 гг., бусины сердоликовые 14-гранные, мозаичные; бубенчики, два горшка лепных	Начало XI в., слав.
16	Гостомля, курган 72 (4)	С. А. Гатцук	То же на материке	З	Слева у таза. Височные кольца проволочные завязанные, бусины бронзовые, перстень	XII в., слав.

Сухолжино — 1 экз.; рис. 4, 27). Аналогичные иглы найдены в Латвии, Эстонии и Новгороде. У некоторых экземпляров головка и верхняя часть острия покрыты рельефными поясками и округлыми утолщениями (Степаново, Кимры, Крестцы).

В погребениях железные иглы с кольцами найдены у таза костяка справа или слева (табл. 9). Сохранились и следы футляров, в которых их подвешивали к поясному ремню.

Учитывая, что железные иглы с кольцом но-

сили на поясе вместе с такими необходимыми орудиями, как нож, кресало и кремнь, можно предположить, что они служили своеобразными вилами¹⁵³. Эти острия были удобны в походе и на охоте. Вероятно поэтому они найдены первоначально только в мужских дружинных погребениях. Распространение этих орудий шло из

¹⁵³ I. Zak. O nachodzeniv «spil» pierscieniowatych na ziemiach polskich. «Slavia antiqua VII», 1960. Warszawa — Poznań.

Таблица 10

Горшки с железными обручами в курганных погребениях

№ п/п	Местонахождение	Исследователь	Местоположение, вещи	Дата, век	Этническая принадлежность
1	Вахрушева, курган 116, комплекс 3, ярусные трупосожжения и трупоположения	Н. Е. Бранденбург	На очаге. Горшок стянут по ободку железным обручем с крючком и петлей	X — начало XI	Сканд. и Ф
2	Костина, курган 95, комплекс 2, трупосожжение	Он же	Железный обруч с крючком и петлей на концах	X	Сканд.
3	Леопова, курган 111, комплекс 4, ярусные трупоположения головой на юг и юго-восток	»	В ногах скелета. Горшок с остатками железного обруча	XI (?)	Ф
4	Балдино, курган 22, комплекс 2	»	На очаге. Горшок в обломках и железный обруч с петлей и крючком на концах	XI—XII	Ф
5	Новая, курган 2, трупоположение головой на юг	С. И. Кочкуркина	В насыпи кургана. Горшок круговой с линейно-волнистым орнаментом. Вокруг горла — железный обруч	XI	Ф
6	Степаново, курган 8, погребение 1, мужской скелет головой на северо-запад	А. В. Никитин	У правой ноги скелета. Горшок лепной, окован железным обручем	X — начало XI	Ф
7	Бабково, курган 92 (25), мужской скелет на материке головой на запад	С. А. Гатцук	У правой ноги скелета. Горшок скреплен по шейке железным обручем	XI (?)	Ф(?)

Приладожья, через финское население Белозерья и Верхнего Поволжья. Здесь в XI в. железные иглы с кольцами встречаются и в женских погребениях — не только финских, но и славянских.

Горшки с железными обручами. Эти находки немногочисленны (табл. 10), но интересны. Известно, что скандинавы готовили пищу в железных, бронзовых или каменных котлах, подвешенных над огнем. Горшок, окованный по венчику железным обручем, употреблялся вместо котла для подвешивания над костром или очагом, что диктовалось условиями походной или охотничьей жизни. Найденные первоначально в скандинавских погребениях с трупосожжениями, такие горшки появляются и в финских погребениях Юго-Восточного Приладожья XI в., исключительно в захоронениях мужчин.

А. В. Никитин отмечал, что ему встречалось несколько таких горшков в погребениях Степанова и в курганах у дер. Новинка. А. Колмогоров нашел горшок, окованный обручем, в одном из курганов под г. Тихвином.

Появление мужских погребений с этим инвентарем на притоке Суды и на верхней Волге может свидетельствовать о проникновении сюда населения из Юго-Восточного Приладожья. Подвешивание горшка над костром нужно рассматривать в связи с традицией подвешивания котла над огнем на специальной железной цепи или крюке у северных германцев. Для славян характерно приготовление пищи в горшках, поставленных у огня¹⁵⁴.

¹⁵⁴ См.: Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр. 265.

Глава третья

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ ВЕСИ И ОСВОЕНИЕ СЛАВЯНАМИ КРАЯ

На основании особенностей погребального обряда и инвентаря выделяются следующие территориальные группы веси: Юго-Восточного Приладожья, бассейна Суды, Молого-Волжская, Белозерская.

Приладожская группа — наиболее изученная (342 этнически определенных погребения). Ее детальное исследование проведено С. И. Кочуркиной¹. Ей посвящена и работа Н. В. Тухтиной².

На территории судской веси выделяются две локальные группы: район верхнего течения Суды и бассейн среднего течения Колпи.

Суда своим верховьем сближается с р. Оятью (карта 5). Исследованные курганы (16) датируются XI—XII вв. и содержат около 25 труположений — одиночных, парных и ярусных.

Курганные группы состоят из 4—6 насыпей, расположенных в один ряд. Захоронения произведены в насыпи или на материке головой на юг. На горизонте многих курганов отмечена угольная прослойка.

В каждом мужском погребении найдены ножи и топоры.

В женских погребениях X—XI вв. встречены предметы скандинавского и прибалтийско-финского происхождения: бронзовые — фибула с макавидными головками³, ладьевидный браслет и западноевропейские монеты. Характерны брон-

зовые бусы, спирали и нагрудные пряжки, типичные для финского женского убора (см. таб 2, 3). В двух женских погребениях XII в. было по паре пряжек. В одном случае установлено их расположение на правой и левой сторонах груди. В составе ожерелий XII в. много бус из различного стекла белого и желтого цветов и металлических, главным образом бронзовых, бубенчиков, проволочных колец в полтора оборота загнутым назад концом, очковидных подвесок

В погребениях XII в. заметно увеличение числа шумящих (колоколовидных) и зооморфных подвесок. Это обычные и стилизованные подвески — коньки, плоские и прорезные уточки, объемные подвески, изображающие уточек-коньков. Встречена и антропоморфная подвеска (рис. 6, 4).

Контакт со славянами выразился здесь в широком использовании изделий славянских ремесленников. Так, в женских погребениях XII в. деревень Митино и Зворыкино найдены славянские: височные проволочные кольца разных типов, браслеты проволочные завязанные, перстни рубчатые, лунницы. В одном погребении было 9 образков и 15 крестиков, употребленных в качестве подвесок к ожерелью⁴.

Общение со славянами не привело к каких-либо изменениям в погребальном обряде. Не было здесь и смешанных погребений, что свидетельствует об этнической однородности населения. Особенно выразительна керамика — исключительно лепная, украшенная гребенчатым орнаментом или ямочными вдавлениями⁵ (рис. 8, 1

¹ С. И. Кочуркина. Юго-Восточное Приладожье в X—XIII вв. В печати.

² Н. В. Тухтина. Этническая принадлежность погребенных в курганах Юго-Восточного Приладожья. Сб. «История и культура Восточной Европы по археологическим данным». М., 1974, стр. 162—181.

³ Н. В. Тухтина. Новый памятник веси на р. Суде. «Ежегодник ГИМ. 1965—1966». М., 1970, стр. 65.

⁴ Л. А. Голубева. Археологические памятники в окрестностях Белого озера. СА, 1962, № 3, рис. 12, стр. 69—70.

⁵ МАЭ, колл. 6012/13-18.

4). Г. П. Гроздилов, считая открытые им на Суде погребения с южной ориентировкой славянскими, оговаривался, что местная лепная керамика «по форме, составу глины и орнаменту в корне отличается от одновременной ей посуды из славянских курганов XI—XII вв.»⁶.

Курганы Суды представляют собой продолжение массива курганов Юго-Восточного Приладожья. Славянское влияние здесь ощущается значительнее, чем в курганах Ояти. Местное население широко пользовалось изделиями славянских ремесленников, но приспособлявало их к своим вкусам. Так, крестики и образки в уборе женщины Суды менее всего играли роль христианских символов. Они пополняли набор нагрудных металлических украшений.

Очевидно, в верховьях Суды долго существовал этнически самобытный массив финского населения, сохранявший свой обычный жизненный уклад, обрядность, костюм и верования. Постоянные славянские поселения в верхнем течении Суды, судя по жальничным погребениям у деревень Крестовая и Бережок, возникли в XII в.

Бассейн среднего течения Колпи. Здесь исследовано 20 курганов, содержащих 42 труположения. Верховьем Колпь сближается с бассейном Сяси, а в среднем течении удобными и короткими волоками — с бассейном р. Паши. Это сказалось на близости археологических памятников. Напомним, что на Паше обнаружены наиболее ранние курганы с трупосожжениями, восходящие к началу X в.⁷ На Колпи также найдены единичные финские (Степаново) курганы с трупосожжениями X в. Здесь же, у дер. Степаново, найдены финские одноярусные и многоярусные курганы X — начала XI в., содержавшие от трех до девяти погребений⁸, и два захоронения с оградкой из каменных плит и каменной выкладкой над головой и вокруг верхней части скелетов. Курганы с каменными вымостками также известны в бассейне р. Паши (см. табл. 4). Господствующая ориентировка погребенных в курганах у дер. Степаново — север и северо-запад.

В кургане 8 у дер. Степаново было двойное захоронение дружинников с оружием, орудиями труда (топор, сошник), железной иглой с кольцом и горшком, окованным железным обручем. Эти погребения хронологически близки прила-

дожскими и, вероятно, оставлены продвинувшимся отсюда населением.

Погребения с горшками, окованными обручами, у дер. Новинки также датируются началом XI в., но содержат элементы славянской погребальной обрядности (индивидуальные захоронения в могильных ямах головой на запад, с проволочными височными кольцами). Это обстоятельство свидетельствует о ранних контактах веского населения р. Колпи со славянами⁹. В бассейне Колпи можно наблюдать погребения с чисто славянской погребальной обрядностью и инвентарем и захоронения, отражающие процессы этнического смешения славянского и веского населения.

Примером такого симбиоза веской и славянской культур является курганная группа у дер. Дудино, где Н. В. Тухтиной раскопано 22 погребения XI — начала XII в.¹⁰ на материке и в могилах. Преобладающая ориентировка погребений — западная. В инвентаре женских погребений господствуют славянские типы украшений. Однако в трех женских погребениях на материке с юго-западной и южной ориентировкой присутствуют железная гривна, нагрудные пряжки и цепочка (см. табл. 2). Из 13 мужских погребений в 6 найдены рабочие топоры и наконечник стрелы. Характерно, что именно эти погребения на материке имели северо-северо-западную и западно-южную ориентировку.

Керамика Дудинских курганов — лепная, со слабо профилированными стенками и штампованным орнаментом¹¹, отражает влияние веской среды. Вопреки мнению автора раскопок эта курганная группа оставлена не славянским, а смешанным веско-славянским населением. Весьма отчетливо о смешанном составе населения свидетельствует и могильник XI—XII вв., раскопанный Н. В. Тухтиной в г. Бабаево¹². Здесь чересполосно захоронены славяне (курганы 2, 5), финны (курганы 3, 6) и финны, смешавшиеся со славянами (курганы 1, 4). Эти последние погребения — самые поздние. Славянская ориентировка (на запад и юго-запад) и славянские украшения (височные кольца щитковые, лунницы, крестопрорезные подвески, пластинчатые браслеты и др. — все в огромном количестве, по 30 однородных подвесок в

⁹ А. В. Никитин. Указ. соч., стр. 16—17.

¹⁰ Н. В. Тухтина. Об этническом составе населения бассейна р. Шексны в X—XII вв. «Археологический сборник. Труды ГИМ», вып. 40. М., 1966, стр. 131; она же. Отчет о работе Вологодской археологической экспедиции ГИМ за 1961 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2346.

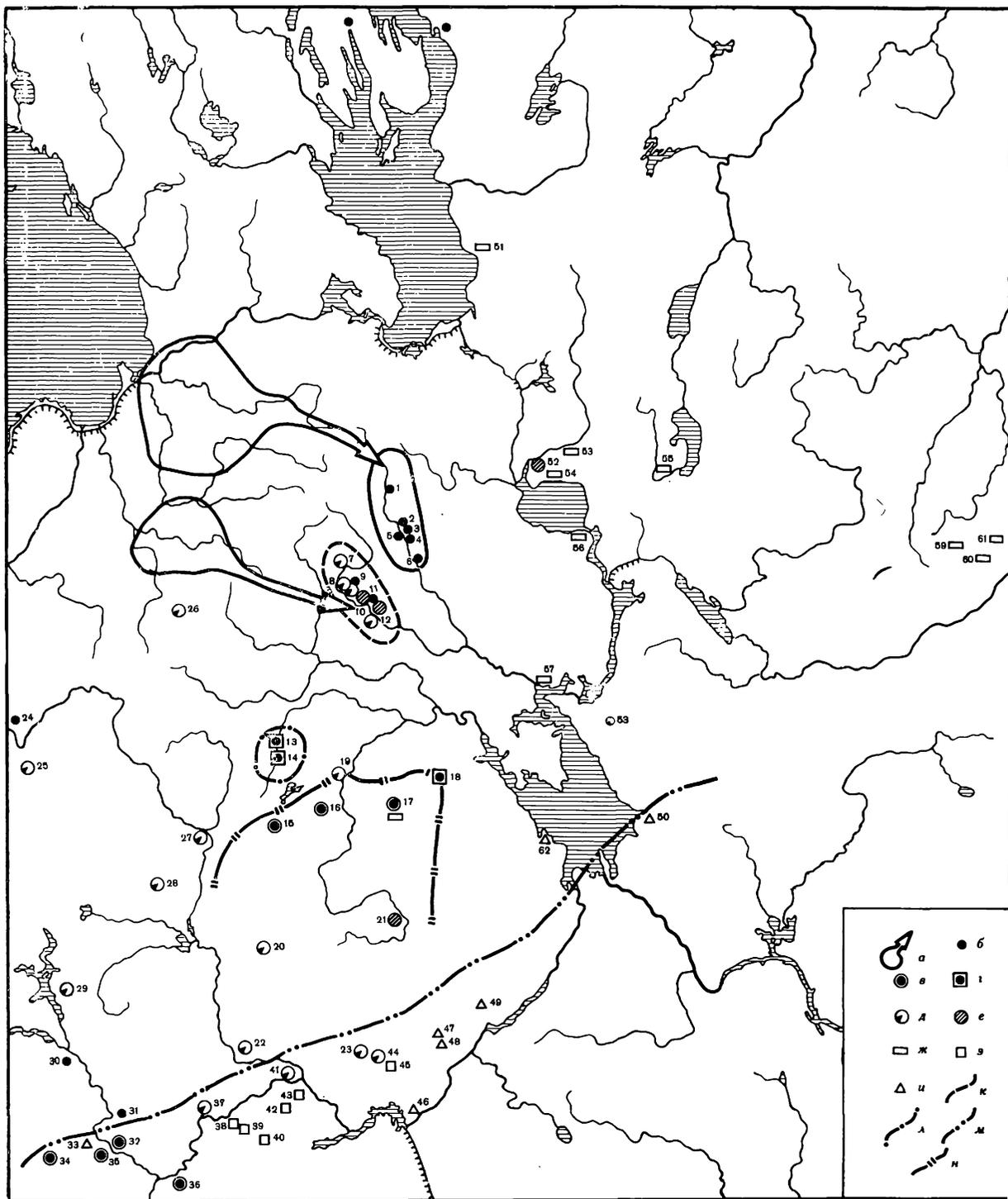
¹¹ Н. В. Тухтина. Об этническом составе населения бассейна р. Шексны в X—XII вв., стр. 131.

¹² Там же, стр. 120—131.

⁶ Г. П. Гроздилов. Археологические памятники IX—XIII вв. в Белозерье. Рукопись. Устюженский краеведческий музей, ф. 7, д. 9.

⁷ С. Л. Кочкуркина. Курганные группы Юго-Восточного Приладожья. КСИА, вып. 120, 1969, стр. 21.

⁸ А. В. Никитин. Раскопки курганов в Вологодской области. Сб. «Археологические открытия 1967 г.». М., 1968, стр. 16—17.

Карта 5. Локальные группы погребений веси

одном ожерелье!) сочетались в этих захоронениях с зооморфными подвесками. Следует также отметить подковообразную пряжку у левой ключицы костяка в кургане 4. В лепной и круговой посуде этого могильника также прослежены финские черты. Так, в кургане 3 найден круговой горшок «исобычной» (Н. В. Тухтина) формы. Такие горшки с высоким рифленным горлом и коротким круглым туловом составляют особый тип круговой посуды Белоозера (см. стр. 162, 164).

Уже упоминавшийся могильник у дер. Новинка имел в XI—XII вв. славянский характер. Об этом свидетельствуют господствующая западная ориентировка, типы женских украшений и безынвентарность в целом мужских захоронений. О местном субстратном населении напоминают только северо-западная и северная ориентировка чстырех погребений, два мужских захоронения с топорами и керамика. Последняя даже в поздних погребениях лепная, орнаментированная гребенчатым и ямочным чеканами и оттисками пальцев. Расположенная недалеко курганная группа у дер. Плоское оставлена славянами, но и в ней имеются отдельные погребения головой на север, без вещей.

Моложско-волжская весь. Выделяются три локальные группы: район р. Кобожи и ее притока Левочи; междуречье верхнего течения рек Мсты, Твэрцы и Мологи; верхнее течение Волги.

В районе р. Кобожи и ее притока Левочи Г. П. Гроздилов и Н. В. Тухтина раскопали 17 курганов, расположенных цепью вдоль рек тремя группами. К X в. относится курган с ярусными трупосожжениями у р. Левочи. Курганы с трупоположениями (15) относятся к XI в.

Захоронения на материке; ориентировка северо-западная и юго-западная. В насыпях встречен уголь. Из девяти мужских погребений в этих группах в шести были рабочие топоры. Найдены также ременные пояса с лировидными пряжками и поясным кольцом, нагрудная цепочка. Нагрудные цепочки с подвешенными к ним бубенчиками и оберегами вместе с бронзовыми бусами и нагрудными пряжками определяют финский характер женских захоронений (см. табл. 2). В ожерельях помимо сердоликовых, мозаичных, серо-оранжевого стекла и глазчатых встречены бусы керамические, а также бирюзовые из глухого стекла «необычной формы в виде длинных узких трубочек»¹³. Такие бусы найдены в Старой Ладогe¹⁴, на Белом озере и в Сорогожских курганах.

Остальной инвентарь женских погребений представлен вещами широкого распространения. Это височные кольца — проволочные с разомкнутыми концами и бусенные (1 экз.), бубенчики с крестовидной прорезью, перстни пластинчатые (до 9 в одном погребении!), браслет со змиевыми головками, крестовидные подвески «скандинавского» типа (2 экз.) и подвески «конек обычный» (2 экз.)¹⁵. Подвеска из раскопок Г. П. Гроздилова на Кобоже (рис. 6, 9) представляет собой местный вариант амулета-конька¹⁶. У фигурки массивная

¹³ Н. В. Тухтина. Об этническом составе населения бассейна р. Шексны в X—XII вв., стр. 133.

¹⁴ Э. А. Львова. Стекланные бусы Старой Ладогe. АСГЭ, вып. 10. Л., 1968, стр. 90, рис. 4, 43.

¹⁵ В. В. Седов. Амулеты-коньки из древнерусских курганов. Сб. «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 156.

¹⁶ МАЭ, колл. 6012/18.

Карта 5 (окончание подписи)

а — районы Приладогья, откуда шло переселение веси на реки Суду и Колпа;	и — мерянские украшения;	19 — Пестово;	41 — Дуденева;
б — курганные группы с южной ориентировкой трупоположений;	к — н — приблизительные границы локальных групп веси;	20 — Могилевская Пустынь;	42 — Каменка;
в — курганные группы с северной ориентировкой трупоположений;	1 — Нижний Конец;	21 — Бежец;	43 — Никольское;
г — курганные группы с неустойчивой ориентировкой трупоположений;	2 — Варнакушка;	22 — Савинские Горки;	44 — Кидомля;
д — курганы веси на славянских кладбищах;	3 — Митино-Зворыкино;	23 — Прудово;	45 — Воробьево;
е — курганы с весско-славянскими элементами;	4 — Стан;	24 — Полище;	46 — Пекуново;
ж — грунтовые погребения;	5 — Борисово-Судское;	25 — Бор;	47 — Посады;
з — курганы с элементами мерянской погребальной обрядности;	6 — Никольское;	26 — Мозолево;	48 — Хрипелево;
	7 — Плоское;	27 — Березовский Рядок;	49 — Кашин;
	8 — Новинки;	28 — Бологое;	50 — Зубарево;
	9 — Степаново;	29 — Залучье;	51 — Муромское озеро;
	10 — Дудино;	30 — Коши;	52 — Болтинская;
	11 — Бабаево;	31 — Шолохово;	53 — Нефедово;
	12 — Володино;	32 — Подборовье;	54 — Киснема;
	13 — Левоча;	33 — Васильевское;	55 — Погостище;
	14 — Кобожа;	34 — Пустошка;	56 — Пески;
	15 — Абакумова;	35 — Гульцево;	57 — Торowo;
	16 — Бустрыгино;	36 — Бабково;	58 — Миино;
	17 — Крестцы-Городок;	37 — Свиштунова;	59 — Марьино;
	18 — Сухолжино;	38 — Клеопино;	60 — Кудринская;
		39 — Рождественo;	61 — Старовская пустышь;
		40 — Могильцы;	62 — Плавь

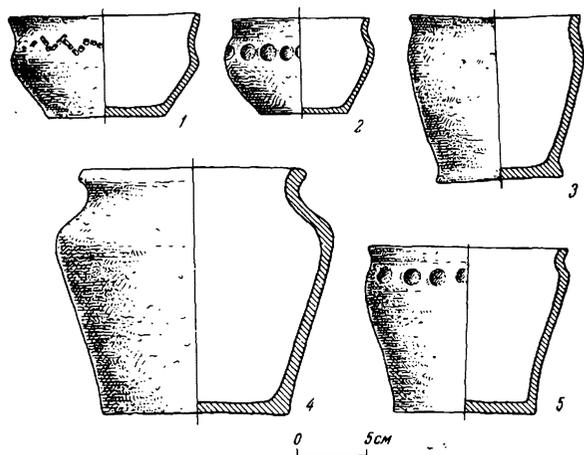

Рис. 8. Посуда из курганов веси по рекам Суде и Сорогоже

1, 2, 4, 5 — хут. Стан (МАЭ, колл. 6012);
3 — курган 3 у с. Бустрыгино (МАЭ, колл. 1533)

голова с кольцом наверху (символом солнца? — Л. Г.). Две такие же подвески найдены на Волге¹⁷ и Сорогоже¹⁸.

В одном из женских погребений на Кобоже Г. П. Гроздиловым найдены немецкие монеты 1024—1050 гг. Н. В. Тухтина также отмечает находки монет как восточных X в., так и западноевропейских начала XI в. Лепная керамика одинакова с посудой из Белозерья. Это приземистые горшки с коротким прямым венчиком и округлыми плечиками. У дниц небольшие выступы-закраины. Горшки украшены пальцевыми вдавлениями, гребенчатым и кольцевидным чеканами.

В инвентаре курганов по Кобоже и Левоче весьма заметно культурное влияние славян. То же сказывается в неустойчивости ориентировки погребенных. В остальном финский характер погребального обряда XI в. сохранился здесь достаточно отчетливо.

Междуречье верхнего течения рек Мсты, Тверцы и Мологи. Здесь исследовано 7 курганов с трупосожжениями и 29 насыпей, содержащих около 57 труположений. Характерные черты курганов с трупосожжениями — наличие обожженных валунов (следы очагов?) и ярусность захоронений сожженного праха. Группы веских курганов сохранились в основном на притоках крупных рек. На реках Сорогоже, Волчине, Кать известны финские кладбища без каких-либо следов заимствования славянской обрядности. Так, у деревень Крестцы и Городок

на р. Кать исследованы ярусные курганы с трупосожжениями X—начала XI в. и три грунтовых труположения, ориентированных на север и северо-запад¹⁹.

На р. Сорогоже обнаружены группы курганов, в которых местное население в течение нескольких поколений хоронило своих покойных головой на север²⁰. У дер. Бустрыгино захоронения с северной ориентировкой обнаружены в четырех курганах, у дер. Абакумовой — в 17. Характерно, что как в XI, так и в XII в. захоронения совершались в насыпи кургана или на материке. Здесь же были раскопаны курганы с ярусными захоронениями головой на север и юг (см. табл. 3).

Состав инвентаря женских украшений отражен в табл. 2, 3.

Выразительна керамика, встречаемая во всех погребениях. Это типично финские лепные приземистые горшки с закраинами у дниц, иногда украшенные рядом ямочных оттисков по плечикам (рис. 8, 5).

Женские погребения XII в. бедны инвентарем. Весьма интересна лишь одна литая ложно-зерновая шумящая подвеска камского типа (рис. 6, 1). На прикрепленных к ней длинных (до 20 см) цепочках из литых тяжелых звеньев висели однопрорезные бубенчики и проволочное кольцо в полтора оборота с одним загнутым в петлю концом²¹. Такие кольца в финских погребениях XII в. на Суде и Шексне встречены в составе ожерелий.

В этом же районе на р. Сорогоже в начале XX в. М. Аннепковым был разрыт ряд курганов, сведения о которых не сохранились. Среди инвентаря, опубликованного Н. И. Репниковым, нагрудные цепи из двойных и тройных проволочных колечек с амулетами-оберегами и шумящие подвески прикамских типов²². Вероятно они происходили из финских женских погребений.

Бежецкие курганы с труположениями (из исследовано в разное время 35) производят впечатление славянских уже для XI в.²³ Харак

¹⁹ А. В. Никитин. Городище и могильник у дер. Крестцы. КСИА, вып. 139, в печати.

²⁰ «С.-Петербургские ведомости», 15 декабря 1844 г. № 286.

²¹ МАЭ, колл. 18/10.

²² Отчет о раскопках Н. И. Репникова в Бежецком Весьегонском и Демьяновском уездах в 1902 г. ИАК, вып. 6. СПб., 1904, рис. II, 2, 5, 6, 8, 11, 12, 21—23; III, 13, 19; ОИПК, секция Северо-Запада, колл. 2852.

²³ Д. П. Европеус. О курганных раскопках около погоста Бежец в Бежецком уезде Тверской губернии ЖМНП, 1872, т. CLXIV, декабрь, отд. 2, стр. 376—377; В. А. Илагнев. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. Тверь, 1903, стр. 408—426; Отчет о раскопках Н. И. Репникова в Бежец

¹⁷ Раскопки Ю. Г. Гендуны у с. Глинянки Корчевского уезда Тверской губ. (Архив ЛОИА, ф. 1, 1906 г., д. 30, курган 7).

¹⁸ ОИПК, секция Северо-Запада, колл. 2852.

терны их кучное расположение, устойчивая западная ориентировка, безынвентарность (за небольшим исключением) мужских погребений и господство славянских типов женских украшений. Однако не менее 16 курганов содержали по 2—6 и даже 12 костяков в одной насыпи, что свидетельствует о ярусности захоронений. В четырех мужских погребениях было оружие. В отдельном кургане — захоронение сожженного коня с богатой сбруей стиля Вогге. В могильной яме другого кургана — погребение двух расчлененных коней. На груди мужского костяка, раскопанного Д. П. Европеевым, лежала саксонская монета Генриха III (1039—1056 гг.) — обол мертвых. Из шести женских погребений, исследованных И. Р. Аспелиным, в пяти были нагрудные цепи — по одной на левом или правом плече. В одном из курганов найдена копоушка. Эти факты говорят об участии финского субстрата в составе населения, оставившего Бежецкие курганы.

На Мологе, Медведице, Тверде финские курганы в XI—XII вв. не образуют компактных групп, а встречаются единично на славянских кладбищах. Так, среди 53 Пестовских курганов с труположениями только три могут быть отнесены к финским (см. табл. 5). Мужские погребения почти не имеют инвентаря и выделяются лишь по ориентировке. В женских погребениях XI—XII вв. (Савинские Горки, курган 22²⁴, Могилевская Пустынь²⁵ — см. табл. 5) еще сохраняются черты веского убора (нагрудные пряжки и цепи, зооморфные подвески, игольники).

Верхнее течение Волги. Здесь можно выделить не более 19 отдельных веских погребений на славянских кладбищах (см. табл. 5). Мужские погребения, как правило, безынвентарны, но в одном из них (Бабково, курган 1) найден топор, в другом — железная игла с кольцом (Сазонова), в третьем — горшок, окованный железным обручем (Бабково, курган 92/25). Эти находки свидетельствуют о тесных контактах местного населения с Юго-Восточным Приладожьем в X—XI вв. Возможно, они отмечают также движение варяго-веских отрядов из Приладожья по Великому Волжско-

му пути. Не случайно железные иглы с кольцами найдены в семи погребениях нижнего течения Тверцы и верхней Волги (см. № 20 в табл. 5 и № 11—16 в табл. 9) и на трех поселениях (Николо-Рожок на Селигере²⁶, селище близ Кимр²⁷, селище Золоторучье под Угличем²⁸) в культурных слоях конца X—XI в. При посредничестве вези эти предметы проникают и в славянскую среду.

Женские погребения вези этого района сохраняют этнические традиции обряда и костюма. Так, в кургане 10 у дер. Коши найдены две нагрудные пряжки, спирали. Спирали и бронзовые цепочки обнаружены в погребении с северной ориентировкой у дер. Гульцево²⁹. Погребение у дер. Кидомля содержало длинную нагрудную цепочку, подвеску-уточку и игольник в виде бронзовой трубочки с тремя шаровидными вздутиями³⁰.

В районе верхней Волги отчетливо заметно влияние мерянского этнического компонента. Это выражается в господстве северной ориентировки финских погребений, столь характерной для мери, в захоронениях под каменными или глинобитными сводами (см. табл. 4 и карту 2). Здесь, а также в нижнем течении Шексны и Мологи встречаются украшения мерянских типов: подвески-коньки из плетеной бронзовой проволоки, проволочные треугольные подвески, перстни с шумящими привесками (карта 2). Здесь же зарегистрирован ряд мерянских топонимов.

Субстратное финское население этого района вступило в контакт со славянами еще в последней трети I тысячелетия н. э. Процесс этнического смешения протекал здесь значительно интенсивнее, чем в более северных районах. Вероятно поэтому здесь удалось обнаружить только отдельные веские погребения XI—XII вв. Славянские курганы верхней Волги однородны по обрядности и инвентарю и своей многочисленностью и густотой расположения свидетельствуют о господстве славянского этноса в XI в.

Белозерская, или шекснинская, группа вези характеризуется грунтовыми погребениями с южной ориентировкой, сохраняющейся вплоть

ком, Васьегонском и Демьяновском уездах в 1902 г.», стр. 12—13; А. А. Спицын. Бежецкие древности. Сб. «Бежецкий край». Первый выпуск статей Бежецкого научного общества по изучению местного края. Бежецк, 1921, стр. 17; А. А. Спицын. Поездка в погост Бежецы в 1920 г. Архив ЛОИА, ф. 5, № 92.

²⁴ «Тверской музей и его приобретения в 1898, 1899, 1900, 1901 гг.». Тверь, 1903, стр. 17, № 9975.

²⁵ «Тверской музей и его приобретения в 1911—1912 гг.». Тверь, 1915, стр. 8, № 13320.

²⁶ А. В. Успенская. Городища X—XIII вв. на юге Новгородской земли. Сб. «Экспедиции ГИМ». М., 1969, рис. 3, 4.

²⁷ М. В. Фехнер. Отчет об археологических работах 1967 г. в Калининской обл. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 3560.

²⁸ М. В. Фехнер. Селища Ярославского Поволжья X—XIII вв. «Краеведческие записки Ярославского областного музея», вып. II, Ярославль, 1957, рис. 3, 8.

²⁹ В. А. Плетнев. Указ. соч., стр. 18.

³⁰ Там же, стр. 469—470.

до XII—XIV вв. (Нефедово). Контакты со славянами привели к неустойчивости ориентировки в ряде могильников (Киснема, Пески, Погостище — см. табл. 1). Однако основные элементы погребальной обрядности сохранились: наличие инвентаря в мужских погребениях (Киснема, Пески) и веский комплекс одежды и убора в женских погребениях (Погостище). К последним весьма близки грунтовые погребения бассейна Сухопы.

Число исследованных погребений веси восточнее Приладожья — 45 грунтовых погребений и 125 курганов со 195 труположениями — невелико само по себе и ничтожно в сравнении с величиной земли веси. С увеличением археологического материала представления о региональных группах веси наверняка подвергнутся значительным изменениям.

По-видимому, славяне в IX в. еще не достигали Шексны. Об этом свидетельствует ареал сопок повгородского типа (карта 1). Река Шексна является и восточной границей распространения славянских полукруглых курганов. При обилии последних в бассейне Мологи и правых притоков Суды, на Шексне и к востоку от Белого озера курганы почти неизвестны. На правом берегу Шексны славянские погребения представлены почти исключительно жальниками. Их много, но археологически они мало исследованы.

Освоение Белозерского края славянскими переселенцами происходило неравномерно. В X—XI вв. славяне заселили течение Шексны, южное и северо-восточное побережье Белого озера. На верхнее течение Суды, а также на другие притоки Шексны славяне, видимо, проникли позже, в XI—XII вв. Заселяя в первую очередь удобные для земледелия и скотоводства речные долины, славяне осваивали и волоки, ведущие с Шексны в систему Северной Двины и Белого моря. Гидронимия и топонимия этих волоков

свидетельствует об освоении их славянами повгородскими³¹.

Движение славян на Белоозеро носило народный, крестьянский характер. С этим связан облик поселений, не имевших, как правило, земляных укреплений. Свободных земель было много, и ряд славянских поселений XI—XII вв. по наблюдению А. В. Никитина, возникал на целине. Заметим, что нижние горизонты культурного слоя таких поселений, как Куреваниха, Крестцы, Устюжка, дают значительно меньше свидетельств о контактах славян с местным финским населением³², чем верхние горизонты.

Одновременно и параллельно процессу хозяйственного освоения славянами края шло феодальное наступление на район Белоозера — сначала из Новгорода, затем из Киева. Уже к концу XI в. процесс развития феодальных отношений в крае привел к значительной социальной дифференциации и в то же время усилил давление на местное население. В восстании 1071 г. значение местной финской среды, вступившей вместе с волхвами в социальный конфликт с представителями княжеской власти, ощущается совершенно ясно³³.

С XIII в. в Белозерье начинается строительство монастырей. Одновременно шел процесс феодализации земли и сокращения крестьянских владений. Все эти факторы ускорили процесс слияния веси со славянами. Однако часть веси в лице вепсов сохранила этническую самостоятельность до наших дней.

³¹ Л. А. Голубева. Славянские памятники на Белом озере. «Сборник по археологии Вологодской области». Вологда, 1961, стр. 34—39.

³² А. В. Никитин. Городище и могильник у дер. Крестцы; *оп же*. Городище в г. Устюжке. КСИИМК, вып. 110, 1967, стр. 115, 118.

³³ П. П. Третьяков. У истоков древнерусской народности. Л., 1970, стр. 120, 121, 150—151.

Глава первая

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Ранние исторические записи, создававшиеся в Белозерье, не сохранились. А. А. Шахматов был уверен в существовании белозерского предания о княжении Синеуса¹. Д. С. Лихачев считал, что белозерское предание могло попасть в Киевскую летопись до 1064 г.² А. Г. Кузьмин предполагает, что синтез местных преданий и возникновение древнейшего варианта варяжской легенды произошли не в Новгороде, как думал А. А. Шахматов, а в Ладоге и сказание о призвании было включено в «Повесть временных лет» только около 1118 г.³

Как само сказание, так и дата (862 г.), под которой оно помещено в летописи, могли быть легендой.

О существовании и длительном бытовании белозерских преданий свидетельствует запись летописца XVI в. Кирилло-Белозерского монастыря о том, что Синеус поселился на северном берегу Белого озера, на Киснеме («Синеус сиде у нас на Киснеме»)⁴.

А. Засецкий сообщал, что город на северном берегу Белого озера был построен против биармийцев⁵. О «варяжском городке» на Киснеме

говорил И. И. Порошин (без указания на источник)⁶.

Местное предание утверждает, что Белоозеро было первоначально основано на северном берегу Белого озера, затем, при Владимире (?), перенесено к истокам Шексны, а впоследствии — на южный берег озера, на место современного г. Белозерска⁷. Летописец Троицкого Усть-Шехонского монастыря в разделе «О зачале граде Беле Езера, что в старом Городище», сообщает много подробностей о расположении города по отношению к монастырю, озеру и речкам, впадающим в Шексну, что позволяет локализовать Белоозеро X—XIV вв. на правом берегу Шексны⁸.

Основным источником по древней истории Белоозера и Белозерья является «Повесть временных лет».

Более поздние свидетельства о Белоозере имеются в областных летописях: «Новгородской», «Первой Лаврентьевской», «Устюжском летописном своде», «Вологодско-Пермской летописи», а наиболее полные — в «Никоновской летописи» и «Московском летописном своде». Особенно часты летописные упоминания о князе Глебе Васильковиче — крупном политическом

¹ А. А. Шахматов. Сказание о призвании варягов. СПб., 1904, стр. 288—365; *он же*. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

² Д. С. Лихачев. Русские летописи. М.—Л., 1947, стр. 42.

³ А. Г. Кузьмин. К вопросу о происхождении варяжской легенды. Сб. «Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М. Н. Тихомирова». М., 1967, стр. 42—53.

⁴ А. А. Шахматов. Сказание о призвании варягов, стр. 53.

⁵ Исторические и топографические известия по древности о России и частью о городе Вологде и его уезде и о состоянии оного поныне, собранные Алексеем Засецким в 1777 г. в Университетской типографии 1780 г. М., стр. 26.

⁶ И. И. Порошин. Вокруг Белого озера. «Живописная Россия», т. 2. М., 1902, стр. 25—26.

⁷ «Новгородский сборник», вып. 1. Новгород, 1865.

⁸ «О зачале и о создании Троицкого монастыря, что на Усть-Шексны». Рукопись XVII в. Из собрания П. М. Строева. Хранится в Ленинградской публичной библиотеке (древлехранилище Погодина. № 1579, 4, об. л. 43—50); А. А. Вычков. Описание церковнославянских и русских рукописных сборников. Императорская публичная библиотека, ч. 1. СПб., 1882, стр. 6—8. Копии этой летописи в разных списках были широко распространены в Белозерье вплоть до наших дней.

деятели, проявившем себя искусным дипломатом в сношениях с Ордой и скончавшемся на ростовском княжении.

Сведения летописей не содержат данных о внутренней жизни города, а касаются главным образом политической истории Белоозера — сначала Белоозерского княжества (1238—1388), затем удела московских князей (1389—1436) и впоследствии — уезда Московского государства.

Для наших целей важны летописные записи об эпидемиях моровой язвы в 1352 и 1364 гг. в бассейне Волги, уничтоживших почти все население Белоозера⁹. После этого бедствия возникает новый город на южном берегу Белого озера (Белозерск), в который переселились князья и воевода. Сведения конца XIV в. говорят еще о двух городах на Белоозере — старом и новом¹⁰. С XV в. летописные сведения о Белоозере относятся уже к Белозерску.

Большое значение в качестве исторического источника имеют грамоты из архивов Кирилло-Белозерского и Ферапонтова монастырей XIV—XVI вв.¹¹, данные писцовых книг¹², духовные и договорные грамоты великих и удельных князей.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Интерес к судьбе Белоозера возник давно. Книга С. Шевырева «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь в 1847 г.»¹³ была одной из первых попыток удовлетворить жажду русского читателя к «познанию местности, особенно девственного Севера»¹⁴. Она впервые донесла до широкого читателя свидетельство летописца XVII в. о прошлом Белоозера. С. Шевырев был также одним из первых, кто удостоверил точность историко-топографических указаний летописи о местоположении Белоозера¹⁵. Последу-

ющие публикации сплошь и рядом ограничивались пересказом летописца¹⁶, без ссылок на источник.

Отдельные очерки по истории окрестностей древнего Белоозера печатались в «Новгородских сборниках», первый из которых вышел в 1865 г. и в приложениях к памятным книгам по Новгородской губернии.

Вопрос политический и этнической истории Белоозерья, на основании летописных данных касался Г. И. Виноградов в книге «История Череповецкого края»¹⁷. Подробно сведения по Белоозеру, на основании данных летописи, духовных и договорных грамот, рассмотрел А. И. Копанев¹⁸. Краткие сведения по истории Белоозерья с привлечением археологических данных сообщаются в «Очерках по истории Вологодского края»¹⁹.

Скудость письменных источников, вероятно послужила причиной того, что специальных работ, посвященных древнему Белоозеру, нет до сих пор. М. Н. Тихомиров, суммировав в нескольких строках летописные свидетельства о Белоозере, пришел к следующему выводу: «Сомнительно, чтобы Белоозеро представляло собою крупный населенный пункт в XI—XIII вв. вернее это был небольшой укрепленный городок, где еще в XI в. прочно держалось язычество»²⁰.

А. М. Сахаров в работе о городах Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. считает Белоозер значительным торговым центром и развитым экономическим отношением городом. Однако ошибочно ссылается при этом на результаты работ Белоозерской археологической экспедиции. Данные о развитии ремесла и благоустройства города получены при раскопках старого города Белоозера и относятся к XII—XIII вв. В конце XIV в. город запустел, а в начале XV в. прекратил существование. Письменные источники конца XV в., которыми оперирует А. М. Сахаров, несомненно, относятся к новому городу — Белозерску²¹.

⁹ ПСРЛ, т. X, стр. 224; т. XI, стр. 3. М., 1965.

¹⁰ М. Н. Тихомиров. Список русских городов, дальних и ближних. «Исторические записки», т. 40. М., 1952, стр. 252; «Вологодско-Пермская летопись». ПСРЛ, т. XXVI. М., 1959, стр. 160; «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов». М.—Л., 1950.

¹¹ «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI вв.», т. II. М., 1958.

¹² «Писцовые книги». Изд. Русского географического общества. СПб., 1877.

¹³ С. Шевырев. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь в 1847 г. М., 1850, стр. 87.

¹⁴ П. М. Строев. Из отчета 1829 г. Академии наук. «Вологодская старина. Историко-археологический сборник». Составил Н. К. Степановский. Вологда, 1890.

¹⁵ С. Шевырев. Указ. соч., стр. 87.

¹⁶ «Из путевых заметок странника. Белозерск. «Русский художественный листок», № 12, 1859.

¹⁷ Г. И. Виноградов. История Череповецкого края «Труды Череповецкого общества изучения местного края». Белозерск, 1925.

¹⁸ А. И. Копанев. История землевладения Белоозерского края XV—XVI вв. М.—Л., 1951, стр. 5—61.

¹⁹ Т. И. Осминский, Н. В. Озеринин, И. И. Брусенский. Очерки по истории края (Вологодская область). Вологда, 1960, стр. 7—52.

²⁰ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 421.

²¹ А. М. Сахаров. Города Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1959, стр. 79—81.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первые сведения об археологических памятниках Белозерского края сообщил известный русский исследователь и археолог З. Д. Ходаковский, совершивший в 20-х годах XIX в. путешествие по северным губерниям России²².

В 1860 г. по поручению Археологической комиссии Я. М. Лазаревский и Ю. Б. Иверсен произвели первые археологические изыскания в окрестностях г. Белозерска²³. Был осмотрен также северный берег Белого озера у с. Троицкого (Кисемы) и произведены раскопки двух курганов на Старом городе, у истока Шексны. Раскопкам подверглись и «Сопки» под Белозерском.

В 1929 г. В. И. Равдоникасом и Г. П. Гроздиловым были произведены разведывательные раскопки на Старом городе Белоозера. Обнаружены мощный культурный слой X—XIII вв. и хорошо сохранившиеся сооружения из дерева в нижнем его горизонте²⁴. Дневников и чертежей раскопок Белоозера в архиве ЛОИА и Эрмитаже не оказалось.

В 1930 г. А. Я. Брюсов производил поиски древнего поселения — предшественника Белоозера — на северном берегу Белого озера, у Кисемы. В 1949 г. Белозерской экспедицией, в 1955 г. И. К. Цветковой, в 1959 г. Н. В. Тухтиной там же производились раскопки грунтового могильника конца X—середины XI в.²⁵

В 1939 и 1940 гг. в Белозерском и Кирилловском районах вел разведку и раскопки П. А. Сухов²⁶. Он обследовал Старый город и отметил отсутствие земляных укреплений на нем, как и на других поселениях по Шексне. Он пришел также к выводу об отсутствии на Шексне достоверных курганных групп. «Сопкам» под Белозерском он посвятил специальное исследование, в котором вслед за А. А. Спицыным доказывал природный характер этих всхолмлений.

С конца 40-х годов А. А. Алексеевой открыт ряд неукрепленных поселений на Белом и Азатском озерах; собраны огромные коллекции

подъемного материала на Белоозере и с поселений по Шексне: у Городища, Любца и Луковца (затопленных Рыбинским водохранилищем). В 1949—1950 гг. М. В. Фехнер обследовала Кирилловский и Белозерский районы²⁷.

С 1949 по 1965 г. (с перерывом в 5 лет) в Старом городе производились систематические раскопки Белозерской археологической экспедицией. Попутно обследовались побережье Белого озера и окрестности Белозерска. Велись разведывательные раскопки в Белозерском кремле и на территории Кирилло-Белозерской крепости.

В 1969 г. в 0,5 км от Старого города на дюнном всхолмлении «Пески» С. В. Ошибкина обнаружила кладбище, принадлежавшее смешанному славяно-весскому населению Белоозера XII—XIII вв.²⁸

СТАРЫЙ ГОРОД И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ

Белоозеро расположено у истока (по-старинному — устья) Шексны из Белого озера²⁹. В древнерусском языке других областей случаи, когда исток реки назывался устьем, нередки³⁰.

Древнейшее свидетельство о местоположении Белоозера находим в рассказе «Повести временных лет» под 1071 г. Ян Вышатич «вшед в град к Белозерцем». Захватив мятежных волхвов, он «сташа на устьи Шексны» для расправы над ними³¹.

В рукописи «О зачале и о создании Троицкого монастыря, что на Усть-Шексны» XVII в. содержится ряд более точных сведений. Там, где был город, «ныне же место то пусто, зовемо селище княже, отстоит же от самого устья вниз по реке полтретья поприща... а от церкви того монастыря единого поприща»³². В другом списке той же рукописи место города указывается «на устье реки Шексны, что в старом городище...

²² «Донесение о первых успехах путешествия по России З. Д. Ходаковского». — «Русский исторический сборник», т. VII. М., 1844, стр. 87—88.

²³ Я. М. Лазаревский. Об археологических разысканиях в окрестностях Белозерска. Архив ЛОИА, ф. 1. № 15/1860 г.

²⁴ W. I. Raudonikas. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930, S. 124—125.

²⁵ Л. А. Голубева. Могильник X — середины XI в. на Белоозере. СА, 1961, № 1.

²⁶ П. А. Сухов. Славянское городище IX—X вв. в Южном Белоозерье. МИА, 1941, № 6; он же. Отчет о полевых археологических работах в Кирилло-Белозерском районе в 1939 г. Архив ЛОИА, ф. 35, 1939 г.; «Материалы к работам П. А. Сухова в 1940 г». Архив ЛОИА, ф. 35, 1940 г., № 44.

²⁷ М. В. Фехнер. Материалы к археологической карте Белозерского и Кирилловского районов Вологодской области. «Археологический сборник. Труды ГИМ», вып. 22. М., 1953, стр. 126—140.

²⁸ С. В. Ошибкина. Могильник Пески в Вологодской области. КСИА, вып. 129, 1972, стр. 65—69.

²⁹ «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.», т. II. М., 1958, № 165, 236, 249. Монастырь у истоков Шексны назывался Троицкий Усть-Шехонский. Исток реки назывался иногда «верхним устьем».

³⁰ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III. М., 1958, стр. 1292.

³¹ ПВЛ под 1071 г.; см. также: А. И. Насонов. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, стр. 178.

³² «О зачале и о создании Троицкого монастыря...», стр. 45—46.

от самово устья Шехонского поприща два или пол»³³.

Если принять, что поприще как путевая мера было близко версте³⁴, то это соответствует действительному расстоянию в 2,5—3 км, отделяющему Старый город от устья Шексны.

В этой же рукописи место бывшего города называется «Старый город» и «Княжое место». В ней упоминаются также речки и урочища, сохранившие свои названия до наших дней. Так, у речки Васильевки, протекающей через Старый город, в древности у «боготворимой березы» и огромного камня приносили жертвы «кумирам языческим». На этом месте и была поставлена первая белоозерская церковь во имя Василия Кесарийского. Постройку церкви предание связывает с крещением местного населения и испровержением языческих кумиров, относя эти события к X в. По преданию, здесь был захоронен первый белоозерский князь Глеб Васильевич, скончавшийся в 1278 г. (согласно летописи, Глеб похоронен в Ростове). Часовню во имя Василия Кесарийского на левом берегу речки Васильевки народная память назвала преемницей соборной церкви. К ней перешла и легенда о гробнице князя Глеба на Белоозере. Как давно возникла часовня — неизвестно. Просуществовала она до 30-х годов XX в.

Название «Старый город» сохранилось не только в памяти старожилов, но и в официальных документах — например в грамоте царей Ивана и Петра Алексеевичей белоозерцам на владение пожнями по Шексне. Не только предания и документы, но и самые руины удостоверяют существование города на правом берегу Шексны. В справочниках 30-х годов XIX в. читаем: «Место древнего города обозначается небольшими буграми»³⁵. В 1847 г. их обозревал С. Шевырев. Очевидно, память о трагической судьбе города оберегала это место от позднейших застроек. Лишь в середине XIX в. некоторое время на участке левого берега речки Васильевки были усадьба и дегтярный завод купца Меркутина. Старый город не распаивался вплоть до 30-х годов XX в. Здесь всегда были сенокосы. Поэтому развалины домов, занесенные землей и задернованные, сохранились в виде «бугров» на огромной территории еще в 40-х годах XX в., представляя исключительный материал для археологических исследований.

³³ Летопись Троицкого Усть-Шехонского монастыря. Переписана с копии в 1860 г. И. С. Кошкиным. Собрание Н. А. Шишневой. Дер. Панкратовка Белоозерского района Вологодской обл.

³⁴ И. И. Срезневский. Указ. соч., стр. 1203.

³⁵ «Энциклопедический лексикон», т. VIII. СПб., 1837, стр. 550.

Таким образом, летописное Белоозеро прочно привязано к географической карте. М. Н. Тихомиров допускал ошибку, перенося его на левый берег Шексны, на место с. Крохина, и отождествляя с поселком при монастыре³⁶.

Летописец Троицкого Усть-Шехонского монастыря подчеркивал расстояние между древним городом и монастырем и не давал повода предпологать их ближайшее соседство. Сам монастырь, согласно летописцу основанный в 1251 г. также был на правом берегу Шексны. Его первоначальное место — на юго-восточном берегу озера, у самого истока Шексны, на «переливине»³⁷.

Подмываемый водами озера, он несколько раз переносился ниже по течению. С XVII в. его местоположение на правом берегу Шексны, в Каргулинской слободе, уже не менялось. По летописцу, слобода при речке Каргулке еще в XIII в. была отдана монастырю князем Глебом.

По актам XV в., на правом берегу Шексны, против деревни Крохинской, существовал «Средний погост». Его владения простирались от речки Турбой до Белого озера³⁸. Древнейшие названия речек и ручьев по правому берегу Шексны: Турбой, Каргулка, Мыслуга³⁹. Более поздние посят имена христианских святых и церквей. Это Троицкая, Никольская, Андреевская, Васильевская речки на правом берегу Шексны; Дмитриевская⁴⁰, Горбовка, Борисглебская — на левом.

Ключевое значение Белоозера, контролировавшего путь на юг и на северо-восток (у Крохина всегда существовала переправа на левый берег Шексны), делало необходимым заселение обоих берегов. Действительно, отдельные находки керамики и шиферных пряслиц известны с территории с. Крохина. Однако с левого берега никогда не связывалось имя Старого города. Вероятно, здесь было небольшое поселение при переправе. Археологически оно не следовало. Такое же небольшое поселение с

³⁶ М. Н. Тихомиров. Список русских городов, дальних и ближних, стр. 252; *он же*. Древнерусские города, стр. 432, карта. Следуя М. Н. Тихомирову, Н. В. Тухтина также помещает Белоозеро на левом берегу Шексны (Н. В. Тухтина. Об этническом составе населения бассейна р. Шексны в X—XII вв. «Археологический сборник. Труды ГИМ», вып. 40. М., 1966, карта).

³⁷ «Новгородский сборник», вып. 1, Крохинский посад.

³⁸ «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.», грамота около 1490—1492 гг., № 332, стр. 313.

³⁹ Слова: *ой, уй* (речка) и *карг* (от финск. (ливв.) фольк. — *karhu* — (медведь) — прибалтийско-финского происхождения (см. выше).

⁴⁰ Дер. Крохинская, речка Дмитриевская упоминаются в документах первой половины и конца XV в.

ществовало в домонгольское время ниже по Шексне, напротив Старого города. Здесь, при впадении речки Борисоглебской в Шексну, стояла деревянная церковь Бориса и Глеба⁴¹. Разведывательными работами Белозерской экспедиции в 1962 г. установлено наличие незначительного (до 0,20 м) культурного слоя со славянской круговой керамикой и шиферными пряслицами. Есть и единичные находки более раннего времени — обломки сетчатой керамики и литая бронзовая фибула со шнуровым орнаментом. По документам, здесь с 1839 г. кладбище с. Крохина с каменной церковью Пресображения.

В 1949 г. на Старом городе начались работы Белозерской экспедиции⁴². Территория бывшего города представляла тогда обширную луговину, полого поднимающуюся над уровнем реки на 5—6 м. Ее пересекали русла трех речек, впадавших в Шексну. Западный, довольно глубокий и широкий в половодье проток (Никольский?—Л. Г.) являлся рубежом поселения. Шурфовка на его западном берегу не выявила культурного слоя. Траншеи на восточном берегу не обнаружили следов укреплений. Речка Васильевская в 800 м к востоку от западного протока служила удобной гаванью. На обоих берегах ее сохранилось по величественному кургаду. Поселение простиралось и восточнее речки (рис. 9). Площадь поселения была более чем на 1 км покрыта небольшими всхолмлениями⁴³. Ближе к реке они сохранились лучше; в сторону леса их очертания были менее определены; здесь они распахивались. Холмики — руины древних построек, выступавших на поверхности главным образом развалами печей. В их расположении наблюдалась определенная регулярность, отраженная в топографическом плане 1958 г., снятом экспедицией.

Первый ряд всхолмлений располагался вдоль реки, отмечая следы построек набережной улицы. Следующие ряды шли также параллельно

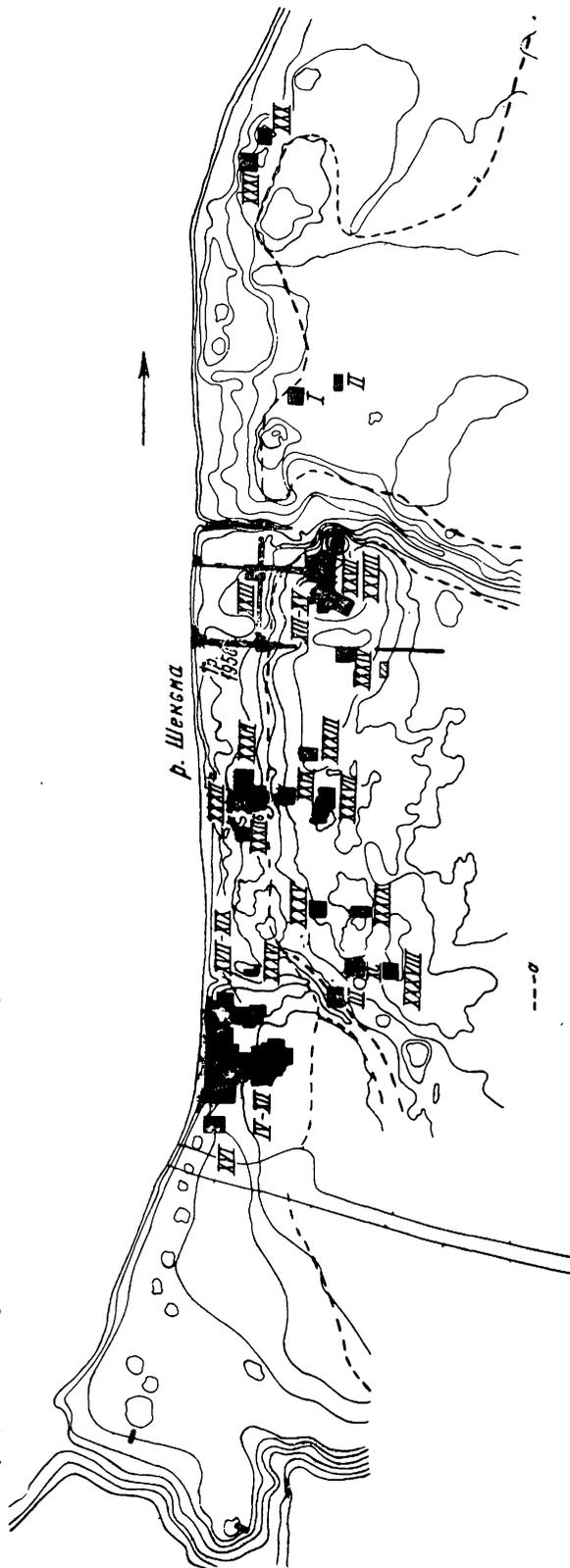

Рис. 9. Топографический план Старого города Белоозера с раскопами и траншеями Белозерской экспедиции
а — береговая линия после 1964 г.; римскими цифрами обозначены номера раскопов

⁴¹ «Энциклопедический лексикон», стр. 550—551.

⁴² В работе экспедиции принимали участие археологи Т. Б. Барцева, Л. В. Ефимова, Н. И. Калоев, С. И. Кочкуркина, А. А. Мирон, С. Н. Орлов, Т. В. Равдина, А. В. Успенская, И. М. Ушакова, М. В. Фехнер, Н. Б. и Е. Н. Черных, А. Н. Чернецов, Е. В. Шолохова, Л. А. Шелекасова; фотографы, топографы, художники, чертежники, реставраторы и коллекторы В. Н. Амитин, Б. З. Бабкин, М. М. Гаврилов, А. П. Коротков, А. А. Кузьмичев, В. Р. и Н. П. Малиновские, З. В. Михайлова, А. С. и Т. Н. Одудовские, Т. В. Портнова, М. М. Зайцев, А. П. Штернберг, которым приношу сердечную благодарность.

⁴³ С 1964 г., после сооружения плотины на Шексне выше Череповца, поднявшей уровень воды в озере и Шексне на 2 м, площадь Старого города в значительной мере затоплена или подтоплена.

берегу реки. На отдельных участках можно было насчитать до шести рядов таких всхолмлений. Расстояние между рядами колебалось между 15 и 30 м. В пределах ряда холмики отстояли друг от друга на 10—15 м.

П. А. Сухов определил размеры поселения с запада на восток вдоль реки в 1 км; с севера на юг — в 200—300 м. Он собрал на площади поселения керамику, грузила, диоритовый молот со сверлиной, долото и кремневые изделия. Белозерская экспедиция определила распространение культурного слоя вдоль реки на 1700 м. В сторону леса он не превышал 150—200 м.

Я. М. Лазаревский и Ю. Б. Иверсен отметили в Старом городе курганы. Самый крупный — до 6 м высоты (от уровня воды), около 15 м в диаметре, с часовней во имя св. Василия на левом берегу речки Васильевки — был не тронут исследователями.

В 70 саженьях на запад от него располагался второй курган, около 1,5 аршина высоты и 25 сажень в окружности. Третий курган такой же величины возвышался на правом берегу Васильевки, напротив часовни. Раскопки второго и третьего курганов вел Ю. Б. Иверсен. Он разрезал курганы траншеей 3 × 2 сажени⁴⁴. Во втором кургане обнаружен костяк головой на запад, на спине, со сложенными на груди руками и разбросанные в беспорядке части скелетов, в том числе 30 черепов. Курган возведен на культурном слое, в котором были встречены остатки печки-каменки, керамика, кости рыб и животных, бусы.

При раскопках третьего кургана Ю. Б. Иверсен обнаружил семь костяков, лежавших на спине, головами на запад, со сложенными на груди руками. При двух костяках были следы гробов. Вещей не оказалось. Несколько разрушенных костяков залегали ниже первого ряда погребений. Этот курган был также возведен на культурном слое.

Коллективный и беспорядочный характер захоронений, осуществленных на площади поселения; заставляет предполагать, что здесь погребены жители города, погибшие в результате эпидемий или военных действий, вероятно в XIV в.

Курган под часовней стал доступен для исследований только после сноса последней. Однако к началу работ Белозерской экспедиции он был уже испорчен ямами для хранения картофеля и траншеями под силос. При земляных работах

было выброшено множество костяков и найден медный позолоченный энколпион.

В 1960 г. Белозерская экспедиция исследовала западную и южную полы кургана, вскрыв 55 кв. м. Выяснилось, что здесь было кладбище при часовне, вероятно позднее (XVIII—XIX вв.). Обнаружено около 30 захоронений в гробах, головой на запад, без вещей; на двух костяках сохранились следы парчи. Погребения встречены и у подножия холма. Насыпь, в которую производились захоронения, сооружена в несколько приемов и в разное время. Древнейшим являлся холм из материкового песка и галечника, возведенный на культурном слое конца X в. О некоторых древних сооружениях, связанных с этим слоем, будет сказано далее.

СТРАТИГРАФИЯ

Раскопы и траншеи Белозерской экспедиции, вскрывшие около 7000 кв. м, охватили различные участки территории древнего города (рис. 9). Топографически (и стратиграфически) их можно объединить в три основные группы (рис. 10).

Южная объединяет раскопы, наиболее удаленные от реки и расположенные близко друг к другу: III (125 кв. м), XXIX (200 кв. м), XXXIII (96 кв. м), XXXV (100 кв. м), XXXVII (144 кв. м), XXXVIII (100 кв. м), XXXIX (72 кв. м), XL (148 кв. м).

Центральная: раскопы XIII—XV, XX—XXVIII (812 кв. м), I—II (160 кв. м).

Северная объединяет западные и восточные раскопы: IV—XII (1600 кв. м), XVI (140 кв. м), XVII—XIX (492 кв. м), XXX (100 кв. м), XXXI (148 кв. м), XXXII (350 кв. м), XXXIV (60 кв. м), XXXVI (42 кв. м).

Наиболее древние культурные отложения, начиная с неолита, обнаружены только в южной и центральной группах.

В северной, или приречной, части культурный слой относится к концу XII—XIV в. Благодаря свойствам грунтовых вод в прибрежных раскопах прекрасно сохранилось дерево и стратиграфические данные здесь проверяются и дополняются данными, полученными в результате дендрохронологического анализа⁴⁵. В центральных раскопах дерево худшей сохранности.

В южной группе раскопов, расположенных в наиболее высокой части коренного берега, дерево сохраняется только в виде тлена. Исключение составляют раскопы III и XL, разбитые

⁴⁴ Ю. Б. Иверсен. Раскопки курганов, находящихся близ часовни св. Василия, что в Старом городе. Архив ЛОИА. Дело Архивной комиссии № 15, 1860 г. Об археологических раскопках в окрестностях Белозерска, лл. 19—20.

⁴⁵ Н. Б. Черныш. Абсолютная дендрохронологическая шкала древнего Белоозера. Сб. «Археология и естественные науки». М., 1965, стр. 86—90.

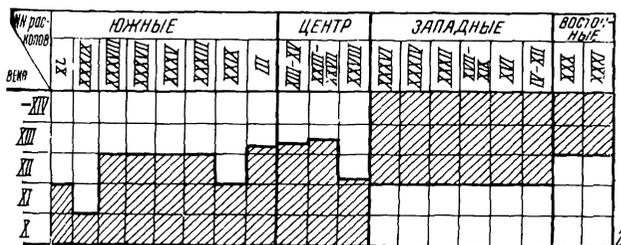
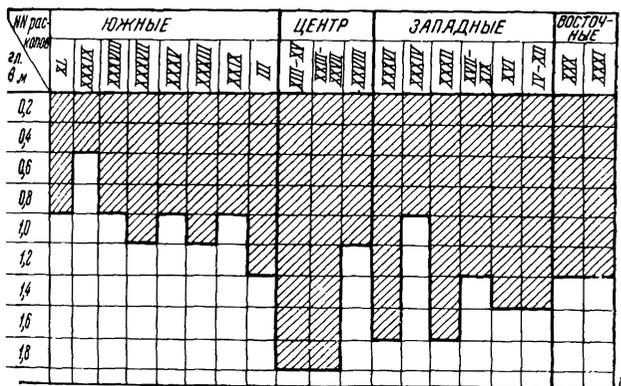

Рис. 10. Сводные таблицы раскопов. Заштрихованы исследованные участки
1 — глубина раскопов; 2 — хронология

вблизи русла древнего ручья, в условиях заболоченной почвы. Однако для целей дендрохронологического анализа дерево из этих раскопов непригодно.

СТРАТИГРАФИЯ РАСКОПОВ ЮЖНОЙ ГРУППЫ

Материк — серая глина; выше него — плотный серый песок с галькой. В раскопах III и XI, выше галечника отложился слой со щепой (около 0,4 м), пропитанный грунтовыми водами; он здесь является древнейшим (первым) горизонтом культурного слоя. Во всех других раскопах южной группы древнейшим (первым) горизонтом культурного слоя является плотный темный суглинок. Он содержит также примесь песка и мелкой гальки, увеличивающуюся по мере приближения к матерiku. Характерная черта — след пожара, отмеченный почти во всех раскопах (кроме XXXIX и XL). Он составляет верхнюю границу первого горизонта культурного слоя. В раскопе XXXVII между слоем разрушенных сгоревших построек и вторым горизонтом культурного слоя вклинилась насыпь кургана (см. стр. 75—77).

В раскопах со слоем пожара верхняя граница первого горизонта культурного слоя датируется по самым поздним находкам концом X — нача-

лом XI в. В раскопах, где слой пожара отсутствует, верхняя граница этого горизонта определяется концом XI в. Не менее характерными чертами этого горизонта являются господство лепной керамики и наличие немногих вещей, датирующихся серединой и последней четвертью I тысячелетия н. э.

В первом и втором (снизу) пластах первого горизонта встречены также неолитическая керамика и кремневые изделия (пластины, скребки, отщепы, наконечники стрел, а также нуклеусы). Здесь же присутствию в небольшом числе текстильная, а также штрихованная и гладкостенная позднекаргопольская керамика. Мощность слоя 0,4—0,5 м; в ямах — до 0,9 м.

Второй горизонт культурного слоя — темный гумусированный рыхлый суглинок с прослойками сгнившего дерева и остатками печей-каменок. Верхний его пласт распахан и задернован. Мощность около 0,2—0,5 м. В раскопах XXXIII, XXXV этот горизонт незначителен и построек в нем не было. В двух раскопах он нарушен погребениями. Дата — XII в.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГРУППА РАСКОПОВ

Расположена (кроме I и II) на левом берегу реки Васильевки. Интенсивность отложения культурного слоя здесь различна. Как показала траншея 1958 и 1959 гг., прорезавшая площадь города с севера на юг на расстоянии 46—60 м к югу от уреза воды, на первой речной террасе культурный слой всего 0,2—0,6 м.

Стратиграфия культурного слоя на уровне первой речной террасы.

Материк — светлый аллювий, перекрывающий погребенную слабоподзоленную почву светлого цвета; под ней — орштейновая глина.

Первый горизонт культурного слоя — плотный темный суглинок с угольками; значительна примесь песка. Прослеживается местами в виде узкой полосы 0,1—0,2 м; интенсивнее у очагов, в ямах и западинах достигает глубины до 0,6—1,3 м; насыщен щепой, навозом, содержит лепную керамику. Дата — X — начало XI в.

Второй горизонт культурного слоя под дерном — гуммированный суглинок иногда с вкраплениями угля, прослойками перегнившего дерева, обожженной глины. Мощность 0,2—0,3 м, в ямах — глубже. Дата — XII—XIII вв.; встречаются вещи X—XI вв. Второй горизонт культурного слоя не содержит остатков каких-либо построек и отличается слабой окрашенностью и малым числом находок. Очевидно, здесь в XII—XIII вв. был незастроенный участок города, — возможно улица, отделяющая набережный рай-

он с его интенсивной застройкой от расположенного южнее ремесленного квартала (кузницы и горны).

Стратиграфия раскопов XIII—XV, XXIII—XXVIII, расположенных южнее края первой террасы, на расстоянии 75 м от реки, на самой возвышенной части берега, иная. Здесь культурный слой имеет мощность до 2 м. Общий размер вскрытой площади 812 кв. м. Материк — серая глина с песком.

Первый горизонт культурного слоя — темный плотный суглинок; его верхний ярус отмечен следами пожара, нижний насыщен щепой, навозом, содержит очаги. Мощность от 0,2 до 0,6 м. Дата — X — начало XI в.

Второй горизонт культурного слоя — темный суглинок, насыщенный перегнившим деревом с большим количеством угля, сырой и обожжен-

ной глины. По нижней границе содержит остатки срубов № 7, 8, 9, которые и по инвентарю и стратиграфически датируются XI в. В юго-западной части раскопов верхняя граница этого горизонта отмечена развалами горнов и кузницы. Мощность от 0,2 до 0,8 м. Дата — XI—XII вв. В восточной части раскопа этот горизонт отсутствует. Здесь над первым горизонтом отложилась серая глинисто-песчаная насыпь кургана под часовней с линзами песка. Мощность до 0,8 м.

Третий горизонт культурного слоя — темный суглинок с вкраплениями угля, глины, камней. Местами он испорчен перекопами первой половины XIX в., связанными с постройками усадьбы купца Меркутина (канавы, фундаменты дома и хозяйственные строения). Мощность до 0,5 м. Дата — XII в.

Глава вторая

БЕЛООЗЕРО В X — НАЧАЛЕ XI В.

ДРЕВНЕЙШИЙ ГОРИЗОНТ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ

(сооружения, инвентарь, обоснование датировки)

ЮЖНАЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГРУППЫ РАСКОПОВ

Древнейшие сооружения первого горизонта культурного слоя, обнаруженные на границе с материком, связаны с очагами. В южной группе раскопов они встречены только в раскопе XXXIX. Культурный слой этого раскопа сохранился всего на 0,2—0,3 м, так как скрыт бульдозером. Обнаружена часть жилища древнего типа с очагом, сооруженным в специальном углублении в материк. Глубина очажной ямы 0,8 м, диаметр $2,4 \times 1,2$ м. В очажной яме и на предматерике раскопа обнаружена лепная керамика групп А и Б наряду с неолитической и позднелитической.

Датирующие находки — бусины, пастовая печеночно-красная — 1 экз. (типа рис. 65, 12), глазчатая — 1 экз., крученые — 2 экз. и бусины из тянутых стеклянных трубочек — 6 экз. — сообщают этому горизонту культурного слоя дату, не более раннюю, чем X в. Но есть и более древние вещи. Так, пряжка из бронзового круглого дрота с прилитыми усиками (см. рис. 44, 12), вероятно, относится к IV—VI вв.¹ Стеклянная посеребренная трехчастная пронизка из очага может датироваться IX в.²

В центральной группе раскопов на уровне первой речной террасы древнейшее сооружение первого горизонта культурного слоя открыто в прирезке к траншее 1 в 1959 г. (рис. 11). Здесь

на глубине 0,6 м от современной поверхности на предматерике обнаружены четыре очага. Три из них расположены по одной линии (север — юг) с расстоянием в 2,2 и 1,4 м друг от друга; четвертый — северо-восточнее первого на 1,4 м; все очаги на одном уровне. Они устроены в неглубоких (0,1—0,2 м) ямах, заполненных углем и золой; границы ям нечеткие. Самый южный очаг — № 1. Развал его камней занимал площадь $1 \times 0,75$ м. В очаге найдены глиняное битрапецидное пряслице и обломок ножа. У очага 2 ($0,3 \times 0,3$ м) подняты железный ромбовидный черешковый наконечник стрелы новгородского типа, костяная накладка рукояти ножа с циркульным орнаментом, бусины-лимонки: зеленая и золото-стеклянная.

Самый значительный очаг — № 3. Его западина имела глубину 0,22 м, развал камней покрывал площадь $1,2 \times 0,8$ м. В камнях очага найдены крупная лимонная бусина, обломок круглого бронзового дрота и вблизи — синяя толстостенная кольцевидная бусина с вкраплениями мелких осколков белого и красного стекла³ (см. рис. 65, 23). Возле очага сохранилась часть бревна и прослежен участок глинобитного пола. Он отличался большой плотностью и содержал включения угольков и золы. Четвертый очаг имел размеры $1,0 \times 0,85$ м. В нем найдены обломки толстостенного лепного горшка баночной формы и бусина-лимонка полосатая. Вокруг очагов масса разбитых и расколотых костей животных и лепная керамика. Восточнее и западнее очагов на равном расстоянии от осевой линии, проведенной через первый и третий очаги, — ямы от столбов, вырытые в материке (8).

¹ А. Ф. Дубынин. Троицкое городище Подмосковья. СА, 1964, № 1, рис. 6, 10.

² З. А. Львова. Стеклянные бусы Старой Ладogi. АСГЭ, вып. 10. Л., 1968, стр. 34.

³ Аналогичные бусины известны в Старой Ладогe и в Скандинавии в памятниках IX—X вв. (З. А. Львова. Указ. соч., стр. 78, рис. 3, 42).

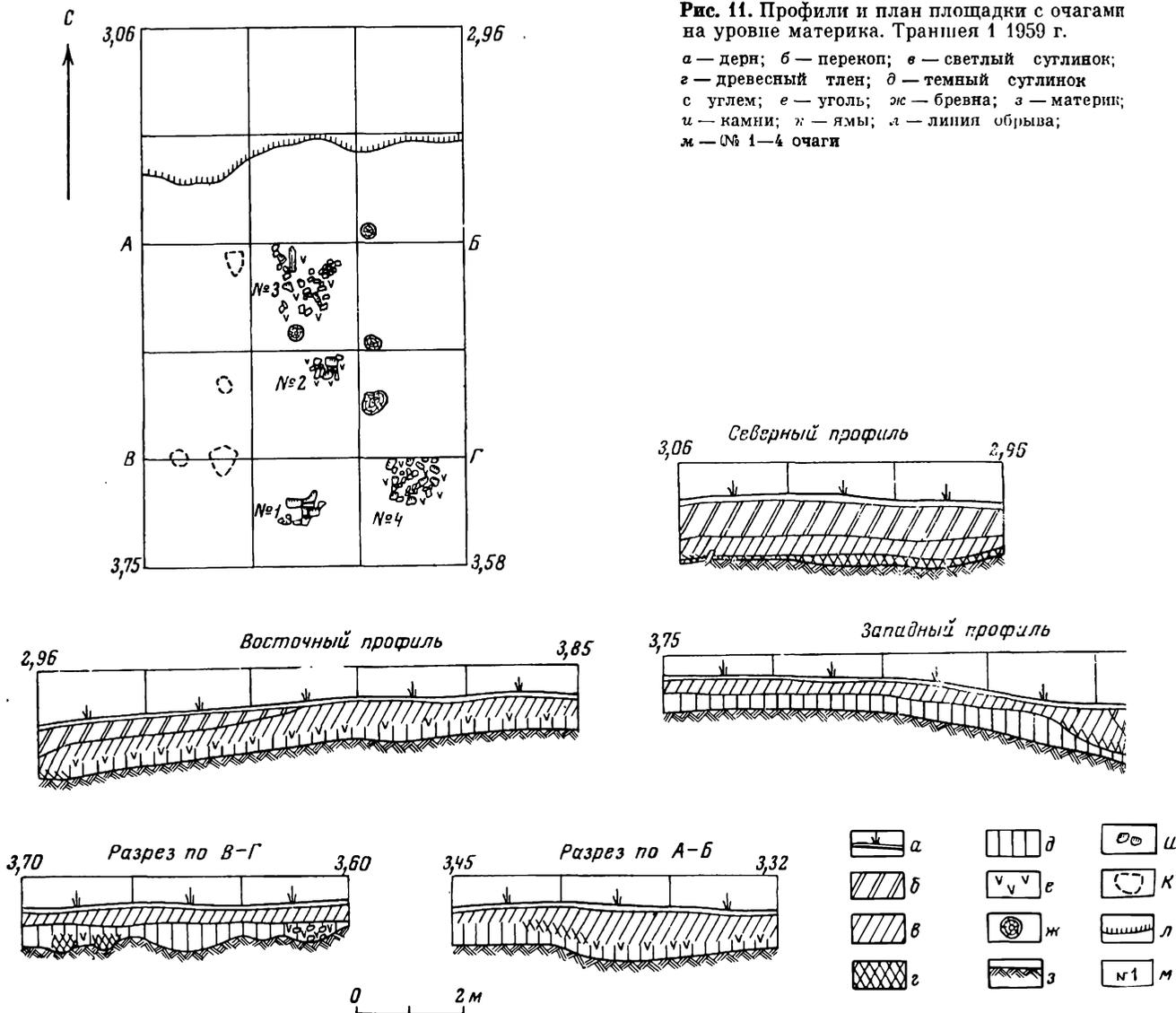

Рис. 11. Профили и план площадки с очагами на уровне материка. Траншея 1 1959 г.
 а — дерн; б — перекоп; в — светлый суглинок; г — древесный тлен; д — темный суглинок с углем; е — уголь; ж — бревна; з — материк; и — камни; к — ямы; л — линия обрыва; м — № 1—4 очаги

Расстояние между двумя линиями ям 2,20 — 2,5 м. Оба ряда ям расположены асимметрично по линии север — юг. В них сохранились волокна дерева от столбов. Нельзя ли эти столбы рассматривать в качестве фундаментных опор для несохранившихся стен, которые могли быть и срубными? Комплекс с очагами располагался на самом краю первой террасы. Его северная часть разрушена.

В непосредственной близости от очагов, на 0,2 м выше очага 3, найден единственный на Белоозере наконечник стрелы меровингского типа (рис. 12, 14); там же обнаружен ключ от корчатого замка.

В том же горизонте культурного слоя найдены: накладка на обувь с тремя шипами (типа рис. 13, 11), лодочная заклепка (рис. 13, 13),

гребень с дугообразной накладкой, орнаментированный кружками, заключенными в рамку из двойных параллельных врезных линий (рис. 13, 8). Здесь же найдены пластина из рога с девятью круглыми отверстиями (см. рис. 46, 15), остролистый черешковый наконечник стрелы и бусина глухого черного стекла с белыми и красными мозаичными глазками и белыми петлями (типа рис. 65, 18).

В раскопе XXVIII центральной группы древнейшие отложения культурного слоя также связаны с очагами. Так, в восточной части раскопа XXVIII «курган» на границе с материком были раскрыты три небольших скопления закопченных камней и большой очаг, в своей основной части уходивший за южную границу раскопа. Развал камней очага занимал

Рис. 12. Инвентарь из горизонта X — начала XI в. Белоозера

- 1 — костылек;
 2 — пряжка;
 3 — рукоять огнива;
 4, 5 — браслеты;
 6 — кинжал;
 7, 14, 16 — наконечники стрел;

- 8 — льячка;
 9 — литейная форма;
 10 — тигелек;
 11 — 13, 18 — пряслица;
 15 — кочедык;
 17, 19 — ключи;

1. 6, 7, 14, 16, 17, 19 — железо;
 2 — 5 — бронза;
 8, 10, 13, 18 — глина;
 9 — камень;
 11, 12, 15 — кость и рог

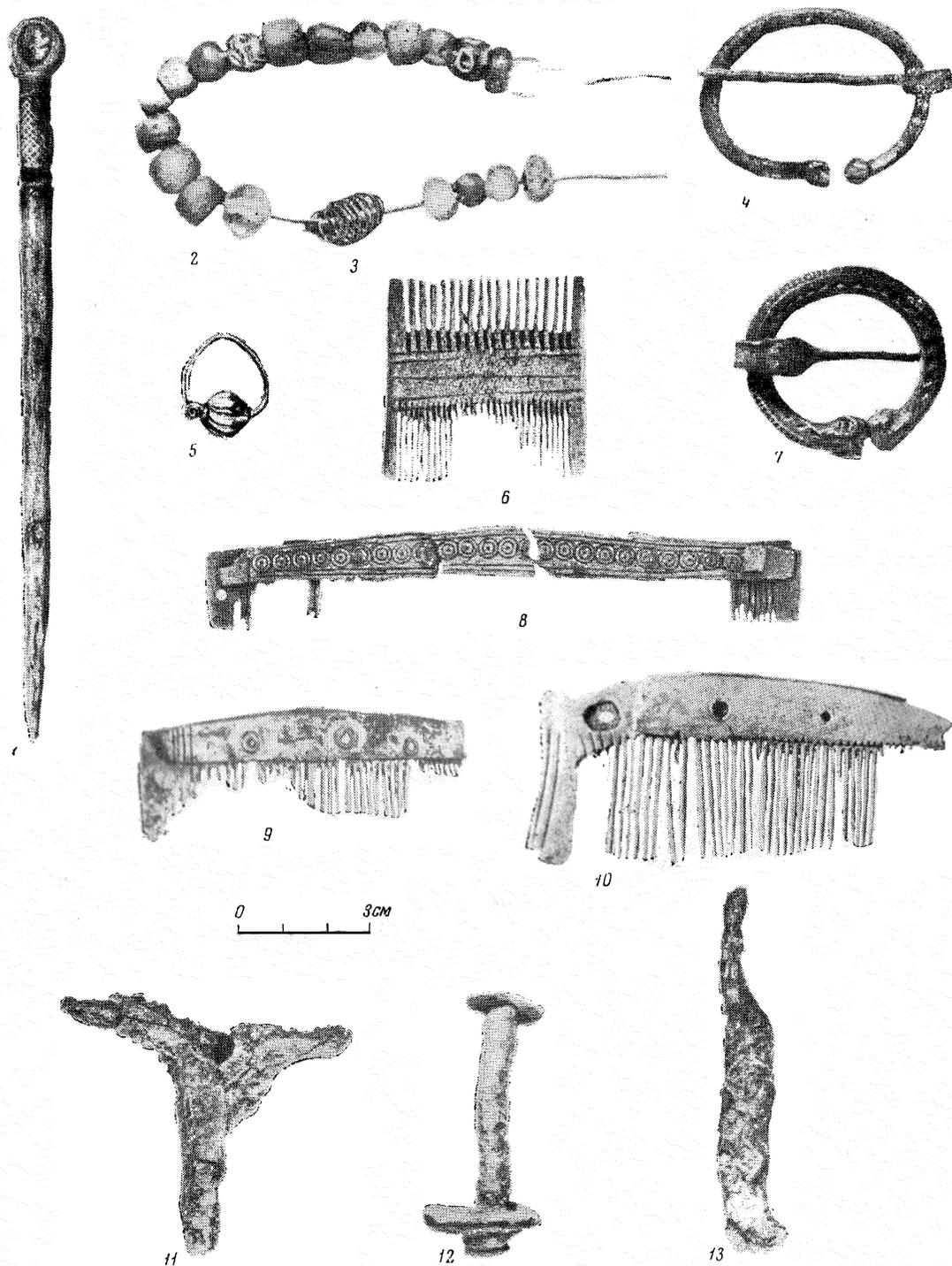

Рис. 13. Инвентарь из горизонта конца X—XI в. на Белоозере

1 — игла с кольцом (утрачено);	6, 8—10 — гребни;	1, 11—13 — железо;
2 — бусины;	7 — пряжка с личинами;	2 — стекло и сердолик;
3 — пронизка;	11 — шилы (накладка на обувь);	3 — серебро;
4 — пряжка;	12 — часть ножниц;	4, 7 — бронза;
5 — височное кольцо;	13 — лодочная заклепка;	5 — золото;
(2, 3, 5 — из погребения 1 в кургане
раскопа XXXVII);		6, 8—10 — рог

3 кв. м. Площадка в центре очага была свободна от камней (1 × 0,8 м). Она имела твердый прокаленный глиняный под с чередующимися прослойками угля и золы, что свидетельствует о его неоднократном подмазывании. В камнях очага найдены: глиняное битрапециодное пряслице (рис. 12, 18), бусины-лимонки (4) и зонная синего стекла. Костей животных около очага не было; керамика только лепная групп А и Б.

Западнее очага располагались три ямы, заполненные галечником, из которого состояла насыпь кургана. Находок в них не было.

На расстоянии 1,2 и 1,4 м от ям были вкопаны в материк на глубину 0,4 м массивные (диаметр 0,5 м) столбы (2). О связи их с ямами и очагом трудно сказать что-либо определенное. Предание связывало курган с местом языческого мольбища, где впоследствии была построена первая на Белоозере церковь.

Заманчиво было бы предположить, что ямы и столбы имеют отношение к культовому сооружению, связанному с очагом. К сожалению, для этого мало данных.

Мощность первого горизонта культурного слоя на площадке под курганом не более 0,2 м. Он не содержит здесь находок конца X—XI в., как это имеет место в соседнем раскопе XXVIII. Возможно, культурный слой здесь был скрыт при планировке площадки, но можно также предположить, что выравнивание ее, насыпка очага и ям произведены впервые в конце X или начале XI в.

Во всяком случае, важно установить, что и на других участках центрального раскопа на уровне нижней границы культурного слоя (слой со щепой) и материка вместе с керамикой групп А и Б также найдены крупные глиняные биконические пряслица (2) и только два пряслица из розового шифера. Здесь же найдены костяные острия и кочедыки (2). На границе культурного слоя и материка в 1960 г. найдены бусина крученая цилиндрическая синяя и фигурная подвеска из заглушенного фиолетового стекла с белыми полосками и желтыми глазками. Сверху к подвеске приварена дужка из стекла того же состава. Нижняя часть подвески отбита (см. рис. 65, 27). Подвески-лунницы из заглушенного синего стекла обнаружены в горизонте Е1 Старой Ладоги и в Салтовском могильнике⁴. Все это позволяет датировать древнейшие отложения культурного слоя, связанные с очагами, X в., возможно, первой его половиной.

Помимо очагов к древнейшим сооружениям первого горизонта культурного слоя централь-

ной группы раскопов относятся остатки срубов двух разновременных построек.

Древнейшей, залегавшей в основании горизонта со щепой на материке, явилась постройка 1 (раскоп XXVII, 1959 г.). От сруба сохранились три бревна нижнего венца; полностью уцелело лишь западное бревно длиной 5,4 м. Бревно плохо очищено, с корой и сучьями; сруб ориентирован с отклонениями к северо-востоку на 20°. Восточная часть сруба уничтожена; находок в нем не было. Вероятно, сруб разрушен при сооружении несколько более поздней постройки 2. Это — изба-пятистенка, восточная стена которой равна 10,75 м. Остальные три бревна нижнего венца сохранились частично: северное — на 5,4 м, среднее — на 6,5, южное — всего на 2 м. Бревна плохо очищены, с корой и сучьями. Сруб разрушен при постройке в начале XI в. частокола, пробившего среднее бревно (рис. 14). Находок в нем не было.

ЮЖНАЯ ГРУППА РАСКОПОВ

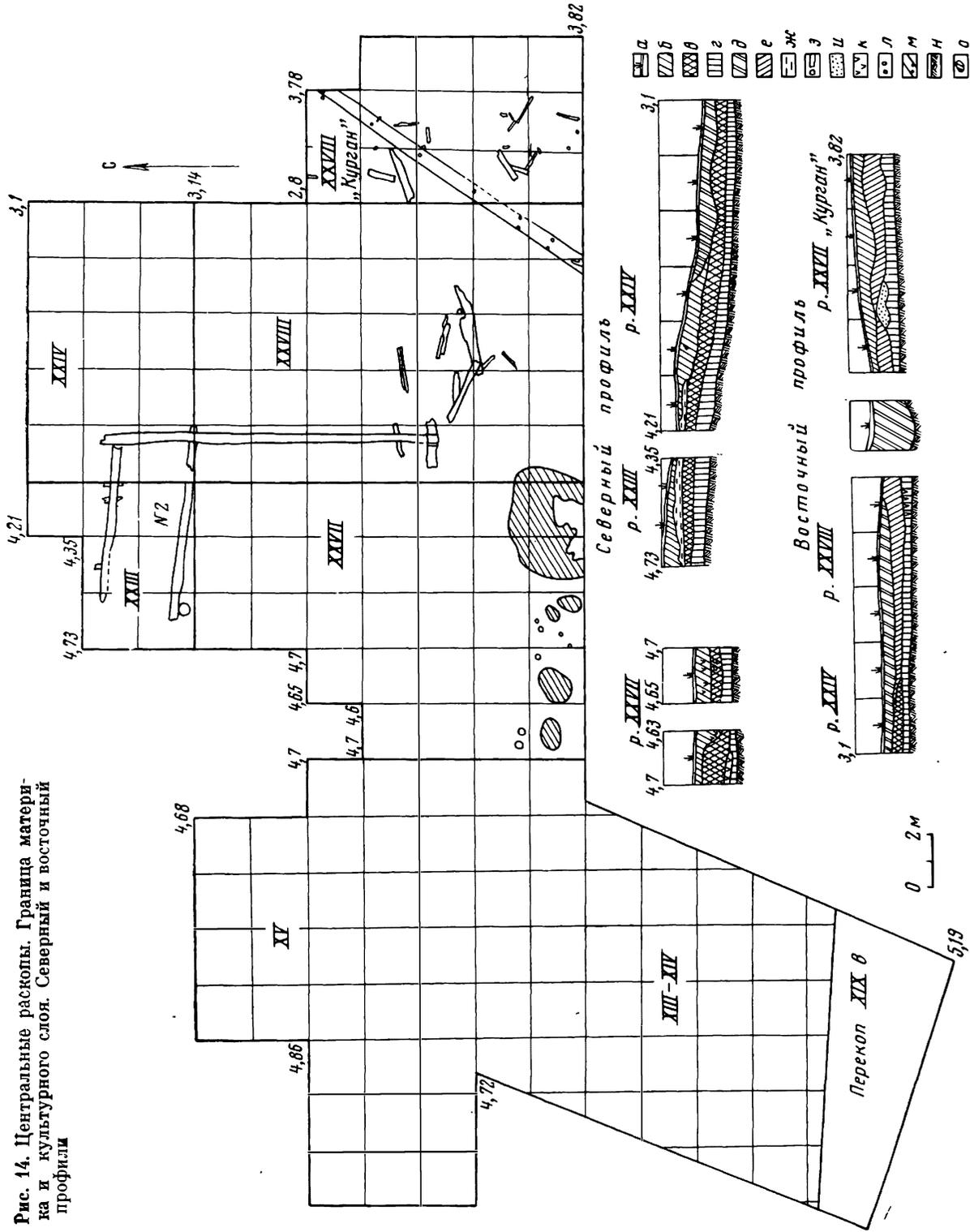
Исключая отложения культурного слоя, связанные с очагами (раскоп XXXIX), в других раскопах южной группы древнейший (первый) горизонт культурного слоя датируется суммарно X — началом XI в. Постройки здесь, пострадавшие от пожара, сохранились фрагментарно. Однако раскопы южной группы дали обильный инвентарь, позволивший нам с уверенностью обосновать дату этого древнейшего горизонта.

Не потревоженный перекопом древнейший горизонт культурного слоя сохранился в раскопе XXXV на предматерике (первый снизу пласт). Он датируется бусинами: хрустальной 14-гранной, янтарной многогранной, лимонками (шесть, из них три позолоченных). Перекоп (нижняя граница второго пласта — третий пласт) связан с постройкой жилища конца XI в., от которого остался лишь развал печи-каменки. Следует отметить вещи третьего пласта, очевидно, относящиеся к древнейшему горизонту культурного слоя. Это — круглый синий браслет с росписью серебром византийского происхождения (X в.); денарий Оттона и Адельгейды (991—995 гг.), бронзовая литая пряжка с личинами (рис. 13, 7). Пряжка относится к кругу скандинавских изделий; подобная найдена в одном из приладожских курганов с трупосожжением X — начала XI в.⁵ В этом же пласте найдены железный ключ от деревянного замка (рис. 12, 17), льячка-тигелек с полый

⁴ З. А. Львова. Указ. соч., рис. 4, 50, стр. 91.

⁵ В. И. Равдоникас. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и Юго-Восточном Приладожье. ИГАИМК, вып. 94, 1934, рис. IV, 14.

Рис. 14. Центральные раскопы. Граница материка и культурного слоя. Северный и восточный профили

рукоятю (рис. 12, 8). Шиферные пряслица третьего пласта по диаметру внутреннего канала распределяются следующим образом (в экз.): 0,5 см — 2; 0,6 см — 1; 0,8 см — 1; 0,9 см — 3; 1 см — 1.

В раскопе XXXIII древнейший горизонт культурного слоя залегал на глубине 0,5—0,9 м от современной поверхности. Мощность его около 0,4 м. Постройки этого горизонта сгорели и были разобраны. Сохранились лишь отдельные обугленные бревна, линзы сырой обожженной глины и скопления камней от разрушенных печей-каменок.

Датирующие находки: денарий Оттона и Адельгейды (991—995 гг.); бронзовое лунничное височное кольцо с трапециевидными подвесками. На лицевой поверхности лунницы зубчатым колесиком нанесен полукруг с отходящими от него лучами. Датируется по аналогичным украшениям из Максимовского могильника X в.⁶ (см. рис. 51, 15). Эту же дату имеет большой односторонний гребень с резным геометрическим орнаментом⁷ (см. рис. 62, 17). Ему одновременен и маленький односторонний гребень с орнаментом из врезанных заштрихованных треугольников. Два кочедыка из рога и проколка относятся к изделиям, получившим в Старой Ладогe наибольшее распространение в слое X в.⁸ Этой дате не противоречат также железный цилиндрический замок типа А, ромбовидный наконечник стрелы и шиферные пряслица с диаметром внутреннего канала 0,8 и 0,9 см (5 экз.).

Однороден и состав бус: лимоновидные из тянутых стеклянных трубочек (3 экз.) и сердоликовая многогранная. К более раннему времени (VIII—IX вв.) может быть отнесена двойная посеребренная стеклянная бусина. Бронзовая конусовидная привеска с треугольными прорезями по аналогиям из позднедьяковских городищ может относиться к III—IV вв.

В раскопе XXXVIII мощность древнейшего горизонта культурного слоя составляла 0,3—0,4 м. Две сгоревшие постройки были ориентированы по странам света.

Вещей горизонт сгоревших построек содержал очень мало. Выше построек найдены: четыре шиферных пряслица с диаметром внутреннего канала 0,8, 0,95 и 1 см; бусины: одна

стеклянная цилиндрическая посеребренная, пять лимонок, одна сердоликовая шарообразная; кочедык и обломки пластинчатого бронзового браслета. На уровне построек и в хозяйственной яме обнаружены две бусины-лимонки, три обломанных односторонних гребня, фрагмент амфоры.

В раскопе III древнейший горизонт культурного слоя содержит остатки двух сгоревших построек. От постройки 1 сохранилась лишь часть настила из бревнышек, ориентированных северо-восток — юго-запад. Над настилом — скопление соломы и навоза. В сочетании с незначительным числом бытовых находок это может свидетельствовать о хозяйственном назначении постройки.

Постройка 2 вошла в раскоп лишь частично своей южной стороной. У южной стены постройки располагалась печь-каменка с крупными валунами в основании, образующими прямоугольник размером 1,5 × 1,5 м.

Находки: две бусины-лимонки, две проколки из рога с отверстиями для подвешивания, пряслице из серого сланца. Ряд предметов, несомненно относящихся к древнему горизонту, найден выше него, во втором горизонте культурного слоя. Это — наконечник кремневой стрелы, бусины-лимонки и глазчатые, изделия из рога (наконечник стрелы двушипной, проколка, обломки двух односторонних гребней — рис. 15, 1, 2). Оба гребня, возможно, относятся к первой группе односторонних гребенков IX—X вв., фризских по происхождению⁹.

В раскопе XL древнейший горизонт содержал жилую постройку (сруб 6), бывшую в то же время мастерской. Это изба-пятистенка (рис. 16). Дом окружен фундаментной обвязкой, с севера и запада она двухвенечная. Размер сруба 7,2 × 4,7 м¹⁰. Печь разрушена. Развал камней, шлаки, крицы сосредоточены в основном у северной стены сруба. Здесь же найден обломок лепного горшка с прикипевшей ко дну линзой кричного железа. В границах сруба обнаружено также днище узкого цилиндрического тигля с округлым дном. Подобные тигли найдены в третьем горизонте Пскова, датируемом С. А. Тарakanовой IX в.¹¹, и в городище Камно. Тигли этой же формы известны в памятниках Прикамья X и XII вв. — Родано-

⁶ А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. СПб., 1901, табл. XXVI, 3, 10.

⁷ О. И. Давидан. Гребни Старой Ладогы. АСГЭ, вып. 4. Л., 1962, стр. 98.

⁸ О. И. Давидан. Старолadoжские изделия из кости и рога. АСГЭ, вып. 8. Л., 1966, стр. 103.

⁹ О. И. Давидан. К вопросу о происхождении и датировке ранних гребенков Старой Ладогы. АСГЭ, вып. 10, стр. 58—59.

¹⁰ Подробнее см. на стр. 113.

¹¹ С. А. Тараканова. Городища Псковское и Камно. Рукопись, 1956 г. и альбом. Архив ЛОИА, рис. XII, 5; XL; IV, 1; Псковский краеведческий музей, колл. 2208, № 773.

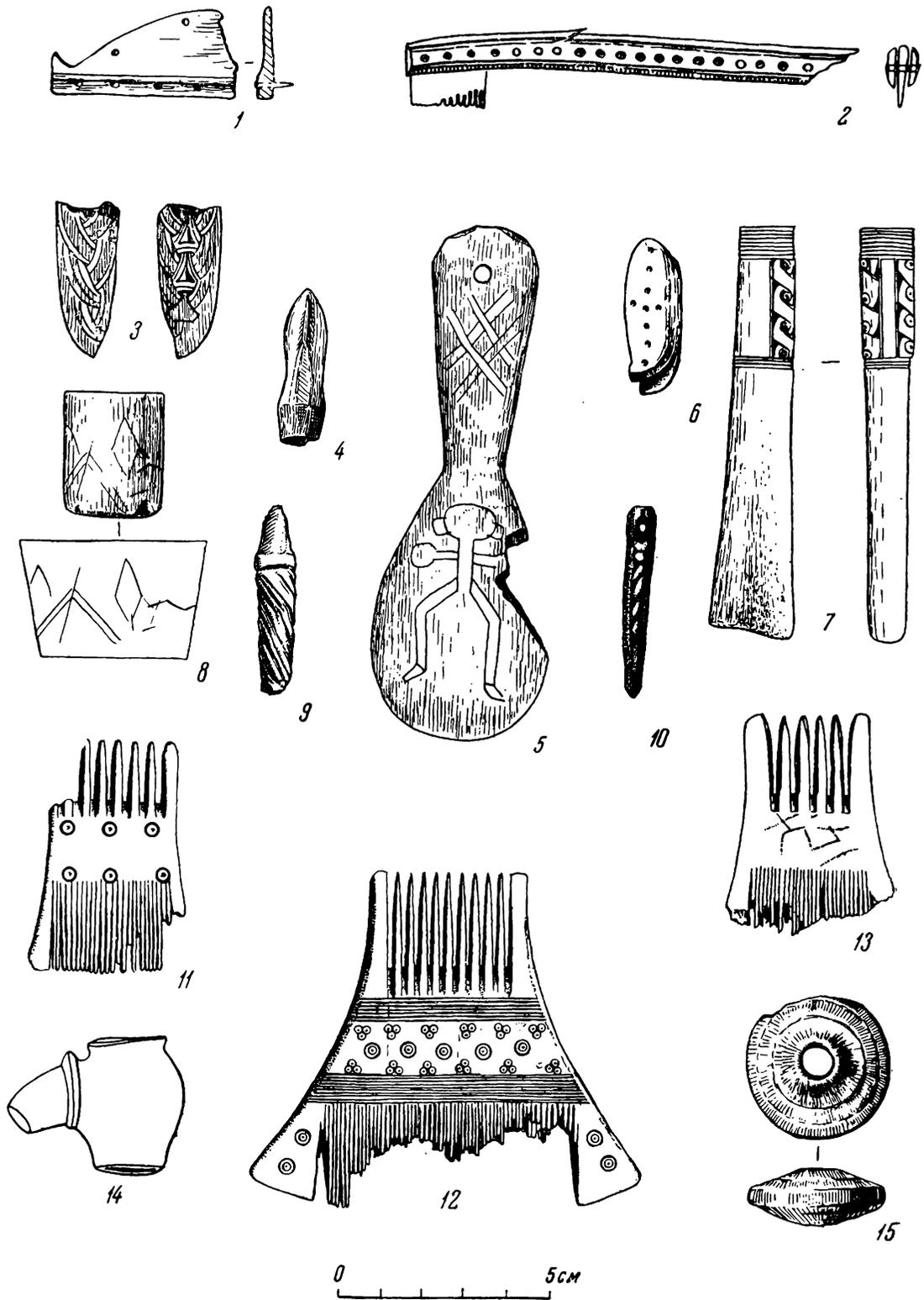

Рис. 15. Изделия из рога

1, 2, 11—13 — гребни; 3, 7, 8 — рукояти; 4 — наконечник стрелы; 5 — ложка; 6 — игральная кость; 9, 10 — копоушки; 14 — навершие плетки; 15 — пряслице

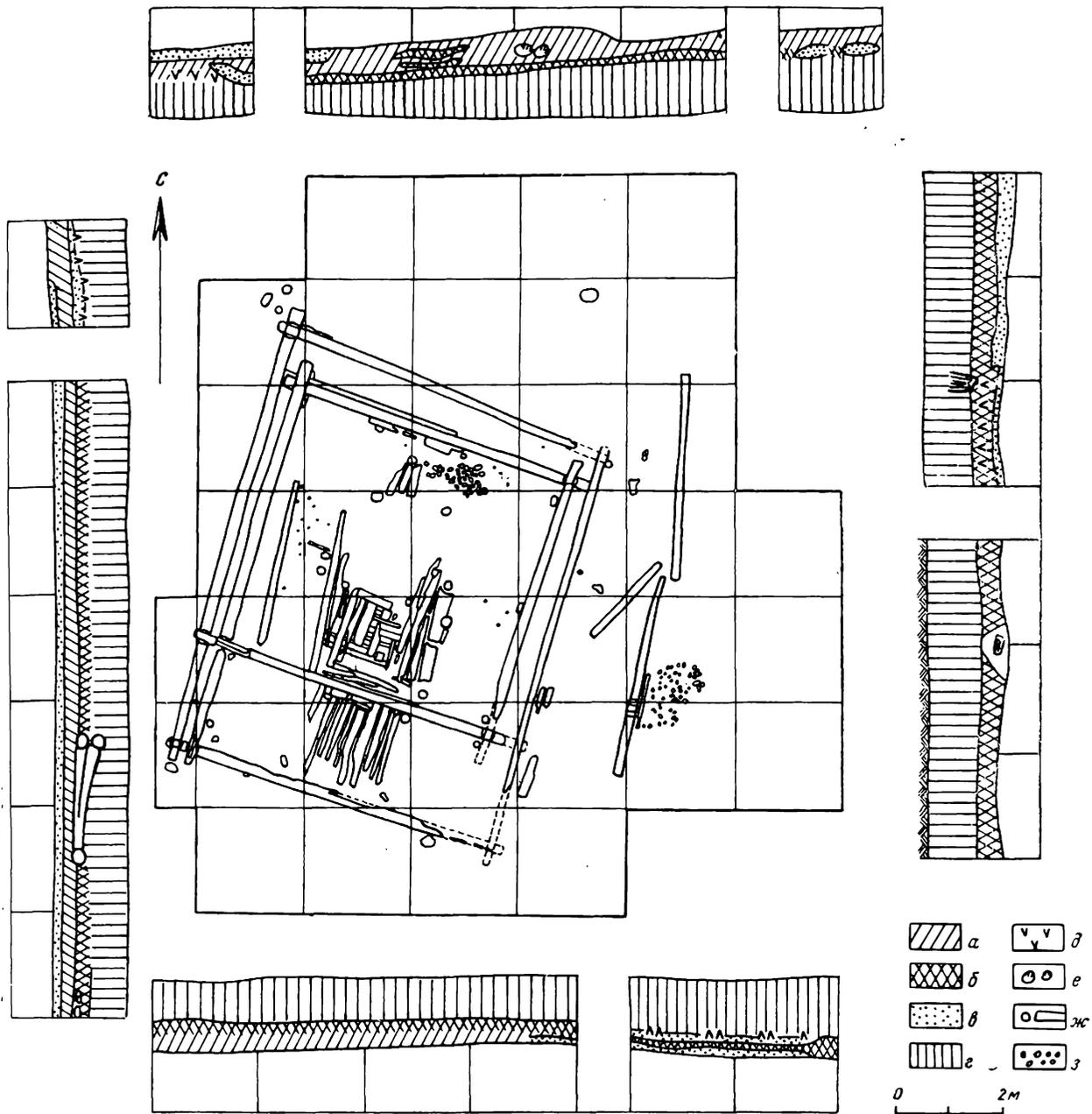

Рис. 16. План и профили раскопа XI.

а — темный рыхлый суглинок с развалами печей и древесным тлением;
 б — перегнившее дерево;

в — песок;
 г — темный плотный суглинок со щепой и наволом;
 д — уголь;

е — камни;
 ж — столбы, бревна, тесины;
 з — камни, шлаки

вом¹² и Кыласовом (Анюшкар)¹³ городищах. В срубке найдена также отливка бронзового браслета (рис. 12, 5). Это — заготовка, еще не прошедшая операций по удалению заусениц; ей не была также придана форма обруча. Браслет пластинчатый, концы его расширены и украшены тремя поперечными валиками, расчлененными по центру углубленной линией. Такой же браслет найден при раскопках Н. Е. Бранденбурга в кургане с трупосожжением вместе со скорлупообразными фибулами¹⁴. Аналогичный браслет из женского погребения 40 Максимовского могильника встречен вместе с усатым широкосрединным перстнем и очковидной бляшкой¹⁵, что также датирует его X в.

В срубке найден и другой инвентарь, хорошо датирующийся X в.: стеклянные бусины (21 экз.), из которых 11 лимонок, 5 бисерин, 1 цилиндрическая позолоченная, остальные мозаичные и глазчатые (типа рис. 65, 4, 7); обломок гладкого черного браслета — стекло его прекрасного качества и блеска. Подобные браслеты византийского происхождения по находкам в Новгороде, Саркеле — Белой Веже и на городище Титчиха на Дону датируются X в.

В раскопе ХХІХ верхняя граница древнейшего горизонта культурного слоя мощностью 0,4 м отмечена следами сильного пожара. Находки: амфора грушевидной формы (см. рис. 68, 1), датирующаяся по многочисленным аналогиям концом X—XI в.¹⁶; бронзовая рукоять огнива, изображающая две стилизованные головы зверей, обращенных друг к другу; раскрытые пасти их образуют прорезь в форме ромба (рис. 12, 3)¹⁷, ажурная коньковая подвеска трапециевидной формы с тремя цепочками и подвешенными к ним бубенчиками (см. рис. 51, 14)¹⁸, костяной односторонний гребень с накладной спинкой и железный ромбовидный наконечник стрелы новгородского типа. Гли-

няная льячка-тигелек с полой рукоятью имеет многочисленные аналогии в находках на поселениях (Камно, второй горизонт культурного слоя, IX—X вв.¹⁹; Анюшкар, горизонт X в. и др.).

Датировку первого горизонта X в. хорошо подтверждают изделия из стекла: обломок плоского синего с росписью византийского браслета (см. рис. 66, 14) и бусины из тянутых стеклянных трубочек (22). Среди них: многочастные желтые и синие (7), лимоновидные (8), позолоченные (2), полосатые (1), бисер (2). Там же найдены крученые бусины из синего стекла (2), глазчатая (1) и мозаичная (1), а также бусины из тянутых стеклянных палочек синего цвета (2).

В раскопе ХХХVII древнейший горизонт культурного слоя имел мощность всего 0,2—0,4 м. В восточной части раскопа он частично скрыт при сооружении кургана. Три постройки этого горизонта погибли от пожара.

В восточной половине раскопа — остатки крупной постройки (№ 3), сгоревшей и разобранный. От нее сохранился фрагментарно настил пола; в северо-западной части он обгорел. Площадь, ограниченная остатками сгоревшей постройки, равна 7 × 6,2 м.

Участок настила в северо-восточной части постройки сохранился на площади 3 × 2,4 м. Здесь можно различить 20 тесин. Ширина их около 0,16 м; концы некоторых сгнили, длина лучше сохранившихся 2,4 м. Тесины лежали плотно друг к другу. Под ними — 4 лаги, лежавшие на расстоянии 0,8—0,4 м друг от друга. Когда сгоревшая постройка была разобрана, настил использовали в качестве площадки под захоронение.

Датирующие вещи — бронзовая подвеска, украшенная сверху городками из зерни (см. рис. 51, 21), бронзовая подковообразная фибула с многогранными головками (рис. 12, 2) — относятся к X в.²⁰ Лировидная пряжка аналогична пряжкам из Ярославских курганов, появившимся со второй половины X в.²¹ Браслет ладьевидный скандинавского происхождения (рис. 12, 4) также имеет точную дату: конец X — начало XI в.²² Железный кубический

¹² М. В. Талицкий. Верхнее Прикамье в X—XIV вв. МИА, № 22, 1951, рис. 18, 3.

¹³ В. А. Оборин. Некоторые проблемы изучения родонской культуры. «Уч. зап. Пермского гос. ун-та», 1956, т. II, вып. 3, рис. 1, 112.

¹⁴ Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. МАР, № 18. СПб., 1895, рис. IV, 14.

¹⁵ А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы, табл. XXXII, 5.

¹⁶ А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. СА, XV, 1951, стр. 339, рис. 6, 34. Амфору реставрировала Т. В. Равдина.

¹⁷ Дата огнив — вторая половина X — начало XI в. (Л. А. Голубева. Огнива с бронзовыми рукоятями. СА, 1964, № 3, стр. 126).

¹⁸ Аналогичные подвески хорошо датируются концом X в. (А. Х. Халиков, Е. А. Безугова. Материалы к древней истории Повелужья. Горький, 1960, рис. 37, 40, стр. 44—48).

¹⁹ С. А. Тараканова. Указ. соч., альбом, рис. XLIV, 3.

²⁰ Н. Е. Бранденбург. Указ. соч., курган XXXI на р. Папе, рис. 1, 7; В. И. Равдоникас. Указ. соч. Карлуха, курган 6, рис. IX, 4; В. А. Мальм. Подковообразные и кольцевидные застёжки-фибулы. Сб. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.», «Труды ГИМ», вып. 43. М., 1967, стр. 159.

²¹ В. А. Мальм. Поясные и сбруйные украшения. Сб. «Ярославское Поволжье X—XI вв.», М., 1963, стр. 70.

²² В. П. Левашева. Браслеты. Сб. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.», стр. 243.

замок весьма характерен для Севера Европы IX—XI вв.²³ Наконечники стрел — ромбовидный новгородского типа (1 экз.) и ланцетовидный с упором — также относятся к X в.

Весьма характерны изделия из кости и рога. Это — двушипный наконечник стрелы, гребень односторонний с врезными вертикальными линиями на концах накладки и рукоять. Роговая рукоять ножа (?) украшена резным узором из двух переплетающихся лент и кружков с точкой (рис. 15, 7). Этот орнамент-плетенка повторяется на гребнях из Старой Ладого, Скандинавии и Севера Европы и хорошо датируется IX—X вв. Встречается он и на костяных ложках этого времени²⁴.

Из этого же горизонта происходят узкий цилиндрический тигель (рис. 12, 10) со следами медистых окислов (подобный найденному в раскопе XL) и обломки еще двух — конусовидного и чашевидного с округлыми днищами.

Чрезвычайно убедительно документируют дату горизонтов сгоревших построек изделия из стекла. Это — синий, расписанный серебром и золотом браслет византийского происхождения (подобный рис. 66, 14) и бусины (49 экз.) Из них 28 бусин — желтые многочастные и лимоннообразные из тянутых стеклянных трубочек; две лимонovidные бусины с продольными полосками коричневого и белого цветов, бисер (7), круглая позолоченная бусина (1). Небольшая часть бусин относится к группе крученых (IV группа, по З. А. Львовой). Это — синие и желтые кольцевидные (2), желтые и белые (3) и глазчатые (2). Здесь же найдена одна мозаичная бусина из печеночно-красного стекла. Все эти бусины типичны для X в.

Вещей, имеющих более древнюю дату, мало. К таковым в раскопе XXXVII относятся изделия из рога: две проколки и гарпун с двумя зубцами, а также круглая бронзовая бляха с петлей.

Курган возведен на культурном слое древнего поселения, погибшего от пожара. Он не выделялся на местности, так как вершина его была срезана в древности, а на ней, так же как и по склону, отложился культурный слой XII в. Верхняя часть насыпи залегала всего на 0,15—0,18 м ниже уровня современной почвы, а подошва — на глубине 0,6—0,7 м. Основание кургана равно 14 × 10 м. Склоны насыпи пологие. В восточной поле кургана — перекоп.

Насыпь кургана двухслойная. Основу ее в центре и западной части составил желтый мелкозернистый песок с небольшими прослойками темного культурного слоя. В песке встречены кремневые отщепы и фрагменты неолитической керамики. На подошве насыпи в западной поле — железные шлаки, крица и мелкие комки железной руды (около 2 кг), попавшие сюда, очевидно, из культурного слоя. Светлый песок перекрыт серым крупнозернистым песком с галькой. Из пего состоят и полы кургана (южная пола прослоена светлым песком). Находок в нем не было (рис. 17). Курган насыпан на месте сгоревшей и разобранный постройки 3, от которой частично сохранился обгоревший настил пола. Площадка была выровнена и там, где настил был утрачен, засыпана светлым песком.

Погребение 1 находилось почти в центре кургана; 2 — в южной поле, на расстоянии 1,8 м от 1-го.

Погребение 1 было совершено на сохранившейся части пастила (рис. 17), который в 1963 г. был принят за остатки погребального сруба. Сверху скелет покрыт лубом. Покойница положена на спине головой на запад, с вытянутыми ногами и сложенными на груди руками. Костяк сохранился плохо; череп раздавлен и лежал в стороне от шейных позвонков. Мелкие кости рук и ног сгнили. У черепа справа лежало золотое однобусенное височное кольцо. Бусины ожерелья были разбросаны; входившая в состав ожерелья пронизка из рубчатой серебряной спирально загнутой проволоки откатилась в область ребер. У правой руки — следы расплавленного металлического изделия (перстня?); у таза слева разломанный костяной односторонний гребень.

Золотое височное кольцо весит 4,9 г. Золото яркое, сохранность изделия прекрасная. Дужка кольца — массивная, треугольно-изогнутая, один конец ее опущен, другой образует завиток, который удерживает насаженную на дужку бусину. Бусина листового золота, полая, ребристая (шесть граней); состоит из двух отдельно отштампованных половинок, соединенных по вертикали. Вокруг канала бусины напаяно два проволочных колечка (рис. 13, 5).

Хотя прямую аналогию нашему височному кольцу назвать трудно, по технике изготовления ребристых бусин оно ближе всего стоит к височному кольцу из погребения 42 Максимовского могильника²⁵.

²³ Н. Г. Недошивина. Предметы бытового назначения. Сб. «Ярославское Поволжье X—XI вв.», стр. 68; S. Grieg. Gjermundbu-Fundet. «Norske Oldfunn», VIII. Oslo, 1947, fig. XXXV.

²⁴ О. Н. Давидан. Старолadoжские изделия из кости и рога, стр. 111, рис. 4, 18, 19.

²⁵ А. А. Спицын. Указ. соч., рис. XXIV, 4.

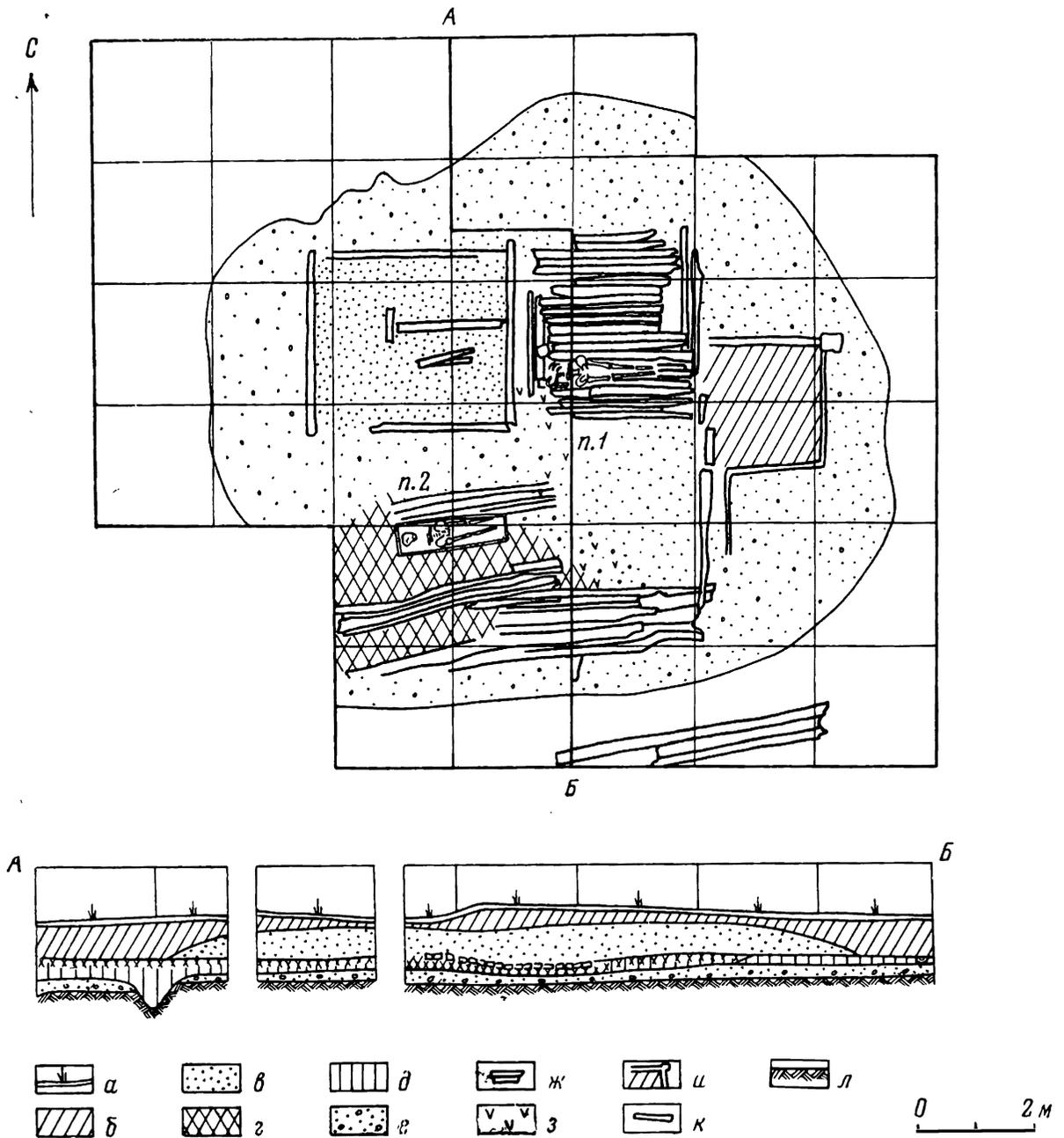

Рис. 17. План и профиль кургана в раскопе XXXVII

<i>a</i> — дерн;	<i>д</i> — темный суглинок с большим количеством угля;	<i>з</i> — уголь;
<i>б</i> — гумусированная земля;		<i>и</i> — перекоп;
<i>в</i> — песок;	<i>е</i> — песок с галькой;	<i>к</i> — бревна;
<i>г</i> — земля с древесным тленом;	<i>ж</i> — обгоревшие тесины;	<i>л</i> — материк;
		<i>АВ</i> — линия разреза кургана

Ожерелье состояло из 21 бусины. Среди них 4 зонных из печеночно-красного стекла, 4 зонных глазчатых, 2 лимонки и 4 кольцевидных из глинистой обожженной массы; 5 бусин из горного хрусталя (3 зонные, 1 битрапецидная, 1 многогранная), 1 сердоликовая зонная и 1 янтарная кольцевидная (рис. 13, 2). По типам стеклянных бусин и большому удельному весу бусин из печеночно-красного стекла ожерелье сопоставляется с характерным для Северной Европы X—нач. XI в. набором бусин²⁶.

К этому же кругу памятников относится пронизка из серебряной рифленой проволоки, спирально загнутой в 11,5 оборота (рис. 13, 3). Подобные бусы-пронизки принадлежат к числу скандинавских украшений IX—X вв. Они известны по погребению с сожжением на о-ве Эланд²⁷ и в многочисленных погребениях Бирки²⁸. Такие же бусы обнаружены в курганах IX—X вв. с трупосожжениями в ладьях в урочище Плакун близ Старой Ладogi²⁹. Одна подобная бусина известна среди скандинавских украшений Гнездовского клада 1868 г.³⁰

Второе погребение было совершено в гробу, от которого сохранились лишь сгнившие волокна дерева. Покойный лежал на спине вытянуто, головой на запад, со сложенными на груди руками. На тазовых костях найден небольшой односторонний костяной гребень со спинкой, украшенной вертикальными врезными линиями; под костяком — глазчатая бусина. По инвентарю оба погребения не могут быть отнесены ко времени более позднему, чем начало XI в. Дата кургана уточняет, таким образом, время гибели поселка веси.

В центральных раскопах на уровне верхней границы древнейшего горизонта культурного слоя удалось выявить сооружения двух строительных периодов. К первому периоду относятся постройки 3, 4, 5; ко второму — постройка 6 и частокол 1. Стратиграфически это верхний уровень горизонта со щепой; постройка 6 находится на границе первого (древней-

шего) и второго горизонтов культурного слоя.

Первый строительный период. От постройки 3 (раскоп XXIV 1962 г.), погибшей при пожаре, сохранился лишь частично настил пола: семь тесин шириной 0,25 м и длиной 2,8 м, уложенных в направлении север—юг на поперечные лаги. Всего лаг пять; расстояние между северной и южной—5,10 м, между средними—1,6 м. Наибольшая длина сохранившейся части лаг около 4 м. Лаги тонкие, не более 0,1 м в диаметре (рис. 18).

У южного конца настила — скопление глиняных дисковидных грузил (12) в обломках. Всего же вблизи постройки обнаружено 18 грузил (из них только 2 целых). Грузила сделаны из серой, хорошо отмученной глины. Их размеры: диаметр 0,12—0,13 м, толщина до 0,04 м, по центру круглое, хорошо сглаженное отверстие (рис. 19). Некоторые экземпляры орнаментированы ямочными вдавлениями. Назначение этих дисков как грузил для вертикального ткацкого станка определено по многочисленным находкам подобных грузил в Швеции, Норвегии, Финляндии. Их дата — IX—X вв.³¹ На территории СССР такие грузила известны в Старой Ладогe и в Шестовицких курганах.

Малочисленность бытового инвентаря заставляет думать, что постройка с грузилами была ткацкой матерской. В ее границах найдены глиняное орнаментированное пряслице (рис. 12, 13) и бусины-лимонки (6).

К югу от этой постройки располагалась постройка 4, сохранившаяся на уровне нижнего венца (сруб 1 раскопа XXVIII 1950 г.). Размеры сруба 4,8×3,3 м. Он однокамерный; с северной стороны к нему примыкала завалина. С востока на выпущенных концах бревен — остатки бревен (возможно, настила сней?). Печь не сохранилась, но развал камней и угля, особенно в северо-западном углу постройки, залегал на 0,4 м в толщину.

Находки в границах постройки и на ее уровне следующие: пряслица шиферные (6) с диаметрами внутреннего канала: 0,7 см — 2 экз., 0,8 см — 2 экз., 1 см — 1 экз.; обломки односторонних гребней — 3; часть бронзовой рукоятки огнива с изображением всадников. Огнива этой группы датируются второй половиной X—началом XI в.³² Этой же дате отвечает бронзовый литой наконечник пояса со стилизованным растительным орнаментом. Набор бусин обычен для X в. Это — лимонки (20), глазчатые (3), хрустальные (2): шарообразная

²⁶ З. А. Львова. Стекланные бусы Старой Ладogi, стр. 72, рис. IV, 1.

²⁷ I. Arbtan. Schweden und das Karolingische Reich. Stockholm, 1937, fig. 62, 202.

²⁸ II. Arbtan. Birka, ed. I. Die Gräber. Uppsala, 1940, Taf. 48, 1, 2.

²⁹ О. И. Давидан. К вопросу о происхождении и датировке ранних гребенек Старой Ладogi, стр. 62; ОИПК, секция Северо-Запада, оп. 65; Г. Ф. Корзулина. О некоторых ошибочных положениях в интерпретации материалов Старой Ладogi. «Скандинавский сборник», XVI. Таллин. 1971, стр. 130.

³⁰ А. Г. Гуцин. Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XII вв. Л., 1938, рис. 111, 21.

³¹ Ю. И. Штакельберг. Глиняные диски из Старой Ладogi. АСГЭ, вып. 4, стр. 109.

³² Л. А. Голубева. Огнива с бронзовыми рукоятками, стр. 130—131.

и многогранная. Найдена одна стеклянная цилиндрическая.

Постройки 5 и 6 представляют собой два одновременных сруба производственного назначения, сохранившиеся на один венец и частично. Предположительно в них можно видеть кузницы или мастерские литейщиков. пол у обеих построек состоял из тонких (0,12 м) бревнышек, уложенных в двух направлениях, печи отсутствовали (рис. 18, 20).

Второй строительный период. При возведении постройки 6 была разобрана северо-западная часть сруба постройки 5. Постройка 6 также сохранилась на один неполный венец; ее западная часть разрушена. В юго-западной части дома — скопление угля, шлаков, криц, развал камней на площади 1×2 м. Постройка погибла при пожаре (рис. 20).

Рядом с ней найдена каменная форма для одновременной отливки двух подвесок, круглой монетовидной с ушком и очковидной (рис. 12, 9). Последняя имитирует очковидные подвески из двойных проволочных спиралей — типичное и очень древнее украшение финноугров. Снизу в форме вырезан крестик. Подобные литые очковидные подвески с крестиком найдены в Сорогожских курганах XI в. и курганах веси на Суде XII в.³³

Постройки 5 и 6 ориентированы на северо-восток — юго-запад — иначе, чем предшествующие им жилые постройки. Видимо, постройке 6 одновременен древнейший частокол, огородивший улицу в центральном раскопе (рис. 20).

Частокол 1 по западной стороне улицы проложен в направлении ВВС — ЗЗЮ (с некоторым отклонением к востоку против постройки). Ближайшая к ней часть забора не сохранилась; только два столбика на расстоянии 2 м от восточной стены постройки указывают его направление. К северу частокол сохранился на 6 м (34 столбика). Диаметр столбиков 0,1—0,12; они забиты в слой щепы на 0,4—0,5 м; основания их заострены. Особенностью частокола является наклонное (около 30°) положение столбиков.

Еще более отчетливо эта особенность сооружения так называемой косой изгороди выражена у частокола по восточной стороне улицы, проложенного в этом же направлении в 3,2—3,5 м к северо-востоку от первого. Частокол 2 сохранился на протяжении 3 м. Его столбы такого же диаметра, заострены в основании и также забиты в грунт под углом.

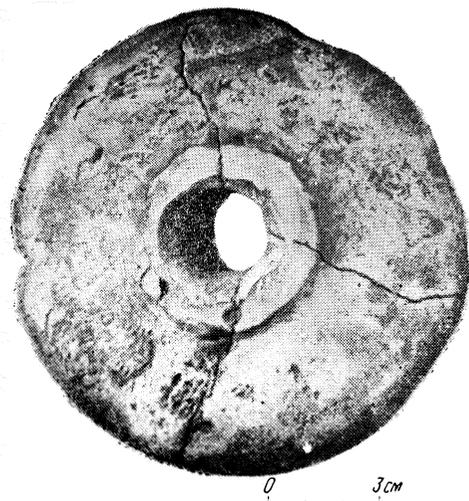

Рис. 19. Глиняное грузило от ткацкого станка

В квадрате 29 раскопа XXVII 1959 г. этот частокол делает поворот к юго-востоку и продолжается еще на 3 м. Угловой столб более мощный (0,15 м) и в основании укреплен тремя камнями.

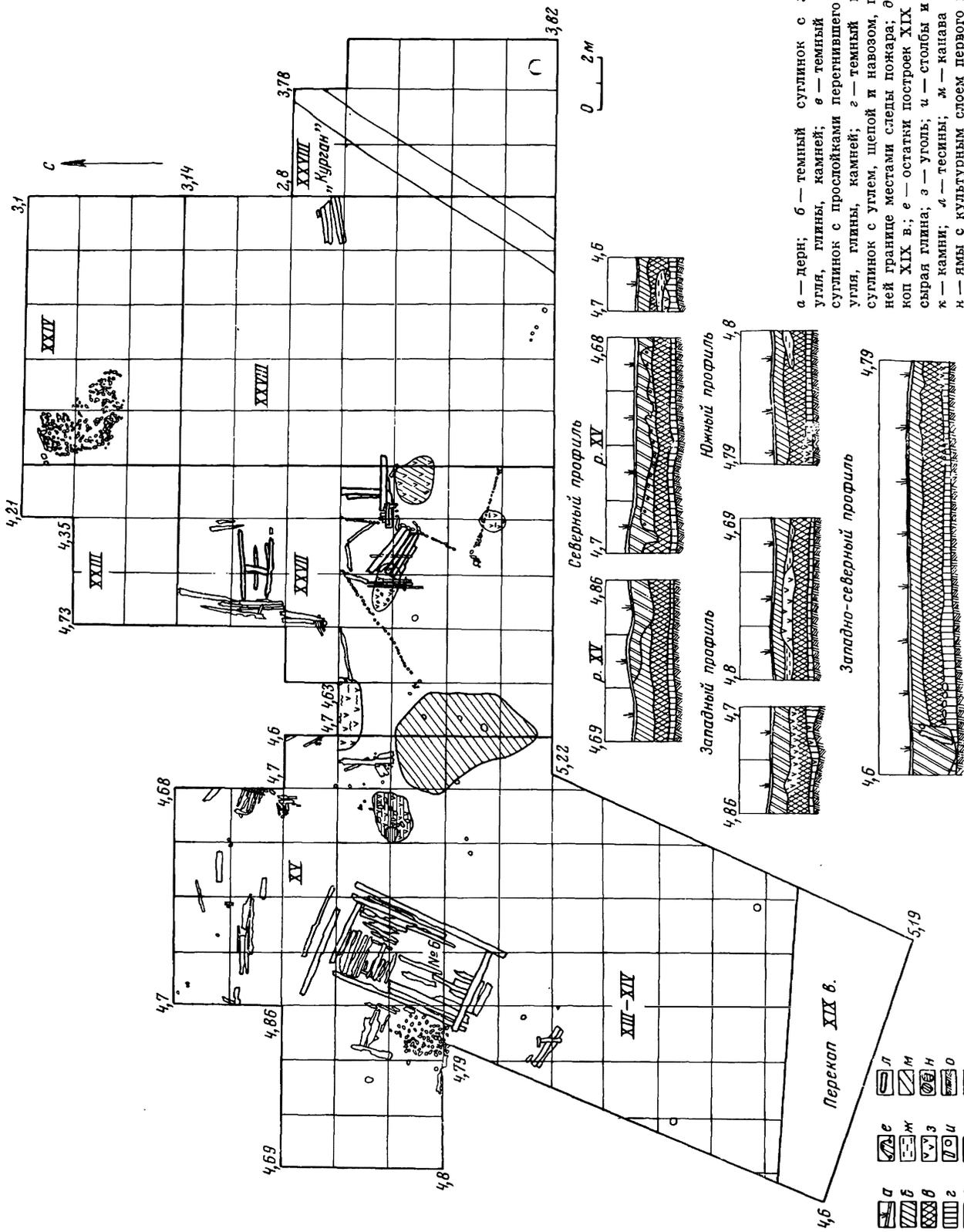
В пространстве между двумя рядами изгороди сохранилось пять горбылей от настила уличной мостовой, плотно уложенных друг к другу в направлении северо-запад — юго-восток. Их восточные концы упирались в частокол, западные разрушены. Неполная длина горбылей 2,1; 4 м; ширина 0,25—0,2 м (рис. 21). При сооружении юго-восточного отрезка частокола была разрушена западная сторона нижнего венца сруба 4.

Этими постройками завершается древнейший этап истории поселения веси на Белом озере. Следующий горизонт культурного слоя — второй, датирующийся в центральном раскопе серединой и концом XI в. открывает перед нами новую страницу в истории Белоозера как русского города.

Обобщая наблюдения над древнейшим горизонтом культурного слоя в южной и центральной группах раскопов, приходим к следующим выводам.

Наиболее ранние отложения культурного слоя на предматерике связаны с очагами. Они содержат только лепную керамику, главным образом группы А и Б, пряслица — глиняные крупные, биконические, костяные (из эпифизов) и роговые; значительное число орудий труда и охоты из кости и рога. Характерны бусы старолadoжских типов (группы I—V, VIII), время наибольшего распространения которых падает на VIII—IX вв. Наиболее ранние

³³ Л. А. Голубева. Археологические памятники веси на Белом озере. СА, 1962, № 3, стр. 57—58.

а — дерн; б — темный суглинок с линзами угля, глины, камней; в — темный рыхлый суглинок с прослойками перегнившего дерева, угля, глины, камней; г — темный плотный суглинок с углем, щепой и навозом, по верхней границе местами следы пожара; д — перекоп XIX в.; е — остатки построек XIX в.; ж — сырая глина; з — уголь; и — столбы и бревна; к — камни; л — тесины; м — канава XIX в.; н — ямы с культурным слоем первого горизонта; о — материк; п — зола; римскими цифрами обозначены номера раскопов, № 6 — кузница

Рис 20. Центральные раскопы границы первого и второго горизонтов культурного слоя

типы бусин группы VIII (из тянутых стеклянных трубочек), например многочастные серебро-стеклянные и синие пронизки, полосатые бусины из красного с белым стекла, кольцевидная бусина с инкрустацией из цветного стекла, найдены только в основании культурного слоя Белоозера, что совпадает со стратиграфией их находок в Старой Ладоге.

То же самое относится к стеклянной фигурной подвеске. Гребни первой группы, коробчатый замок и ключ к нему в виде прямоугольной лопаточки также датируются IX—X вв. Все это позволяет отнести дату возникновения древнейшего поселения (первоначально определенную мной серединой X в.) к первой половине X в.³⁴

Данных для реконструкции построек первого строительного этапа у нас почти нет. Вероятно, очаги принадлежали несохранившимся (в условиях песчаного грунта) наземным деревянным постройкам. В конструкции последних применялись столбы. Судя по остаткам срубов 3, 4 раскопа XXVII 1959 г., были и большие срубные дома, свыше 10 м длиной, однокамерные и двухкамерные.

Мы не располагаем фактами для установления границ древнейшего поселка, но с уверенностью можем сказать, что он возник на возвышенной гряде правого берега, в некотором удалении от Шексны и, видимо, был прикрыт со стороны реки лесом. Поселок тянулся не к Шексне, а к речке Васильевке. Срубы домов ориентированы по странам света и параллельно руслу речки.

Для второй половины X — начала XI в. мы располагаем уже большими данными. Известны остатки 14 построек, 5 из которых сохранились на уровне нижних венцов. Среди них мы видим уже специализированные типы построек: жилых, производственных, хозяйственных. Конструктивные особенности жилых срубов свидетельствуют о высоком уровне домостроительной культуры, несомненно принесенной сюда первыми славянскими поселенцами.

Так, дом ремесленника (сруб 6 раскопа XL) — это обширная, добротная, возможно двухэтажная, постройка с тесовыми полами, сходная с городскими постройками Новгорода. Однако в отличие от новгородцев обитатели этой постройки пользовались почти исключительно лепной посудой.

Застройка поселка конца X — начала XI в. была уже регулярной, уличной. В централь-

Рис 21. Частоколы и часть настила древесины мостовой

ном раскопе прослежена часть улицы шириной около 3,5 м со следами замощения. С обеих сторон улицы была косая изгородь. Поселок погиб от пожара в первой четверти XI в. Дата пожара устанавливается по инвентарю кургана, возведенного на пепелище древнего поселения, и отложившемуся над ним культурному слою XII в.³⁵

Возможно, что пожар, следы которого отчетливо прослежены в обеих группах раскопов, сопровождался каким-то крупным социальным потрясением. В летописи под 1024 г. сообщается о восстании в Суздале, связанном с неурожаем и голодом: «Бе мятеж велик и голод по всей той стране»³⁶. Восставшие народные массы под предводительством волхвов избивали «старую чадь», скрывавшую запасы продовольствия. Возможно, что аналогичные народные волнения охватили в это время и Белоозеро.

В начале XI в. Белоозеро, несомненно, являлось наиболее значительным ремесленным и торговым центром среди других поселений Шексны (Городища, Луковца, Любца). Вероятно, именно эти поселения были погостами, упоминавшимися летописью под 1071 г., где жила местная феодализирующаяся знать, «лучшие жены», которые держали «обилье»: жито, мед, рыбу, скору (меха)³⁷. Белоозеро в

³⁴ Л. А. Голубева. О дате поселения веси на Белом озере. КСИА, вып. 104, 1965, стр. 12—17.

³⁵ Там же, стр. 15—17.

³⁶ ПВЛ. СПб., 1910, стр. 141.

³⁷ ПВЛ под 1071 г., стр. 170.

Инвентарь древнейшего поселения Белоозера

Материал	Наименование предмета	Число находок в	
		первой половине X в.	второй половине X — начале XI в.
Железо	Замки кубические и ключи	1	1
То же	Замки цилиндрические типа А и ключи	1	1
»	Ключи к деревянному засову		2
»	Наконечники стрел	4	4
»	Кинжал		1
»	Топор		1
»	Коса		1
»	Лодочные заклепки		2
»	Огнива с бронзовыми рукоятками		2
»	Игольники цилиндрические		1
»	Накладки на обувь		1
Бронза	Браслеты дрововые	1	
То же	Браслеты пластинчатые	2	3
»	Браслеты ладьевидные		1
»	Браслеты проволочные		1
»	Кольца височные проволочные разомкнутые		4
»	Кольца височные лунничные		1
»	Пронизки	1	2
»	Подвески шумящие	2	2
»	Фибулы кольцевидные с усиками	1	
»	Фибулы подковообразные	1	1
»	Фибулы с личинами		1
»	Бубенчики		2
»	Игольники		1
Кость	Наконечники стрел и гарпунов	2	5
То же	Кочедыки и проколки	7	2
»	Пряслица	2	2
»	Гребни односторонние	9	15
Рог	Гребни двусторонние		1
То же	Ложки плоские	1	2
Глина	Льячки и тигли	1	2
То же	Грузила ткацкого станка		18
»	Пряслица	5	1
Камень	Пряслица сланцевые		2
То же	Пряслица шиферные	2	32
»	Литейные формы		1
Стекло	Подвеска (лунница?)	1	
То же	Бусины мозаичные		2
»	Бусины прессованные	2	4
»	Бусины крученые глазчатые	1	9
»	Бусины крученые с мозаичными глазками	2	8
»	Бусины крученые одноцветные	2	12
»	Бусины прочие		7

Материал	Наименование предмета	Число находок в	
		первой половине X в.	второй половине X — начале XI в.
Стекло	Бусины-лимонки васильковые	10	15
»	Бусины-лимонки желтые	74	74
»	Бусины-лимонки полосатые	11	6
»	Бусины-пронизки серебряные многочастные	6	
»	Бусины-пронизки позолоченные	5	2
»	Бусины-пронизки цилиндрические и призматические	11	8
»	Бусины-пронизки рифленые	4	2
»	Бисер	25	11
»	Браслеты византийские		2
Сердолик	Бусины	3	4
Горный хрусталь	Бусины	7	2
Янтарь	Бусины	2	

летописном рассказе об этих событиях названо «градом».

В первой четверти XI в., ко времени катастрофы, постигшей древнейшее поселение, Белоозеро как город находился еще в процессе становления. Несмотря на ярко выраженный ремесленный и торговый его характер, некоторые важные отрасли производства, например гончарное, еще только складывались в ремесло.

Основной облик культуры раннего Белоозера, несомненно, финский — веский. Об этом прежде всего свидетельствуют лепная керамика и длительность ее бытования. Это подтверждают также женские украшения (см. табл. 11). Типы льячек и тиглей (цилиндрических, с округлым дном) — характерные для угро-финнов. К сожалению, сведений о домостроительстве первой половины X в. у нас почти нет; однако косая изгородь в горизонте начала XI в. свидетельствует о финской этнической традиции³⁸.

Исключительное положение Белоозера на северном отрезке Великого Волжского пути и его активные торговые связи с Севером Европы и Волжской Булгарией оказали заметное воздействие на характер складывавшейся городской культуры. Так, древнейшей круговой посудой, проникшей на Белоозеро, была болгарская. Культурные влияния Севера Европы сказались на составе бусин, односторонних

³⁸ В. В. Пименов. Вепсы. Л., 1965, стр. 106.

гребней, бытовании вертикального ткацкого станка с его специфической формой грузил, употреблении железных накладок на обувь — eisssprogen. Правда, скандинавские и прибалтийские металлические украшения (ладьевидные браслеты, пряжки с личинами, булавки с птичками, фибулы подковообразные) здесь несравненно малочисленнее, чем в Приладожье.

Славянские вещи появляются уже в древнейшем горизонте Белоозера (некоторые типы лепной посуды, два пиферных пряслица в горизонте первой половины X в. и 32 — в кон-

це X — начале XI в.). Тогда же на Белоозера начинают проникать амфоры, византийские браслеты, грецкие орехи.

Круговая посуда местного производства также появляется в X в. Славянские мастера принесли с собой гончарный круг, неизвестный ранее, и заново создали один из видов городского ремесла. Тогда же в культурном слое Белоозера начинают появляться славянские типы украшений. Однако ведущее этническое и культурное влияние славян на население древнего Белоозера начинает ощущаться в XI в.

Глава третья

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ БЕЛООЗЕРА ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XI—XII В.

(по данным южных и центральных раскопов)

После катастрофы, постигшей древнее поселение в первой половине XI в., жизнь на нем не прекратилась. Правда, судя по тем раскопам южной группы, где следы пожара особенно ярки, некоторые участки были, видимо, покинуты жителями, а один из них даже превращен в кладбище. Однако, по данным центрального раскопа, перерыва в заселении этого участка не было. Здесь отчетливо прослежены культурные отложения конца XI и XII в.

ВТОРОЙ ГОРИЗОНТ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ

В этом горизонте, насыщенном перегнившим деревом, различаются верхний и нижний ярусы. К нижнему относятся разновременные срубы 7 и 8 (срубы 1 и 2 раскопа XXVII 1959 г.). Они ориентированы так же, как две постройки предшествующего горизонта, погибшие от пожара. Оба сруба одновенечные, однокамерные. Более ранний — сруб 7; его размер — $3,2 \times 3,1$ м. Пол из 12 тесин шириной около 0,2 м, ориентированных северо-восток — юго-запад, постлан на три переводицы. Печь отсутствовала. Вероятно, это была клеть (рис. 22). Сруб 8 своим северным бревном перекрыл восточное бревно сруба 7. Его основание на 0,2 м выше основания сруба 7. Размер сруба $3,6 \times 2,8$ м. Печь и пол отсутствуют.

При расчистке построек найдены пять шиферных пряслиц с диаметром внутреннего канала от 0,7 до 1 см. Состав бусин: лимонки — 3, из них 2 золото-стеклянных; из черного глухого стекла с белой рельефной орнаментацией 1;

найдена одна бронзовая бусина-пронизка, сферическая, с оттянутыми концами.

Впервые в этом горизонте культурного слоя встречены изделия из прозрачного желтого стекла: перстень литой с печаткой (рис. 23, 18; см. также 66, 15) и две бусины. Интересен обломок зеленого поливного сосуда с надглазурной желтой росписью (рис. 66, 25) от одного из киевских белоглиняных поливных изделий конца X — начала XI в.¹ Отсюда происходят: обломок янтарного стилизованного крестика, костяные гребни — три односторонних (один в футляре) и два двусторонних прямоугольных; части цилиндрических замков. Весьма интересна находка железной иглы с отверстием для подвешивания, покрытой полудой и украшенной серебряной насечкой (рис. 13, 1). Здесь же найдены: литая ложнозерновая ширококорая лунница из плохого серебра, бронзовые бубенчик грушевидной формы с крестовидной прорезью и булавка.

Ко времени существования сруба 7 относится частокол, поставленный в 1,6—1,7 м к востоку от восточной стены постройки и вдоль нее. Основания бревен частокола прослежены на расстоянии 13 погонных метров в направлении ССВ — ЮЮЗ. Сохранились основания 60 столбов диаметром 0,15—0,2 м, вкопанных вертикально в слой со щепой на глубину 0,4—0,6 м. Столбами частокола пробито среднее бревно основания пятистенного сруба 2 в нижнем горизонте слоя со щепой, к тому времени уже не существовавшего. Частокол представляет собой

¹ Т. Н. Макарова. Поливная посуда. САИ, вып. Е1-38. М., 1967, рис. XIV, 7.

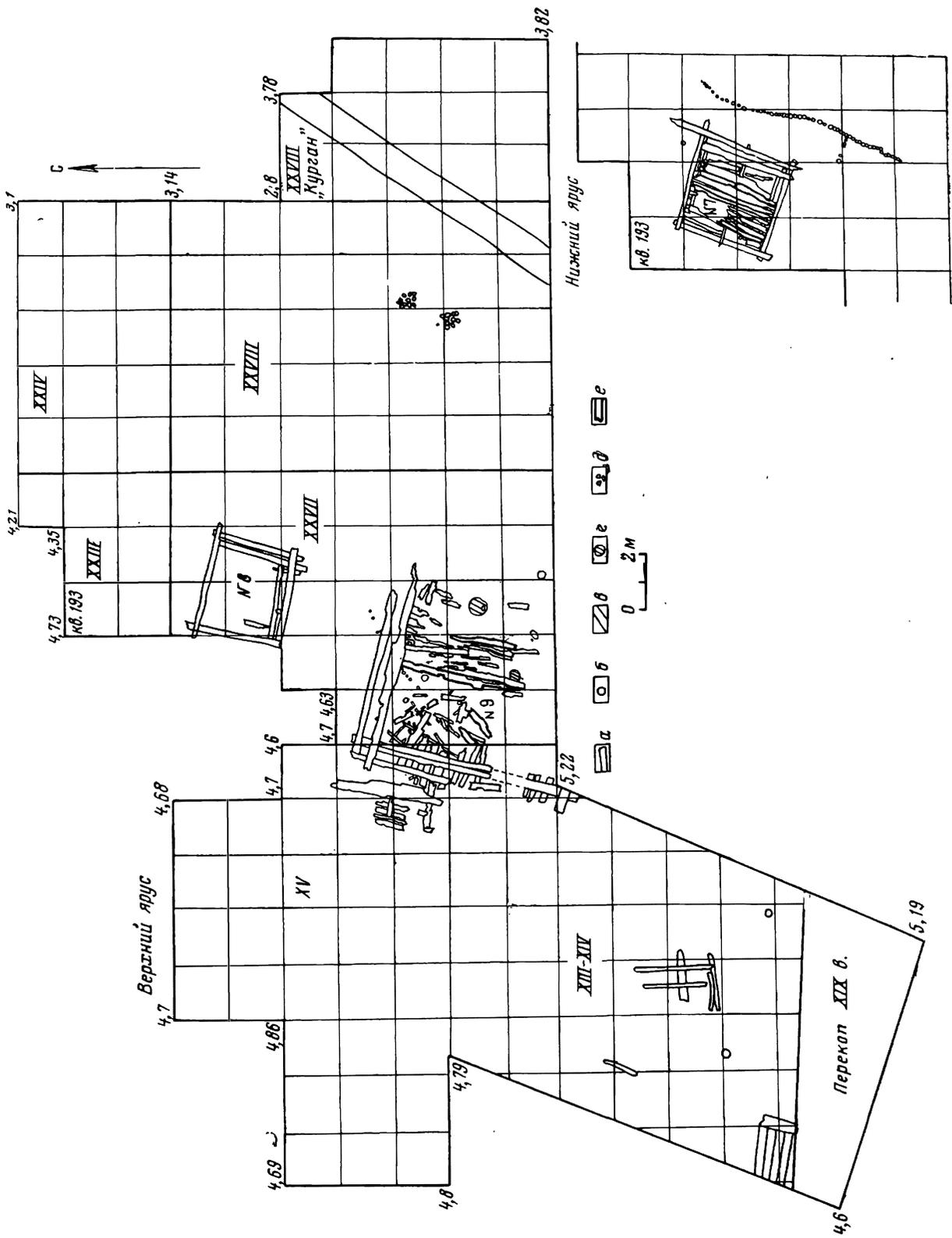

Рис. 22. Центральные раскопы, XI в. Нижний и верхний ярусы
 а — бревна; б — столбы; в — канава XIX в.; г — ямы; з — камни; и — тесины; № 7—9 — срубы

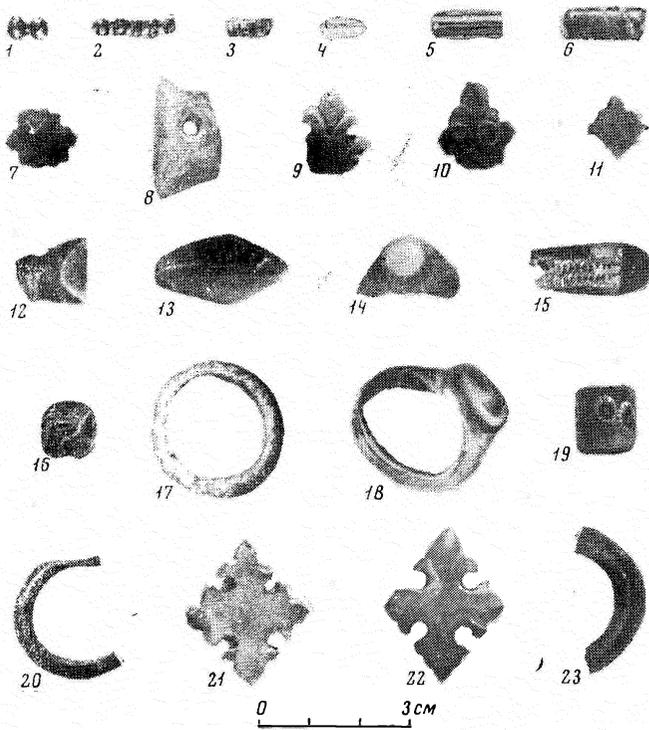

Рис. 23. Изделия из стекла и янтаря

1—6, 16, 19 — стеклянные бусины; 7, 9 — 11, 21, 22 — янтарные крестики; 8 — заготовка из янтаря; 12, 14, 15, 20, 23 — янтарные перстни; 13 — бусина янтарная; 17, 18 — стеклянные перстни

другой тип изгороди, проложен в ином направлении, чем более ранний. Им перекрыто направление более древней улицы.

Новые типы вещей в этом ярусе, связанные по происхождению с Киевской Русью, и новая (после пожара) планировка участка обусловлены, вероятно, изменением состава населения, в котором преобладающей этнической группой стали славяне.

К этому же ярусу горизонта с перегнившим деревом относится большой сруб 9, ориентированный северо-восток — юго-запад. Сохранились лишь северо-западный и юго-восточный углы сруба нижнего венца и отчасти западные и северные бревна. Расстояние между северо-западными и юго-западными углами 8,10 м. С севера и запада у сруба были завалины.

Так как сруб возводился на культурном слое, возникла необходимость в нивелировочных подкладках. Под западное венечное бревно их положено 11. Пол был тесовый, но он почти полностью утрачен. Направление тесин северо-восток — юго-запад. Печь не сохранилась (рис. 22).

В границах сруба найдены обломок янтарного крестика, бусины стеклянные (бисер — 2, лимонка — 1, цилиндрическая посеребренная — 1),

обломок двустороннего прямоугольного гребня, 4 шиферных пряслица, 2 обломка амфор.

Этот сруб был перекрыт срубом 10, дерево нижнего венца которого почти совсем сгнило или было уничтожено. Неполная длина северного бревна 5 м; западного — 3,6 м, предполагаемой переводины пола — 6,2 м. Сруб ориентирован северо-восток — юго-запад. Южная часть постройки уходила за границу раскопа. В этой постройке прослежена одна особенность, которая будет неоднократно встречаться при изучении домов более позднего времени: она возведена на подсыпке из серой материковой глины с примесью крупнозернистого щебня, предохранявшей от грунтовых вод. Печь не сохранилась, но обилие бытовых находок убеждает в жилом характере дома. Так, здесь найдены 30 шиферных пряслица, 20 бусин, среди которых датированное значение имеют цилиндрические золотостеклянные, битрапециодные синие и зонные желтые из прозрачного стекла. Найдены перстни (3) и браслеты из желтого стекла. Интересен обломок стенки сосуда из ярко-синего кобальтового стекла, являвшегося, по заключению Ю. Л. Щаповой, импортом из стран Средиземноморского бассейна.

Привезенными из Киещины являлись обломок тонкостенного сероглиняного сосуда, покрытого светло-зеленой поливой (см. рис. 66, 1) и яичко-писанка, расписанное бело-желтой поливой по темно-зеленому фону (см. рис. 66, 2). К изделиям южного, киевского, происхождения следует отнести найденную вне сруба, но в этом же горизонте культурного слоя свистульку в виде птички из светло-серой, почти белой глиной покрытой темно-зеленой и коричневой поливой (см. рис. 66, 28).

В срубе найдены также крестики (2) и щитковый перстень из янтаря, а также кусочки янтаря и незавершенные поделки (рис. 23, 8, 12, 15, 21, 22), что может указывать на существование мастерской резчика по янтарю. Здесь же найдены 7 гребней (3 односторонних и 4 двусторонних), а также заготовка ложки из рога

На расстоянии 7 м к северу от сруба 10 — следы еще одной постройки, дерево которой оказалось полностью уничтоженным. Сохранились лишь остатки печи-каменки. В основании ее четыре крупных валуна, уложенных по углам прямоугольника со сторонами около 1,7 × 1 м. Около печи — разбитый горшочек, сделанный на ручном гончарном круге, с высоким прямым горлом, украшенным рифлением, с круглым туловом.

Верхний ярус второго горизонта культурного слоя отмечен увеличением числа производственных построек, явно вытеснивших жилые. Так, здесь строятся кузница и два горна (см. стр. 120—122). Бытовых находок он содержал мало.

ТРЕТИЙ ГОРИЗОНТ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ

Постройки этого времени не сохранились. Культурный слой испорчен перекопами, связанными с постройкой усадьбы купца Меркутина (первая половина XIX в.). Дата третьего горизонта культурного слоя — XII в.

В южной группе раскопов сохранились только следы построек XII в. В раскопе XXXVII остатки двух жилищ обнаружены прямо под дерном. Дерево построек сгнило, границы их установить не удалось. Развал печи постройки 1 составлял 25 кв. м и имел мощность 0,4—0,5 м. Печь была сложена на срубном подпечье $2,25 \times 1,6$ м, сохранившемся на один венец. Обмазанный глиной под был выложен некрупными, плотно пригнанными друг к другу камнями. Судя по огромному скоплению обломков обожженной глиняной обмазки с отпечатками прутьев, бересты и мешковины, печь была каменно-глинобитной, на деревянном каркасе. При разборке камней пода печи, кроме керамики, найдены два шиферных пряслица с диаметрами внутреннего канала 0,5 м.

Печь-каменка постройки 2 с основанием из крупных валунов была на срубном подпечье. Ее приблизительные размеры — $1,8 \times 1,6$ м. При разборе печи найдены обломки стеклянных изделий — синего крученого браслета и фиолетового перстня.

Постройка 3 в юго-восточной части раскопа была более древней, так как перекрывалась развалом печи постройки 1. Сама постройка не сохранилась. Печь-каменка была на срубном подпечье, рубленном в один венец ($2,2 \times 1,9$ м) и выстланном тесинами. Печь и сама постройка 3 возведены на песчаном массиве насыпи кургана первой четверти XI в. К датирующим находкам этого горизонта относятся стеклянные браслеты (7), перстни из фиолетового, черного, коричневого стекла (4), шиферные пряслица (19) и другой инвентарь. Интересна находка обломка железной иглы типа рис. 13, I со следами насечки и инкрустации.

В раскопе XXXVIII остатки построек XII в. также обозначены сразу же под дерном. Обнаружены остатки чстырех печей от различных и, видимо, разновременных построек. Сохранившиеся частично прямоугольные вымостки пода печей были ориентированы по странам света. Найдены два обломка поливной посуды: типа кубка и тарелки — изделий киевских керамических мастерских домонгольского времени. Отсюда происходят 2 обломка стеклянных браслетов и кольцевидная голубая бусина; 5 шиферных пряслиц с диаметрами внутреннего канала

от 0,5 до 0,8 м; 2 обломка цилиндрических пружинных замков.

Ниже располагались остатки еще трех печей, также ориентированных по странам света. Камни пода печи 6 были уложены на подушку из песка. Приблизительные размеры пода — $1,8 \times 1,4$ м. Вероятные размеры срубного подпечья печи 7 — $1,8 \times 1,8$ м. Найдены бусины из прозрачного стекла — зонные желтые (2) и кольцевидная голубая (1) — и обломок перстня из черного стекла с сероватыми полосками и голубыми глазками (см. рис. 66, 7), костяной прямоугольный двусторонний гребень, накладка к одностороннему гребню и 13 шиферных пряслиц с диаметром внутреннего канала от 0,5 до 1 см.

В раскопе III верхний горизонт культурного слоя содержал остатки крупной (не менее 7 м) и, видимо, пятистенной постройки. Дерево постройки и настила пола сгнило или было разобрано. В числе находок этого горизонта: кресало стальное овально-прорезное, бронзовый энколпион с рельефными изображениями в круглых клеймах и односторонний бронзовый же крестик; обломки стеклянных крученых браслетов (6), пряслица шиферные. Бусины ранних типов (лимонки — 2, синяя кольцевидная мозаичная). Гребень односторонний и железный наконечник стрелы ромбовидной формы, равно как пряслице из серого камня, могли попасть сюда из более древнего горизонта. В целом культурные отложения XII в. на данной территории невелики. В раскопах XXIX, XXXIII, XXXV постройка этого времени не выявлено.

ПОГРЕБЕНИЯ

В раскопах XXXIII и XL сразу же под дерном культурный слой нарушен погребениями. Внешние признаки погребений отсутствовали. Некоторые были в гробах, опущенных в неглубокие (0,2—0,4 м) могильные ямы. Захоронения совершены головой на запад с руками, согнутыми и положенными в области таза или на груди; без вещей (14). Сохранность погребений плохая, мелкие кости рук и ног сгнили. Тут же наблюдались коллективные захоронения в одной могиле, а также остатки разрозненных костей более 20 скелетов. В двух случаях найдены черепа с пробитыми височной и затылочной частями. Захоронения, видимо, совершены поспешно, в обстановке военного времени или народного бедствия. Можно думать, что эти погребения относятся ко второй половине — концу XIV в., когда Белоозеро особенно страдало от набегов новгородцев и эпидемий чумы.

Глава четвертая

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ БЕЛООЗЕРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XII—XIV В.

(по данным западных и восточных раскопов северной группы)

Город этого времени застраивался вдоль реки. Очевидно, значение Шексны как транспортной и торговой артерии в то время по сравнению с предыдущим периодом еще более возросло.

К самой воде ведут открытые раскопками уличные мостовые. Вероятно, они заканчивались у причалов. Здесь же на берегу стояли сушильни и копильни для переработки рыбы; очевидно, также склады, амбары.

Раскопы, которыми исследовалась прибрежная часть города, могут быть объединены в две подгруппы. Первая — западная. Эти раскопы близки друг другу территориально; их сближают также стратиграфия и хронология. Они отражают эпоху бурного развития города и его наибольшего расцвета в первой половине — середине XIII в. Это — раскопы IV—XII, XVI, XVII—XIX, XXXII, XXXIV, XXXVI.

Вторая подгруппа раскопов — восточная. Они расположены в отдалении от исторического центра города и дают представление о наиболее позднем периоде его жизни (XIII—XIV вв.).

ЗАПАДНЫЕ РАСКОПЫ

Стратиграфия. Раскопы расположены на кромке правого берега Шексны, имеющего пологий спуск к реке. Материк — серая глина; в раскопе XVI, наиболее близком к реке, он покрыт аллювиальными илистыми отложениями. Погребенная почва — оподзоленная, с остатками пней, сучьями и хвоей. Дома здесь строились на свежевырубленной лесной расчистке.

Первый горизонт культурного слоя — темный суглинок со щепой, хворостом и навозом, пропитанный грунтовыми водами. Содержит хорошо сохранившиеся срубы домов. Мощность горизонта 0,2—1 м.

В раскопе XXXII, где получены данные дендрохронологического анализа, срубы этого горизонта датируются 1170—1203 гг. В других раскопах, откуда мы не имеем данных дендрохронологии, этот горизонт датируется второй половиной — концом XII в. — началом XIII в. (рис. 24).

Второй горизонт культурного слоя — темный суглинок, насыщенный хуже сохранившимися и местами перегнившим деревом, что придавало черному грунту темно-коричневую окраску. Мощность горизонта 0,2—0,5 м. Срубы этого горизонта в раскопе XXXII имеют дату 1224—1239 гг. В других раскопах, где дерево не подвергалось дендрохронологической обработке, этот горизонт культурного слоя датируется менее определенно, в границах первой половины XIII в.

Третий горизонт культурного слоя — гумусированный суглинок с перегнившим деревом непригодным для дендрохронологического анализа и местами сохранившимся только в виде волокон. Горизонт насыщен линзами сырой обожженной глины, развалами камней, угля содержит основания печей-каменок и горнов. Верхняя его граница распахана, задернована. Мощность 0,4—0,6 м. Дата — стратиграфическая и по инвентарю — середина XIII—XIV в. Средняя мощность залегания культурного слоя 1,6—1,8 м.

**ДРЕВНЕЙШИЙ (ПЕРВЫЙ) ГОРИЗОНТ
КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ**

В раскопе XXXII постройки этого горизонта относятся к двум периодам. К первому строительному периоду принадлежат срубы четырех построек, поставленных на материке. Они ориентированы ССЗ — ЮЮВ. Границы усадеб не прослеживаются. В юго-западном углу раскопа — жилой сруб 12, неполный. Ширина его по северной стене 5,5 м. Сруб однокамерный, сохранился на один венец. Под северо-восточный угол уложены нивелировочные подкладки. Печь в центре, на срубном подпечье размером 2,2 × 1,5 м. В основании сруба подпечья — настил из четырех тесин, покрытых берестой; сверху — плотно утрамбованная серая глина. В срубе найдены: часть берестяного теска, обломки деревянного бочонка и лопаточки, гру-

зило и шиферное пряслице. Дата сруба — 1170 г. (рис. 25).

В 5—6 м к северо-западу от сруба 12 находились два сруба 16 и 18. Сруб 16 однокамерный, 5 × 4 м, сохранился на два венца. Чашки сруба и его углы плотно обернуты берестой. На уровне верхнего венца — пол из 32 бревнышек толщиной 0,12—0,10 м, уложенных в направлении северо-восток. В центре и у концов восточного и западного бревен верхнего венца вырублены пазы для переводин, но сами переводины отсутствуют. Сруб датируется 1171 г. (рис. 25).

Соседний с ним к западу сруб 18 — 3,6 × 3,6 м — однокамерный, одновенечный, переводины боковые. Прекрасно сохранился пол из 11 тесин, уложенных в направлении север — юг; ширина тесин 0,3—0,25 м, толщина 0,08—0,05 м. С нижней стороны тесин вырублены пазы

Профили раскопа 32

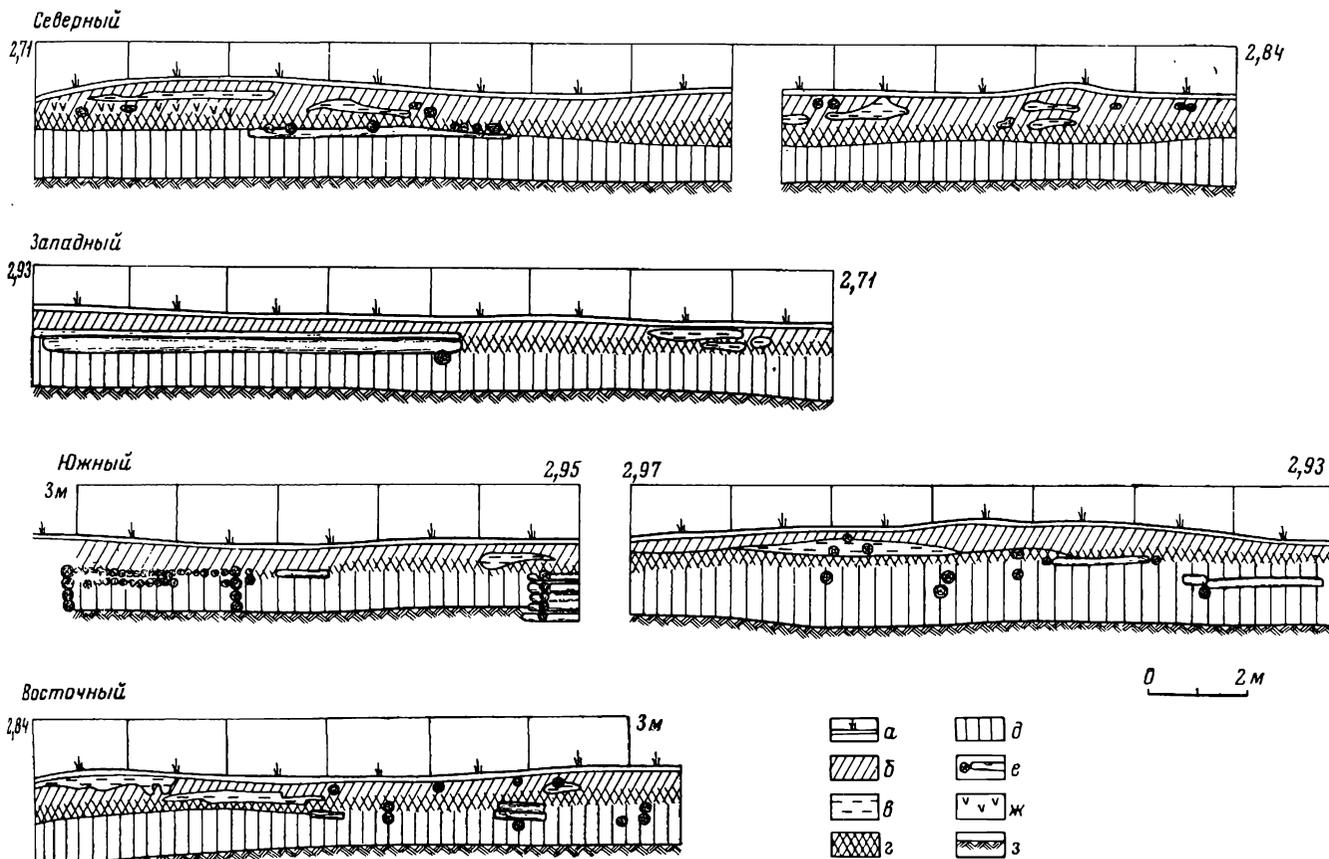

Рис. 24. Профили раскопа XXXII

а — дерн;
б — темный суглинок с включениями глины, угля, камней, перегнившего дерева;

в — сырая глина;
г — перегнившее дерево;
д — темный суглинок со шпешой и навозом;

е — столбы, бревна;
жс — уголь;
з — материк (серая глина).

Рис. 25. Древнейшие постройки раскопа XXXII

а — бревна; б — столбы; в — тесины; арабскими цифрами обозначены срубы

для лучшего скрепления с переводинами. Сверху тесин — большие куски бересты и навоз. В срубе найдены деревянные колотушки, клещина хомута, донце бочонка, фрагменты чаши с тремя ручками (рис. 26). Дата сруба — 1177 г. В северо-восточной части раскопа — остатки нижнего венца обгоревшего сруба 19, возраст которого — конец XII в.

В юго-восточном углу раскопа — хозяйственная постройка 10. Ее сруб размером $4,6 \times 3,2$ м сохранился на четыре венца; диаметр бревен $0,25-0,2$ м. Постройка неоднократно перестраивалась. Древний сруб относится к 1198 г. На уровне третьего (снизу) венца в срубе был настил, уцелевший фрагментарно. Его дата — 1213 г. На него уложены три поперечных переводины, сверху которых на уровне четвертого (снизу) венца наслан еще один пол. Бревнышки (23) тонкис, уложены по длинной оси постройки. Настил покрыт навозом.

Второй строительный период. На месте уже не существующих построек 16 и 18 в северной части раскопа были поставлены постройки 13, 14 и 17 (рис. 27).

Постройка 17 была со временем полностью разобрана, и от нее сохранились только сходы длиной 4 м, шириной в верхнем конце 1,35 м, в нижнем — 1 м. Устроены они следующим образом: с внутренней стороны двух длинных боковых бревен выдолблены пазы, в которые вставлены концы поперечных досок и круглых бревнышек, имеющих с торцевой стороны выступ в ширину паза. Доски и бревнышки чередуются: через каждые 2—3 доски — одно бревнышко (всего 16 досок и 6 бревнышек). Сходы (рис. 27) прочно закреплены на месте в наклонном положении; их восточный конец выше западного па $0,37$ м. Он укреплен на перекладине, вставленной торцами в пазы двух столбов, вбитых в материк почти на метр. Полная длина столбов 1,5 и 1,3 м. Столбы пробили настил пола сруба 16. Около каждого столба вбито еще по паре кольев. Всего с наружной стороны сходен вбито 9 кольев (у двух концов и у середины), что прочно удерживало их на месте. Сходы, вероятно, вели в хлев. Их верхний конец на $0,3$ м выше пола сруба 16 и ниже сруба 13.

Отсюда делаем вывод, что постройка, к которой они относились, не сохранилась.

Сруб 13 своим западным бревном лежал над верхним концом сходен. Он однокамерный, сохранился на один неполный венец. Восточная часть сруба разрушена, но размер его восстанавливается ($3,8 \times 3,8$ м). Дата сруба — 1208 г. Соседний сруб 14 также однокамерный, сохранился на два венца. Он имел три переводины, на которых уложен настил из горбылей (12 целых и 4 полуразрушенных). Горбыли положены в направлении восток — запад, плоской стороной вверх. Дата сруба 14—1192 г. Оба сруба залегали в толще щепы и навоза, находок в них не было.

В раскопе XVI древнейший горизонт культурного слоя включает два строительных периода. К первому относятся два жилых сруба (№ 7 и 5) и остатки мостовой, расположенные в основании слоя со щепой, на границе с материком (рис. 28). Сруб 7, у северной границы раскопа, вошел в него только юго-западным углом. Неполная длина его южного бревна — 6 м. Возможно, постройка была двухкамерной.

Развал большой печи прослежен на площади 6 кв. м, у южного бревна сруба.

Помимо круговой керамики, в постройке и рядом с нею обнаружены: нож, бусина зонная из прозрачного синего стекла, цилиндрический замок. Постройка ориентирована по реке в направлении северо-восток — юго-запад. Так же ориентирован и сруб постройки 5 у южной стены раскопа. Он сохранился на один венец. Размеры $3,24 \times 3,14$ м. Пол, печь бытовые находки отсутствовали.

Вплотную к завалине сруба 5 была уложена уличная мостовая, ориентированная так же, как постройка раскопа. Мостовая вела к реке, но ее северный конец не сохранился. В раскоп она вошла восточной частью, в длину прослежена на 9 м. Длинные лаги мостовой (3) были положены не прямо на землю (как это наблюдалось при устройстве двух других мостовых Белоозера), а на пять поперечных лаг. Возможно, это было вызвано чрезмерной влажностью грунта. Ширина полотна дороги была, вероятно, равна $3,2—3,5$ м. Настил мостовой, состоявший из тонких круглых бревнышек, сохранился фрагментарно. При разборке мостовой найдены шиферные пряслицы и обломки амфор.

Нижний горизонт слоя со щепой датируют бусы и браслеты из прозрачного стекла (синего, зеленого, коричневого — 6 экз.). Отсюда происходят также полавки от сетей и кусок бересты с процарапанным изображением двушпигного наконечника стрелы (рис. 29, 14).

Второй строительный период отмечен сооружением производственной постройки 6 с большой глинобитной печью (рис. 30). Стратиграфически это верхняя граница первого горизонта культурного слоя. Постройка прямоугольная в плане, размером около $5,8 \times 4,5$ м, была столбовой конструкции. Ее стены возведены из вбитых вплотную друг к другу тонких бревнышек ($0,15—0,1$ м), не исключено, что они обмазывались глиной. Бревнышки (около 60) сохранились в высоту на $0,8—0,6$ м; их основания затесаны на кол и вбиты в материк. Развал сырой и обожженной глины, кусков глиняной обмазки, угля, золы, камней образовал холм высотой $0,3$ м. Там же найдены крица и тигелок с коническим дном.

У южной стены постройки находилась глинобитная печь на срубном подпечье размером $3,4 \times 2,6$ м. Сруб подпечья по восточной стороне сохранился на 5 венцов, по другим сторонам — на 3 неполных венца. Стены и свод печи, полностью разрушенные, были глинобитными на деревянном каркасе. Об этом свидетельствуют сотни фрагментов глиняной обмазки, обожженной до ярко-красного цвета, с отпечатками досок, прутьев, кольев; на некоторых обломках отпе-

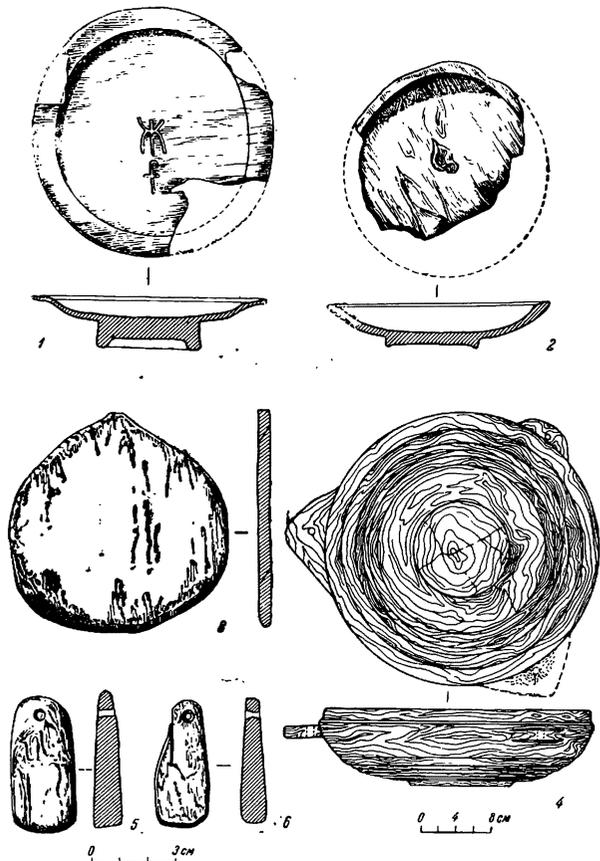

Рис. 26. Изделия из дерева

1, 2 — блюда; 3 — лопата, обломок; 4 — деревянная трехручная чаша (реконструкция); 5, 6 — полавки

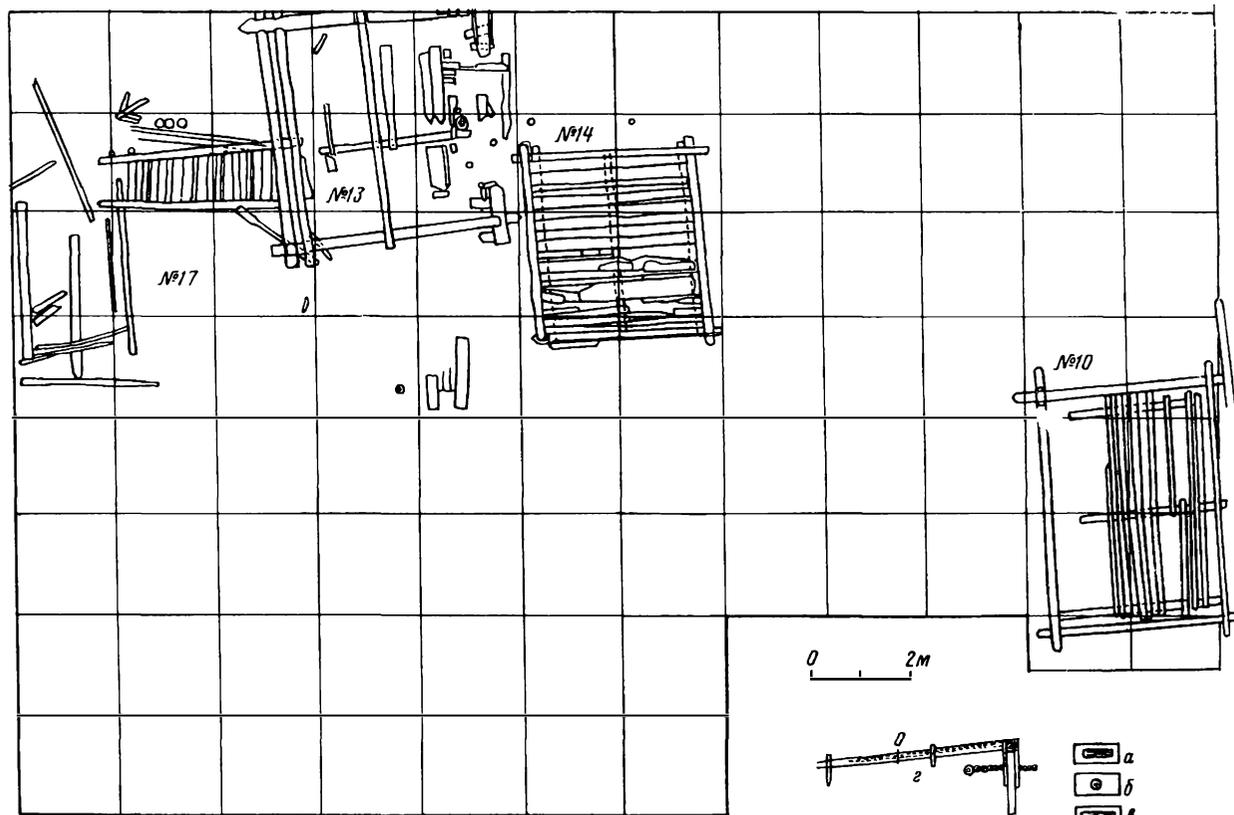

Рис. 27. Срубы 10, 13, 14 и сходни (№ 17) раскопа XXXII

а — бревна; б — столбы; в — тесины; г — разрез сходен по линии восток — запад

чатки ткани редкого переплетения, следы пальцев. Очевидно, обмазанную сырой глиной печь укрывали тканью типа мешковины для предохранения от растрескивания при высыхании.

Огромные размеры печи и небольшое свободное пространство внутри постройки, пол, выстланный накатником из бревнышек и грубо обрубленных стволов елок с сучками и корневищами, отсутствие бытовых находок свидетельствуют о производственном, а не жилом характере постройки. Возможно, это была коптильня для рыбы.

От западной стены постройки 6 на юг, на протяжении 4 м проходила линия частокола; затем она поворачивала под прямым углом к западу и здесь сохранялась на расстоянии около 2 м. Нижние концы бревен частокола были вбиты в слань мостовой и местами разрушили последнюю.

Раскопы IV—XII. Северной их границей являлась река, что определило положение ближайших к реке построек: они ставились вдоль берега. Почти перпендикулярно реке проходи-

ла уличная мостовая, выходящая, видимо, к причалу.

Древнейший (первый) горизонт культурного слоя содержал остатки построек, расположенных на погребенной почве. Первоначальная застройка участка жилыми домами предшествовала ограждению усадеб частоколом и сооружению мостовой. Разделение на усадьбы в этот период условно.

Первый строительный период. В северо-западной части раскопа (в будущем усадьба А) стоял один дом (сруб 1). Сохранилось лишь три бревна нижнего венца. Длина южной стены сруба 5,8 м. Под восточное бревно положены нивелирующие подкладки. Пол и печь отсутствуют. Находок в срубе нет (рис. 28).

В юго-западной части раскопа (в будущем усадьба Б) древнейшими являются однокамерные срубы 2 и 3. Сруб 2 одноветечный, неполный. Его размер 4,1×4,1 м. Соседний с ним и так же ориентированный сруб 3 — двухветечный, размер 3,5×3,5 м. Полов и печей в срубах не сохранилось.

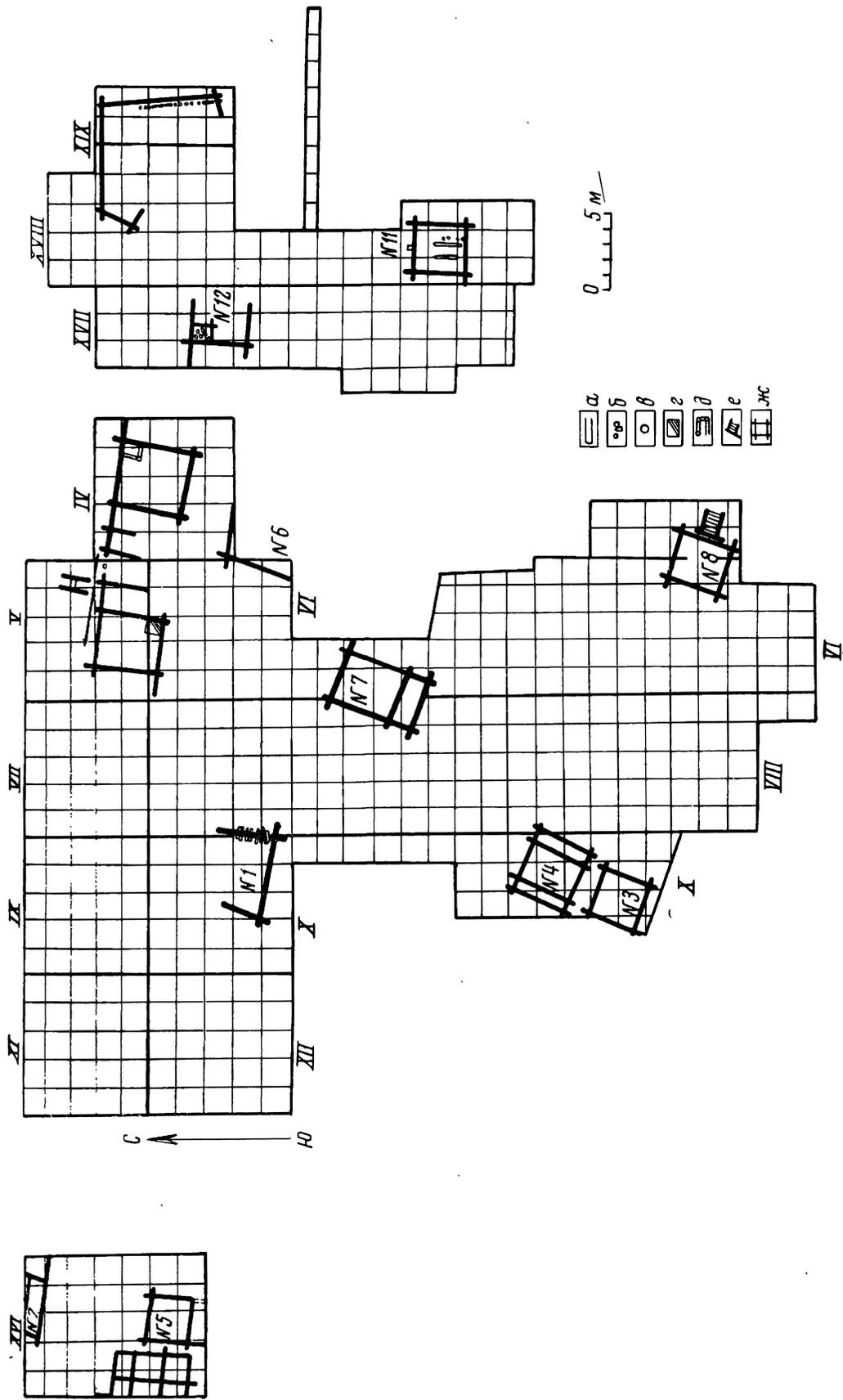

Рис. 28. Западные раскопы. Постройки третьей четверти — конца XII в.

а — бревно; б — камень; в — столб; г — печь; д — сходы; ж — конструкция печи неясна; арабскими цифрами обозначены срубы; римскими цифрами обозначены раскопы

Рис. 29. Изделия из дерева и бересты

1-3 — бирки;	8 — веретено;	12 — гвоздь;
4 — заготовка ковша;	9, 13 — поплавки;	14 — поплавок с рисунком стрелы;
5, 7 — детали;	10 — ковш;	1-10, 12, 13 — дерево;
6 — настенный крюк;	11 — крышка туеса;	11, 14 — береста

Второй строительный период. Впоследствии на месте разобранного сруба 2 возводится сруб 4. При этом северное и южное бревна сруба 2 были использованы в качестве фундаментных опор. Сруб 4 — трехвенечный (неполный). Его размеры $4,4 \times 4,2$ м. Диаметр бревен 0,23 м. Под нижнее восточное бревно подложены три

нивелирующие подкладки. Во второй снизу венец врублены две боковые переводины. Пол и печь не сохранились. Вероятно, сруб был жилым. В его границах найдены лепная и круговая посуда, поделки из дерева и кожи.

В северо-восточной части раскопа (в будущем усадьба В) располагалась постройка 5.

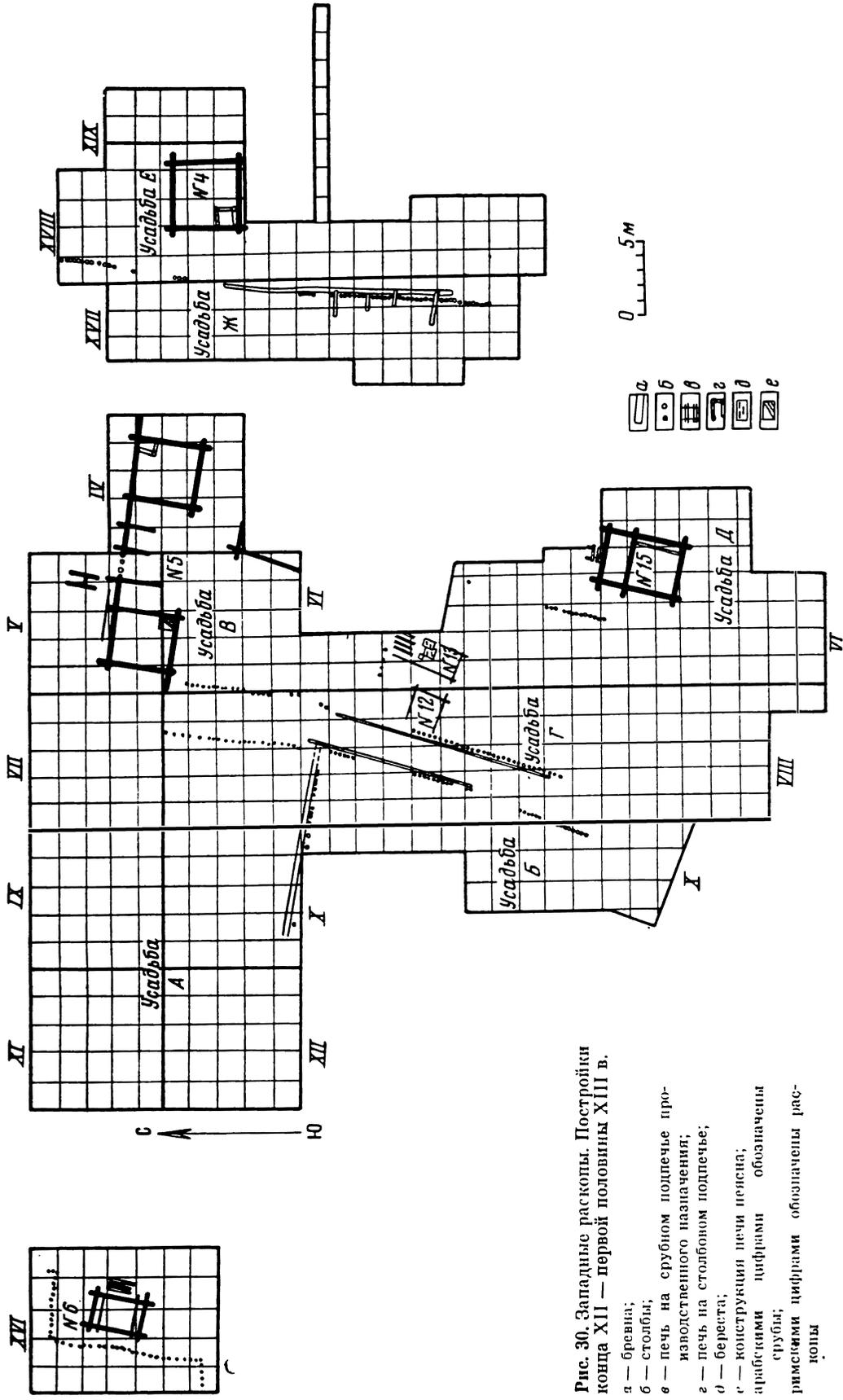

Рис. 30. Западные раскопы. Постройки конца XII — первой половины XIII в.

- а — бревна;
- б — столбы;
- в — печь на срубном подпечье произвольного назначения;
- г — печь на столбовом подпечье;
- д — береста;
- е — конструкция печи пейсна;
- арабскими цифрами обозначены срубы;
- римскими цифрами обозначены раскопы.

Она четырехкамерная, состоящая из двух жилых срубов, соединенных сенями. Сохранилась на один венец.

Восточное помещение — двухкамерное. Основной сруб (6,2×5,6 м) рублен из бревен диаметром 0,4 м. Длина северного бревна сруба 10,3 м. Оно объединяло основной сруб и сени. Печь на столбовом подпечье помещалась в северо-восточном углу.

Западный сруб — двухкамерный, рублен из более тонких бревен (0,23 м). Размер постройки 5,3×4,4 м. Печь (конструкция неясна) занимала юго-восточный угол. Северное бревно западного сруба длиной 6,9 м служило основанием для двух сеней. Вторые были общими с восточным срубом. Ширина сеней 2,2 м. Севернее сеней располагалось крыльцо, обращенное к реке. С севера обе постройки обнесены завалиной (рис. 28).

Большинство бытовых находок сосредоточено в границах восточного сруба. Здесь найдено много изделий из рога: крюк (см. рис. 46, 11), игральная кость (рис. 15, 6), рукоять Т-образной формы со втулкой в нижнем конце и двумя сквозными отверстиями вверху, со знаком в виде ромба (см. рис. 45, 3); гребни двусторонние типа Н (2 экз.), М (1 экз.) и О (2 экз.). Изделия из стекла представлены обломками браслетов (15 экз.), перстней (голубого и фиолетового), бусами: желтыми, фиолетовыми, синими (6 экз.). Там же найден обломок глиняной чашечки, покрытой зеленой поливой (см. рис. 66, 33). Изделия из бронзы: перстень усатый (см. рис. 51, 6), браслет проволоочный витой (2×3), бубенчик грушевидный, обломок шейной гривны. Шиферных пряслиц 14.

Оба жилых сруба являлись жилищами-мастерскими. В восточном срубe, судя по шлакам возле печи, производилась цементация железа в горшках и плавка меди. О последнем свидетельствует массивная глиняная льячка (см. рис. 47, 12) и медный ковшик с ручкой (см. рис. 47, 9). В западном срубe у печи найдены шлаки и тигелек с конусообразным дном (см. рис. 47, 7). К югу от постройки 5 располагался хозяйственный двор с хлевом, заполненным навозом. Этот последний сруб (№ 6) вошел в раскоп лишь северо-западным углом.

Южнее, на территории будущей усадьбы Г, стоял двухкамерный сруб (№ 7) размером 6×3,8 м. Он состоял из жилой камеры (4,8×3,8 м) и сеней шириной 3,8 м. Пол и печь отсутствовали. Сруб сохранился на один венец.

Самой южной постройкой (на будущей усадьбе Д) являлась конюшня или хлев (постройка 8). Это однокамерный сруб — 3,5×3,45 м, сохранившийся на три неполных венца. На уровне верхнего венца вырублены пазы для боковых

переводин. Пол не сохранился. С востоко-юга в помещение вели сходни. Верхний их конец лежал на бревнышке толщиной 0,23 м, прилежавшем к стене конюшни, нижний упирался в землю. Сходни (1,7×1,2 м) устроены следующим образом: в двух бревнах толщиной 0,3 м и длиной 1,8 м вырезаны с внутренней стороны продольные пазы, в которые вставлены концы 8 толстых тесин. В срубe толстый слой навоза с соломой, конский волос. Там же деревянная лопата длиной 0,85 м, ширина ее рабочей части равна 0,38×0,16 м. Рядом со срубом лежала колотушка, вырезанная из ствола березы.

В раскопах XVII—XIX первый горизонт культурного слоя отложился до сооружения мостовой. Он характеризуется двумя строительными периодами.

Первый строительный период. Исследуемый участок, вероятно, был одним владением. Назовем его усадьбой Е. Древнейший сруб 12 представляет собой нижний венец жилого дома, от которого сохранились западное бревно, северо-западный и юго-западный углы. Восточные концы северного и южного венечных бревен (3,5 м) обрублены, восточного бревна нет. Размер постройки по западной стене 4,5 м. Северное бревно выступало за границу сруба к западу более чем на метр и уходило в стенку раскопа. Уделели остатки боковой переводины, параллельной западной стене сруба; пол отсутствовал. Печь-каменка на срубном подпечье (1,5×1,2 м) располагалась в северо-восточном углу. Подпечье было утрамбовано слоем светлой глины (рис. 28).

В границах постройки много бытовых находок: яичко-писанка (см. рис. 66, 26), остатки ожерелья из 30 бус (сердоликовые кольцевидные и зонные — 12; битрапецидные синие, прозрачного стекла — 6; глухого стекла желтые и зеленые зонные, глазчатые и с мозаичными глазками — 4, эллипсоидные черные: слоеные с белыми и красными нитями и обвитые поперечными белыми нитями — см. рис. 65, 45, 46) и двух биллоновых остроугольных лунниц (см. рис. 51, 9); пряслица шиферные — 2, обрывки кожи. Обломки изделий из дерева: трепального ножа, лука, обручей и пр.

Вероятно, частокол, прослеженный в 14 м к востоку и северу от этого сруба, ограничивал владения усадьбы Е. От северного ряда сохранились всего два бревнышка, от восточного — 32. При возведении частокола был применен следующий прием: нижние заостренные концы бревен, опущенные в канаву, были привалены снаружи массивными бревнами длиной 9 и 7,4 м. Восточное и северное бревна, а также северное и западное были соединены друг с другом в обло.

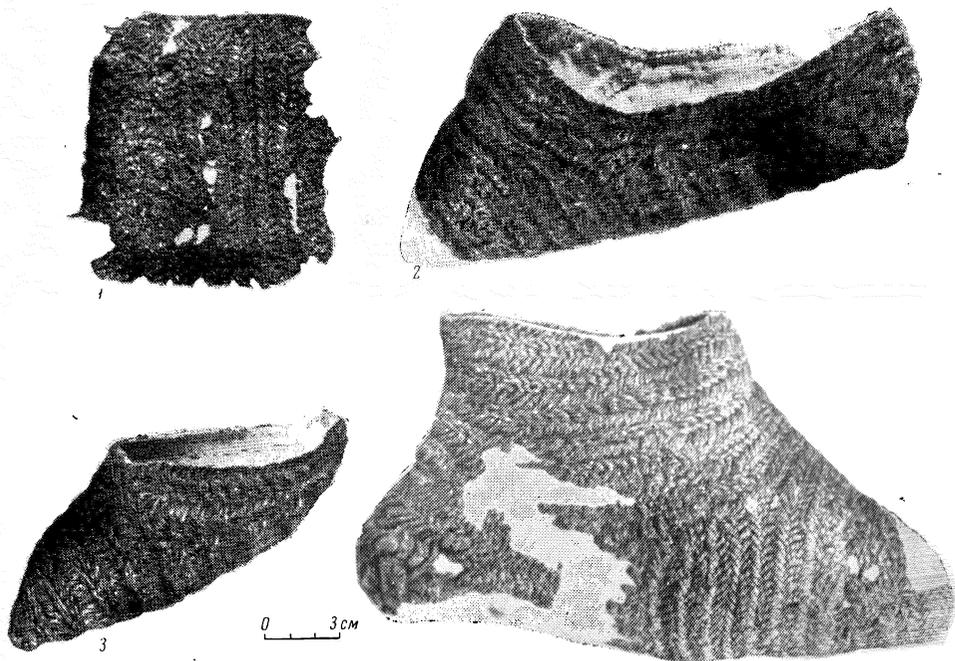

Рис. 31. Вязаные изделия

1 — обрывок вязаного изделия; 2 — туфля; 3 — детский башмачок; 4 — носок

Не исключено и предположение, что частокол возводился для создания в границах усадьбы загона для скота.

В 12 м к юго-востоку от сруба 12 стоял однокамерный сруб 11. Сохранился его нижний венец размером $3,43 \times 3,88$ мм. Пол и печь разрушены. Судя по развалу обгорелых камней и угля, печь могла быть в юго-восточном углу.

Второй строительный период. На усадьбе Е возникает жилой дом 4. Тогда же ставится частокол, разделивший исследуемый участок на две части — восточную и западную¹. Участок западнее частокола мы назовем усадьбой Ж (рис. 30). Частокол возводился со стороны усадьбы Ж. Постройки, одновременные ему, видимо, находятся за границей раскопа. В юго-западном направлении сохранились 26 бревнышек частокола и ствол сосны, которым были привалены их нижние концы. Длина ствола свыше 14 м. При сооружении частокола постройка 12 уже не существовала.

Сруб 4 на усадьбе Е — однокамерный ($4,8 \times 4,6$ м), сохранился на 4 венца. Сруб поставлен в слое щепы, на материке. Три нижних венца сруба проконопачены; в верхней части

бревен вырублены продольные пазы. На уровне третьего (снизу) венца сохранились перевины пола. Печь-каменка на подпечье столбового типа, размером $1,5 \times 1,1$ м, занимала юго-западный угол. Столбов — три, они вкопаны в материк на 0,7 м. В вертикальные пазы столбов вставлены массивные тесаные доски; на уровне пола под печью сложен настил из бревнышек, не скрепленных врубкой, покрытый плотно утрамбованной глиной (рис. 30).

Сруб 4 погиб от пожара, о чем свидетельствует сплошной слой угля на его поверхности и обгоревшие бревна верхнего венца. Снаружи, вдоль восточной стены дома, частично сохранились вымостка двора из тонких бревнышек длиной 7 м, уложенных с севера на юг. В границах дома найдены интереснейшие бытовые вещи: часть кожаной обуви с удлиненной пяткой и вязаные: шерстяной носок, детский башмачок, домашние туфли (рис. 31); куски мешковины и войлока. Обнаружено много поплавок из дерева и бересты, затychки (рис. 32, 2, 3), днища бочонков, ободья; обломок детского лука, имитирующего сложный лук (рис. 32, 4); шиферные пряслица (7); лунница из биллона, замкнутоконечная (см. рис. 49, 16); гребни двусторонние наборные типа О — 3 экз.; бусины прозрачного стекла зонные синие (7), фиолетовая (1), золото-стеклянная (1), стеклянные браслеты.

¹ По дендрохронологическим данным, постройка частокола относится к 1195 г. (Н. Б. Черных. Абсолютная дендрохронологическая шкала древнего Белоозера. Сб. «Археология и естественные науки». М., 1965, стр. 90).

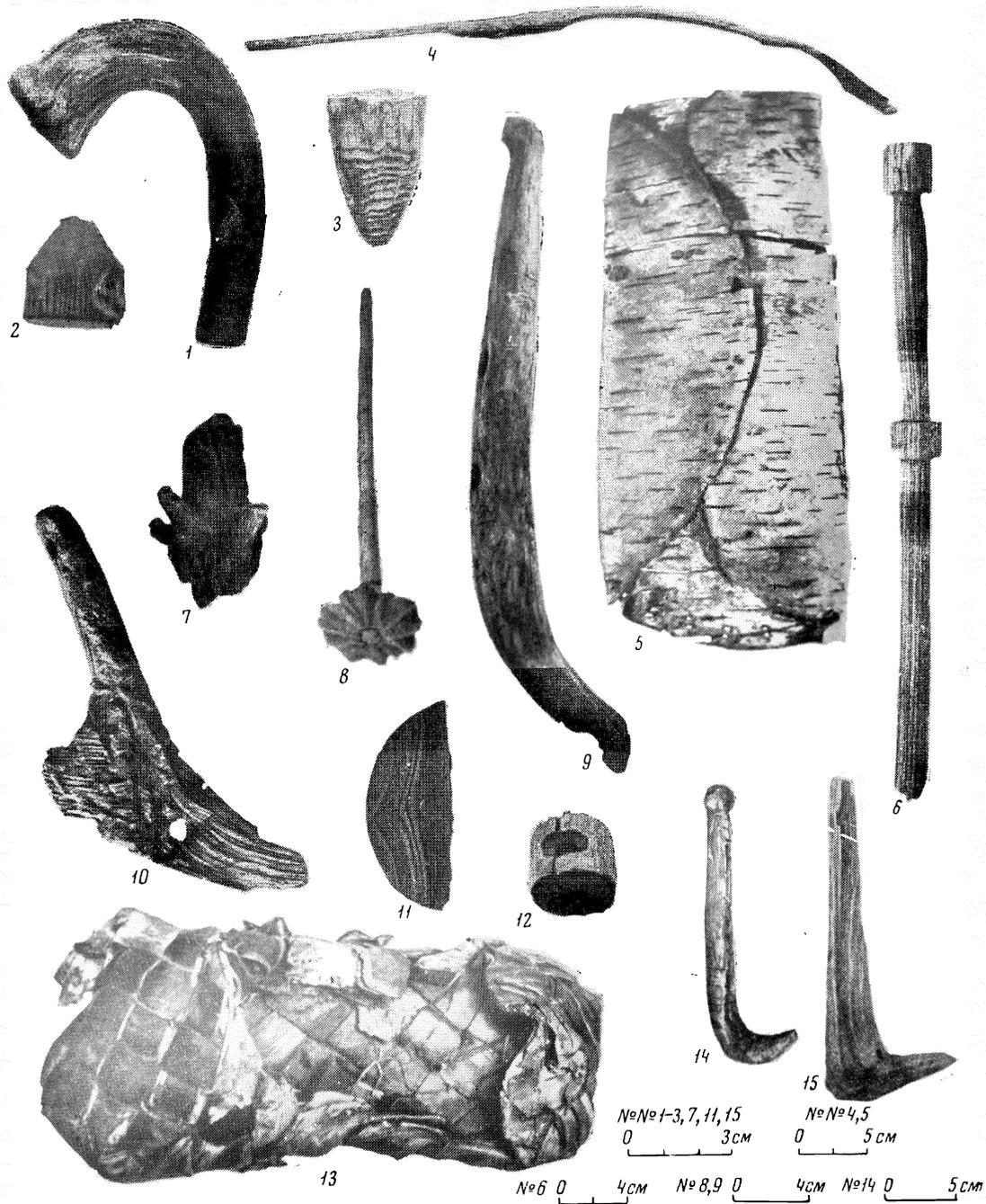

Рис. 32. Изделия из дерева и бересты

1 — рукоять;	7 — мутовка;	12 — блок;
2, 3 — затычки;	8 — ботало;	13 — лапоть;
4 — детский лук;	9 — клещи хомута;	14, 15 — крюки;
5 — футляр;	10 — рогулька;	1-4, 6-12, 14, 15 — дерево;
6 — нитченка;	11 — часть днища;	5, 13 — береста

В раскопе XXXIV первый горизонт культурного слоя (земля со щепой) отложился на 0,4—0,2 м. Выявлены остатки постройки 1, ориентированной ССВ — ЮЮЗ. Ее размеры не устанавливаются. Сохранились части бревен северной и восточной стен и переводина с фрагментами 6 тесин пода. Найдены: ложечка-амулет из рога (см рис. 63, 1), часть плитки с красноцветной двусторонней поливой.

В раскопе XXXIV, в первом горизонте культурного слоя обнаружен сруб 1, однокамерный (2,8 × 2,8 м), сохранившийся на два венца. Сруб ориентирован по странам света с небольшим отклонением на северо-запад — юго-запад. Переводин не сохранился. Вдоль восточной стены сруба — два тонких бревнышка от настила пола. С юга к этому срубам примыкал настил, устроенный следующим образом: на три лаги длиной 4 и шириной 0,15 м, уложенные на расстоянии 1 м друг от друга в направлении северо-запад — юго-восток, положен настил из поперечных бревнышек длиной 3,4 и диаметром 0,1 м. Всего сохранились 23 бревнышка и одна тесина. Сруб и настил были заполнены навозом. Находок не было. Дата сруба и настила — 1224 г.

ВТОРОЙ ГОРИЗОНТ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ

В раскопе XXXII древнейшей постройкой горизонта является сруб 5. Это двухкамерный сруб размером 9,4 × 5,8 м, сохранившийся на два венца и сложенный из сосен, возраст которых превышает 200 лет. Сруб положен на землю со щепой, но заполнен грунтом второго горизонта культурного слоя. Под бревнами сруба лежали нивелирующие подкладки, а вдоль всех стен внутри сруба стоял ряд столбов, забитых в слой щепы на 0,8—0,5 м. Вероятно, на них крепились переводины (рис. 33). Последние, как и настил пола, не сохранились. Дата сруба 5 — 1221 г. Печь на срубном трехвенечном подпечье стояла в центре жилой камеры (рис. 34).

Внутри сруба оказалось много бытовых вещей. Интересна находка разбитой амфоры, которую Т. В. Равдиной удалось полностью реставрировать (см. рис. 68, 5). Здесь же найдены пара клещей (см. рис. 41, 13), топор типа А с целой рукоятью (см. рис. 42, 1), ключ с замком типа А, железная сковорода, бронзовое блюдо. Особенно много изделий из дерева: 8 весел (из них 4 целых) (см. рис. 64, 1, 2), клещи хомута (рис. 32, 9), мутовка (рис. 32, 7), бярка, обломки блюд, ковшей и чаш (рис. 29, 10), десятки берестяных поплавок, около 30 каменных грузил с берестяным оплетением и пр.

Сруб просуществовал недолго и погиб от пожара.

Ко времени существования сруба 5 относится сооружение частоколов. Возникает забор по восточной границе усадьбы со срубом 5; назовем ее усадьбой 3. Забор сооружен вдоль восточной стены сруба 5; на север и восток он уходил за пределы раскопа. Сохранился фрагментарно. Бревнышки были вертикально вбиты в культурный слой, диаметры их — 0,15—0,06 м, полная длина — 0,6—0,5 м, нижняя часть затесана на кол. В северной части раскопа частокол пробил сруб 13. С востока с усадьбой 3 в это время, очевидно, соседствовали две усадьбы — И и К; об этом можно судить по линии частокола восток — запад, сохранившегося на 4 погонных метра. Своим западным концом этот второй частокол примыкал к частоколу усадьбы 3. Им пробит сруб 14. К югу от сруба 5 располагался сруб 20, вошедший в раскоп только одним северо-восточным углом. Дата сруба — 1239 г.

На усадьбе К продолжал существовать сруб 10 и возник новый сруб 11 (3,35 × 3,28 м), сохранилось 8 венцов; два нижних вкопаны в материк. Это был, вероятно, погреб. На уровне второго венца он имел перекрытие. Сруб заполнен грунтом второго горизонта. В числе находок замок, шиферное пряслице, деревянная бирка, грузило. Дата сруба — 1237 г.

В раскопе XVI древнейшей постройкой второго горизонта культурного слоя, основание которой лежало на слое со щепой, был сруб постройки 4. Размер сруба 3,36 × 3 м; он сохранился на один венец (рис. 35). Своим юго-восточным углом сруб уходил в южную стенку раскопа. Пол и печь не сохранились. В границах сруба найдены обломки рукоятки костяной ложки, круглой костяной бусины, фрагмент деревянной чашечки и перстень из прозрачного зеленого стекла.

Несколько позже возникла постройка 3, от которой сохранился только нижний венец. Размер сруба 4 × 3,6 м, в нем уцелели (фрагментарно) три переводины. Пол и печь отсутствовали. В границах постройки найдены два обломка стеклянных браслетов, шиферное пряслице и гребень типа Н. В культурном слое — накопечник стрелы типа 59, по А. Ф. Медведеву (двурогий срезень без упора), и 14 обломков стеклянных браслетов.

Второй горизонт культурного слоя в раскопах IV—XII отложился в период огораживания усадеб частоколом и сооружения первого яруса уличной мостовой. Проезжая дорога, ведущая к реке, делит исследуемую территорию на западный и восточный участки. На западном участке частоколом оформляется граница между усадьбами А и Б, на восточном — между

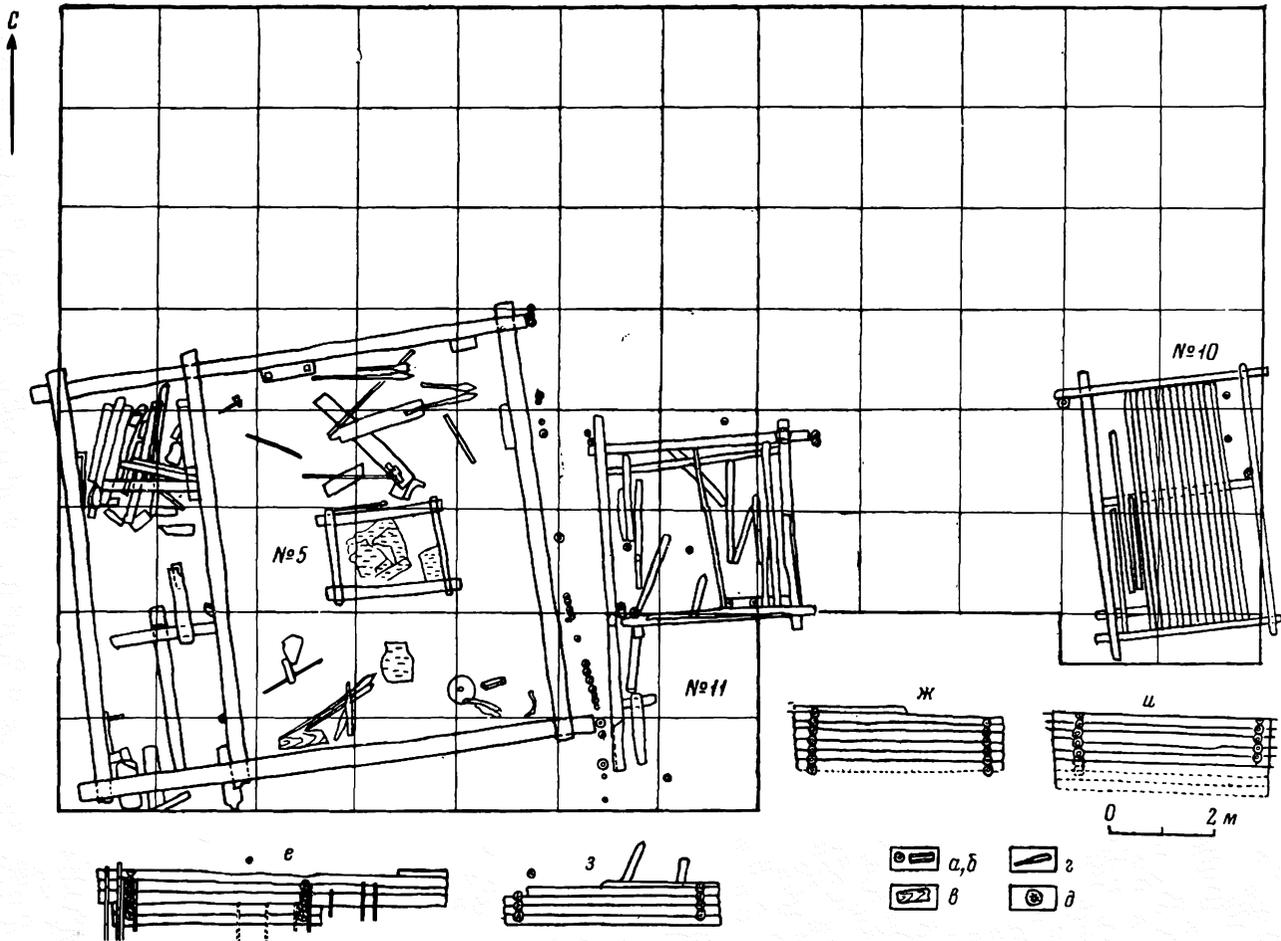

Рис. 33. Срубьы № 5, 10, 11 в раскопе XXXII

а — бревна; б — столбы; в — береста; г — весла; д — жернов; е — и — развертка срубьы № 11
(е — западная, ж — северная, з — южная, и — восточная стьены)

Рис. 34. Срубь 5. Вид с юго-запада

усадебными В, Г, Д. Огораживание усадеб предшествовало появлению первой деревянной мостовой (рис. 35). При сооружении заборов применялся уже знакомый прием: нижние концы бревен частокола опускали в специально вырытую канаву и приваливали с наружной стороны стволом дерева с обрубленными ветвями. Длина ствола достигала 15 м. Затем канаву засыпали землей и утрамбовывали. Подобный прием прослежен при огораживании усадеб А и Б. Возможно, что практиковалось и соединение стволов в углах чашевидными вырубками; в данном случае это не выявлено. Нижние концы бревен частокола затесаны на кол.

При постройке частокола в южной части усадьбы Б дом 4 уже не существовал. Бревна частокола вколочены с внутренней стороны восточной стены сруба и частично в чашку его северо-восточного угла.

Мостовая возведена по верхней границе древнейшего (первого) горизонта культурного слоя. Она начиналась от реки и, следуя рельефу местности, полого поднималась к югу. Южный ее конец лежал выше северного на 2 м. Полотно дороги прослежено в раскопе более чем на 50 м. В основании мостовой укладывались три продольные лаги — мощные бревна до 0,3 м в диаметре, длиной по 8 — 10 м. Поперек их настилались круглые бревнышки диаметром 0,15 и длиной 3,5 м. Их длина и определяла ширину полотна мостовой. В приречной части раскопа накатник сохранился плохо, в более возвышенной — лучше. Находок на настиле почти не было.

Восточной границей усадьбы А является улица, покрытая мощным настилом, вдоль которой ставится частокол; южная граница с усадьбой Б также отмечена частоколом. Северная и западная границы, видимо, находились за пределами раскопа.

В это время на усадьбе стоял один жилой дом, представлявший собой однокамерную постройку (№ 9), сохранившуюся на три венца, с сенями. Размер сруба $4,4 \times 4,2$ м; диаметр бревен 0,23 — 0,2 м. Под три угла сруба подложены нивелирующие подкладки. Во второй снизу венец врублены четыре переводины — две в центре и две у коротких стен. Врубка переводин глухая. Печь в северо-западном углу на срубном подпечье ($2 \times 1,8$ м). Тесины пола уложены «по ходу», от сеней к передней стене. Сруб сеней приставлен к избе с юга. Сохранился на два неполных венца. Размер сеней $4 \times 1,4$ м. Во второй снизу венец врублены две переводины пола, врубка сквозная.

В границах сруба найдено много круговой керамики, гребни двусторонние (3) типа В и Д, обломок перстня из янтаря, бусы, крестики рав-

ноконечные каменные (2). Перед входом в сени настил из 13 бревен, положенных «по ходу». Бревна с пазами и зарубками, видимо от разобранной постройки. К восточной стене дома примыкала хозяйственная постройка, от которой сохранился настил из 16 бревен, уложенных в направлении север — юг на три лаги. Лаги ориентированы в направлении восток — запад. Размер замощенной площади $5 \times 4,4$ м. По остаткам столбов к северу и югу от настила можно предполагать, что стены постройки были плетневые. Судя по плотному слою навоза, покрывавшему настил, это был хлев.

Северо-западнее жилого дома на усадьбе А стояла постройка 10, сохранившаяся на два венца. Это однокамерный сруб размером $5,8 \times 4,1$ м. Печь на срубном двухвенечном подпечье размером $3,1 \times 3,4$ м. Основание стенок печи сложено из круглых валунов, устье выходило на юг. Печь занимала почти всю северную часть постройки.

Пол в южной половине постройки состоял из мелких бревнышек, уложенных на две лаги параллельно южной стене. Очевидно, вход был с запада или востока. Бытовых находок в срубе почти не было. По аналогии с постройкой 6 раскопа XVI и новгородскими постройками в срубе 10 можно предполагать копильню.

Усадьба Б в это время на севере была отгорожена частоколом от усадьбы А, на западе — забором вдоль мостовой². Здесь существует один жилой дом, от которого сохранился на два венца однокамерный сруб размером $3,5 \times 2,5$ м (№ 11). Фундаментной опорой для сруба послужила восточная стена разобранного к этому времени сруба 3. Пол и печь не сохранились, однако, судя по значительному числу бытовых вещей, постройка была жилой. Восточнее мостовой в это время обносится частоколом усадьбы В и Г. Возникает граница между усадьбами В и Г, а также между усадьбами Г и Д (рис. 30).

В застройке восточной половины раскопа (усадеб В, Г, Д) можно проследить три строительных периода.

Первый строительный период. После сооружения мостовой постройка 5 на усадьбе В некоторое время продолжала свое существование. Полотно мостовой легло близко к западной стене сруба. Остатков забора между стеной постройки и мостовой не прослежено, однако южнее частокол вдоль мостовой на усадьбе А сохранился.

На усадьбе Г в это время стоят две жилые постройки — 12 и 13. Их полные размеры не

² По дендрохронологическим данным, западная ограда усадьбы датируется 1201 г.

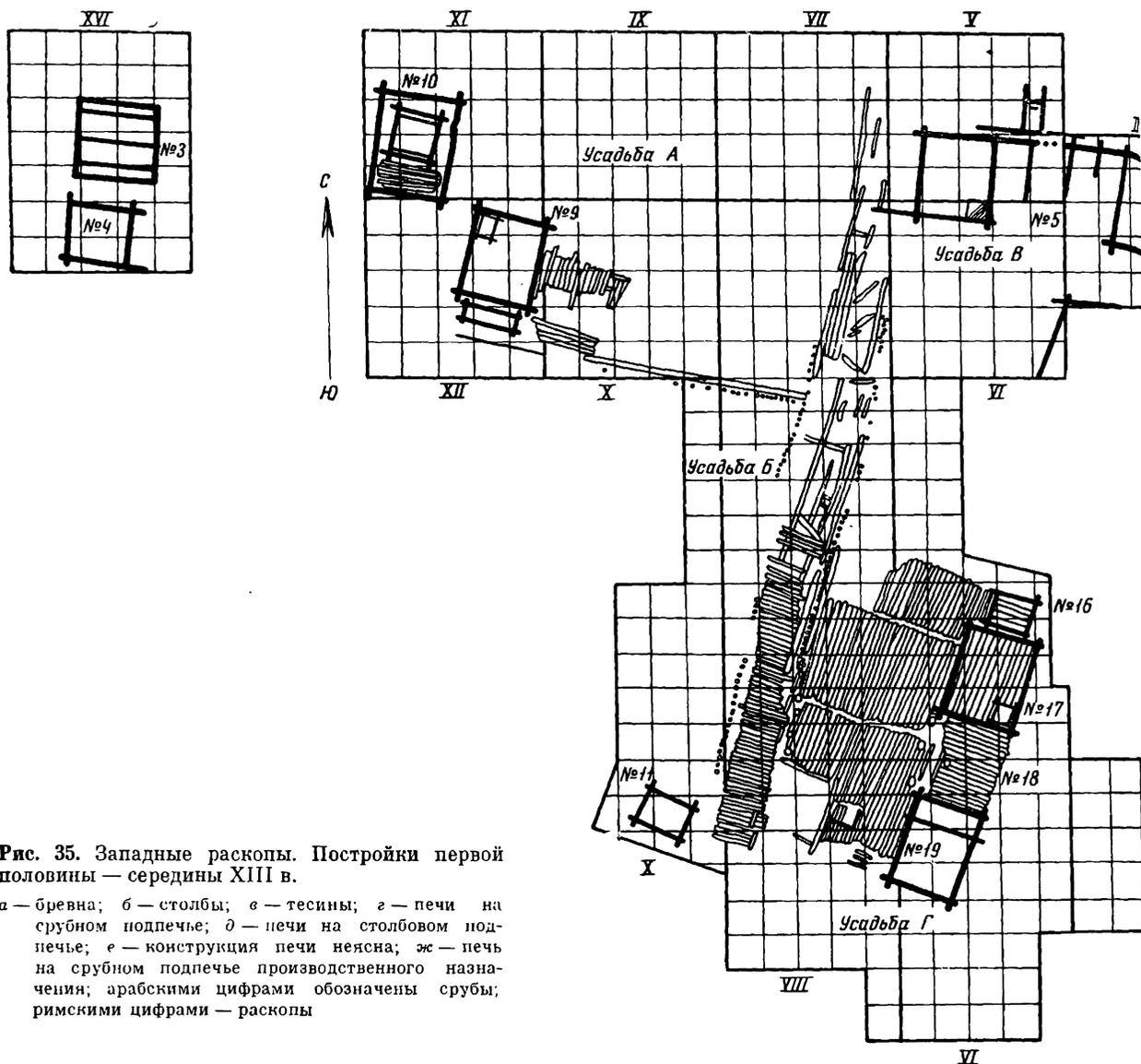

Рис. 35. Западные раскопы. Постройки первой половины — середины XIII в.

а — бревна; б — столбы; в — тесины; г — печи на срубном подпечье; д — печи на столбовом подпечье; е — конструкция печи неясна; ж — печь на срубном подпечье производственного назначения; арабскими цифрами обозначены срубы; римскими цифрами — раскопы

установлены. От постройки 13 сохранились западное бревно сруба, часть настила пола и крупные куски бересты. Постройка 13 была разобрана в связи с сооружением постройки 14. Последняя представляла собой постройку с печью в юго-восточном углу; размер по сохранившемуся восточному бревну — 5 м; все остальные части постройки уничтожены (рис. 30).

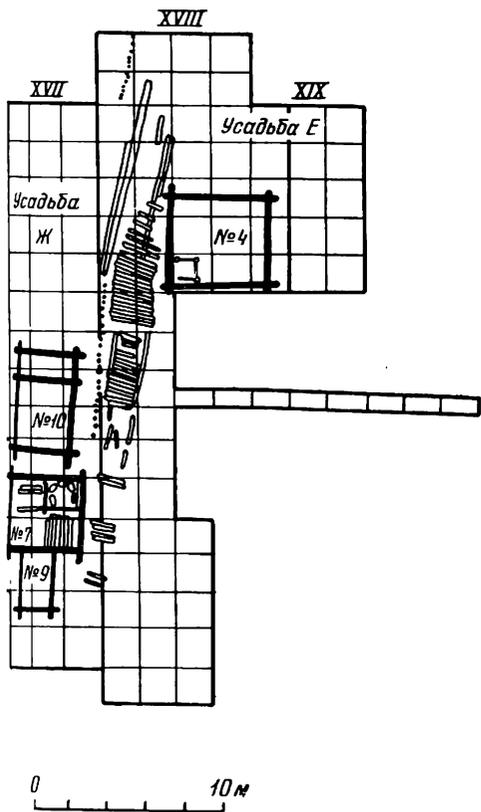
В усадьбе Д стояла двухкамерная жилая постройка (№ 15). Южная часть ее сохранилась на два неполных венца, северная часть — на один. Печь не сохранилась. По центру северной стены сеней — крылечко, обращенное в сторону реки.

В срубе много бытовых находок: шиферные пряслица (10), бронзовые вещи: литая шумя-

щая подвеска, имитирующая многоспиральную проволочную (рис. 5, 4), и заготовка для дровяного браслета, бубенчик однопрорезной шаровидный. Найдены также роговые гребни двусторонние типа Н (2 экз.), ткацкий челнок (см. рис. 45, 2), обломок ложки. Изделия из прозрачного стекла представлены бусами (12) и дном воронкообразного кубка.

Второй строительный период связан с расширением границ усадьбы Г, присоединившей к своим владениям и территорию усадьбы Д; частокол, разделявший их, уничтожен. Кроме западной, другие границы усадьбы не установлены.

Постройки усадьбы Г состоят из четырех расположенных в один ряд с севера на юг соору-

жений: клетки, жилой избы, сеней, служивших хлевом, и амбара (постройки 16—19). Возможно, все они были объединены одной кровлей (рис. 35). Клеть однокамерная размером $2,5 \times 2,4$ м, рублена из сравнительно тонких (0,10 м) бревнышек; под три стены подложены нивелирующие подкладки (свыше 22). Пол из тесн, уложенных в направлении северо-запад—юго-восток, сильно разрушен. Печи не было. Сруб клетки сохранился на один венец. Возможно, что вход в клеть был с северо-запада, из сеней. Сруб сеней не сохранился, но вдоль западной стены клетки и до северо-западного угла дома лежал настил из 7 крупных и толстых тесн, уложенных в направлении северо-восток—юго-запад, т. е. так же, как и тесины пола в доме. Клеть конструктивно не соединена с жилым домом, но непосредственно примыкала к нему.

Дом однокамерный, рублен из бревен диаметром 0,35 м, сохранился на два неполных венца. Размер сруба $5,4 \times 4,7$ м. Под три венечных бревна и два угла дома уложены мощные нивелировочные подкладки. Прекрасно сохранился пол из 19 крупных тесн толщиной до 0,3 м, плотно пригнанных друг к другу и положенных в направлении северо-восток—юго-запад на две боковые переводины. Печь на срубном подпечье размером $2 \times 1,7$ м занимала юго-восточ-

ный угол. По периметру пода уложены 4 вала на диаметром до 0,5 м. Они лежали на подсыпке из песка толщиной 0,1 м.

В границах клетки и дома, особенно в последнем, много бытовых находок, свидетельствующих о достатке их владельцев. Отсюда происходят шиферные пряслица (7), обломки стеклянных браслетов (7) и бус (11), овальное кресало; бронзовые предметы: чашка от весов, перстни ложновитые (2), крестики из сланца (2); костяные вещи: ложка (см. рис. 63, 2), гребень типа К и Т-образная рукоять, обломки амфор, кусочки слюды от оконниц.

С юга к дому примыкали мощные сени. Размер замощенной площади свыше 16 кв. м. Настил из 30 бревен диаметром 0,15—0,1 и длиной 4,20 м уложен параллельно южной стене дома на основании из 6 лаг. Судя по слою навоза на настиле, сени использовались как хлев или конюшня. С востока, у края пастила, вкопаны столбы (сохранились три), возможно от плетневой стены. Вход во двор был с северо-запада, где сохранились три массивных столба от ворот. Расстояние между северным и центральным столбами 0,85 м, между центральным и южным—1,12 м. С юга к настилу примыкала последняя постройка ансамбля—двухкамерный сруб размером $5,4 \times 3,2$ м, сохранившийся на два неполных венца. Диаметр бревен сруба 0,25—0,2 м. Размер большой камеры $3,4 \times 3,2$ м. В ней уцелело 4 бревна черного пола диаметром около 0,2 м, уложенных по длинной оси сруба. Верхний пол и печь отсутствовали. Бытовых находок немного, они сосредоточены у юго-восточного угла. Наиболее интересно серебряное трехбусиное височное кольцо с имитацией зерни, изготовленное в технике литья навывпеск (см. рис. 49, 12).

В двух метрах южнее сруба найдена часть амфоры-корчаги с процарапанной надписью «масло». Очевидно, в этой амфоре хранилось привозное оливковое масло³. Видимо, обширная постройка, рассмотренная выше, служила амбаром или складом.

Постройки владельца усадьбы Г, богатого феодала или торговца, стояли в глубине двора. Пространство между ними и улицей было замощено. Замощение производилось, очевидно, одновременно со строительством жилого и хозяйственного комплексов, так как настил везде плотно примыкает к стенам построек. Об этом же свидетельствуют и нивелировочные данные. Площадь, вымощенная накатником, равна 128 кв. м. Предварительно территория

³ Л. А. Голубева. Надпись на корчаге из Белоозера. СА, 1960, № 3, стр. 321—322.

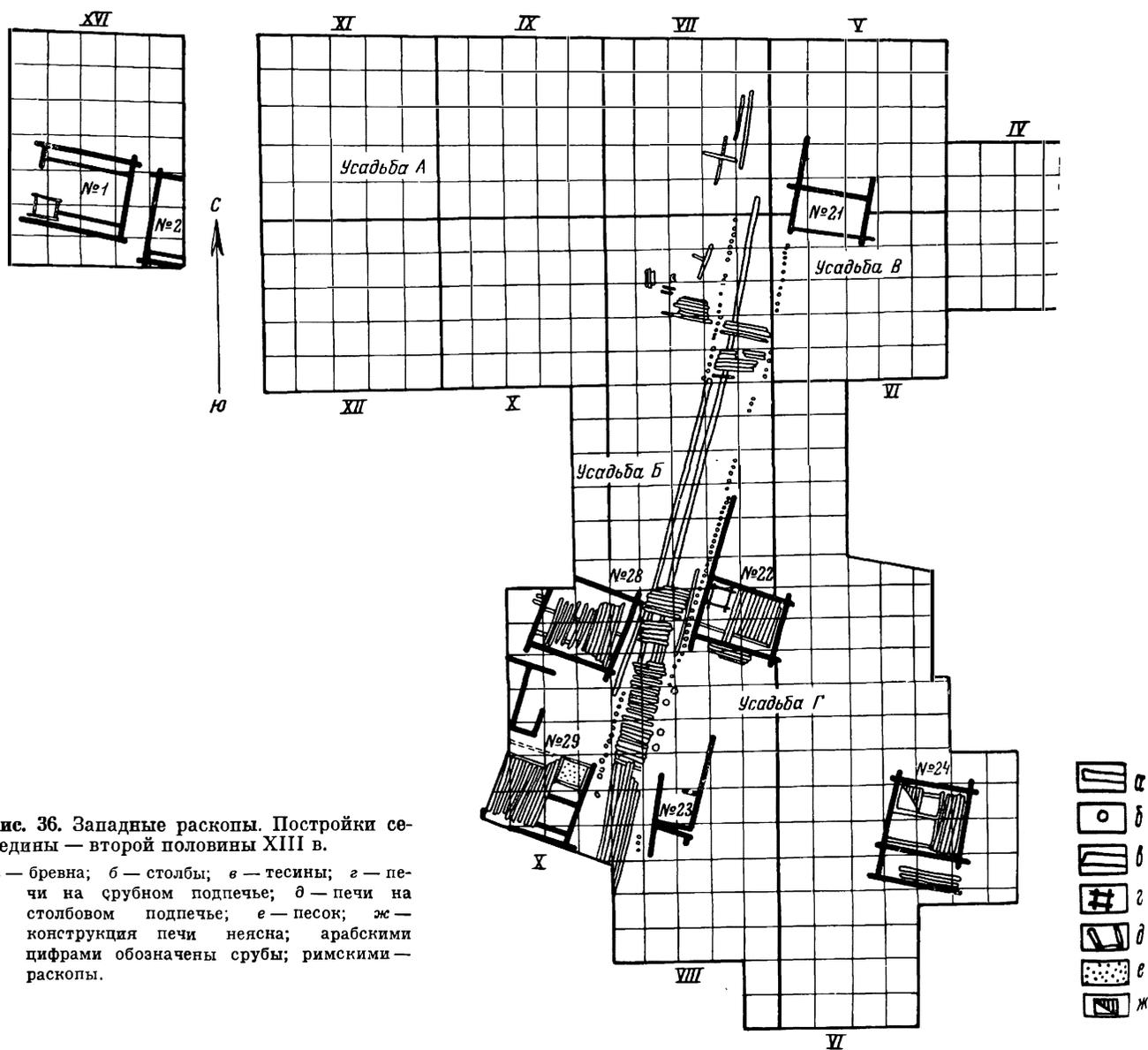

Рис. 36. Западные раскопы. Постройки середины — второй половины XIII в.

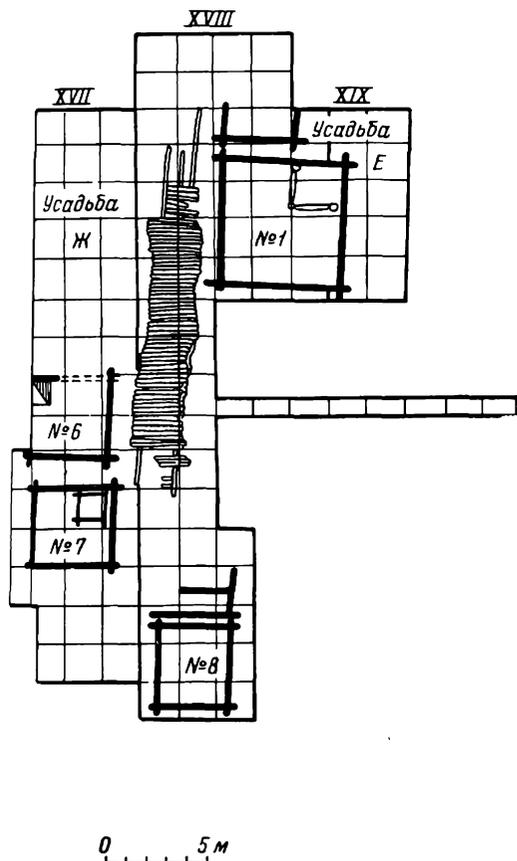
а — бревна; б — столбы; в — тесины; г — печи на срубном подпечье; д — печи на столбовом подпечье; е — песок; ж — конструкция печи неясна; арабскими цифрами обозначены срубы; римскими — раскопы.

двора была выровнена и засыпана песком. На него уложены 6-метровые лаги с расстоянием 0,4 и 1,4 м друг от друга, ориентированные в направлении северо-запад — юго-восток. Поверх лаг и перпендикулярно им были настланы бревна диаметром 0,15 — 0,1 и длиной 4,5 м. Въезд с улицы оформляли четыре массивных столба-верей диаметром 0,4 м. Расстояние между центральными столбами равно 1,2 м, между центральными и боковыми — немногим более 0,5 м. Вероятно, здесь были ворота и калитки. Основания столбов были вкопаны в культурный слой на 0,6 м и укреплены с четырех сторон горбылями.

На севере и юге от усадебных построек с мощеного двора были свободные проезды на зад-

ний, хозяйственный двор. Находок на настиле почти не было.

Третий строительный период. Он связан с сооружением второго яруса мостовой. Стратиграфически это верхняя граница второго горизонта культурного слоя. Верхний ярус мостовой сохранился хуже нижнего. Настил прослежен на протяжении 15 м (рис. 36). В северной и средней частях дороги сохранились лишь продольные лаги второго яруса и отдельные бревнышки настила. В южном конце дороги разрушенный участок верхнего яруса настила был подвергнут ремонту, но устлан не поперечным накатником, а длинными (около 6 м) бревнами, положенными вдоль полотна. Очевидно, в этот период жизни города содержание

в порядке мостовой было уже не под силу его жителям. Второй ярус мостовой настилался непосредственно над первым. Находок на мостовой, исключая бронзового булгарского замочка в виде конька, нет.

Еще до начала строительства второго яруса мостовой на усадьбе В прекращает существование постройка 5. На ее месте сооружаются два небольших дома. Восточный, № 20, определяется лишь по скоплению древесного тлена, остаткам бревен и тесин пола. Западный, № 21, прослеживается по юго-западному бревну нижнего венца длиной 4,5 м и двум сохранившимся углам — юго-западному и юго-восточному. К бревну примыкали 12 тесин пола, уложенных в направлении СВВ — ЮЗЗ. Дом погиб от пожара.

На усадьбе Г в это время прекращают существование постройки 16 — 19. Во втором строительном периоде на этой усадьбе возникают два жилых сруба: № 22 и 23 и одно жилище-мастерская (сруб 24). Дерево основания сруба 24 в плохом состоянии. Размер постройки $3,7 \times 3,6$ м. Фрагментарно сохранились две переводины. Пол из тонких бревнышек прослежен только в восточной половине постройки (14 шт.). Он настлан на подсыпку из серой глины. Развал печи-каменки — в северо-западном углу.

Конструкция основания печи (срубная?) осталась невыясненной. В развале печи и западнее ее обнаружены шлаки и крицы. В границах постройки найдены: 1 шиферное пряслице, 7 бусин, обломок стеклянных браслетов. Постройка ориентирована почти по странам света (10° на северо-восток — юго-запад).

Сруб нового жилого дома в северо-западной части усадьбы (№ 22) ставится над мощным двором. Это однокамерная постройка, сохранившаяся на один вепец. Северо-западное бревно ее длиной 8 м уложено параллельно мостовой, вдоль частокола. К нему прирублены северо-восточное и юго-западное бревна жилого сруба. Размер сруба $4,2 \times 3,5$ м, толщина его бревен 0,2 м, переводин — 4 м. Тесины пола (их уцелело всего 9) уложены в направлении северо-восток — юго-запад. Печь на срубном подпечье размером $1,8 \times 1,8$ м занимала северо-западный угол. Подпечье имело подушку из песка, у печи лежал жернов. С юго-запада к дому, вероятно, были прирублены сени. От них сохранились только 4 наполовину разрушенные тесины, ориентированные в направлении западо-северо-востоко-юг.

В доме и по соседству с ним много бытовых находок и среди них — конусовидная печать из кости с изображением птицы (рис. 37, 3а — в).

В пяти метрах к юго-западу от этой постройки возникает еще одна постройка, видимо жилая (23), судя по развалу печи. Однако от нее сохранилось лишь восточное бревно длиной 6 м, лежавшее в трех метрах от мостовой и параллельно ей.

На усадьбе Б со вторым ярусом мостовой связаны основания двух построек — кузниц (№ 28 и 29 — см. стр. 122).

В раскопах XVII — XIX второй горизонт культурного слоя характеризуется сооружением первой мостовой и оформлением новым частоколом уличного проезда между усадьбами Е и Ж. В этом горизонте можно отметить два строительных периода.

Первый строительный период. Сруб 11 на усадьбе Е разобран, и мостовая прошла над его остатками. Сруб 4 продолжал существовать и после настла мостовой. О том, что он к этому времени простоял не менее четверти века, свидетельствует несовпадение ориентировки сруба и настла и то обстоятельство, что отложившийся за это время культурный слой закрыл два нижних венца сруба (рис. 35).

Мостовая. Принцип ее устройства тот же, что и в раскопах IV — XII. В основании уложены продольные лаги длиной около 10 м. Расстояние между ними равно 1,7 м. Лаги ориентированы в направлении северо-восток — юго-запад; настил из тонких бревнышек ориен-

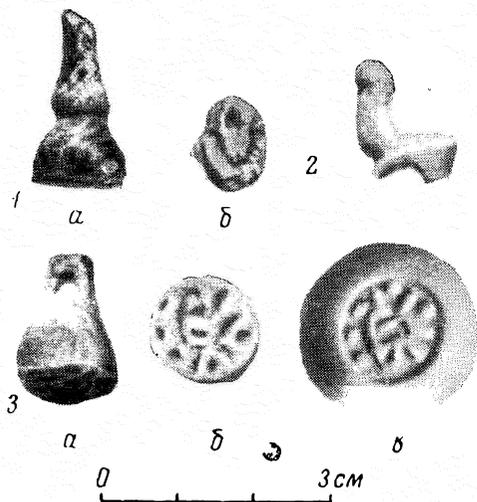

Рис. 37. Изделия из рога

1 — печать, раскоп XXXII (а — вид сбоку; б — вид сверху);
2 — зооморфная фигурка, раскоп XXXVII; 3 — печать, раскоп VI (а — вид сбоку; б — вид снизу; в — оттиск из пластилина)

тирован перпендикулярно лагам. Ширина настила около 2,5 м. Первоначальная длина мостовой была не менее 36 м. Впоследствии южный ее конец был разобран.

Следует отметить, что при пожаре дома 4, очевидно, пострадал и участок мостовой возле дома. После разборки сгоревшего сруба и нивелировки площадки часть мостовой была покрыта заново более толстыми и длинными бревнышками, уложенными вплотную к остаткам сруба. При постройке мостовой частокол 1195 г. разрушен. Обе усадьбы (Е и Ж) по обе стороны мостовой обнесены новым частоколом.

Усадьба Ж. Здесь сооружаются две двухкамерные постройки (7 и 10). В качестве фундаментной основы используется ствол сосны свыше 14 м длиной, уложенный в направлении северо-восток — юго-запад с наружной стороны разрушенного в верхней части частоккола 1195 г. В четыре чашевидные вырубки в стволе вложены восточные концы бревен различной длины, очевидно в качестве дополнительных опор — подкладок под срубы постройки 10 (если не более древней несохранившейся постройки). В месте укладки этих опор бревна частоккола выдернуты. Сруб постройки 10 двухкамерный (5,7 × 4 м), одновенечный, цельнорубленный; печь на срубном подпечье (?) разрушена. Судя по слабым остаткам тесин пола, уложенных в направлении север—юг, вход в постройку был с севера, из сеней. Вход в сени был с востока.

Сруб 7 также двухкамерный, но раздельный. Жилой сруб (4,5 × 3,8 м) сохранился на два вен-

ца. В его северо-восточном углу печь на срубном подпечье (1,6 × 1,6 м), утрамбованная глиной. На подпечье 6 крупных валунов, уложенных по кругу с разрывом к югу, где было устье печи. Тесины пола у печи также уложены в направлении север — юг. Около печи жернов. В северо-западной половине дома половицы были уложены в направлении восток—запад (рис. 35). К срубу прирублена постройка 9 (3 × 2,4 м) без пола и печи, представляющая собой, очевидно, сени. От нее уцелел только нижний венец. В срубе постройки 7, несомненно жилым, в то же время производились работы, связанные с процессом цементации железа в горшках и литьем цветных металлов. Около печи найдены скопления стекловидных шлаков и два обломка льячки в форме птички, покрытых натесками черной стекловидной массы. В постройке 7 и культурном слое, связанном с первым ярусом мостовой, найдены 25 обломков стеклянных браслетов, один обломок перстня из зеленого стекла, 16 бусин из прозрачного стекла (желтые, синие, фиолетовые), изделия из кости: шашка, точеная на токарном станке (рис. 38, 11), ложка с узким граненым черенком, украшенным резной плетенкой и зигзаговыми линиями (см. рис. 63, 4).

Второй строительный период связан с сооружением второго (верхнего) яруса мостовой. Сохранившийся участок мостовой составляет всего 20 м. Мостовая была уложена непосредственно на пастил первого яруса. Основанием ее служили три длинные лаги; расстояние между крайними составляло 1,7 м. Поперек лаг — накатник из круглого тонкого (диаметром 0,1—0,15 м) леса длиной около 2,7 м. По обе стороны дороги по-прежнему высились заборы, разделявшие усадьбы Е и Ж (рис. 36).

Усадьба Ж. Здесь сохранился южный сруб постройки 7, а сруб 10 был разобран и перестроен. На его месте возникла однокамерная жилая постройка 6 размером 4,8 × 4,6 м. При этом южное и восточное бревна нижнего венца старого сруба использованы как фундаментные опоры, но поверх них были уложены вплевливающие подкладки. Печь, вероятно, находилась в северо-западном углу.

В усадьбе Е на месте сруба 4 сооружен сруб 1. Это однокамерная постройка размером 7 × 6,4 м, сохранившаяся на один венец. Под западное, северное и восточное бревна сруба подведены вплевливающие подкладки. Печь на столбовом подпечье (2,6 × 2 м) находилась в северо-восточном углу. Как и в срубе 4, столбов было три. Под утрамбован светлой глиной. Пол не сохранился. С севера к дому примыкала в качестве отдельного сруба хозяйственная постройка — хлев. Ее размер по сохранившемуся южному

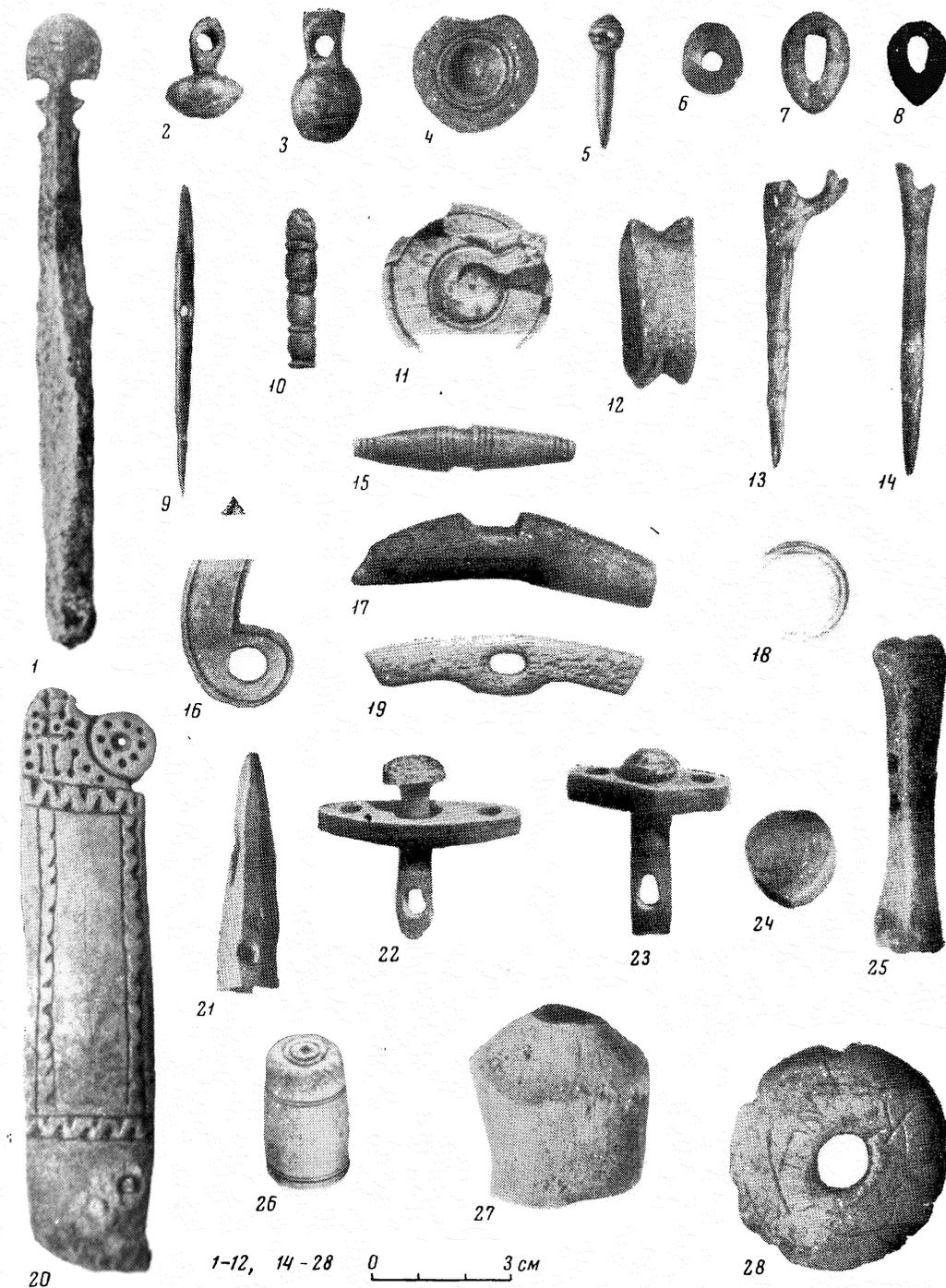

Рис. 38. Изделия из рога и кости

1, 16, 20 — накладки;	6 — 8, 24 — накладки и обоймцы	14 — проколка;
2, 3, 15, 18 — пуговицы;	к деревянным рукоятям;	17, 19, 21, 25 — поделки;
4, 11 — шашки;	9 — игла;	22, 23 — вертлюги;
5, 10, 13 — булавки;	12 — игральная кость;	26—27 — наперстки;
		28 — срез эпифиза со знаками

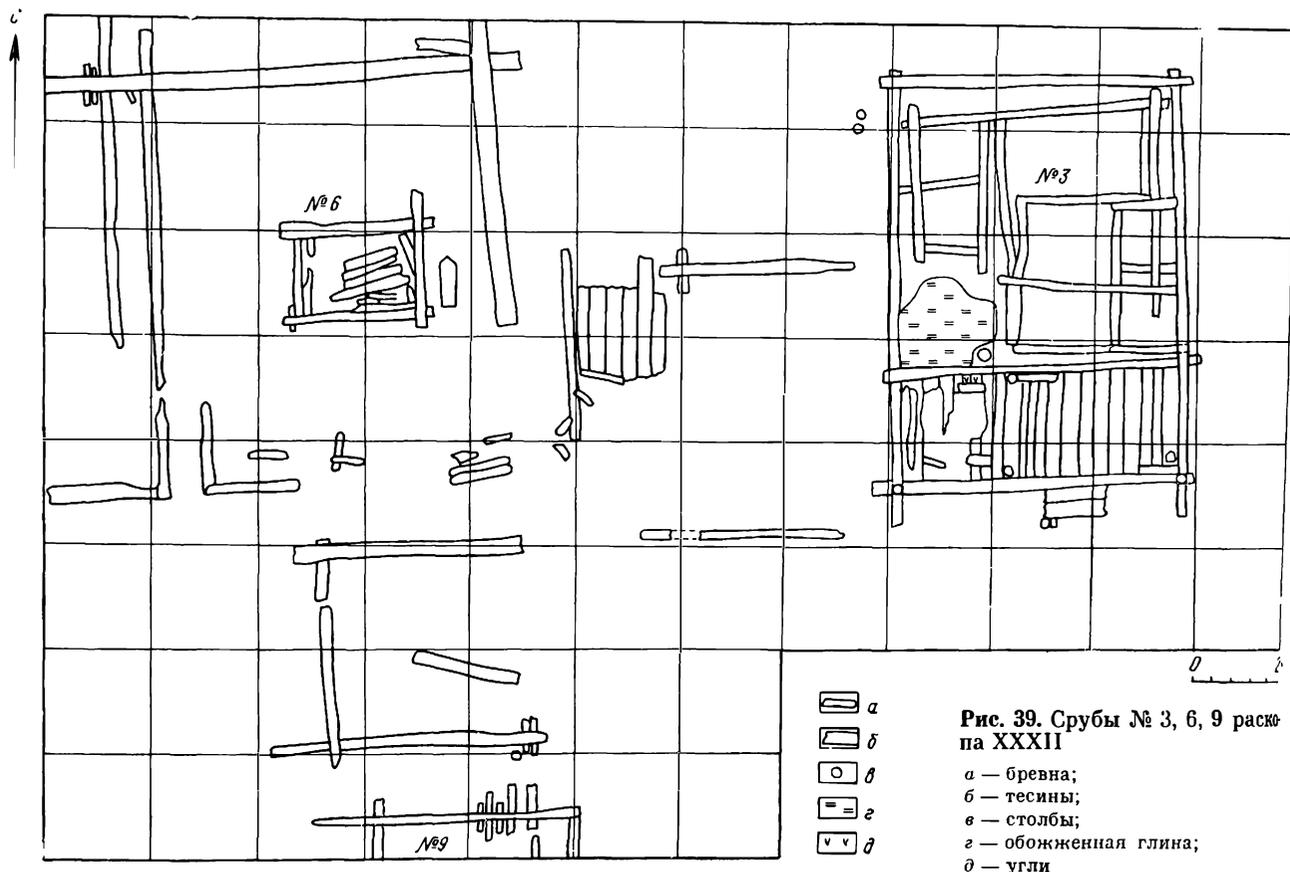

Рис. 39. Срубьы № 3, 6, 9 раскопа XXXII

а — бревна;
 б — тесины;
 в — столбы;
 з — обожженная глина;
 д — угли

бревну — 3,2 м, северная часть разобрана. В южном конце усадьбы Ж возникает однокамерная постройка 8 размером 4,5 × 3,7 м. От нее сохранились только нижний венец и остатки переводины, пол и печь отсутствуют.

С севера располагался отдельный сруб — вероятно, сени; бревна его плохо сохранились, и полная величина постройки неизвестна.

В постройках, связанных с верхним ярусом мостовой, найдены 4 двусторонних наборных гребня типа О и один двусторонний цельный типа Н с резным изображением двузубца с крестом (рис. 15, 13).

Интересны изделия из бронзы: литой перстень с печаткой (см. рис. 49, 18), шаровидный бубенчик с ливнейной прорезью (рис. 49, 1), крышка из листовой меди с приклепанной сверху ручкой. Собрано 12 бусин из прозрачного (желтого, синего, фиолетового) стекла и 19 обломков стеклянных браслетов.

В раскопе XXXV второй горизонт культурного слоя содержал остатки постройки 2, размеры которой, судя по мощному пласту древесного тлена, составляли не менее 6 × 6 м. Однако сохранились лишь фрагменты южного бревна сруба и 5 тесин пола. Здесь найдены

гребень из рога типа Н, два шиферных пряслица с отверстием 0,6 см, бусина зонная прозрачного стекла.

ТРЕТИЙ ГОРИЗОНТ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ

В раскопе XXXII в этом горизонте можно различить не менее трех строительных периодов. Древнейшими постройками являются срубьы 3, 6, 9, дерево которых сохранилось плохо и непригодно для анализа (рис. 39).

Сруб 6 в северо-западной части раскопа — одноярусный, двухкамерный (?). Западная часть сруба за границей раскопа. Размер жилой камеры сруба 7,7 × 6 м. Печь в центре, на срубном подпечье (2,6 × 1,4), сохранившемся на два венца. Пол подпечья из бревнышек, уложенных в направлении восток—запад и прикрытых пластом серой глины. Постройка 6 погибла от пожара. В этот период граница между усадьбами вновь не прослеживается. В 5 м к югу от сруба 6 — нижний венец постройки 9, вошедшей в раскоп только северо-западным и северо-восточным углами. Ширина сруба по северной стене 3,8 м. Под северное бревно уло-

жены 5 нивелирующих подкладок. В 7,2 м к востоку от сруба 6 — сруб постройки 3. Возможно, что этот сруб построен позже сруба 6. В отличие от всех предыдущих построек, он ориентирован по странам света. Сруб двухкамерный (7,6 × 5,4 м), сохранился на один венец. Печь на столбовом подпечье (1,6 × 1,3 м) помещалась в юго-западном углу. Остались только два столба подпечья. В сенях сохранились две боковые переводины и настил пола, состоящий из 15 целых и 6 обломанных тесин, уложенных в направлении север — юг. С юга к срубам примыкал настил из двух тесин, вероятно от крыльца, лежащих по линии восток—запад. Особенности постройки 3 являются «студья» диаметром до 0,25 м, поставленные под юго-западным и юго-восточным углами и южным бревном сруба. В границах срубов 6 и 3 и в культурном слое много бытовых вещей. После прекращения существования построек 3, 6, 9 на месте сруба 3 возводится сруб 4, который — в свою очередь сменяется срубом 1, а над остатками сруба 6 ставится сруб 2.

Развал печи постройки 2 выступал прямо под дерном. Сруб 2 сохранился на неполный нижний венец, представлявший собой волокна древесного тлена; его северная часть осталась за пределами раскопа. Неполная длина сруба 6,2 м; ширина по южной стороне 5,7 м. Сохранились две переводины. Пол уничтожен. Печь на столбовом подпечье из четырех столбов (2,8 × 2,6 м) занимала юго-восточный угол. В пазы столбов вставлялись тесины стенок подпечья; сохранились два венца тесин. Настил пола подпечья состоял из тесин, уложенных в направлении восток — запад. Сверху настила лежала сырая глина пластом до 0,4 м, затем камни, составлявшие под печи; они в свою очередь были обмазаны глиной. В границах сруба 2 найдены около 40 обломков стеклянных браслетов, часть перстня из зеленого стекла, 5 шиферных пряслиц, витой бронзовый браслет (2 × 3 см) и много других вещей.

В 12 м к востоку от сруба 2 располагался сруб 4, который, так же как и сруб 2, вошел в раскоп только своей южной частью. Дерево нижнего венца сруба почти совсем сгнило. Неполные размеры сруба 6 × 3,5 м. Срубы 2, 3 и 4 ориентированы одинаково — по странам света. Сруб 1, возможно, сосуществовал со срубом 2. Обе постройки составляли, вероятно, первый от реки ряд построек набережной улицы. Их отделяло друг от друга свободное пространство в 12 м. Дерево сруба 1 едва заметно, в виде волокон. Более отчетливо выявлены южное бревно, а также юго-восточный и юго-западный углы сруба. Ширина сруба по южному бревну 4,8 м, длина 6 м (?). Печь на стол-

бовом подпечье (1,2 × 1,5 м) находилась у западной стены.

Третий горизонт культурного слоя обилён бытовыми находками, в том числе многочисленными серийными изделиями, сообщающими ему надежную дату. Так, в пластах, отложившихся в течение двух первых строительных периодов этого горизонта, найдено множество изделий из прозрачного стекла: 75 обломков браслетов, 4 перстня (зеленых и бирюзовых), 76 бусин (бирюзовых, фиолетовых, зеленых, желтых), глиняные изделия с желтой поливой (косточки от счетов, погремушки) (см. рис. 60, 3, 6), 14 двусторонних гребней с преобладающим наборных (типов О, К, Н); овальное стальное огниво, бронзовая шумящая подвеска-птичка (рис. 5, 1). Вещи позволяют датировать этот горизонт в пределах XIII в.; стратиграфически же постройки двух первых строительных периодов можно отнести к середине XIII в.

На поверхности раскопа, под дерном, в первом пласте, отложившемся за время существования построек 1 и 2 (третий строительный период), найдены 75 обломков стеклянных браслетов, 1 обломок перстня, 6 бусин, 2 овальных кресала, 4 наборных двусторонних гребня типов О, К, Ж и многое другое. Отсюда происходят также вещи, датирующиеся XIII и XIV вв. Таковы перстень с изображением руки (см. рис. 51, 4), красноглиняная игрушка-баран (см. рис. 61, 5), среднеазиатская поливная посуда (см. рис. 66, 6) и др. Здесь же найдены две превосходные роговые рукоятки шильев (одна с футляром), украшенные прекрасной резьбой (см. рис. 45, 1, 5).

В раскопе XVI третий горизонт культурного слоя содержал развалы печей-каменок двух построек, ориентированных по линии северо-восток — юго-запад. Дерево нижнего венца срубов сохранилось фрагментарно, в виде волокон. Постройка 1 имела размеры 4,6 × 4,3 м. Прослежены одна центральная и две боковые переводины и фрагменты 5 тесин пола. Пол уложен на подсыпку из глины. Печь-каменка на срубном подпечье (2 × 1 м) стояла в юго-западном углу.

Постройка 2 на расстоянии 1,2 м восточнее первой, входила в раскоп только северо-западным и юго-западным углами. По западному бревну ее длина равна 5,5 м. Пола и печи в исследованной части постройки не было. Связь между этими соседившими срубам (сени?) не выяснена. В границах построек и рядом с ними найдены шиферные пряслица (4), тесло, замки и ключи типов В (4) и Г (1); стеклянные браслеты (27), перстень (1), бусины (4), бронзовые вещи: энколпион, обломок крученой гривны, височное проволочное кольцо; изделия

из глины: обломок посуды с желтой поливой, косточки от счетов (2), покрытые желтой же поливой, пряслице, двусторонние гребни из рога типов М (1) и О (1) и т. д.

В раскопах IV—XII третий горизонт культурного слоя отложился над остатками мостовой. Дерево построек сохраняется только в виде тлена.

В юго-восточной части усадьбы Г в это время была разрушена постройка 24 и возникла постройка 25. Длина дома 6,3 м. Его конструкция не ясна. Полный размер не установлен, так как большая часть здания уходила за восточную границу раскопа. Сруб одновенечный. Печь помещалась в северо-западном углу. Как печь, так и пол не сохранились. В границах постройки очень много бытовых находок: шиферные пряслица (6), около 40 бусин из прозрачного (желтого, фиолетового) стекла, обломки браслетов и перстня, медальон из такого же фиолетового стекла в биллоновой оправе (см. рис. 49, 4), каменный крестик и др.

В непосредственной близости к дому и так же ориентированные располагались две клетки, сохранившиеся на один венец. Сруб 26 размером 2×2 м, сруб 27, почти примыкавший к предыдущему с востока, имеет размеры $3,5 \times 2,8$ м. В обоих срубах пол состоял из плотно утрамбованной серой глины.

Можно предполагать, что в это время на усадьбах А, Б и В продолжал существовать комплекс производственных сооружений. Так, на усадьбе А, вероятно, стояли кузница и горн. Кузница сгорела. Сохранилась часть настила пола из тонких бревнышек, положенных в направлении северо-запад — юго-восток, обмазанных глиной. С северо-запада к постройке примыкал горн, полностью разрушенный (см. стр. 119).

На усадьбе В построек не сохранилось, но скопления криц и шлаков найдены и здесь.

В этот период Белоозеро, непрерывно подвергавшееся нападениям новгородцев, очевидно, усиленно развивало собственную металлургию железа для нужд обороны.

В раскопах XVII—XIX третий горизонт культурного слоя также отложился выше мостовой. На месте северного конца мостовой возникла маленькая жилая однокамерная постройка ($3,6 \times 3,2$ м) с печью в юго-западном углу. Постройка (№ 9) сохранилась на один венец. Дерево сруба в плохом состоянии, распадалось при расчистке, печь разрушена. Около нее найдены костяная рукоять ножа и три шиферных пряслица с диаметром внутреннего канала 0,5—0,6 см.

В пяти метрах к северу от постройки 9 сохранилась часть нижнего венца еще одной по-

стройки. Длина ее по южной стороне 5 м. Это самая северная постройка раскопа, стоявшая у реки.

Жилые постройки последнего периода жизни города не сохранились. Так же как и на соседнем участке, здесь в это время, видимо, был квартал металлургов. Развал одного горна обнаружен непосредственно под дерном. Камни, уголь, куски обожженной глиняной обмазки лежали слоем до 0,2—0,3 м (см. стр. 119).

В третьем горизонте культурного слоя найдены навесной замок типа Е (XV в.), обломок шпоры с репейкой, овальные кресала (2), сви-стулька в виде птички из красной глины (см. рис. 60, 7), двусторонние наборные костяные гребни (5) типа О, подкова, коса, пластинчатые дужки ведер, типологически сходные с новгородскими из слоя XIII в.

В третьем горизонте культурного слоя раскопа XXXIV сохранились лишь линзы сырой глины, следы разрушенных печей, волокна дерева. Находки немногочисленны: слиток (см. рис. 47, 6), два обломка стеклянных браслетов, два шиферных пряслица. Под дерном обнаружены обломок шпоры с колесиком, часть цилиндрического замка, шлаки.

Этот участок древнего города мало застраивался. Возможно, он входил в состав двора или огорода усадьбы.

ВОСТОЧНЫЕ РАСКОПЫ

Раскопы XXX и XXXI заложены на расстоянии 240 м от Васильевского ручья и в 36 м к югу от Шексны, на двух соседних всхолмлениях. В раскопе XXX вскрыто 100 кв. м, в раскопе XXXI — 48 кв. м. Стратиграфия раскопов одинакова, поэтому мы рассмотрим их совместно.

Древнейший (первый) горизонт культурного слоя — темный суглинок со щепой и остатками срубов. Сохранность дерева хорошая, взяты спилы для дендрохронологического анализа. Мощность горизонта 0,4—0,6 м. До получения дендрохронологических данных мы воздержимся от его датировки, но, по-видимому, древнейшие постройки здесь возникли позже, чем в центре города, вероятно, в XIII в.

Второй горизонт культурного слоя — темный суглинок с перегнившим деревом. Содержит остатки плохо сохранившихся построек. Мощность 0,2—0,4 м.

Третий горизонт культурного слоя — темный гумусированный суглинок с прослойками угля, золы, сырой и обожженной глины и камней от разрушенных печей. Дерево не сохранилось. Поверхность распахана и задернована. Мощ-

ность горизонта 0,8 м. Вероятная дата 2-го и 3-го горизонтов культурного слоя обоих раскопов — XIII—XIV вв.

В раскопе XXX первый горизонт культурного слоя разделяется на два строительных периода.

Первый строительный период. Древнейшей постройкой раскопа на границе слоя со щепой и материком являлся сруб 5, от которого сохранились только северное и южное бревна. По вырубам-чашкам размеры сруба определяются в $4,5 \times 3,2$ м. Сруб ориентирован в направлении северо-восток — юго-запад. В нем найдены роговой двусторонний гребень типа М с циркульным орнаментом, рукоять ножа, части деревянных обручей, блюдца, поплавок из коры с вырезанным изображением натянутого лука со стрелой (рис. 29, 9). В раскопе XXXI в этом горизонте сохранились только отдельно лежащие бревна и часть вымостки. Находок, кроме круговой керамики, нет.

Второй строительный период (раскоп XXX). На месте сруба 5 ставится ориентированный так же сруб 4. Его древесина сохранилась значительно хуже. Сруб 4 однокамерный ($6,2 \times 5,5$ м). Северная стена сохранилась на два венца, остальные — на один, местами бревна утрачены. Под нижнее северное бревно подложены вивелирующие подкладки (11); в некоторых местах под бревнами лежали куски бересты. Переводины и пол разрушены. Печь в северо-восточном углу на столбовом подпечье размером $1,6 \times 0,9$ м. Столбов — 4, в пазы их вставлены доски. Подпечье забито глиной, поверх которой лежали камни, среди них два валуна диаметром 0,6—0,4 м. Возможно, с запада к дому был приставлен сруб сеней. В границах постройки и рядом с ней найдены 3 бусины из желтого прозрачного стекла, 3 шиферных пряслица, поплавок и грузила из бересты.

Второй горизонт культурного слоя связан с сооружением постройки 3 в северо-восточной части раскопа XXX. Жилой сруб 3 одновенечный ($4,26 \times 4,2$ м). Ориентирован так же, как и предшествующие постройки. Бревна частично разрушены. Переводины (4) и пол в значительной мере утрачены. Фрагментарно сохранившиеся тесины пола уложены вдоль южной стены в направлении западо-север — востоко-юг. Печь в юго-западном углу была сооружена на подушке из глины размером $1,6 \times 1,6$ м и

толщиной 0,4 м. Конструкция ее не ясна. Находок в срубе 3 и рядом мало: три роговых гребня типа К, 6 шиферных пряслиц, 6 бусин из прозрачного стекла (желтого, синего, зеленого), 1 обломок стеклянного браслета, 1 рабочий топор, 2 тигелька. Постройка сгорела.

В раскопе XXXI к этому горизонту культурного слоя относится постройка 1. Она ориентирована так же, как постройка раскопа XXX, — на северо-восток — юго-запад. Это одновенечный однокамерный сруб размером $4,4 \times 2,8$ м. Дерево сруба в плохом состоянии. Нижний венец сруба был поставлен на подсыпку из серой глины. Фрагментарно сохранились тесины пола, уложенные вдоль стены сруба. Печь разрушена. Находок в срубе не было.

Третий горизонт культурного слоя. Раскоп XXX. Здесь выделяются два строительных периода. К первому относятся слабые следы постройки 2, от которой сохранились северо-западный и северо-восточный углы и часть северного бревна нижнего венца. Размер северной стены сруба 4 м. Печь разрушена. Находки, связанные с постройкой: гребень двусторонний, наборный типа О, ложка роговая с изображением уточки (см. рис. 63, 6), два кочедыка, глиняное пряслице, 4 обломка стеклянных браслетов, рабочие топоры (3), глиняный плоскостонный тигелек. Ко второму строительному периоду относятся едва заметные следы постройки 1, вошедшей в раскоп юго-западным углом. Сруб был возведен на подсыпке из желтой глины.

В раскопе XXXI в третьем горизонте культурного слоя сохранился только развал печикаменки. В культурном слое здесь обнаружены: 9 шиферных пряслиц и одно глиняное, ложка литейщика (см. рис. 47, 1) и чашевидный тигель, 6 обломков стеклянных браслетов и роговой кочедык.

Под дерном найдены замок типа В и обломок шпоры с репейкой.

Оба раскопа показали, что этот восточный район прибрежной части Белоозера был слабо застроен. Бедность находок свидетельствует о весьма среднем достатке горожан; среди них были ремесленники-металлурги и рыболовы. В обоих раскопах найдено 3 кочедыка для плетения сетей, 17 глиняных и 11 камешных грузил, 5 грузил с берестяным оплетением и 13 поплавков из бересты и коры.

Глава пятая

ПОСТРОЙКИ БЕЛООЗЕРА X—XIII ВВ.

Несмотря на значительное количество остатков деревянных построек, открытых при раскопках, лишь небольшая часть их дошла до нас в виде целиком сохранившихся нижних венцов срубов, по которым можно судить об их размерах и назначении.

Жилых срубов, сохранившихся на один-два (редко больше) венца, на Белоозере обнаружено 37, хозяйственных построек (хлева, клетки, амбары) — 11, построек производственного назначения — 10. Еще 48 построек представляют собой остатки полуразобранных, сгоревших или вошедших в раскоп частично срубов, относительно которых нет сведений об их полных размерах.

Строительным материалом на Белоозере служила сосна. Обычно для жилых срубов употреблялись бревна диаметром 0,25—0,35 м. Однако в трех случаях жилые срубы были возведены из сосен двухсотлетнего возраста с диаметром 0,4—0,5 м. Срубы рубились всегда в обло и ставились на землю, как правило, без угловых столбов или фундаментных сооружений. В отдельных случаях под бревна нижних венцов подводились нивелирующие фундаментные подкладки. Для предохранения от сырости применялась глинисто-песчанная засыпка грунта. В некоторых случаях под нижние венцы подкладывались куски бересты, ею же оборачивали углы срубов.

Мы лишены возможности дать сравнительный обзор построек Белоозера по хронологическим этапам в силу неравномерной их сохранности и малочисленности фактического материала. Так, к древнему горизонту Белоозера относится всего два сохранившихся на один венец сруба. Еще о 14 постройках этого горизонта мы располагаем лишь отрывочными сведениями, а о конструкции наиболее ранних (с очагами) не можем сказать ничего определенного. Поэтому в настоя-

щем обзоре мы ограничимся характеристикой основных типов построек, обращая внимание на местные особенности в домостроении.

ЖИЛЫЕ ПОСТРОЙКИ

Основными конструктивными признаками жилых построек, по П. И. Засурцеву, являются наличие печей, сеней, завалины, устройство пола, толщина бревен и некоторые другие¹.

На Белоозере встречены печи трех типов: на срубном опечке, столбовом опечке и глинобитные на срубном подпечье. Последние встречены только в производственных постройках. Печикаменки на срубных опечках численно преобладали и встречались как в производственных, так и в жилых постройках. В 14 жилых срубах эти печи помещались в углах, в двух жилищах — в мастерских и одной производственной постройке — в центре избы. Кроме того, такие печи не менее 5 раз встречались в разрушенных постройках.

В зависимости от величины жилой камеры размеры срубного подпечья варьировали от 1,8×1,8 до 2,4×1,7 м. В производственной постройке 10 раскопа XVI сруб подпечья достигал размера 3,1×2,4 м.

Сруб подпечья рубился в обло, обычно в два три венца. Пол его настлался из бревнышек или тесин; последние иногда покрывались берестой, сверху которой набивалась сырая глина. Поверх глины укладывались камни пода, по периметру подпечья — крупные валуны, иногда 0,4—0,5 м в диаметре.

¹ П. И. Засурцев. Усадьбы и постройки древнего Новгорода. МИА, № 123, 1963, стр. 52.

Столбовые печки всегда помещались в углах избы. В столбах (обычно 3 или 4) вырубались с двух сторон пазы, которые забирались досками или тесинами на два-три венца. Размеры столбовых печек — $1,5 \times 1,5$; $1,6 \times 0,9$ м. Затем пол печка выкладывался бревнышками или тесинами, набивался сырой глиной, поверх которой выкладывались камни.

На Белоозере обнаружено 8 печей на столбовых печках; только две из них из горизонта конца XII в., остальные относятся к XIII в. Преобладание в жилых домах Белоозера с древнейшего горизонта печей-каменок на срубном подпечье, вероятно, представляло собой местную традицию. В Новгороде, например, с горизонта X в. печи в жилых домах ставились исключительно на столбовых печках, а срубные печки встречены только в постройках производственного назначения².

По наличию или отсутствию сенией, а также характеру их связи с жилым срубом П. И. Засурцев выделил 4 типа жилых построек древнего Новгорода. Все они есть и на Белоозере.

К первому типу относятся двухкамерные постройки или избы-пятистенки с врубленной бревенчатой перегородкой, в которых жилая изба и сени составляют единый комплекс. П. И. Засурцев справедливо считал этот тип построек характерным уже для горизонта X в. На Белоозере он также присутствует с горизонта первой половины X в. (фрагментарно сохранившийся сруб 3 раскопа ХХIII 1959 г., длиной 10,75 м). Общая длина двухкамерных построек варьирует в пределах от 6 до 10,75 м. Обычный размер жилой камеры — $3,4 \times 3,2$ м; $4,2 \times 3,5$ м; $4,8 \times 3,8$ м. В самых больших домах размер жилой избы был равен 6×8 или $7,5 \times 5,8$ м. Ширина сенией обычно составляла 2—3 м.

Все основные особенности построек этого типа хорошо раскрываются уже в древнейшей, полностью исследованной двухкамерной постройке раскопа XL из горизонта второй половины X—начала XI в. — сруб 6. Сруб одновенечный, рублен из бревен диаметром 0,25—0,3 м. Размер сруба $7,2 \times 4,8$ м (жилая изба — $5,2 \times 4,8$ м; сени — $4,8 \times 1,8$ м). С трех сторон сруб окружен рубленными в обло бревнами, которые можно рассматривать в качестве бревен завалин или, скорее, фундаментной обвязки. С севера и запада эти бревна сохранились на два венца. Южные бревна жилого сруба и сенией врублены в восточное и западное бревна фундаментной обвязки. Вход в постройку был с широкой стороны сенией, с юго-запада, о чем свидетельствуют остатки половиц, уложенных «по

ходу» как в сенях, так и в избе³. Переводины не сохранились, но вдоль длинных бревен сенией вбиты 8 столбов, на которых они могли лежать. Внутри жилой камеры 28 столбов. Самые крупные (0,2 м в диаметре) забиты по внутреннему периметру трех сторон сруба — восточной, южной и западной (12) и два — у северной стены. Остальные, расположенные без видимой системы, могли иметь отношение к двум средним переводинам пола или к несохранившейся печи. Судя по мощной фундаментной обвязке, можно предположить, что постройка имела второй этаж.

Двухкамерная постройка 15 усадьбы Д начала XIII в. (раскоп VI 1957 г.) сохранилась очень плохо. Ее общие размеры $5,2 \times 3,6$ м. Жилая камера равна $3,4 \times 3,2$ м; ширина сенией — 1,8 м. Последние сохранились на один венец; изба — на два неполных венца. Под северо-западный угол сруба подведен столб диаметром около 0,4 м; под западное бревно — 8 нивелирующих подкладок. Переводины, вероятно, были боковые. Пол разобран, печь тоже. В сенях переводины и пол также отсутствуют. По центру широкой (северной) стены сенией — крылечко. Оно было устроено в виде помоста: на две продольные лаги длиной немногим более одного метра положено 6 бревнышек толщиной около 0,2 м, длиной около 0,9 м. Лаги закреплены с внешней стороны колышками.

Весьма плохо сохранилась также постройка 10 раскопа XVII 1959 г. Ее дата — начало XIII в. Сруб одновенечный, неполный (сгнил северо-восточный угол). Размер постройки $5,2 \times 4$ м, жилой камеры — 4×4 м; ширина сенией 1,8 м. Печь и пол разрушены, но, судя по развалу камней, печь могла быть в северо-западном углу избы. Остатки тесня пола в избе лежат в направлении север—юг, а в сенях—восток—запад. Вероятно, вход был с узкой стороны сенией, с запада, так как с восточной стороны постройка упирается в частокол, отгораживающий ее от улицы.

Одна из крупнейших двухкамерных построек 20-х годов XIII в. — сруб 5 раскопа ХХХII. Он сложен из бревен диаметром 0,5—0,35 м, сохранился на три венца. Под сруб подведены нивелирующие фундаментные подкладки: 17 под северную стену и 3 под южную. Размер постройки $9,4 \times 5,8$ м, жилой камеры — $7,5 \times 5,8$ м, се-

³ Расположение входа в сени напротив входа в избы нерационально, так как при этом теряется много тепла. По наблюдению П. И. Засурцева, такое расположение дверей встречается лишь в домах со средним положением печи, которые хотя и были жилыми, но в то же время являлись и производственными помещениями (см.: П. И. Засурцев. Указ. соч., стр. 53).

² П. И. Засурцев. Указ. соч., стр. 29.

ней — $7,5 \times 2,2$ м. Последние расположены западнее избы. Переводины и полы в обоих помещениях отсутствовали. Вдоль длинных сторон сеней вколочено 10 столбиков диаметром 0,15—0,10 м, верхние концы которых — на уровне второго венца. В границах жилого сруба таких столбиков 19; большая часть их группировалась возле печи.

Печь на трехвенечном срубном подпечье располагалась в центре жилой камеры. Размер подпечья $2,4 \times 1,7$ м. Пол подпечья настлан из бревнышек, прикрытых уложенными в два ряда кусками бересты. Сверху бересты — пласт плотно утрамбованной глины, на ней — камни пода печи.

Вторая двухкамерная постройка этого раскопа — сруб 6 середины XIII в. Он сложен из крупных (0,35 м) бревен, сохранился на один неполный венец. Размер жилой камеры $7,6 \times 6$ м. Сени располагались западнее избы. Под северное бревно положены нивелировочные подкладки (3). Печь занимала среднее положение. Ее размеры $2 \times 1,4$ м. Постройка была жилой.

Особенностью двухкамерной постройки 3 середины XIII в. являются столбы-стулья под юго-западным и юго-восточным углами и южным бревном сруба. Постройка сохранилась на один венец, рублена из бревен толщиной 0,25—0,2 м. Ее размеры $7,6 \times 5,4$ м, жилой камеры — $5,4 \times 5,4$ м, сеней — $5,4 \times 2,2$ м. Сени располагались на юге. В жилом срубе 4 переводины параллельны северной и южной стенам. Пол отсутствовал. Печь на столбовом подпечье в юго-западном углу. В сенях две переводины уложены вдоль длинных стен в направлении восток — запад. Пол из тесин лежал в направлении север — юг, так же как пол в избе. Вход в сени был с юга, с широкой стороны сеней. Об этом свидетельствуют как положение тесин «по ходу», так и остатки крыльца у южной стены сеней. Судя по характеру инвентаря, постройка была жилой.

Ко второму типу жилых построек относятся двухкамерные раздельные постройки. В них жилое помещение представляет собой отдельный сруб, к которому примыкают сени в виде отдельного сруба, трехстенного прируба, столбовые и др. Примером постройки с сенями в виде отдельного сруба служит сруб 9 раскопа XII 1950 г. на усадьбе А (конец XII в.). Жилой сруб однокамерный, размером $4,4 \times 4,2$ м, сохранился на три венца, рублен из бревен диаметром $0,3 \times 0,23$ м. В связи с уклоном местности к востоку под тремя углами сруба были нивелировочные подкладки. Во второй снизу венец жилого сруба врублены четыре переводины: две в центре и две у коротких стен (северной и юж-

ной). Врубка глухая. Печь в северо-западном углу на срубном подпечье. Тесины пола, сохранившиеся фрагментарно, уложены с юга на север. Сени приставлены к жилой избе с юга в виде отдельного сруба размером $4 \times 1,4$ м. Переводины две, параллельные коротким стенам сруба, врубка сквозная, на уровне второго снизу венца. Пол не сохранился. Судя по расположению переводин, половицы в сенях должны были лежать в направлении восток — запад. Вход был с востока, где перед домом лежал бревенчатый настил.

Постройка 8 раскопа XVIII 1958 г. также двухкамерная, с отдельным срубом сеней. Дата постройки — середина XIII в. Размер жилого сруба $4,2 \times 3,6$ м. Печь в северо-западном углу на столбовом подпечье. Переводин было, видимо, 4, но они сохранились фрагментарно. Судя по расположению переводин и двух тесин, уцелевших от пола, он настился по длинной оси избы с севера на юг. Сруб сеней располагался с северной стороны жилого дома; от него уцелели только юго-восточный угол и три неполных бревна. Ширина сеней около 1,8 м. Вход в сени, очевидно, был с узкой стороны сеней — с востока или с запада.

Примером двухкамерной раздельной постройки с сенями в виде трехстенного сруба является постройка 7 раскопа XVII 1958 г. (первая четверть XIII в.). Жилой сруб этой постройки ($4,5 \times 3,8$ м) двухвенечный. Переводины (боковые) сохранились фрагментарно. Печь на срубном подпечье располагалась в северо-восточном углу. Сени представляли собой отдельный трехстенный сруб, сохранившийся на один венец размером $3 \times 2,4$ м. Узкой стороной он был прирублен к южной стене избы. Переводины и пол не сохранились. Вход в сени был, вероятно, с запада, так как восточная сторона дома выходила на улицу. Постройка была жилищем-мастерской кузнеца и литейщика.

Упомянем еще об одной, несомненно двухкамерной, постройке, конструкция сеней у которой осталась неясной. Это постройка 22 усадьбы Г.

Двухкамерных построек I и II типов, сохранившихся на один — три венца, у которых нам известны полные размеры, расположение сеней и печей, мы насчитали 10. Еще не менее 5 построек можно отнести к I типу условно, в силу того что их полные размеры и другие данные остались невыясненными.

Третий тип жилых построек — однокамерные срубы без сеней. Несмотря на численное преобладание на Белоозере однокамерных срубов, в подавляющем большинстве случаев эти постройки имели сени, которые в силу различных причин не сохранились. Типичные размеры этих

построек — 3,5×3,5 м; 4×4 м; наиболее крупные достигали 6,2×5,5 м.

Четвертый тип жилых построек характеризуется многокамерная связь: изба, сени, клеть или изба и др. Таких построек выделено только две: постройка 5 раскопа IV 1950 г. (вторая половина — конец XII в.) и постройки 16—19 раскопа VI 1951—1952 гг. (первая половина XIII в.). Подробное описание этих построек дано выше.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ

Характерными конструктивными чертами этих построек, отличавшими их от жилых, являлись: отсутствие сеней, завалин, фундаментных подкладок; пол из бревен, уложенных в разных направлениях, и др. На Белоозере выявлены остатки 13 производственных построек.

Кузницы (6) на Белоозере обнаружены в двух местах — в западной части центральных раскопов, где они располагались на одном и том же месте в XI—XII вв., и в прибрежных раскопах (см. стр. 119—122).

Помимо кузниц, на Белоозере обнаружены развалы горнов: трех в непосредственном соседстве с кузницами и одного, расположенного отдельно (их описания см. на стр. 119).

Перечисленные выше конструктивные особенности производственных построек наблюдаются еще в двух, характерными чертами которых являются центральное положение печей и огромный размер последних.

Первая постройка в горизонте первой четверти XIII в. на усадьбе А — сруб 10. Это однокамерный сруб размером 5,8×4,1 м, сохранившийся на два венца, с двумя центральными перегородинами. Посередине постройки, ближе к северной стене, располагалась печь на срубном забитом глиной двухвенечном подпечье размером 3,1×2,4 м. Сверху был настил из тесин, положенных в один ряд и обмазанных также глиной. Над ними — основание печи-каменки из крупных валунов, уложенных по периметру подпечья. С юга валунов не было. Здесь в постройке находилось свободное пространство, примерно около 8 кв. м, предназначавшееся для работы у печи. Пол бревенчатый, уложенный на две лаги, параллельный южной стороне печи. С других сторон промежуток между печью и стенками сруба составлял всего 0,6—0,4 м, и пола здесь не было. Бытовые находки в срубе почти полностью отсутствовали.

Вторая постройка необычна для Белоозера как по своей конструкции, так и по типу печи. Это постройка 6 раскопа XVI 1957 г. в горизонте начала XIII в. Постройка столбовая, обмазанная глиной, а печь глинобитная, на срубном основа-

нии. Ее срубное подпечье (3,4×2,6 м) сохранилось на пять неполных венцов. Пол подпечья вымощен бревнышками, покрыт утрамбованной серой глиной. В восточное и западное бревна нижнего венца сруба подпечья были врублены две центральные перегородины, на них поверх глины выложен под из камней в один ряд плоской стороной вверх. Он был выровнен глиняной обмазкой. Стены и свод печи были глинобитными, на деревянном каркасе.

Печь занимала большую часть прямоугольной постройки. Размер постройки 5,8×4,5 м. Пол ее состоял из бревнышек и грубо обрубленных стволов елей с сучками и корневищами. Бытовые находки отсутствовали.

Вторая глинобитная печь на срубном подпечье обнаружена в раскопе XXXVII 1963 г. Развал печи лежал под дерном в горизонте XII в. Постройка не сохранилась. Сруб подпечья (2,25×1,6 м), вероятно, был двухвенечным, с полом, замощенным тесинами. Под печи составляли крупные камни, выложенные прямоугольником в один ряд поверх сырой глины. В основании стенок были уложены камни, а сами стенки и свод печи возведены из глины на деревянном каркасе. Последние не сохранились, но подобная конструкция восстанавливается по огромному скоплению обломков обожженной глины с отпечатками прутьев, бересты и мешковины, занимавших площадь около 25 кв. м со слоем толщиной до 0,4—0,5 м.

Глинобитные печи чужды традициям северного домостроительства, и, в частности, их существование в Новгороде упоминается П. И. Засурцевым только предположительно. Прием обмазки глиной столбовых построек там также не применялся.

Сочетание глинобитных печей с глинобитными стенами — южнорусская домостроительная традиция, ярче всего проявлявшаяся в древнем Киеве. В Старой Рязани и Суздале при раскопках полуземляночных жилищ также найдены куски глиняной обмазки стен и глинобитные печи⁴.

В глинобитных печах Белоозера и постройке 6, вероятно, можно усмотреть сочетание приемов южного домостроительства с местной традицией (срубная основа печи, неизвестная в Киеве). Постройки с этими печами, несомненно, имели производственное назначение: может быть, являлись сушильнями или коптильнями для рыбы. Вероятно, таково же назначение упоминавшейся выше постройки 10 с печью-каменкой на срубном основании в центре постройки.

⁴ А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, № 49, 1955, стр. 56, 60; А. Ф. Дубынин. Археологические исследования г. Суздаля (1936—1940). КСИИМК, вып. XI, 1945, стр. 92—94.

Очевидно, производственных построек в древнем Белоозере было гораздо больше, значительная часть их осталась не определенной.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ

К ним относятся хлева для скота, клетки, амбары или сараи, погреба.

Несмотря на большое количество домашнего скота на Белоозере, специальных построек для его содержания выявлено очень немного. Вероятно, как и в Новгороде, крупный скот в значительной мере содержался круглый год во дворе, в плетневых загонах или легких пристройках к домам, следы которых не всегда можно установить, а в хлевах держали в основном молодняк. Примером отдельно стоящей постройки — хлева является постройка 8 усадьбы Д прибрежных раскопов конца XII в. Это однокамерный сруб размером $3,5 \times 3,45$ м, сохранившийся на три неполных венца. На уровне верхнего венца вырублены пазы для двух боковых переводин, но сами переводины не сохранились, так же как и пол. С востока в помещение вели сходни.

К концу XII — началу XIII в. относится постройка 10 раскопа XXXII. Это значительно большей величины сруб ($4,6 \times 3,2$ м), сохранившийся на четыре венца, в котором было два разновременных бревенчатых пола. Верхний, выстланный поверх полуразобранного древнейшего, состоял из 23 тонких бревнышек, уложенных на три переводины. В заполнении сруба был мощный пласт навоза.

В этом же раскопе в горизонте конца XII в. сохранился однокамерный двухвенечный сруб 16 размером 5×4 м. На уровне верхнего венца в срубe вырублены пазы для трех переводин, но последние отсутствовали; пол из 32 тонких бревнышек был покрыт навозом.

Еще одна постройка этого горизонта (№ 17), несомненно имевшая значение хлева, была разобрана, но от нее сохранились сходни типа трапа длиной 4, шириной 1,35 и 1 м, закрепленные в наклонном положении так, что верхний конец был выше нижнего на 0,37 м.

Примером отдельного сруба, но поставленного вплотную к стене жилого дома, явился неполностью сохранившийся сруб хлева постройки 1 раскопа XVIII 1958 г. Хозяйственная постройка стояла на склоне ниже жилой. От нее сохранилось южное бревно нижнего венца с юго-западным и юго-восточным углами. Ширина постройки равнялась 3,6 м. Пола не было. Основание постройки было заполнено навозом.

На Белоозере обнаружены и другие типы построек для содержания скота, от которых сохранились только полы в виде бревенчатых

настилов, покрытых навозом. Стены этих хлевов, вероятно, были плетневыми или столбовыми. Приемы сооружения таких настилов и их размеры сходны, что может свидетельствовать о типичном характере постройки.

Так, настил в срубe 1 раскопа XXXVI (дата — 1224 г.) был уложен на три четырехметровые лаги. Положенные поперек лаг бревнышки (23) имели в длину 3,4 м при диаметре 0,1 м. Настил был покрыт плотным слоем навоза. Он примыкал к однокамерному двухвенечному срубe ($2,8 \times 2,8$ м) без переводин и пола, также заполненному навозом.

Второй подобный настил в горизонте того же времени обнаружен в раскопе X (усадьба А). В основании его также лежали три лаги длиной около 4 м. Настил состоял из 14 бревен и 5 тесин плохой сохранности; наибольшая длина бревен составляла 3,8 м при диаметре 0,23—0,20 м. У северной границы настила — основании столба. Настил примыкал к восточной стене жилого сруба 9 и был покрыт толстым пластом навоза.

Еще один пример сочетания хлева с жилой постройкой выявлен в усадьбе Г (раскоп VI) первой половины XIII в. Здесь клеть, жилой сруб, сени, использовавшиеся как хлев или конюшня (?), и амбар расположены в один ряд и, вероятно, были объединены одной кровлей. В основании настила лежали 6 лаг длиной 4 м, диаметром 0,15—0,25 м, уложенных попарно; самая крупная лага ограничивала настил с запада, где был вход. Бревна настила положены поперек лаг и параллельно юго-западной и северо-восточной стенам жилого дома и амбара, «по ходу». Длина бревен 4,4 м при диаметре 0,15—0,1 м; всего бревен 30. У восточной и западной границ настила — столбы. Последние имели диаметры 0,30 м, нижние концы их плоские. Столбы опущены в ямы на глубину 0,25—0,35 м и укреплены вколотенными вокруг них горбылями (от 5 до 7); нижние концы горбылей затесаны на кол. Три массивных столба по западной границе настила поддерживали кровлю. Расстояние между северным и центральным столбами 0,85 м, между центральным и южным — 1,12 м. Два столба у восточной границы настила диаметром около 0,2 м были вбиты тесно друг к другу. Таким образом, можно думать, что восточная стена постройки была столбовой. Отсутствие бытовых находок и навоз на бревенчатом настиле позволяют видеть в этой постройке хлев или конюшню. Не исключено, что она имела второй этаж, служивший сеновалом.

Клеть — однокамерные небольшие постройки без печей, обычно рубленные из более тонких бревен, чем жилые срубы, с полами из те-

син, иногда без пола. Они служили для хранения имущества, запасов, а в летнее время являлись и жильем.

Как правило, клетки представляли собой сруб, конструктивно не связанный с жилым домом, а иногда и поставленный отдельно от него. Наиболее выразительным примером клетки служит сруб 16 усадьбы Г прибрежных раскопов (первая половина XIII в.). Это однокамерный сруб размером 2,5×2,4 м, рубленный из бревен диаметром 0,18 м. Сохранился на один венец. Под трехвенечные бревна положены нивелировочные подкладки (более 22). Сруб приставлен к северной стене жилого дома и так же ориентирован. Пол, плохо сохранившийся, был из таких же крупных колотых тесин шириной не менее 0,3 м, как в доме, но уложенных в противоположном направлении. Это объясняется тем, что вход в клетку был с запада, из сеней, пристроенных к северной стене дома.

К постройке типа клеток можно отнести сруб 7 (XI в.) раскопа XXIII 1959 г. Это отдельно стоящий сруб размером 3,2×3,1 м, сохранившийся на один венец. На три переводины (средняя по центру) настлан пол из 12 колотых тесин шириной 0,2 м. По наблюдениям П. И. Засурцева, подобное расположение переводин характерно для построек без печей.

Примером отдельно стоящих клеток являются также срубы 26 и 27 в юго-восточной части усадьбы Г (вторая половина XIII в.). Клетки были ориентированы так же, как и ближайший жилой дом. Сруб 26 — размером 2×2 м, стоящий рядом сруб 27 имел размер 3,5×2,8 м. Оба сруба сохранились на один венец. Пол в границах срубов состоял из плотно утрамбованной серой глины.

Постройка, предположительно отнесенная нами к амбару, расположена на усадьбе Г в комплексе построек богатого феодала (сруб 19). Она двухкамерная (5,4×3,2 м), сохранилась на два неполных венца. Размер большей камеры 3,4×3,2 м. Бытовых находок мало. Сруб сложен из бревен диаметром 0,2 м. На уровне второго венца — одна (центральная) переводина.

На Белоозере обнаружен лишь один погреб. Это неудивительно, так как уровень грунтовых

вод здесь и в древности был довольно высок. Погреб (сруб 11 раскопа XXXII) восьмивенечный, размером 3,35×3,23 м. Срублен из бревен диаметром 0,2 м. Два нижних венца его вкопаны в материк. Южные концы трех верхних бревен западной стены выпущены за чашки сруба еще на 2,7 м и вертикально обрублены. На уровне второго сверху венца сруба, вдоль северной и южной стен две переводины. От настла сохранилось только 8 тонких бревнышек. Очевидно, перекрытие делило погреб на два яруса — нижний и верхний. Нижний набивался льдом и служил для длительного хранения продуктов, а верхний мог использоваться каждый день. Высота верхнего яруса неизвестна, но перекрытие расположено ниже уровня дневной поверхности (дата сруба 1237—1245 гг.⁵) не менее чем на 0,4 м. Погреб, очевидно, запирался; на уровне перекрытия найден замок типа А. По своему устройству погреб напоминает новгородский погреб XI в., открытый при раскопках 1937 г. на Ярославовом двореце⁶.

Древнейшие усадьбы горожан Белоозера, видимо, были обширными, и дома стояли просторно. Так, в период первоначальной застройки на исследованной площади раскопов XVII—XIX (конец XII в.) в 492 кв. м стояли только два жилых дома. В начале XIII в., после выделения усадьбы Е, перед жилым домом последней (срубом 4) было незастроенное пространство, простиравшееся на юг на 24, а на восток на 16 погонных метров. Естественной границей этой усадьбы на востоке был ручей; очевидно, на склоне к нему был разбит огород.

В середине XIII в. картина застройки участка изменилась. После прокладки мостовой дома выстроились по обе ее стороны, близко друг к другу.

На территории раскопов IV—XII на усадьбах А, Б, В, Г (около 1600 кв. м) в начале застройки стояло только три дома; в середине XIII в. здесь уже было шесть построек.

⁵ Н. Б. Черных. Дендрохронология средневековых памятников Восточной Европы. «Проблемы абсолютного датирования в археологии». М., 1972, стр. 108.

⁶ П. И. Засурцев. Указ. соч., стр. 78.

Глава шестая

РЕМЕСЛА И ТОРГОВЛЯ КАК ОСНОВА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ БЕЛООЗЕРА X—XIV ВВ.

МЕТАЛЛУРГИЯ. ПРОИЗВОДСТВО ИЗДЕЛИЙ ИЗ ЖЕЛЕЗА. ИНСТРУМЕНТЫ И ОРУДИЯ

Белоозеро, как и другие древнерусские города, обязано своим развитием ремеслу. Особенно ярко это проявляется в XII—XIII вв., когда город быстро увеличивается в размерах, благоустраивается, расширяет свои связи с округой, далекими областями и городами.

Однако и в начальный период своего существования, в X—XI вв., Белоозеро было поселением ремесленников. Metallургия, обработка дерева, костерезное дело, гончарное дело — все эти производства имели своих представителей среди населения города.

Metallургическое производство на Белоозере — одно из древнейших. Оно основывалось на местном сырье — болотных рудах, которыми край достаточно богат. Правда, достоверных известий об эксплуатации ряда месторождений уже с конца I — начала II тысячелетия н. э. у нас нет. Однако территориальная близость, удобство транспортировки по водным путям позволяют предположить их использование с глубокой древности. Так, всего в 50 с небольшим километрах на северо-восток от Белоозера, между Чарондским (Воже) и Кубенским озерами располагался обширный район с массовыми выходами болотных руд. В начале XX в. обследовалась трасса канала, который должен был соединить верховья речек Вондонги (приток оз. Чарондского) и Ухтомицы (бассейн оз. Кубенского) и проложить прямой водный путь от Шекслы до Северной Двины. В этом междуречье по всему району канала, на протяжении 14 км

обнаружены залежи болотной руды высокого качества, залежавшей от поверхности на 0,20—3 м¹. Эти залежи эксплуатировались издавна, и, по данным обследования, местные крестьяне выделывали из 150 пудов руды 50 пудов брускового железа. Цифра выхода железа указывает на большое содержание его в руде. При обследовании болота «Великая Колка» было установлено, что «на пространстве 27 км кругом имеется руда слоем до 27-ми см и на 1/4 м от земли»².

Менее чем в 50 км к юго-западу от Белоозера, в верховьях р. Андоги (на ее левых притоках, у населенных пунктов Каменник, Пронево) также известны значительные выходы болотной руды и древние ее разработки. Имеется руда в нижнем течении р. Суды и на ее притоке (р. Сивец), а также по рекам Петух и Ворон. Болотную руду добывали кустарным способом и на левом берегу р. Колпи, напротив г. Бабаева. В районе р. Уломы, притока р. Славянки, в отводной книге Кирилло-Белозерского монастыря 1492 г. указывается Железный ручей.

Наконец, у южной границы Белозерского края, при устье р. Ижины, впадающей в Мологу, болотная руда добывалась и перерабатывалась в таком большом количестве, что возникшее здесь поселение названо в документе 1252 г. Железным Устьюгом (с XVI в. — Устюжна Железнопольская; в настоящее время — г. Устюжна Вологодской обл.).

¹ «Лаче — Кубенский водный путь и его значение». Вологда, 1928, стр. 79.

² Там же.

Вероятно, большая часть перерабатываемого на Белоозере железа получалась из местных сельских металлургических центров, к сожалению археологически еще не изученных. Но некоторая часть железа, очевидно, производилась и на Белоозере, о чем свидетельствуют остатки горнов.

Первый и второй горны были обнаружены в той части города, которая в XII в. была мало-застроенной. К тому времени центр поселения переместился в прибрежную часть, и город строился и разрастался вдоль берега Шексны.

Развалы горнов обнаружены в раскопах XV и XXVIII 1959 г. (центральные раскопы) в горизонте XII в.

Развал первого горна (рис. 40) представлял собой массив сырой желтой глины, покрытый сверху россыпью камней, золы и угля и заключенный в каркас из бревен ($3,5 \times 3$ м). Дерево каркаса сгнило, и глина, не сдерживаемая разрушившейся опалубкой, распространилась на площади 4×4 м пластом в 0,25 м. Ниже в такой же желтой глине лежали камни — крупные с внешней стороны, более мелкие в центре. Они представляли собой развал рухнувших стенок горна. Этот развал, вытянутый по линии северо-восток — юго-запад, покрывал пространство размером $4 \times 2,8$ м, толщина его в центре — около 0,25 м. Фундамент горна представлял собой вымостку из крупных (до 0,5 м) валунов, лежавших по 2—3 с внешней стороны круга (или прямоугольника со скругленными углами) с поперечником 3 м. Внутри круга — вымостка из мелких камней, засыпанная темно-серой глиной с примесью песка. Глиняный под горна сильно обожжен и прогнут в центре почти на 0,3 м. Он ремонтировался, о чем свидетельствуют две прослойки угля и золы, между которыми лежал пласт сильно обожженной глины толщиной 0,1 м. При разборке горна из его центральной части вынута крица.

Горн сооружен на культурном слое, содержащем остатки жилой постройки, восточная часть основания которой была при этом уничтожена. Под тяжестью горна и вследствие деформации гниющего дерева грунт осел и северная часть основания горна оказалась ниже южной на 0,3 м. Осадка фундамента привела к тому, что верхняя часть развала горна с остатками опалубки оказалась смещенной против центра фундамента к северо-западу на 1,2 м.

Севернее горна — скопление шлаков, среди них 5 криц.

В четырех метрах к северо-западу от горна находился второй горн, однако его основная часть оказалась за границей раскопа. Выявлен лишь развал камней, угля, обожженной глины,

в котором собрано 100 кусков шлаков и криц. Развалы третьего и четвертого горнов обнаружены в горизонте конца XIII—XIV в. прибрежных раскопов.

Горн 3 (раскоп VII 1950 г.) был полностью разрушен. Развал его в виде скоплений глины и обмазки, камней, угля, золы занимал площадь 4×3 м. Сохранились слабые следы срубного основания горна (2×1 м). В развале горна и стоящей рядом кузницы собрано 79 крупных (от 0,25 до 0,15 м в диаметре) и 125 мелких фрагментов шлаков, кусочков руды и криц.

Развалины горна 4 найдены непосредственно под дерном в раскопе XVII 1958 г. Камни, уголь, куски обожженной глиняной обмазки лежали грудой толщиной до 30 см. Стенки горна были разрушены полностью, но основание его сохранилось. Оно было срубным, судя по волокнам дерева, образовавшим прямоугольник размером $2 \times 1,8$ м на площадке из серой глины. Под горна был выложен камнями плоской стороной вверх и обмазан. В развале горна найдены шлаки, фрагменты толстостенной керамики, напоминающей обломки сопел, молоток-гвоздодер (рис. 41, 4) и пуансон (см. рис. 50, 9).

Помимо горнов, на Белоозере известно металлургическое производство в домашних условиях, в обычной печи, в горшках. По наблюдению Б. А. Колчина, в этих случаях мастер производил цементацию железа при изготовлении стали³.

На Белоозере найдено несколько небольших криц, по форме и размерам соответствующих днищам горшков. Найдены и обломки горшков с прикипевшей к дну массой черного металла. Такие находки сделаны в жилищах-мастерских горизонта конца X в. (сруб 6 раскопа XL 1965 г.), конца XII в. (жилище 4, раскоп IV 1949—1950 гг.) и первой половины XIII в. (жилище 7, раскоп XVIII 1958 г.).

На Белоозере обнаружены и остатки шести кузниц. Три первые сменяли друг друга на одном и том же месте. Древнейшая представлена одновенечным срубом 5 раскопов XIII—XV 1950 г. в горизонте конца X—начала XI в. Он сохранился частично, неполная длина его 5,2 м; переводин — 3: две боковые, одна центральная. Бревенчатый пол уложен в двух направлениях. В более поздней постройке 6, разрушившей западную часть сруба 5, бревна пола тоже лежали в двух направлениях. Печи в обеих постройках отсутствовали. Доказательством производственного характера постройки 6 являлось скопление угля, шлаков и криц у ее юго-западного угла.

³ Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, стр. 13—14.

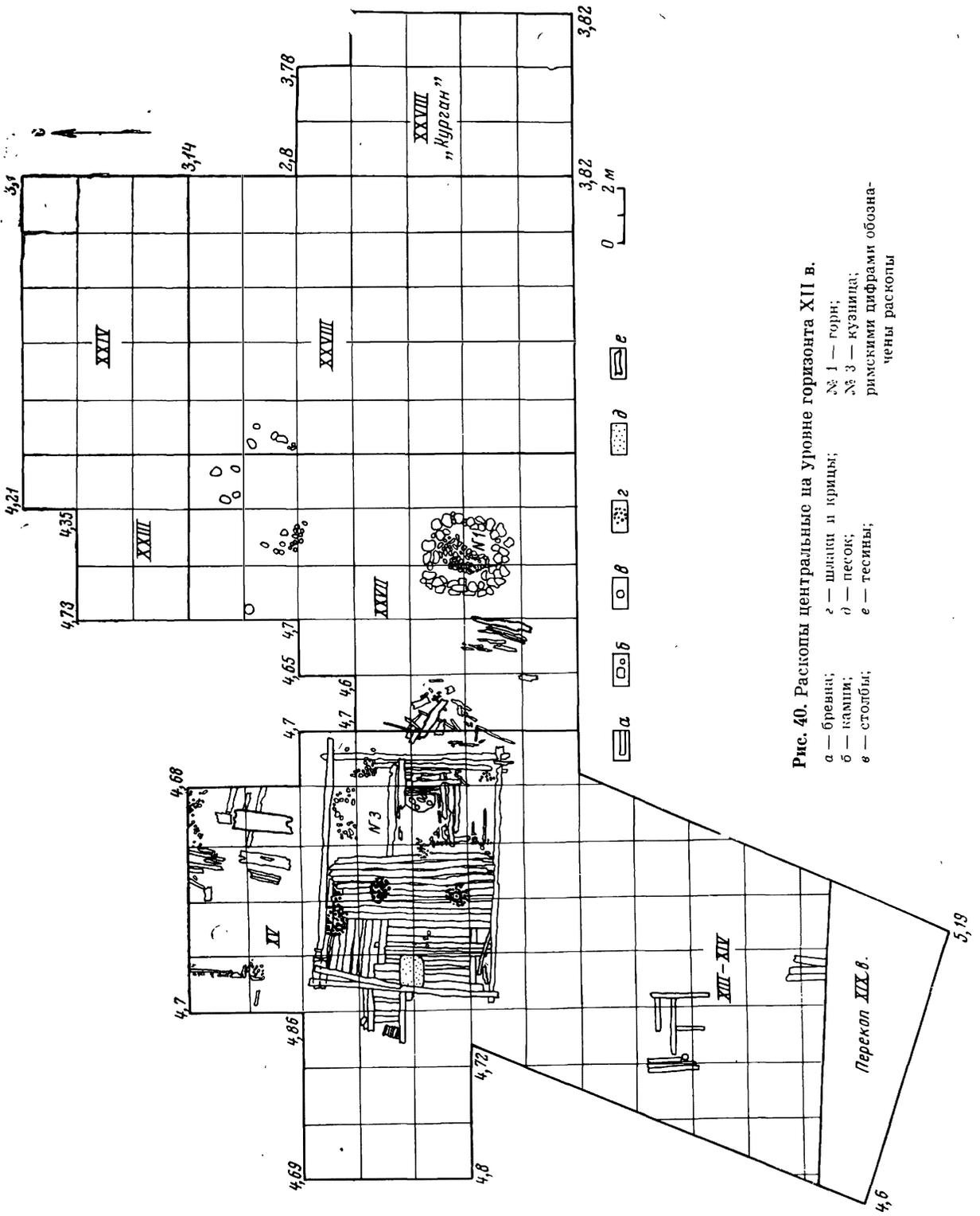

Рис. 40. Раскопы центральные на уровне горизонта XII в.

мент бревенчатого настила пола, уложенного в направлении восток — запад. В восточной половине постройки пол уцелел лишь местами. Вход в кузницу был с запада. Там вплотную к срубам были приставлены сходни из пяти горбылей длиной 1,2 м, вставленных в пазы двух перпендикулярных им бревен размером 1,8 м. Верхний конец сходен лежал на бревнышке и был слегка приподнят. Справа от входа на полу кузницы — кучка чистого речного песка высотой около 0,2 м. В семи местах на полу грудями лежали шлаки и крицы (всего свыше 400 экз.). Средний размер крицы 0,1×0,18×0,08 м, вес — 300—400 г. Здесь же найдены крицы, прикипевшие к стенкам и днищам горшков. Местами на полу — остатки очагов, обгорелые камни, уголь, зола. Бытовых находок в границах кузницы почти не было — несколько односторонних и двусторонних гребней и бронзовый бубенчик. Под бревнами пола найдена разбитая глиняная льячка в форме птички (рис. 47, 2). Подобные льячки по находкам в Новгороде и Вышгороде под Киевом относятся к XII—XIII вв.

Остатки четвертой кузницы обнаружены в группе приречных раскопов в горизонте второй половины XIII в. (раскоп X 1950—1951 гг.). Здесь, в усадьбе Б, сохранилось основание нижнего венца однокамерного сруба (4,7×4,6 м) № 28 (рис. 36). Пол состоял из накатника, уложенного на три переводины, и был обмазан глиной. Печь отсутствовала. Бытовых находок не было. Найдены глиняное сопло, раскрошившиеся куски железистой массы, 45 крупных и 564 мелких фрагментов шлаков и несколько криц.

Соседний сруб, вошедший в раскоп только частично, был также кузницей. Он сохранился на один венец; неполный его размер — 5×5 м. Пол здесь также из бревнышек, настланных на две переводины. В северо-восточном углу постройки, на полу стоял квадратный одновенечный ящик (2×2 м), срубленный из тонких бревнышек в обло, который на 0,2 м был засыпан светлым речным песком. Пол в границах сруба был усыян шлаками и углем (рис. 36). Еще одна постройка из горизонта конца XIII в. на усадьбе А интерпретируется как кузница на основании ближайшего соседства с горном. От постройки сохранились только участок бревенчатого пола, обмазанного глиной, и шлаки.

Помимо горнов и кузниц, свидетельствами местного металлургического и металлообрабатывающего ремесла на Белоозере являются металлообрабатывающие инструменты: клещи кузнечные, зубила, напильники, молотки и др.

Клещи кузнечные — 2 экз. Оба экземпляра клещей найдены в одном раскопе, но в разных

горизонтах культурного слоя (раскоп XXXII 1961 г.). Большие клещи с обломанными концами рукоятей (рис. 41, 13) найдены в горизонте конца XII — начала XIII в. (№ 516). В горизонте первой половины XIII в. обнаружена половина второго экземпляра клещей, также с обломанным концом рукояти (№ 461). Оба экземпляра клещей по форме губ с колечатым изгибом и пропорциям совершенно сходны с новгородскими⁴, но больше их по размерам. У первого экземпляра длина губ равна 20, у второго — 15 см.

Напильник — 1 экз. длиной 18 см, прямоугольный в сечении, насечка поперечная. Испорчен коррозией (1959 г., № 542, раскоп XV). Дата — XII в.

Зубила (13 экз.). Среди них различаются два типа: с квадратным или круглым стержнем. Зубила с четырехгранным стержнем (9 экз.) массивные, применялись для работы с черным металлом. Они раскованы книзу в клиновидное острие. Наиболее крупный экземпляр имеет длину 18,4 см, ширину лезвия 2,1 см и толщину граней наверху 1,5 см (1959 г., № 598 — рис. 41, 15).

Зубила с круглым стержнем (4 экз.) с ударной площадкой наверху, книзу раскованы в клиновидные или плоские лезвия с режущим острием. Наиболее крупное зубило этого типа при диаметре стержня в 1 см имеет общую длину 16 см, размер лезвия 7,3×0,7 см (1951 г., № 552). Два зубила могут быть отнесены к числу ювелирных. Они имеют одинаковые размеры: длина 10 см, ширина лезвия 0,6 см (1951 г., № 424 и 1950 г., № 1077 — рис. 41, 7).

Таблица 12

Стратиграфия зубил

Дата горизонта	Зубила с круглым стержнем		Зубила с четырехугольным стержнем	Всего
	обычные	ювелирные		
Вторая половина XIII в.	2	1	1	4
Первая половина XIII в.			2	2
XII в.		1	4	5
XI в.			2	2
Итого	2	2	9	13

Деревообделочный инструментальный на Белоозере представлен следующими орудиями: топорами (16), молотками-гвоздодерами (2),

⁴ Б. А. Колчин. Указ. соч., рис. 4, I, стр. 18. О ювелирных молоточках см. на стр. 133, 136.

Рис. 42. Плотницкие и сельскохозяйственные орудия

1, 3, 4 — топоры; 2 — мотыжка; 5 — лопатка

Рис. 43. Плотницкие и сельскохозяйственные орудия

1—4 — топоры; 5 — сошник; 6 — кирка

гвоздодером (1), теслом (1), долотами (2), сверлами (8), стамесками (4).

Топоры (16 экз.). Взяв за основу классификацию А. Н. Кирпичникова, мы относим их к типам IVa, V, VI, VII, VIIIa⁵. Только один топор найден в горизонте конца XII в.; все остальные экземпляры происходят из горизонтов XIII—XIV вв. (рис. 42, 1, 3, 4 и рис. 43, 1—4). Все эти топоры по размерам и весу относятся к рабочим. Среди них нет специально плотницких форм — это топоры универсального назначения. На их железную основу наваривалось стальное лезвие, подвергнувшееся специальной термической обработке.

Молотки-гвоздодеры — 2 экз. Первый представлен железной головкой с квадратным отверстием для насаживания на деревянную рукоять (рис. 41, 5). Общая длина головки 14 см. Найден в первом (сверху) пласте раскопа XIII 1951 г. Дата — XII в. Второй молоток-гвоздодер

с круглым массивным бойком выкован вместе с рукоятью. Длина головки 5,3, размер бойка $2 \times 1,5$ см. Концы раздвоенного попка сильно загнуты вниз. Найден в развале горна, в первом (верхнем) пласту раскопа XVII 1957 г. вместе с пуансоном (рис. 41, 4). Дата — конец XIII—XIV в.

Из случайных находок 1957 г. происходит откованный из одного куска металла гвоздодер (рис. 41, 9).

На Белоозере найдены сверла (8 экз.) двух типов: перовидные и спиральные. Сверла перовидные (2 экз.) имеют плоский черенок для насаживания на деревянную рукоять и вытянутую, суженную рабочую часть с режущими боковыми гранями. У обоих сверл размер рабочей части одинаков: длина 6, ширина острия 0,2 см. Общая длина у первого сверла равна 10, у второго (с обломанным черенком) — 9 см. Сверла спиральные (6 экз.) имеют наваренную стальную полосу, закрученную в спираль (1—3 оборота). Их черенок также вставлялся в деревянную рукоять. Все сверла с обломанными черенками, у трех выкрошился и кончик острия

⁵ А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие, т. 2. САИ (вып. Е1—36). М.—Л., 1966, стр. 36—46, рис. 6.

(рис. 41, 11, 17). Наибольшая длина сверла с черенком 18 см, наименьшая — 5,8 см.

Тесло втульчатое — 1 экз. Общая длина 8,8 см. Рабочая часть выпукло-вогнутая, ложковидной формы, с режущими краями; ее длина 3,5 см,

Таблица 13

Стратиграфия сверл

Дата горизонта	Сверла перовидные	Сверла спиральные	Всего
Вторая половина XIII в.	1	1	2
Первая половина XIII в.		2	2
XII в.	1	3	4
Итого	2	6	8

ширина 2,3 см (см. рис. 69, 2). Найдено в горизонте первой половины XIII в. [1957 г., № 2 (87), раскоп XVI].

Долота (2 экз.) цельнометаллические, простые. Стержни у них четырехгранные; наверху — ударная площадка, лезвие вытянутое, рабочий край скошен. Применялись для долбления дерева. Длина первого экземпляра 17 см, ширина граней 1,3 см, ширина лезвия 2,1 см. Найдены в горизонте конца XII в. (1951 г., № 394). Соответствующие размеры второго долота: 14,5×0,8×1,3 см (рис. 41, 12). Оно происходит из горизонта второй половины XIII в.

Стамески — 4 экз. Это те же долота, но плоские, тонкие; употреблялись не как ударный инструмент, поэтому их черенки имеют деревянную рукоять. Три из них с прямым лезвием и скошенным рабочим краем. Черенки плоские и узкие (рис. 41, 1, 2). Наиболее крупная имеет вместе с черенком длину 19 см. Найдена в горизонте второй половины XIII в. (1961 г., № 181, раскоп XXXII).

У самой малой стамески черенок у основания лезвия перекручен. Общая длина ее 6,3 см, длина лезвия 2,3 см, ширина 1,1 см (1959 г., № 55). Найдена в горизонте начала XIII в. (рис. 41, 1).

Помимо специальных инструментов, применявшихся в кузнечном и плотницком ремеслах, на Белоозере найдено множество железных орудий, применявшихся в других ремеслах и промыслах, в домашнем хозяйстве, предметов домашней утвари и туалета. Это — сошник и плужный резак, косы и серпы, косари, лопаты, рыболовные крючки и остроги, ножи, кресала, шилья, лодочные заклепки, кочедыки, булавки, пряжки, ббтало, сковороды и чаши, дужки к ведрам, ключи, замки и многое другое. Особую группу изделий составляют предметы вооружения и оснащения всадника.

Ножи — 313 экземпляров. Составляют наиболее массовую продукцию местных мастеров по железу.

Большинство находок составляют ножи универсального или хозяйственного назначения, без рукоятей, зачастую обломанные. Найдены и ножи в роговых рукоятях (3 экз.), складные (2 экз.).

Эволюция форм и технология белозерских ножей подчинена тем же закономерностям, которые выявлены на новгородском материале⁶. Ножи X—XI вв. на Белоозере имеют узкое клиновидное лезвие и длинный плоский черенок, предназначенный для насадки на деревянную, костяную или роговую рукоять. Длина лезвия ножа колебалась от 4 до 8 см, редко превышая этот размер. С XII в. размеры ножей увеличиваются, клинки становятся длиннее, шире и тоньше. Этот процесс продолжается и в XIII в.

Таблица 14

Стратиграфия ножей

Дата горизонта	Количество находок
Конец — XIII в.	45
XIII в.	159
XII в.	68
XI в.	23
Вторая половина X — начало XI в.	16
X в.	2
Итого	313

Металлографическое изучение 15 ножей из горизонта XII и XIII вв., произведенное в лаборатории Института археологии АН СССР Г. А. Вознесенской, показало следующее: ножи изготовлялись из тщательно прокованного железа; сталь, использованная для наваривания лезвий, среднеуглеродистая, хорошего качества. «Сварка произведена качественно, сварочные швы тонкие, хорошо очищены от включений шлака»⁷. Ножи в основном изготовлены техникой торцовой наварки стального лезвия на железную основу⁸, и только 3 из 15 выполнены техникой косой боковой наварки стального лезвия. Последний прием характерен для изготовления новгородских ножей конца XIII—XIV в.

⁶ Б. А. Колчин. Указ. соч., стр. 48—57.

⁷ Отчет о результатах металлографического исследования предметов из железа и стали, найденных в Белоозере. Г. А. Вознесенская. Рукопись, 1962 г., стр. 6.

⁸ Там же, рис. III. Эта технология применялась в Новгороде во второй половине XII—XIII в.

Рис. 44. Белоозеро. Предметы домашнего обихода

1, 2, 4, 6 — булавки;	11 — пробой;	16 — скоба;
3 — дужка ведра;	12 — кольцевидная пряжка;	17 — замок;
5, 7 — светцы;	13, 18, 19 — пряжки;	1—11, 13, 15, 16, 19—21 — железо;
8, 20 — кресала;	14, 15 — ушки от котлов;	12, 14, 17, 18 — бронза
9, 10 — писала;		

Технология изготовления белозерских ножей указывает на специализированное кузнечное ремесло весьма высокого уровня.

Кочедыки (2 экз.). Применялись для плетения различных изделий из лыка и бересты: лаптей, кошель и др. Дата — XIII в.

Кресала — 23 экземпляра. Из них два кресала с бронзовыми рукоятями из горизонта второй половины X—начала XI в., прикамского происхождения. Кресала калачевидные, удлиненно-овальные и прямоугольно-овальные, железные со стальным наваренным лезвием, найдены на Белоозере начиная с горизонта XII в., общеславянские (рис. 44, 8, 20). Их технология хорошо изучена Б. А. Колчиным.

Таблица 15

Стратиграфия кресал

Дата горизонта	Типы кресал				Всего
	с бронзовыми рукоятями	калачевидные	удлинённо-овальные	прямоугольно-овальные	
Вторая половина XIII в.		1		9	10
Первая половина XIII в.				4	4
XII в.		1	4		5
XI в.					—
Вторая половина X—начало XI в.	2				2
Итого	2	2	4	13	21*

* Два калачевидных кресала, не вошедшие в таблицу, происходят из случайных находок на Белоозере (собрание Череповецкого музея, инв. № 2105/3, 4).

Светцы (17 экз.). Найденные на Белоозере светцы разделяются на два типа — однолучинные и двухлучинные. У некоторых светцов концы планок имеют завитки (рис. 44, 5, 7).

Таблица 16

Стратиграфия светцов

Дата горизонта	Однолучинные	Двухлучинные	Всего
Вторая половина XIII в.	9	2	11
XII в.	1		1
XI в.	5		5
Итого	15	2	17

Булавки-спицы для ручных прялок. Служили для прикрепления кудели льна к лопасти прялки. На Белоозере найдено 7 таких спиц в горизонте второй половины XIII в. (рис. 44, 2,

4). Пять булавок совершенно сходны с новгородскими и представляют, видимо, стандартные образцы русских мастеров. Две другие отличаются от них изгибом верхнего конца, образующего два петлевидных выступа (рис. 44, 1, 6).

Пряжки (18 экз.) употреблялись для застегивания поясов, иногда же для закрепления ремненной конской сбруи. Различаются пряжки прямоугольные (4 × 3 см), прямоугольно-овальные (5,5 × 3,5 см), овальные (3,5 × 2,5 см), круглые (4 см) (рис. 44, 13, 18, 19).

Таблица 17

Дата горизонта	Типы пряжек			
	прямоугольные	прямоугольно-овальные	овальные	круглые
XIII в.	6			7
XII в.	2	1	1	1
Итого				18

Шилья на Белоозере встречались начиная с горизонта X в. Как универсальный инструмент в шорном и сапожном ремеслах и домашнем хозяйстве, шилья обычно делались с длинными черенками, на которых крепились цилиндрические ручки из дерева или рога.

На Белоозере найдены также шилья, предназначенные для работы не дома или в мастерской, а в условиях военного похода или охотничьего промысла. Рукояти этих шильев роговые, Т-образной формы, а на острия надеты роговые же футляры с выступами сверху. В выступах просверливались два сквозных отверстия. Такие же отверстия делались в рукоятях. При помощи кожаных ремешков, продеваемых в отверстия, футляр и рукоять скреплялись вместе и подвешивались к поясу (рис. 45, 1).

В мужском погребении 11 Веселовского могильника на Ветлуге шило в такой рукояти, украшенной резьбой, было подвешено к пояскому ремню вместе с кресалом, ножом в кожаном футляре и кошельком⁹.

Подобные рукояти со сквозными отверстиями и остатками железных острий во втулке широко известны в Прикамье; они найдены на городищах Родановом¹⁰, Кыласовом¹¹, собраны

⁹ А. Х. Халиков и Е. А. Безугова. Материалы к древней истории Поветлужья. Горький, 1960, стр. 44, рис. 36, 4.

¹⁰ М. В. Талицкий. Верхнее Прикамье в X—XIV вв. МИА, № 22, 1951, стр. 28.

¹¹ Кабинет археологии Пермского университета, колл. 231, № 2172, 2483; 374, № 151.

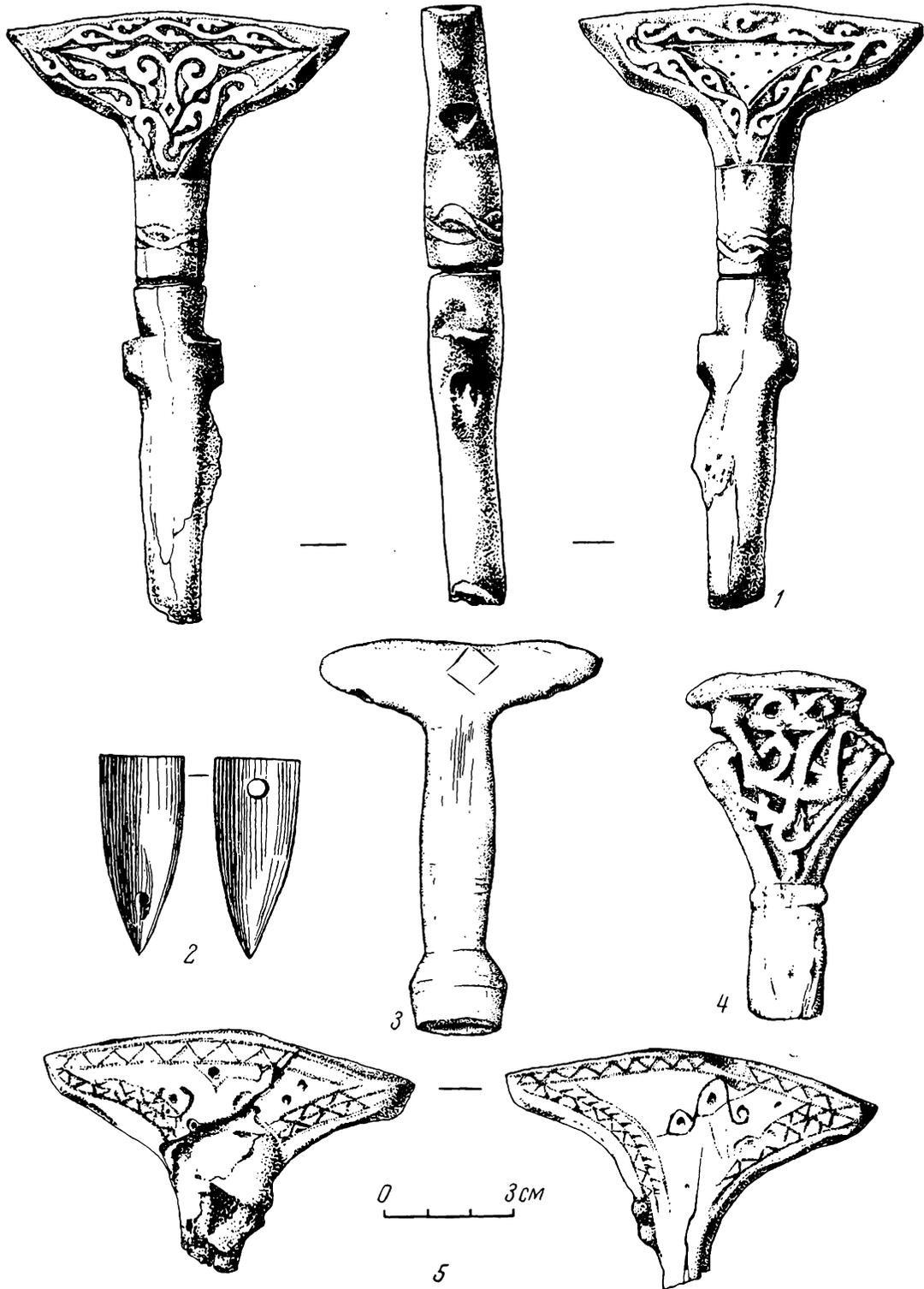

Рис. 45. Изделия из рога

1—3, 5 — рукояти шильев; 4 — челнок

Стратиграфия замков и ключей

Дата горизонта	Находки навесных замков и ключей на Белоозере									Ключи к внутренним замкам		
	тип									деревянными	металлическим	
	А	Б	В	В ₁	В ₂	Г	Д	Е	Ж		втульчатые	стержневые
XIII — XIV вв.		$\frac{7^*}{8}$	$\frac{2}{9}$	4	4	1	1	1	2	1	4	2
XII в.	$\frac{4}{12}$	2	$\frac{4}{3}$	2							3	4
XI в.	$\frac{3}{2}$									4		
X — начало XI в.	$\frac{2}{2}$											

* Здесь и всюду далее в числителе дроби — количество замков, в знаменателе — ключей.

Н. Г. Первухиным в быв. Глазовском уезде Вятской губ.¹² Есть шилья с такими рукоятями и в Новгороде¹³, известны они также в Норвегии¹⁴ и Дании¹⁵. Шило в рукояти Т-образной формы с отверстиями найдено в Саркеле¹⁶.

На Белоозере собрано 7 рукоятей шильев, приспособленных для ношения. По горизонтам культурного слоя они распределяются так: конец XII в. — 1 экз., первая половина XIII в. — 1 экз., вторая половина XIII в. — 4 экз. Одна рукоять найдена при случайных сборах. Четыре рукояти не орнаментированы. Размеры этих рукоятей: длина 6—9 см, ширина верхней части 4,5 и 6,3 см. На одной (рис. 45, 3) процарапан знак в виде ромба (1959 г., № 1/265, раскоп IV).

Три рукояти украшены резьбой. На одной (1949 г., № 305, раскоп IV) размером 8 × 6 см при ширине втулки 1,6 см (рис. 45, 4) изображен стилизованный трезубец. На второй (8,2 × 5,5 × 1,5 см), с поломанной втулкой, по краю Т-образной рукояти выполнена рамка с вписанным в нее одинарной и двойными линиями зигзагом (рис. 45, 5) (1961 г., № 29, раскоп XXXII).

Наибольший интерес представляет рукоять

¹² ГИМ, 2-й археологический отдел, колл. Н. Г. Первухина, № 627—628.

¹³ Новгородская экспедиция 1956 г., № 3957, пласт 26, кв. 1234.

¹⁴ I. Petersen. Wikingetidens Redskaper. Oslo, 1951, fig. 186, I.

¹⁵ «Die Nationaln Museum of Danmark». Aage Rouswell (ed.). Copenhagen, 1957, S. 186.

¹⁶ С. С. Сорокин. Железные изделия Саркела — Белой Вежи. МИА, № 75, 1959, рис. 14, II.

с футляром (рис. 45, 1). Их соединяет окислившееся железное острие. Резьба изображает стилизованную лозу с отростками-побегами. На одной стороне рукояти лоза оплетает треугольник с точками. На другой — в центре расположен стержень с ромбовидным нижним концом и отходящими в обе стороны волжатами и растительными завитками. По втулке вырезана плетенка (1961 г., № 28, раскоп XXXII).

На Белоозере найдено 23 определенных по типам замков русской работы и свыше 70 ключей. Их типология и хронология совпадают с новгородскими, поэтому мы считаем возможным, не давая описаний типов, отослать читателя к работам Б. А. Колчина¹⁷.

ОРУЖИЕ ВОИНА И СНАРЯЖЕНИЕ ВСАДНИКА

На Белоозере найдено всего два боевых топора, оба при случайных сборах; хранятся в Череповецком музее. Первый экземпляр — с обломанным обухом, имеет узкое, продолговатое треугольное лезвие размером 9 × 6 см. В последнем круглое отверстие для закрепления чехла. Второй экземпляр — целый. Размер 10 × 5,6 см. Лезвие также треугольное. Дата подобных боевых топоров — X—XI вв.¹⁸

¹⁷ Б. А. Колчин. Хронология новгородских древностей. СА, 1958, № 2, стр. 94—97; он же. Металлообработка ремесла Новгорода Великого, стр. 78—93.

¹⁸ А. Н. Курпичников. Указ. соч., рис. XVII, 7.

Стратиграфия наконечников стрел

Дата горизонта	Типы наконечников стрел из железа и стали						
	46	46	47	61	62	29	
	Ромбовидные без упора, новгородского типа	Ромбовидные без упора с расширением в верхней части	Ромбические без упора	Остроконечные с плоским черешком без упора	Ланцетовидные с упором	Двушипные без упора	Меровингского типа
XIII в.	9		1	6		2	
XII в.	3	2		6		2	
XI в.	2	1		2			
X в.	2			1	1		1
Итого	16	3	1	15	1	4	1

Итого 41 экз. *

*В таблицу не вошел двушипный наконечник из случайных находок на Белоозере (собр. Череповецкого музея, инв. № 1927/13).

Для боевых действий могли использоваться и топоры универсального назначения. Их на Белоозере найдено 20 экземпляров (4 — в обломках, по которым тип не восстанавливается).

Мечи не найдены, но при случайных сборах обнаружен бронзовый литой наконечник ножен меча со стилизованным изображением птицы¹⁹. Г. Ф. Корзухина датирует этот тип наконечников пожен второй половиной X — началом XI в.²⁰

Кинжал (1 экз.). Длина 36 см, длина лезвия 26, черенка 10 см. Черенок раскован надвое, и концы рукояти загнуты в петли в виде восьмерки. Лезвие обоюдоострое. Происходит из горизонта начала XI в. (рис. 12, б). Такой же кинжал без рукояти найден в Новгороде в слое X в.²¹

По результатам металлографического анализа, произведенного Г. А. Вознесенской, клинок кинжала сварен из полос железа и стали. Сварочный шов между стальной и железной зонами очень тонкий, четкий, чистый. Микроструктура стальной полосы феррито-перлитная. Микротвердость 143—254 кг/мм. Феррит мелкозернистый, шлаковые включения мелкие. Изготовление этого кинжала показывает высокое развитие кузнечной сварки железа и стали (анализ № 162).

На Белоозере найдено четыре наконечника копий: один черешковый от сулицы и три втульчатых. Дата — конец XII—XIII в. Найдены также 5 железных втулок — втульчатых воронкообразных наконечников для нижнего конца древка копий. Дата — XII—XIII вв. Наконечники стрел из железа и стали, поддающиеся типологическому определению, известны в количестве 42 экземпляров.

Шесть из семи выделенных для Белоозера типов (см. табл. 19) входят в отдел черешковых, группу плоских черешковых наконечников стрел и соответствуют типам 46, 47, 61, 62, 29 классификации А. Ф. Медведева²².

Все перечисленные типы наконечников стрел (кроме 62-го) были, по заключению А. Ф. Медведева, распространены исключительно в северной половине европейской части СССР. Тип 62 встречался в IX — первой половине XI в. и на юге — в Чернигове, Вышгороде,

Киеве, но это были единичные находки; зато он довольно широко представлен в Приладожье и Ярославских могильниках и близок ланцетовидным наконечникам стрел скандинавских стран. Меровингский тип неизвестен в Восточной Европе. Наконечник стрелы этого типа (1 экз.) длиной 12,5 см имеет узкое четырехгранное сечение пера (7 см), в нижней части раскованное, расширенное (1,2 см) и завершающееся двумя небольшими шипами. Шейка плоская, шириной 0,7 см и длиной 3 см, переходит в узкий черенок (2,4 см). Такие стрелы известны в Финляндии в эпоху Меровингов²³ (рис. 12, 14).

Помимо железных, на Белоозере найдено 17 наконечников стрел из кости и рога (рис. 46, 1—3, 5—6), употреблявшихся в основном для охоты. По форме они подражают железным наконечникам, поэтому разделение их на типы соответствует типологии железных наконечников стрел. Распределение находок по горизонтам культурного слоя приведено в табл. 20. В последнюю не включены два наконечника стрел и три гарпуна, найденные в горизонте X—XI вв., но относящиеся к более раннему времени.

На Белоозере найдены две пластины из рога, служившие петлями для подвешивания налучий — футляров из кожи или ткани, на деревянном каркасе.

²³ H. Salmo. Die Waffen der Merowingerzeit in Finnland. SMYA, XLII. Helsinki, 1930, fig. VIII, 4; XII, 7, 9; XVII, 2.

¹⁹ Собр. Череповецкого музея, инв. № 2076/8; Л. А. Голубева. Белоозерская вещь и ее западные соседи в X — начале XI в. «Скандинавский сборник», VIII. Таллин, 1964, рис. 1, 5.

²⁰ Г. Ф. Корзухина. К истории древнерусского оружия XI в. СА, XII, 1950, стр. 65—68, табл. I, б—14.

²¹ А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, рис. 4, 2.

²² А. Ф. Медведев. Ручное метательное оружие. САИ, вып. Е1-36. М., 1956, стр. 61—62, 67—68, 73.

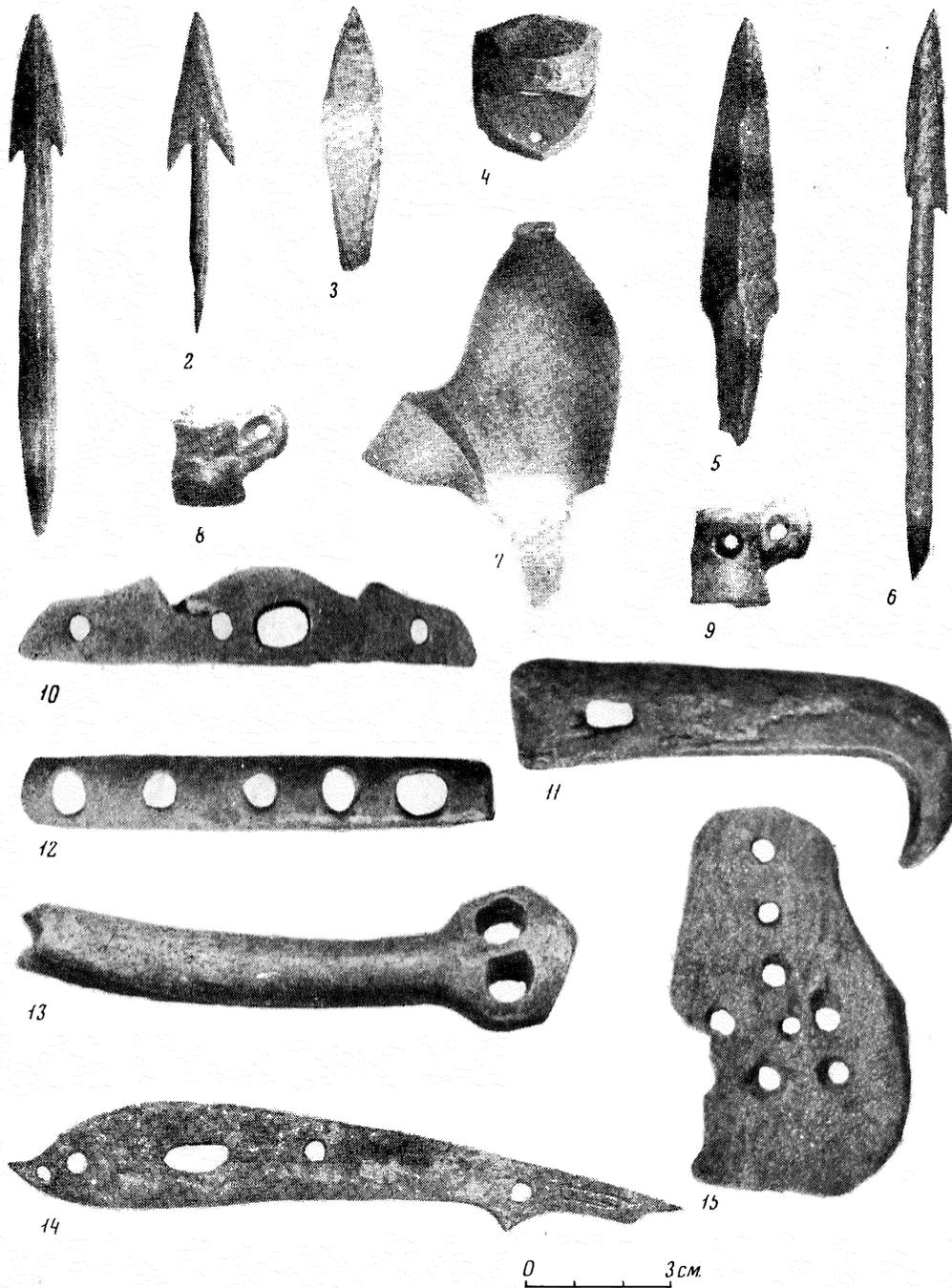

Рис. 46. Изделия из рога и кости

1—3, 5, 6 — наконечники стрел; 8, 9 — амулеты из косточек бобра; 11 — крюк;
 4 — струг; 10, 14 — петли для футляров налучий; 12, 13, 15 — накладки и другие детали;
 7 — навершие плетки;

В эти футляры помещали лук для топчения и для предохранения от непогоды²⁴ (рис. 46, 10, 14). Обе пластины происходят из горизонта середины и второй половины XIII в. Как первая, так и вторая пластина совершенно сходны с находками из Биляра²⁵.

Таблица 20

Стратиграфия типов наконечников стрел

Дата горизонта	Черешковые			Втульчатые	
	клевидные	двушипные		ланцетовидные	трехгранные
		с круглым черешком	с плоским черешком		
XIII в.		1		1	1
XII в.		5	1	5	
XI в.			1		
X в.	1		1		
Итого	1	6	3	6	1

Из горизонта середины XIII в. на Белоозере происходит и костяной струг (рис. 46, 4) для шлифовки древков копий и стрел. Он представляет собой «полуцилиндр с косым вырезом для лезвия ножа»²⁶. Подобные струги найдены в Новгороде, Кисве, Саркеле²⁷. Белоозерский струг (1950 г., № 85, раскоп V) имеет размер 4,2 × 3,8 см.

В горизонте XII и XIII вв. найдены два роговых навершия рукоятей плеток. Они втульчатые — для насадки на деревянную рукоять, с полым боковым отростком. Первый экземпляр высотой около 8 см и диаметром 3,8 см обломан снизу (рис. 46, 7) (1959 г., № 608, раскоп XV). Второй (1952 г., № 11, раскоп X) меньше: его размер 3 × 1,8 см (рис. 15, 14). Он аналогичен новгородскому навершию²⁸.

Шпоры (5 экз.). Все они найдены в дерне или на глубине первых 20 см культурного слоя приречных раскопов. Шпоры представлены двумя типами: с коническим шипом (1 экз.) и с репейкой (колесиком) — 4 экз. Один экземпляр целый, все остальные — в обломках.

Шипы трехрогие (eissporen) — 14 экз. Общая длина шипа около 8 см, длина отростков около 3 см. Они заканчиваются остриями, загнутыми под прямым углом (рис. 13, 11).

Такие шипы, облегчавшие хождение по льду, прикреплялись к обуви; для этого у более ранних экземпляров имелась по центру треугольная прорезь. Однако не исключено, что eissporen могли употребляться и как своеобразные «подковы» для лошадей. На Белоозере найден только один экземпляр шипа с прорезью (случайная находка). Такой тип шипов по аналогии находкам в Бирке (погребения 24а и 831)²⁹, в Финляндии (погребение 2 из Сторагена)³⁰, в Норвегии³¹ — датируется X в. Шипы без прорези в центре были распространены в конце I и в начале II тысячелетия н. э. на севере Восточной Европы — от Восточной Прибалтики до Пскова и Новгорода³². Они известны и в Ярославских могильниках³³.

На Белоозере находки трехрогих шипов распределяются по горизонтам следующим образом: X в. — 1 экз., XI в. — 1 экз., XIII в. — 10 экз., случайные находки — 2 экз.

Подковы (4 экз.). Имеют форму вытянутого овала, шесть отверстий для гвоздей и шип в центре. Подобная форма подков, видимо, была общерусской³⁴. Древнейшая подкова происходит из горизонта конца XI в.; одна датируется концом XII в. и две относятся к XIII в. Подкова XI в. самая крупная: 10 × 10 см (1965 г., № 265, раскоп X). Подковы XIII в. несколько меньших размеров. Находки подков на Белоозере и в Новгороде (7 экз.) подтверждают мнение А. Ф. Медведева о том, что на Руси в средние века лошадей постоянно ковали.

Удила. На Белоозере массовое применение имели удила, состоящие из двух колец и двух звеньев (тип 1 новгородских удил)³⁵. Об этом можно судить по многочисленным отдельным находкам колец и звеньев. Однако целых удил не обнаружено. Найдена только половина удил: одно кольцо диаметром 3,2 см и соединенный с ним стержень круглого сечения длиной 8 см с петлями на концах. Дата — XIII в. (1959 г., № 959, раскоп XXIII).

²⁹ H. Arbmán. Birka. Tafeln, Uppsala, Stockholm, 1940—1943, taf. 40, I, 2.

³⁰ E. Kivikoski. Husgrunderna i Storagen. Finström. SMYA, XLVIII, 3. Helsinki, 1946, taf. 41, I.

³¹ S. Grieg. Cjermundbu — Fundet. Norske oldfunn, VIII. Oslo, 1947, fig. XIII, 4, 5.

³² Таллин. Институт истории АН ЭССР, колл. из Лохавере, 4138, № 673; Рига. Исторический музей, колл. из Даугмале, инв. № 63901, № 129, 380, 511, колл. из Тервсте, № 434. Раскопки Новгородской археологической экспедиции, инв. оп. 1951 г., № 2473; инв. оп. 1954 г., № 3011.

³³ Н. Г. Недошивина. Предметы бытового назначения. Сб. «Ярославское Поволжье X—XI вв.». М., 1963, стр. 54.

³⁴ А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, рис. 23, 8—10, стр. 186—190.

³⁵ Там же, стр. 185.

²⁴ А. Ф. Медведев. Ручное метательное оружие, стр. 23, табл. 8, 5.

²⁵ Там же, табл. 9, 8; 8, 4.

²⁶ А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, стр. 152, рис. 12, 11.

²⁷ Там же, стр. 152.

²⁸ Там же, рис. 20, 2.

Псалля от уздечки (1 экз.). Это прямоугольная пластина длиной 12,3 см с двумя квадратными прорезями для ремней. Найдена в выбро-се из горизонта XIII в. (1959 г., № 501, рас-скоп XV).

Цепи. Найденные на Белоозере обрывки же-лезных цепей могли иметь различное примене-ние, в частности служить путами для лошадей. Все они обнаружены в горизонте XIII в.

В культурном слое Белоозера не сохрани-лось остатков защитных доспехов, кроме одного железного колечка от кольчуги. Его диаметр 1 см (1961 г., № 380, раскоп XXXII). Дата — вторая половина XIII в. Малочислен-ность находок оружия и доспехов может соз-дать впечатление, что среди белозерцев почти не было ратников. Однако летопись под 1146 г. сообщает о тысяче бронников белозерской дру-жины. Белозерский полк участвовал в феодаль-ных войнах, ходил по Волге на г. Булгар и с успехом осаждал его в 1183 г. Оружие и дос-пехи берегли, передавали из поколения в по-коление, поэтому они редко попадали в землю.

ПРОИЗВОДСТВО ИЗДЕЛИЙ ИЗ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ

Раскопки Белоозера дали немногочисленные, но достоверные факты, подтверждающие раз-витие здесь наряду с черной металлургией производства изделий из цветных металлов. Это — слитки, заготовки, отходы производства в виде обрезков медных пластин и, наконец, орудия производства литейщиков и чека-нчиков.

Исходным в производстве изделий из цвет-ных металлов является сырье, поступавшее в виде слитков. На Белоозере найден лишь один слиток (рис. 47, 6). Он трехгранный в се-чении, размером 6,5 × 2,5 см. Аналогичные по форме слитки найдены в Новгороде³⁶; подоб-ные известны в эпоху викингов в странах Скандинавского полуострова³⁷. Анализ бело-зерского слитка (вес 75 г) показал, что он является полуфабрикатом: к медной основе добавлены искусственно олово (10%), свинец (7%), сурьма (1,5%), мышьяк (0,8%). Вис-мут, серебро, кобальт, золото, марганец при-сутствуют в тысячных и сотых долях про-цента³⁸.

³⁶ Н. В. Рындина. Технология производства новгород-ских ювелиров X—XV вв. МИА, № 117, 1963, стр. 206—207.

³⁷ Там же.

³⁸ Анализ производила Т. В. Барцева в лаборатории Института археологии АН СССР.

Судя по анализу 18 бронзовых изделий из Белоозера, произведенному Е. Н. Черных, белозерские ювелиры в основном пользовались оловянистыми и свинцовистыми бронзами. По проценту содержания олова и свинца белозер-ская бронза близка к новгородской³⁹.

Не касаясь вопросов технологии производ-ства, подробно разобранных Н. В. Рындиной на образцах новгородской коллекции, рассмотрим имеющиеся в нашем распоряжении материалы, связанные главным образом с орудиями произ-водства мастера-литейщика.

Тигли. В тиглях происходит одна из важней-ших технологических операций обработки цветных металлов — плавление. На Белоозере найдено 25 тиглей, десять из них почти целые. Тигли разнообразны по форме и величине и могут быть объединены в следующие группы: цилиндрические и конусовидные с округлым дном и плоскодонные.

Тигли цилиндрические с округлым дном (5 экз.). Тигель правильной цилиндрической формы из темно-серой глины, хорошо отмученной и обожженной, часть стенки отбита (рис. 48, 18). Высота 5,3, диаметр 2, толщина стенок 0,4, днища — более 0,5 см (горизонт X — начала XI в., раскоп XXXVII 1965 г., пласт 3, № 126).

Часть днища тигля (рис. 48, 16). Диаметр дна 1,5 см, толщина стенок 0,4 см, глина опла-кована; снаружи стенки покрыты медистыми окислами красного цвета (горизонт XI в., рас-скоп XL, пласт 2, № 195).

Часть днища тигля (рис. 48, 7). Высота сохранившейся части 3,3 см. Глина серая, хо-рошо отмучена и обожжена. Диаметр 2,6, толщина стенок 0,3, дна — 0,7 см. Снаружи стенки покрыты черной оплакованной массой (горизонт середины XIII в., раскоп VIII 1952 г., пласт 5, № 252).

Тигель целый, в верхнем сечении — оваль-ный (рис. 47, 5 и 48, 11). Высота 5,5, диаметр 4, толщина стенок 0,5—0,7 см, глина черная, пористая. Покрыт медистыми шлаками крас-ного и зеленого цветов (горизонт второй поло-вины XIII в., раскоп XXX 1959 г., пласт 4, № 1206).

Часть днища и стенок сильно обгоревшего тигля (рис. 48, 8). Высота сохранившейся час-ти 4, диаметр 2 см. Стенки оплакованы и сли-ты с массой медистых шлаков красно-корич-невого цвета, покрывающих тигель снаружи (горизонт второй половины XIII в., раскоп XXX 1959 г., пласт 4, № 1207).

³⁹ А. А. Коновалов. Изучение химического состава медных сплавов из Новгорода. СА, 1969, № 3, рис. 5, стр. 211.

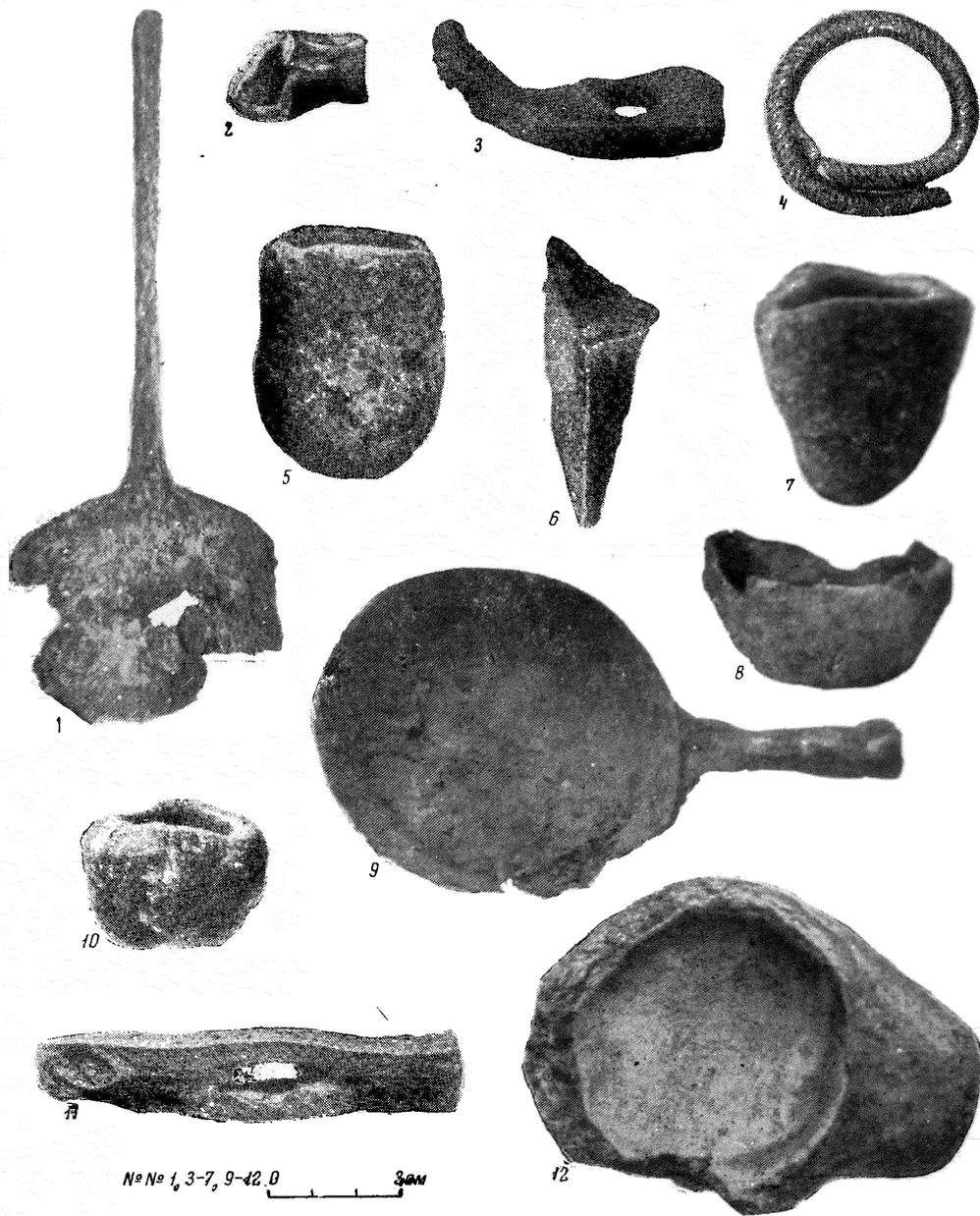

Рис. 47. Орудия литейщика-чеканщика

1 — ложка;	5, 7, 8, 10 — тигли;	2, 5, 7, 8, 10, 12 — глина;
2, 12 — льячки;	6 — слиток;	4, 9 — бронза;
3, 11 — ювелирные молоточки;	9 — ковшичек;	
4 — заготовка;	1, 3, 11 — железо;	6 — медь с примесями

Тигли конусовидные с округлым дном (6 экз.). Верхняя часть стенки конического тигля со сливом (рис. 48, 14). Диаметр 4 см, толщина стенок 0,4 см. Глина темная, ошлакована (горизонт XI в., раскоп XXXVII 1963 г., пласт 4, № 147).

Верхняя часть тигля со сливом. Неполная

высота 3,8 см, диаметр около 4 см, толщина стенок 0,8 см. Глина светло-желтая, снаружи сильно обожженная, пористая (горизонт начала XII в., раскоп XXVIII 1960 г., пласт 2, № 185).

Тигель целый (рис. 47, 7). Верхняя часть со сливом, имеет диаметр 5 см, к днищу ко-

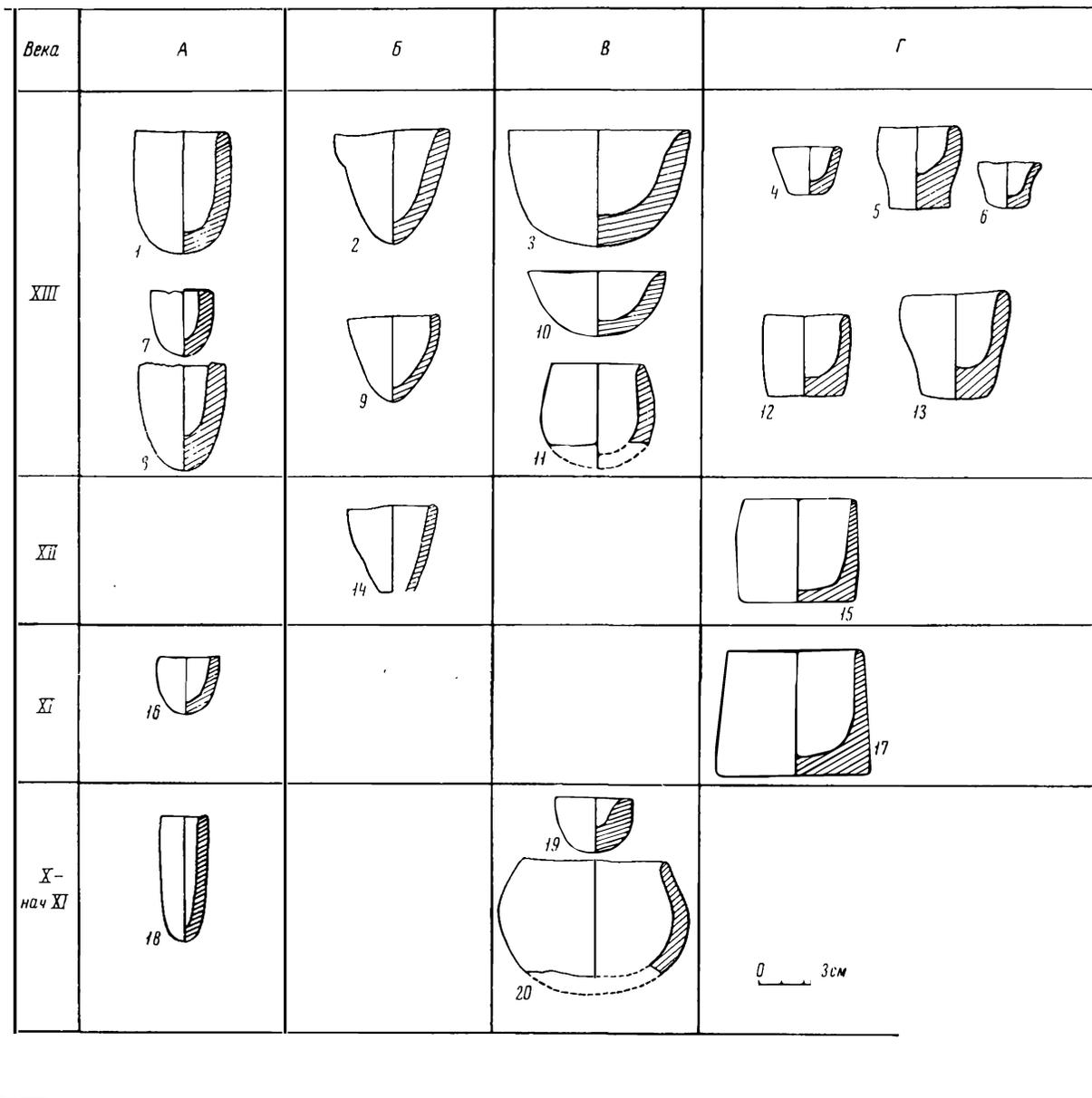

Рис. 48. Типы тиглей Белоозера

Круглодонные: А — цилиндрические, Б — конусовидные; В — чашевидные; Г — плоскодонные

пусовидно сужается. Высота 5 см, толщина стенок около 0,8 см. Глина темно-серая, снаружи ошлакована (горизонт первой половины XIII в., раскоп V 1952 г., № 218).

Тигель целый (рис. 48, 9). Диаметр верхней части тигля 4 см, высота 4 см, толщина стенок 0,4 см. Глина серая, хорошо отмучена и обожжена (горизонт первой половины XIII в., раскоп XVI 1957 г., пласт 6, № 260).

Верхняя часть тигля со сливом (горизонт

второй половины XIII в., раскоп VI 1952 г., пласт 2, № 375).

Тигли чашевидные с округло-уплощенным дном. Известно 7 экземпляров тиглей чашевидной формы. Они найдены, начиная с горизонта X в. до горизонта XIII в. Размеры их сильно варьируют.

Тигелек целый в виде толстостенной чаши со слегка загнутыми внутрь краями (рис. 47, 10). Высота 2,4 см, верхний диаметр 3,4 см,

днища около 2,5 см, толщина стенок около 0,7 см. Глина желтоватая, хорошо отмучена (горизонт X в., раскоп XV 1959 г., № 958).

Обломок стенки чашевидного тигля с загнутым внутрь верхним краем (рис. 48, 20). Неполная высота 4 см, толщина стенок до 0,5 см. Глина серая, хорошо отмучена и обожжена (горизонт XI в., раскоп XXXVII 1963 г., № 52).

Два целых и три обломка тиглей. У всех диаметр верхнего края несколько превышает диаметр днища и высоту. Размеры варьируют: $3 \times 2,5$ см; $3,5 \times 2,5$ см; 5×3 см; $6 \times 3,8$ см. Самый крупный тигель (рис. 48, 3) имеет диаметр 8, высоту 4 и диаметр днища около 5 см. Толщина его стенок 0,7, днища — свыше 1 см. Тигель вылеплен из серой глины с крупной дресвой. Внутри к стенкам прикипел металл (раскоп XXXI 1959 г., № 1232). Все эти находки обнаружены в горизонте XIII в.

Тигли плоскодонные. Цилиндрические — 8 экз. (рис. 48, 4, 12, 15, 17). На Белоозере найдено 6 разбитых цилиндрических тиглей: по одному в горизонте конца XI и XII в. и 4 — в горизонте второй половины XIII в. Все они приземистой формы, с высотой, равной диаметру. Стенки почти прямые, верхний край округлен (в одном случае чуть отогнут). Размеры колеблются от $3,5 \times 3,5$ до $5,6 \times 5,6$ см. В зависимости от высоты сосуда толщина стенок составляет по верхнему краю 0,4—0,6 см; к днищу она увеличивается. Днища толстые, до 1 см. Глина хорошо промешана, цвет от серо-желтого до темно-серого, почти черного.

Рюмкообразные тигли (3 экз.). У тиглей этой формы днища очень толстые, а стенки более тонкие, слегка расширяются вверх. Все тигли найдены в горизонте XIII в. Размеры их сильно варьируют (рис. 48, 5, 6, 13).

Форма тиглей, как уже отмечалось в литературе, подчинена известным историческим и этническим традициям. Круглодонные конусовидные тигли были распространены в лесной полосе Восточной Европы⁴⁰. Этот факт обусловлен, вероятно, не только производственной целесообразностью данной формы тиглей, но что указывает Н. В. Рындина, но и традиционностью форм круглодонной глиняной посуды для дославянского, финского, населения Севера. Узкие цилиндрические тигли с круглым дном, найденные на Белоозере, повторяют форму и размер тиглей из раннего (финского) слоя Пскова и городища Камно (VIII—IX вв.). В Новгороде эта форма тиглей неизвестна, но она есть в Прикамье, где бытует в X и XII вв.

Цилиндрические тигли с круглым дном применяются на Белоозере и в XIII в.: они сосуществуют в это время с плоскодонной формой тиглей, привнесенной, очевидно, русскими мастерами. Ранее конца XI в. эта последняя форма тиглей здесь неизвестна. Чашевидные полушарические тигли встречаются на Белоозере с горизонта X в. Эта форма тиглей особенно удобна для плавления малых количеств металла.

Льячки предназначались для разливания металла в форму; в некоторых случаях в них происходило и плавление. На Белоозере найдены льячки двух типов. Первый — открытые льячки ложковидной формы с втульчатыми ручками. Край венчика слегка вытянут и приспособлен для слива металла (3 экз.). Две льячки найдены в горизонте X—начале XI в. Они сделаны из серой глины, имеют грубую шероховатую поверхность (рис. 12, 8). Размер их $5,7 \times 4,7$ см. Третья размером 9×7 см. (рис. 47, 12), с массивными толстыми стенками, происходит из горизонта конца XII в. (раскоп IV 1949 г., № 362).

Форма льячек первого типа широко распространена на севере Восточной Европы, в финской среде. Ее использовали и русские ремесленники. Подобные льячки известны, например, в Новгороде⁴¹.

Второй тип — льячки закрытые, с одним отверстием. Тулово льячки овальное, вытянутое, днище закруглено. Два уплощенных выступа сверху и сзади служат для захвата льячки клещами. Глина темно-серая, хорошо промешана и обожжена. Размер этих льячек $3,3 \times 1$ см. Две закрытые льячки происходят из горизонта второй половины XI в. и середины XIII в. (рис. 47, 2). Такие льячки известны в это время в Киеве, Вышгороде и Новгороде. В них могли также плавить медь, серебро и эмали.

На Белоозере найдена всего одна каменная литейная форма, служившая для изготовления очковидных подвесок с крестиком и круглых подвесок. Дата — X в. Она односторонняя, выполнена из светлого известняка (рис. 12, 9).

Большинство изделий из цветного металла, найденных на Белоозере, изготовлено местными мастерами. Они, несомненно, владели всеми приемами литейного мастерства — от литья по восковой модели до литья навыплек. О последнем свидетельствует находка серебряного трехбусинного височного кольца грубой работы (рис. 49, 12).

Помимо литья, белозерским мастерам по цветному металлу были знакомы приемы ков-

⁴⁰ Н. Н. Стоскова. Древнерусское литейное дело (домонгольский период). Автреф. канд. дисс. М., 1954, стр. 10; Н. В. Рындина. Указ. соч., стр. 214.

⁴¹ Н. В. Рындина. Указ. соч., рис. 7, 5, стр. 214.

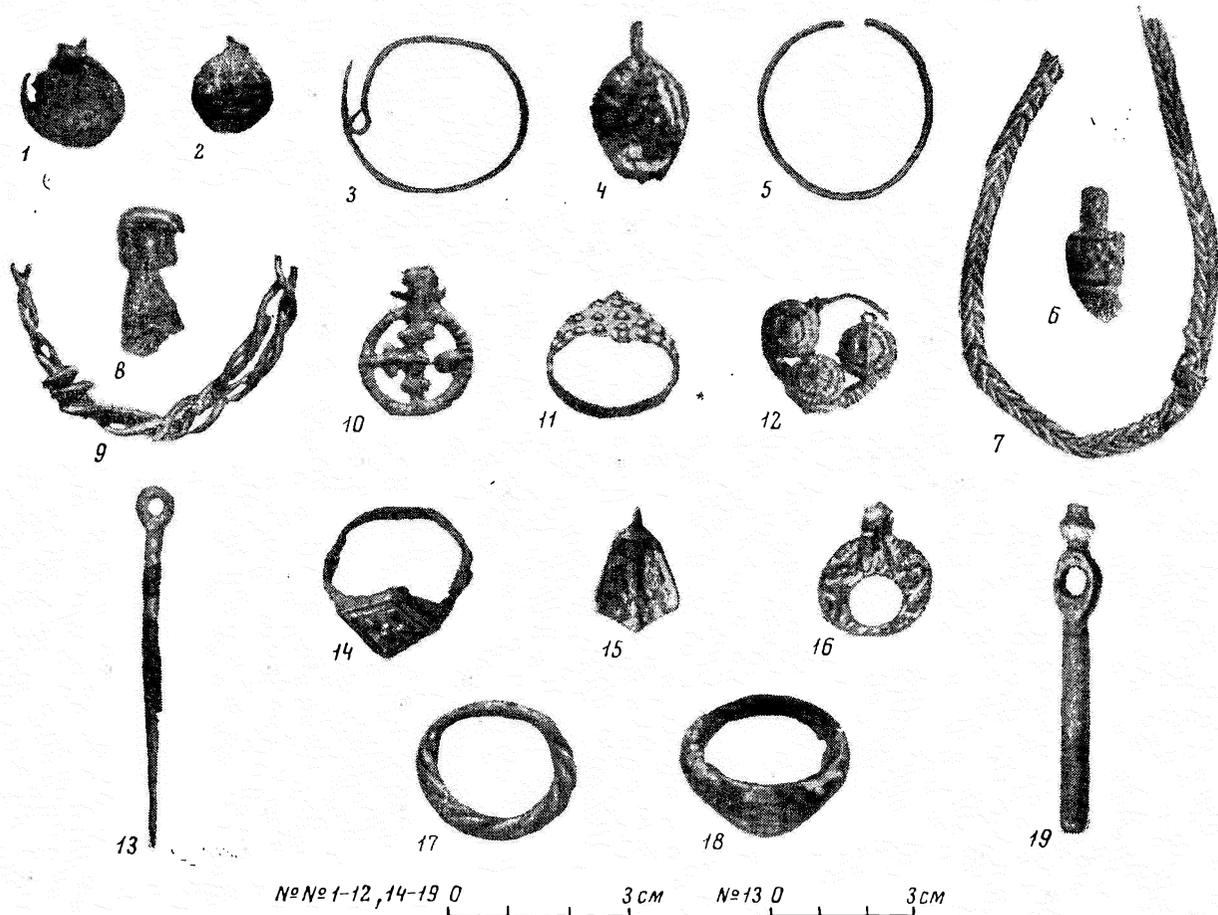

Рис. 49. Белоозеро. Украшения из цветных металлов

1, 2 — бубенчики;	7, 9 — браслеты;	4 — биллон и стекло;
3, 5, 12 — височные кольца;	11, 14, 17, 18 — перстни;	6, 7, 14, 16 — свинцово-оловянистые сплавы;
4 — медальон;	13, 19 — булавки;	11, 12 — серебро
6, 8, 10, 15, 16 — подвески;	1—3, 5, 8—10, 13, 15, 17, 19 — бронза;	

ки, тиснения, штамповки, чеканки и др. Это подтверждают находки ювелирных молоточков, штампа, пуансона.

Первый молоточек — сильно вытянутый, имеет прямоугольный боек и долотовидное лезвие. Длина молотка 9,5 см. Дата — XIII в. (рис. 47, 11).

Второй молоточек имеет широкий прямоугольный боек и узкий загнутый противоположный конец с закруглением. Длина молотка 6,5 см, величина бойка $1,4 \times 1,5$ см, диаметр закругленного конца 0,7 см. Втулка круглая, ее диаметр 0,7 см (рис. 47, 3). Дата — XIII в. (раскоп XI 1950 г., № 924). Изогнутый конец такого молоточка употреблялся как наковаленка при чеканке.

К инструментам чеканщика можно отнести также железный пуансон. Его верхний конец, по которому ударили молотком, обломан. Ниж-

няя часть четырехгранная. Общая длина 9,4 см. Рабочий конец квадратный (1×1 см) с четырьмя выступами, которыми наносился на изделие углубленный крестовидный орнамент (рис. 50, 9). Пуансон найден в горизонте второй половины XIII в.

Бронзовый плоско-выпуклый штамп диаметром 2 см, с четырьмя крестовидными углублениями по центру употреблялся, вероятно, при тиснении бляшек или медальонов (рис. 50, 10). Найден в горизонте второй половины XIII в. (раскоп XXXII 1961 г., № 296).

Из горизонта середины XIII в. происходит круглая выпукло-вогнутая свинцовая пластина диаметром 2,5 см и толщиной около 0,3 см (раскоп XVII 1958 г., № 74). Возможно, она служила матрицей при тиснении.

Несомненное отношение к литейному или ювелирному производству имел также медный

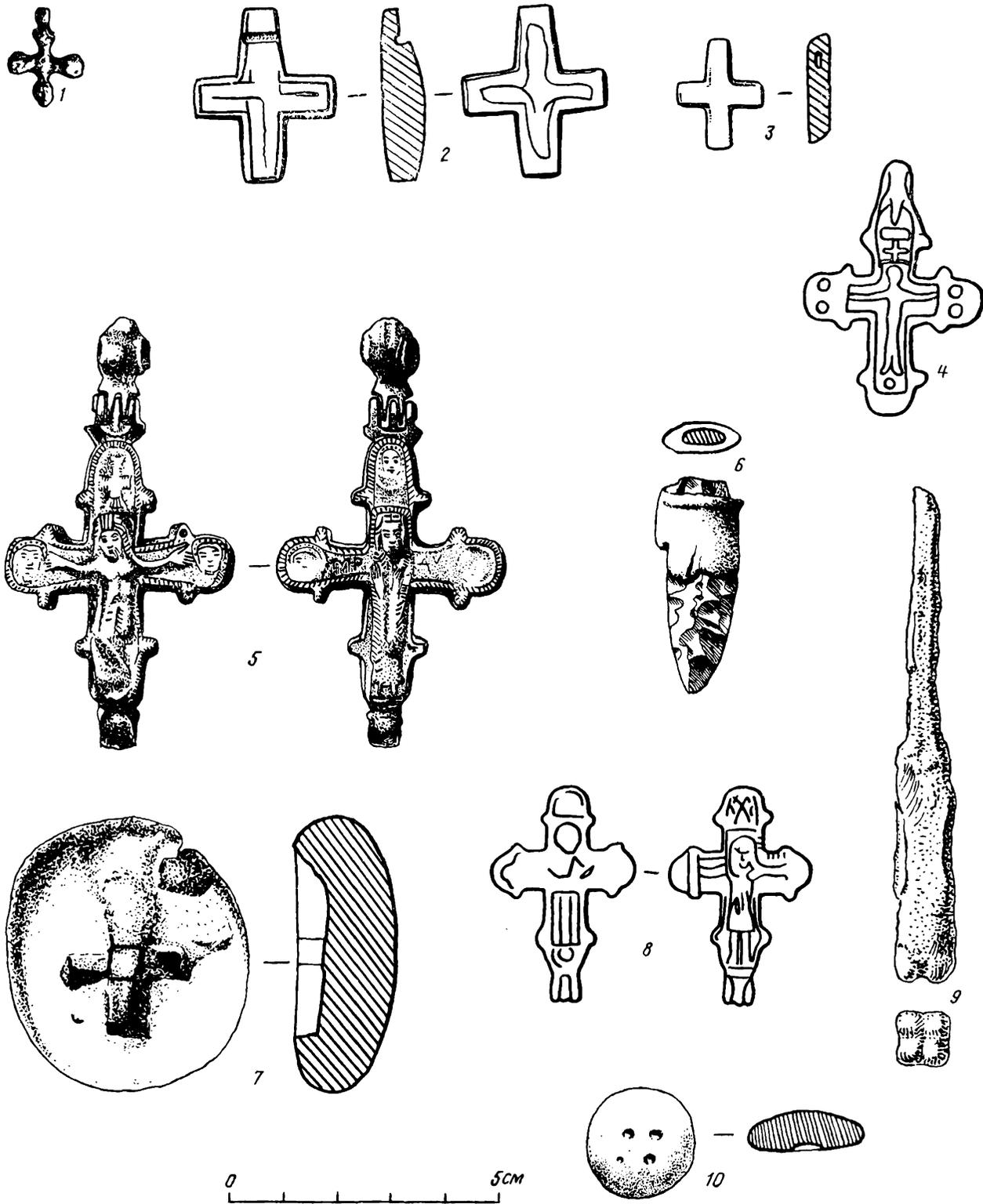

Рис. 50. Кресты и другие изделия

1—5, 8 — кресты;

6 — амулет;

7 — форма для изготовления крестов;

9 — пуансон;

10 — штамп;

1, 4, 5, 8, 10 — бронза;

2 — камень;

3, 7 — глина;

6 — кремь в биллоновой оправе;

9 — железо

Стратиграфия височных колец

Дата горизонта	Проволочные										Лунничные	Щитковые	Бусинные	Всего
	перстнеобразные				средние			браслетообразные		с головой зверя				
	несомкнутые	с заходящими концами	плоскоушные	эсоконечные	несомкнутые	с заходящими концами	эсоконечные	несомкнутые	втульчатые					
XIII в.	24	5	1	1	2	1	1			2		2	2	
XII в.	1	1				1								
XI в.	1	2												
X в.	2							1	1		1			
Итого	28	8	1	1	2	2	1	1	1	2	1	2	2	52

ковшичек (рис. 47, 9), найденный в жилище-мастерской конца XII в. (раскоп IV 1949 г., постройка 5, стр. 96) вместе с массивной глиняной льячкой. Ковшичек выкован из одной пластины, длина его (вместе с ручкой) 13 см; ручка полая, приспособленная для насадки на деревянную рукоять. Диаметр ковшичка 5 см. В ковшичке могли ставиться на огонь легкоплавкие сплавы — припай.

Железная ложка плоская (длина 14,7 см, размер рабочей части 5,5 × 4 см), выкована из одного куска железа. Ее рабочая часть скруглена, края обломаны (рис. 47, 1). Происходит из горизонта второй половины XIII в. Вместе с ней найден обломок плоскодонного тигля (раскоп XXXI 1959 г.).

По форме и пропорциям ложка сходна с «лопатками» из Приладожских курганов с очагами, но вдвое меньше их⁴².

Еще одна находка из горизонта второй половины XIII—XIV в., возможно, имеет отношение к литейному делу. Это железная мисочка диаметром 7 и глубиной 2 см, с петлями-ручками (раскоп XXXII 1961 г.).

Рассмотрим изделия из цветных металлов, найденные на Белоозере. В основном они являлись, несомненно, продукцией местных ремесленников. Наиболее массовый материал (украшения) представлен височными кольцами, перстнями, подвесками и т. д.

Височные кольца (52 экз.). Наиболее многочисленны на Белоозере бронзовые проволочные височные кольца (рис. 49, 3, 5). Преобла-

дание этой категории височных колец над другими отмечено также для Южного Приладожья, бассейнов Мологи и Суды, Ярославского и Костромского Поволжья с их исконно финским населением⁴³. Среди проволочных подавляющее большинство принадлежит перстнеобразным височным кольцам с несомкнутыми концами. Они известны с горизонта X в., но сосредоточены в основном в горизонте XIII в. (см. табл. 21).

Височные втульчатые кольца носили женщины мери в VII—XI вв.⁴⁴ Характерно присутствие в горизонте X в. височного кольца лунничного типа с двумя рядами трапецевидных шумящих подвесок (рис. 51, 5). Это также угрофинский тип височных украшений.

В горизонте XIII в. обнаружены два бронзовых височных кольца с условно переданной головой зверя (лося?), увенчанной зубчатым гребнем (рогами?) с раскрытой пастью и выступами внизу, имитирующими бороду (рис. 7). По заключению Н. В. Рындиной, заготовка в виде прямого проволочного стержня, заканчивающаяся головой зверя, отливалась по восковой модели, затем ее проволочная часть проковывалась и сгибалась. Аналогия этим кольцам известна из погребения XI в. Киснемского могильника веси на Белом озере⁴⁵.

В горизонте XIII в. найдены 2 экземпляра трехбусинных височных колец из плохого се-

⁴³ В. П. Левашова. Височные кольца Сб. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.». «Труды ГИМ», вып. 43. М., 1967, стр. 9—11.

⁴⁴ Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, № 94, 1961, стр. 96, рис. 39, 21.

⁴⁵ Л. А. Голубева. Могильник X — середины XI в. на Белом озере. СА, 1961, № 1, рис. 6, 4.

ребра. Одно гладкое (обломок) (рис. 51, 1), второе позолоченное, украшено ложной зернью (рис. 49, 12). Последнее подвергалось анализу в археологической лаборатории МГУ. Оно изготовлено путем литья навыплек в трехсторонней имитационной литейной форме.

Аналогичные височные кольца, сделанные в той же технике, известны из горизонта XIII в. Новгорода.

В горизонте XIII в. Белоозера найдены также обломки двух ромбо-щитковых височных колец (рис. 51, 5).

Если бусинные и щитковые височные кольца принадлежат к типично славянским женским украшениям, то кольца с головой зверя представляют собой местный тип височного кольца, возникший в среде угро-финского населения Белоозера. Присутствие таких колец в горизонте XIII в. свидетельствует о наличии восточного этнического компонента в среде городского населения.

Подвески в составе ожерелья. Лунницы (4 экз.). Широкая лунница, литая из плохого серебра, с имитацией зерни и скани происходит из горизонта XI в. В горизонте XII в. найдены две миниатюрные бронзовые узкорогие лунницы с углубленной линией по центру (рис. 51, 10). XIII в. датируется лунница из некачественного серебра замкнутоконечная, с круглым отверстием, обрамленным углубленной зигзагообразной линией (рис. 49, 16).

Подвески круглые (4 экз.). Две подвески, литые из свинцово-оловянистого сплава с изображением процветшего креста, найдены: малая — в горизонте второй половины XIII в. (рис. 15, 17), большая — в выбросе (рис. 51, 18). Бронзовая литая крестовключенная подвеска (рис. 49, 10) происходит из горизонта первой половины XIII в. Подвески этих двух типов принадлежат к широко распространенным украшениям, изготавливавшимся серийно русскими ремесленниками. Четвертая подвеска из свинцово-оловянистого сплава украшена тремя концентрическими рядами псевдозерни и 10 лучами, отходящими от центра. Она отличается грубостью выполнения, найдена в дерне. Вероятно, это местная подвеска XII—XIII вв. (рис. 51, 19).

Подвеска-амулет. Бронзовая, имитирующая коготь медведя (?), заключенный в филигранную оправу с петлей (рис. 49, 6). Найдена в горизонте первой половины XIII в. Аналогична подвеске из кургана 340 у дер. Ворогово⁴⁶. Такие же имеются в Костромских курганах.

Н. Н. Воронин связывает эти подвески с культом медведя⁴⁷.

Подвеска-медальон овальной формы из биллона и стекла. Овальная оправка с петлей, зубчики ее удерживают вставку из фиолетового стекла плоско-выпуклой формы. Медальон — единственная находка такого рода в Белоозере; стратиграфически датируется серединой XIII в. (рис. 49, 4).

Бубенчики (18 экз.). Бронзовые бубенчики подразделяются на грушевидные крестопорезные и шаровидные с одной щелью. Древнейшими являются крупные (3 × 2,5 см) грушевидные бубенчики с крестовидной прорезью, выпуклым пояском и насечками на лопастях. Три экземпляра таких бубенчиков найдены в горизонте X и XI вв. (рис. 5, 5). Еще три грушевидных бубенчика малого размера встречены в горизонте XII в.

В горизонте XII—XIII вв. найдены шаровидные бубенчики со щелевидной прорезью; девять из них без орнамента, три — с врезными концентрическими линиями (рис. 49, 1—2). Еще один шаровидный бубенчик с рельефным пояском происходит из горизонта XIII в.

Шумящие подвески составляют в основном поясные и нагрудные женские украшения. Это — треугольная многоспиральная, зооморфные, игольчики. Все они бронзовые.

Треугольная многоспиральная подвеска, отлитая по восковой модели с петлями для шумящих привесок (рис. 5, 4), принадлежит к числу типичных финно-угорских украшений X—XIII вв., встречающихся от Приобья до Ярославского Поволжья. Белоозерская подвеска по массивным костылькам позднего прикамского типа и стратиграфически датируется первой половиной XIII в.

Зооморфные подвески (6 экз.). Древнейшей является плетеная коньковая подвеска из горизонта X в. (рис. 51, 14). Такие подвески характерны для Волго-Клязьминского междуречья — области мери, известны они и на Ветлуге в погребениях X — начала XI в.

Три стилизованные коньковые подвески плоского литья (рис. 5, 7, 8, 9), найденные в горизонте XII—XIII вв., представляют собою трансформацию верхнекамских двухголовых коньковых подвесок⁴⁸, но уже в другое время и на иной территории. Их основной ареал — Костромская, Вологодская, Архангельская области.

Плоская литая подвеска-уточка с петлями для несохранившихся подвесок (рис. 5, 1) и полая

⁴⁷ Н. Н. Воронин. Медвежий культ в Верхнем Поволжье. МИА, № 6, 1941, стр. 163.

⁴⁸ Л. А. Голубева. Археологические памятники веси на Белом озере. СА, 1962, № 3, стр. 70.

⁴⁶ А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15. СПб., 1905. рис. 340.

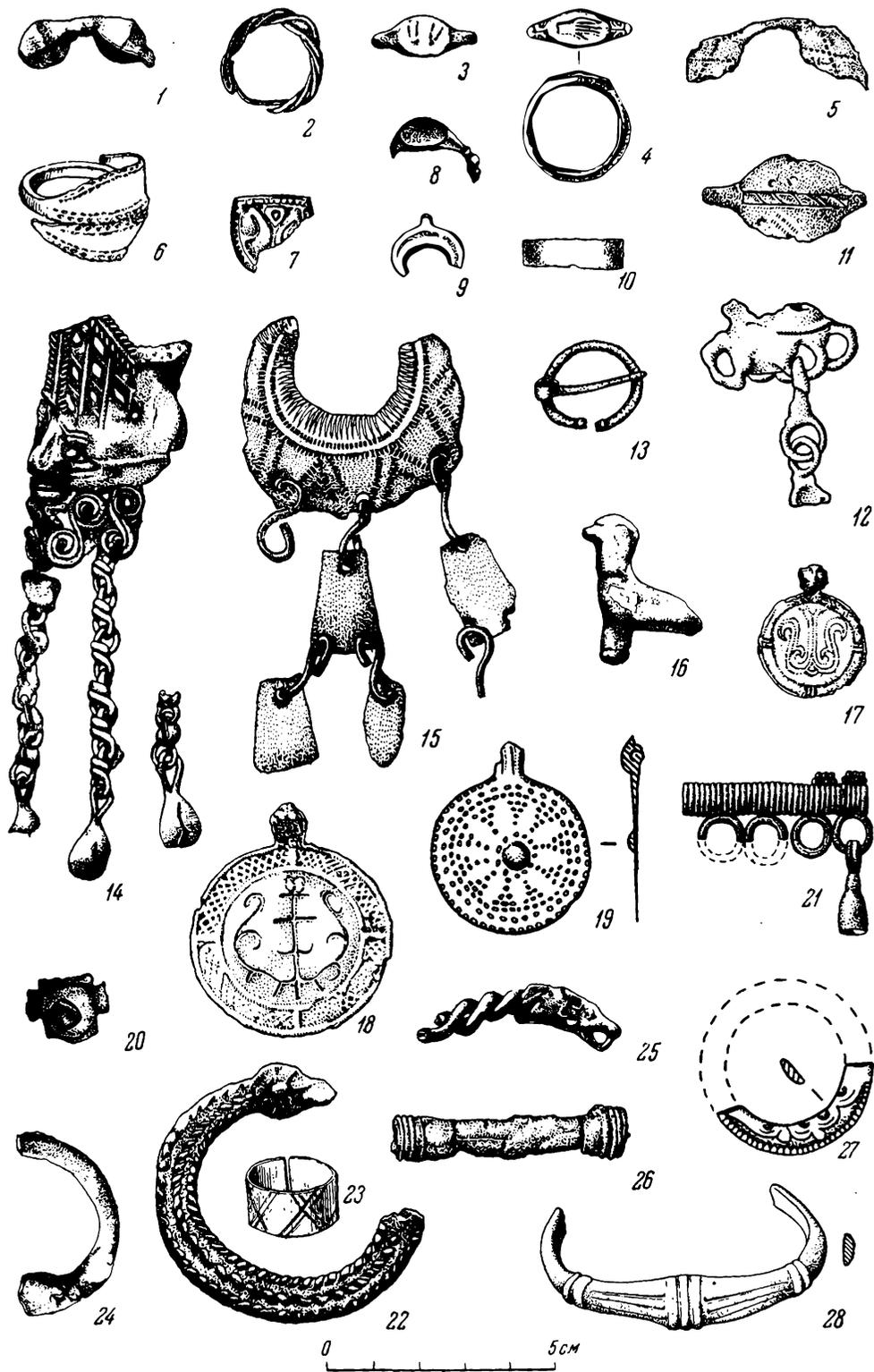

Рис. 51. Белоозеро. Украшения из цветных металлов

подвеска (уточка или баранчик?), разломанная, с шумящими привесками в виде утиных лапок (рис. 51, 12) принадлежат к числу зооморфных подвесок, распространявшихся в XII—XIV вв. от Приладожья до Прикамья.

Два игольника найдены в разных горизонтах Белоозерского поселения. Оба отлиты по восковой модели. Древнейший (X в.) — цилиндрический с тремя поперечными валиками у концов (рис. 51, 26). Второй, с присоединенным к цилиндрической основе сложным ажурным завершением (рис. 5, 3), типологически и стратиграфически датируется концом XII—XIII в.

На Белоозере найдены также обломки шумящих подвесок и отдельные их детали: привески в виде утиной лапки (1 экз.), конические (2), бутылковидная, костыльки и др.

Пронизки. Бронзовые пронизки служили украшением кожаных ремешков или шерстяных шнуров, на которых привешивались к поясу или крепились к одежде на груди или на плече шумящие подвески. Наиболее древние — сферические пронизки (бусины) с оттянутыми концами. Они найдены в горизонте X—XI вв. Цилиндрическая пронизка с рельефными поперечными поясками на концах и по центру и ф-образная пронизка-цилиндр с двумя припаянными с боков колечками (рис. 5, 2) более поздние. Такие пронизки в XII—XIII вв. бытуют на территории от Прикамья до Приладожья. Их стратиграфия на Белоозере подтверждает эту дату.

Браслеты (32 экз.) Следуя классификации В. П. Левашевой, мы разделяем браслеты, найденные на Белоозере, по технологическому признаку.

Дровые (4 экз.). В горизонте X в. найден один бронзовый тонкоконечный браслет; второй — в горизонте второй половины XII — начале XIII в. Два браслета из свинцово-оловянистого сплава происходят из горизонта середины XIII в. (рис. 5, 12, 14).

Витые (8 экз.) Семь браслетов свиты из бронзовых проволок (3×2). Один из них относится к типу петлеконечных. Дата — XII—XIII вв. Интересен браслет, витой из двух проволок (обломок), конец которого оформлен в виде литой

головки зверя, судя по четко переданным передним резцам, — бобра (рис. 51, 25). Браслет выполнен из светлого свинцово-оловянистого сплава, происходит из горизонта второй половины XIII в.

Плетеные (2 экз.). Браслеты изготовлены из свинцово-оловянистого сплава. Один с обломанными концами, второй — с плоскими круглыми завершениями. Оба найдены в горизонте середины — второй половины XIII в. (рис. 5, 7).

Ладьевидный — 1 экз. (рис. 12, 4 и 51, 28). Этот бронзовый браслет из горизонта X в. представляет собой скандинавский импорт.

Пластинчатые (18 экз.). Среди них различаются ленточные, ширококонечные, овальноконечные, широкосрединные и ложновитые.

Ленточные (13 экз.). Браслеты согнуты из узких плоских пластин, три из них орнаментированы тонким чеканом. По горизонтам культурного слоя распределяются следующим образом: X в. — 2 экз., XI в. — 2 экз., конец XII — XIII в. — 9 экз.

Ширококонечный (1 экз.). Это бронзовый литой браслет, орнаментировавший на концах тремя валиками, рассеченными по центру выемкой (рис. 12, 5). Происходит из горизонта X в. Принадлежит к числу типичных финно-угорских изделий.

Овальноконечные (2 экз.). Оба браслета литые: один бронзовый, второй — из оловянистого сплава. Украшены по краям имитацией шнура, по центру — рельефным пояском (рис. 5, 14). Найдены в горизонте XIII в.

Широкосрединный (1 экз.). Этот браслет бронзовый, литой, в расширенной средней части орнаментирован пятью ребристыми выступами. Датируется второй половиной XIII в. (рис. 5, 13).

Ложновитой (1 экз.). Браслет бронзовый. Дата — XIII в.

Гривны (4 экз.). Фрагменты трех бронзовых витых из двух проволок шейных гривен найдены в горизонте конца XII — начала XIII в. (рис. 5, 15). Обломок железной гривны, свитой из двух четырехгранных дров, происходит из горизонта XII в. Не исключено, что этот обломок находился здесь во вторичном залегании.

Рис. 51 (окончание подписи)

1 — трехбусинное височное кольцо (обломок);
2—4, 6, 8, 10, 11, 20, 23 — перстни;
5 — ромбоштитковое височное кольцо;
7 — поясная бляшка;
9 — лунница;
12 — шумящая подвеска-конек (?);

13, 22, 24 — пряжки;
14 — коньковая подвеска;
15 — лунничное височное кольцо;
16 — навершие булавки;
17—19 — круглые подвески;
21 — подвеска;
25, 28 — браслеты;
26 — игольник;

27 — поясное кольцо;
1, 17—19 — свинцово-оловянистые сплавы;
2—6, 8, 16, 21, 22—24, 26—28 — бронза;
7, 25 — биллон (?);
20 — свинцово-оловянистый сплав и стекло

Перстни. На Белоозере найдено 36 перстней. Все они происходят из горизонта второй половины XII—XIII в. Подавляющее большинство перстней — бронзовые, 5 биллоновых, один из оловянисто-свинцового сплава, 3 железных.

Пластинчатые перстни (18 экз.) — наиболее многочисленные. Среди них можно выделить несколько разновидностей.

Пластинчатый прямой с завязанными концами — 1 экз.; типологически он может быть отнесен к XI в.

Пластинчатый прямой, замкнутый, орнаментированный насечкой в виде косых крестов, — 1 экз. (рис. 51, 23).

Пластинчатые прямые с разомкнутыми или заходящими концами, без орнамента — 7 экз.; 3 из них железные, остальные бронзовые (рис. 51, 10).

Пластинчатые прямые закрайные литые, биллоновые — 2 экз. Орнаментированы по центру тремя выпуклинами, окруженными мелкозернистыми ободками и эсвидными усиками. По краю — ободок, имитирующий скальп (рис. 5, 11). Найдены в горизонте середины и второй половины XIII в.

Пластинчатые широкосрединные, замкнутые, литые биллоновые (2 экз.). Лицевая сторона первого перстня украшена ложнозерненным орнаментом в три ряда (рис. 49, 11). Центральные, более крупные выпуклины образуют крест. Второй перстень — обломок. Найдены в горизонте второй половины XII в. Аналогичные перстни из оловянисто-свинцового сплава в Новгороде имеют ту же дату⁴⁹.

Пластинчатые овально-щитковые — 5 экз. Один из них с расширенными, заходящими друг за друга концами, орнаментированным мелким городчатым орнаментом, найден в горизонте XII в. (рис. 51, 6). Остальные — свободноконечные (4 экз.), происходят из горизонта XIII в. Один из них — с выпуклым продольным ребром, орнаментированным мелким чеканом вкось (рис. 51, 11). Такие перстни характерны для Костромского Поволжья и часто встречаются в Вологодской и Ярославской областях⁵⁰.

Печатные литые перстни — 7 экз. По форме щитка среди них можно выделить овальнощитковые, шестиугольные, ромбощитковые.

Овальнощитковые (рис. 51, 8) — 5 экз. Три из них не орнаментированы. На одном изображении руки (рис. 51, 4). На пятом изображении

не ясно. Как на Белоозере, так и в Новгороде, овальнощитковые перстни с изображением руки датируются серединой XIII—XIV в.⁵¹

Шестиугольный — 1 экз. Без орнамента.

Ромбощитковый — 1 экз. Перстень литой, биллоновый; на печатке — рельефный крестовидный узор в рамке. Найден в горизонте XIII в. (рис. 49, 14).

Рубчатые литые с замкнутыми концами — 4 экз. Все эти перстни происходят из горизонта XIII в. (рис. 49, 17).

Ложновитой, с разомкнутыми концами — 1 экз., из горизонта середины XIII в.

Круглопроволочные гладкие — 4 экз. Середина их слегка утолщена, концы разомкнуты. Найдены в горизонте XIII в.

Проволочный витой (3×2), петлоскопный — 1 экз. Перстень происходит из горизонта первой половины XIII в. (рис. 51, 2).

Со стеклянной вставкой — 1 экз. Перстень изготовлен из оловянисто-свинцового сплава, щиток округлый, вставка из синего стекла (рис. 51, 20). Найден в горизонте второй половины XIII в.⁵² На Белоозере в горизонте XII—XIII вв. найдено еще 9 стеклянных плоско-выпуклых вставок для перстней.

Пряжки. Пряжки, или фибулы из цветного металла, служившие для застегивания одежды, на Белоозере немногочисленны (11 экз.), но разнообразны. Три из них заслуживают отдельного описания.

Дротовая кольцевидная бронзовая фибула с прилитыми усиками (рис. 44, 12). Диаметр 10 см. Найдена на предматерике раскопа XXXIX. Имеет аналогии в кольцевидных пряжках позднеяковских поселений, датирующихся IV—VI вв.

Овальная фибула из оловянисто-свинцового сплава. Отлита по восковой модели; лицевая сторона украшена тремя продольными выступами, имитирующими перевитые жгуты с чередующимися (левым и правым) направлениями витков; концы оформлены в виде выпуклых конических розеток (рис. 51, 22). Аналогии мне не известны. Найдена в шурфе на левом берегу Шексны, на предматерике, вместе с сетчатой, лепной и круговой керамикой. По наблюдению Е. И. Горюновой, переход от плетеных бронзовых украшений к подражающим им литым по восковой модели завершается у мери в XI в.⁵³ По грубости отливки фибула условно может быть отнесена к X в.

⁴⁹ М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода. МИА, № 65, 1969, стр. 255.

⁵⁰ Н. Г. Недошивина. Перстни. Сб. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.». «Труды ГИМ», вып. 43. М., 1967, стр. 262.

⁵¹ М. В. Седова. Указ. соч., стр. 255.

⁵² В Новгороде такие перстни датируются XII—XIV вв. (М. В. Седова. Указ. соч., стр. 256).

⁵³ Е. И. Горюнова. Указ. соч., стр. 101.

В горизонте конца X — начала XI в. на Белоозере найдена бронзовая фибула с личинами (рис. 13, 7), представляющая собой скандинавский импорт. Точная аналогия ей известна из кургана 2 у дер. Видлицы в Приладожье⁵⁴. В этом же горизонте на Белоозере найдена бронзовая лировидная пряжка (рис. 5, 10).

Небольшой серией (всего 5 экземпляров) представлены бронзовые литые подковообразные застёжки-фибулы с многогранными головками. В горизонте первой половины X в. найден 1 экз., второй половины X—XI в. — 2 экз., второй половины XII—XIII в. — 2 экз. Головки фибул, особенно более поздних, имеют расплывчатые очертания. Вероятно, все фибулы местного производства.

Подковообразные бронзовые проволочные пряжки со спиральнозагнутыми концами (2 экз.) найдены в горизонте второй половины XIII в. Их диаметр всего 2 см (рис. 51, 13). Язычок одной пряжки изготовлен из проволочного стержня, откованного на желобчатой наковальне⁵⁵.

В горизонте середины XIII в. найдены также овално-прямоугольная пряжка с рубчатым орнаментом и три кольцевидные. Две из них диаметром 4 и 2 см, гладкие, третья диаметром 2 см, украшена рубчатым орнаментом. Все пряжки литые.

Особняком стоит кольцевидная пластинчатая бронзовая пряжка с отверстием для закрепления иглы (рис. 5, 5), без орнамента. Дата — XIII в. Подобные пряжки характерны для северо-западных земель Древней Руси⁵⁶.

Украшенный поясного ремня, помимо обычных бронзовых гладких колец, обнаружено мало. Известно всего одно литое орнаментированное поясное кольцо XIII в. (рис. 51, 27). Найдены всего две литые бляшки — накладки из светлого металла: одна прямоугольная с полукруглым вырезом и выпуклой на лицевой стороне, вторая — овално-прямоугольная со стилизованным растительным орнаментом (рис. 51, 7). Обе бляшки на основании аналогий могут датироваться XI—XII вв. Бронзовый литой паконец пояса со стилизованным растительным орнаментом, найденный в горизонте X в., имеет ту же дату (раскоп XXVI 1959 г., № 415).

На Белоозере известно также несколько пуговиц — круглых, бронзовых, с ушками, без орнамента. Они датируются XII—XIII вв.

Найдена всего одна серебряная литая бусина с ложнозерненным орнаментом. Ее дата — начало XIII в.

Известны три бронзовые булавки. Первая (обломана) имеет вид круглого в сечении стержня с биконусовидным выступом над ушком. Дата — XI в. (рис. 49, 19). У второй утолщенный конец украшен тремя валикообразными расширениями и увенчан шарообразным утолщением с круглым отверстием (рис. 49, 13). Длина булавки 7,5 см. Найдена в горизонте XIII в. М. П. Кучера издал подобную булавку из Плиснеска как шпильку⁵⁷. Видимо, более права М. В. Седова, называя их булавками с подвижными кольцами и относя к числу одежных⁵⁸.

Третья булавка, от которой сохранилось только навершие в виде птички (рис. 51, 16), может быть сопоставлена с декоративными булавками из Финляндии и Приладожья, также завершающимися фигурками птичек⁵⁹.

На Белоозере найдены фрагменты толстой листовой меди и ушки от котлов. Форма последних по сохранившимся фрагментам не восстанавливается. Ушек от котлов известно 21. По горизонтам культурного слоя их находки распределяются следующим образом: в горизонте X в. — 1 экз.; в XI в. их нет; в горизонте середины и конца XII в. — 3 экз.; в XIII в. — 17 экз. Подавляющее большинство ушек медные и только 2 железные. Железные ушки происходят из горизонта XIII в. По форме и высоте петли (рис. 44, 14) они сходны с ушками новгородских котлов. По наблюдению Б. А. Колчина, в Новгороде ушки медных котлов всегда делались из железа⁶⁰. Форма медных ушек котлов из Белоозера в X—XIII вв. оставалась одинаковой. Они крупные, округлые (5—6 см длиной), концы раскованы в круглые пластины и соединены со стенками медными клепками (рис. 44, 15). Такие же крупные и круглые медные ушки мы видим на котлах из Озереберга и Бирки, Приладожских курганов, Кичиль-Косского могильника Перми-Вычегодской X—XI вв. и на некоторых котлах из марийских могильников X—XI вв. Очевидно, среди угро-финского населения Севера существовала определенная традиция изготовления котлов и их деталей, которая удерживалась на Белоозере и в XIII в. Вероятно,

⁵⁴ В. И. Равдоникас. Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и Юго-Восточном Приладожье, рис. IV, 14.

⁵⁵ Заключение археологической лаборатории МГУ от 23.III 1962 г., № 107.

⁵⁶ В. А. Мальм. Подковообразные и кольцевидные застёжки-фибулы. Сб. «Очерки по истории русской деревни». «Труды ГИМ», вып. 43. М., 1967, стр. 168—170.

⁵⁷ М. П. Кучера. Древний Плиснеск. АП, XII. Київ, 1962.

⁵⁸ М. В. Седова. Указ. соч., стр. 240—241.

⁵⁹ E. Kivikoski. Die Eisenzeit im Auraflossgebiet. SMYA, XLIII. Helsinki, 1939, fig. V, 2, 3.

⁶⁰ Б. А. Колчин. Указ. соч., стр. 104, рис. 90.

котлы были распространенным видом утвари в быту белозерцев. Другие категории бытовых предметов из цветных металлов представлены на Белоозере единицами. Так, в горизонте первой половины XIII в. найдена круглая крышка сосуда из тонкой (1 мм) листовой меди. Диаметр крышки 9,5 см; снизу она имеет бортик высотой 1 см, сверху по центру приклепана медная ручка. Там же (раскоп XVII 1957 г.) найдена медная литая лампада или кадильница в виде округлой чаши на низком поддоне; диаметр дна ее 6 см, верхний диаметр, вероятно, был равен 11—12, а высота — 8 см; изделие сильно разрушено патиной, а верхняя часть его обломана. На стенках заметен орнамент из параллельных врезных линий, нанесенных резцом. Своей формой белозерская лампада повторяет лампады XIII в. из Райковецкого городища⁶¹, только несколько крупнее их.

Фрагменты блюда из листовой бронзы диаметром 27 см, высотой 1 см, без орнамента найдены в горизонте середины XIII в. (раскоп XXXII 1961 г., № 455). Блюдо представляет собой, по заключению В. П. Даркевича, импорт из Поморья⁶².

Из случайных находок на Белоозере следует отметить круглый бронзовый стержень диаметром 0,8 и высотой 4 см, изогнутый в виде буквы S, с обломанными концами. Это часть хораса или паникадила. Дважды в дерновом слое встречены фрагменты бронзовых колоколов.

На Белоозере найдены части от весов для малых взвешиваний: коромысло и три бронзовые чашечки. Дата — XIII в.

Кресты из цветного металла, обнаруженные на Белоозере, немногочисленны (12 экз.). Большинство находок датируется XII—XIII вв. Древнейшим является бронзовый литой четырехконечный крестик размером 2 × 1,7 см, с неясным изображением на лицевой стороне. Происходит из горизонта X в. Такой же, но гладкий крест из свинца найден в горизонте конца XII — начала XIII в. Два четырехконечных (1,8 и 1,2 см) бронзовых крестика с шариками на концах (рис. 50, 1) датируются началом XIII в. Это совпадает с датой подобных крестиков из Новгорода и Костромских курганов⁶³.

В горизонте XIII в. обнаружены два креста с выступами у основания закругленных концов. На лицевой стороне обоих — распятие, на

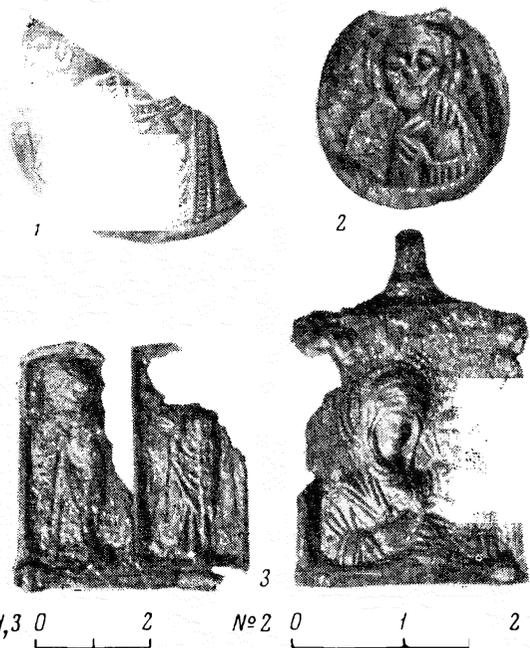

Рис. 52. Икона-складень и образки (1—3)

1, 2 — камень; 3 — бронза

трех концах в круглых клеймах — погрудные изображения святых. Рельеф низкий, изображения схематичные, грубые (рис. 50, 4, 8).

Кресты бронзовые с выемчатой эмалью (2 экз.). Оба креста найдены в горизонте XII в. Первый относится к типу трехлопастноконечных. Размер 4 × 3 см, эмаль желтая, двусторонняя. Второй крест с расширяющимися концами, снабженными двумя округлыми петлевыми выступами. С обеих сторон креста углубления для заполнения эмалью, однако последняя не сохранилась. Оба крестика, вероятно, привезены из Киевской Руси⁶⁴.

Кресты-энколпионы (4 экз.). Два принадлежат к типу рельефно-черневых. Один целый (рис. 50, 5). Найден в шурфе на левом берегу Шексны. Он аналогичен энколпиону из горизонта XI в. в Новгороде⁶⁵. К нему очень близок второй, такого же размера и типа, представленный одной створкой. Дата — XII в.

Из горизонта конца XII в. происходят два энколпиона: один целый и створка второго; оба отлиты в одной форме. Концы закруглены, размер (вместе с ушком) 7 × 4,7 см. На лицевой стороне — рельефное изображение распятия, на

⁶¹ В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, стр. 110, рис. XXI, 4, 7.

⁶² В. П. Даркевич. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XV вв.). СЛН, вып. Е1—57. М., 1966, стр. 27, № 44а.

⁶³ М. В. Седова. Указ. соч., рис. 4, 4, стр. 233—234.

⁶⁴ В. А. Мальм. Крестики с эмалью. Сб. «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 113, рис. 1, 1; В. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948, стр. 387, рис. 106, 107.

⁶⁵ М. В. Седова. Указ. соч., рис. 4, 13.

оборотной — архангела. В круглых клеймах — рельефные погрудные изображения святых. Рельеф невысокий, изображения схематичные, отливка грубая. Сверху к ушку присоединена бочонкообразная бронзовая бусина с ободками на концах.

В насыпи кургана под часовней найдена бронзовая иконка-складень, изображающая богородицу с младенцем. На створках — фигуры святых в рост. Размер (с ушком) $6,6 \times 4$ см. Литье хорошего качества по прекрасно выполненной модели. Отчетливо переданы мелкие детали: руки, складки покрывала и одежды. Дата — XII—XIII вв. (рис. 52, 3).

ГОНЧАРНОЕ ДЕЛО

Производство глиняной посуды на Белоозере длительное время составляло домашнее занятие женщин. Гончарный круг, свидетельствующий о возникновении ремесленного производства, появился здесь в X в., но вплоть до XII в. круговая керамика численно уступала лепной.

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА

Лепная посуда изготовлялась из местных глин ледникового происхождения — серых или красных. Она однородна по минералогическому составу крупной обломочной примеси, искусственно вводимой при составлении глиняного теста. Этой примесью всегда являлась дресва — дробленые гранито-гнейсы. Однако в структуре самой глиняной массы имеются различия, установленные петрографическим анализом, которые позволяют наряду с другими признаками выделить более раннюю и более позднюю лепную посуду.

Обжиг той и другой — восстановительный, техника изготовления — ленточная. Вся посуда сделана от руки. Следы правки на медленно вращающейся подставке видны лишь на немногих сосудах. Отличительной чертой белоозерской посуды является приземистость форм.

В процессе работы над лепной керамикой Белоозера было учтено 12400 фрагментов из нижнего и верхнего горизонтов древнего поселения (раскопы центральные и южные). Среди них фрагментов, позволяющих определить форму сосуда, оказалось всего 1804.

Круглодонная посуда (47 экз.). Найдена почти исключительно в нижнем горизонте поселения. Представлена крупными глубокими толстостенными сосудами, имевшими хозяйственное значение, и чашами.

Толстостенные сосуды — с прямыми или слегка отогнутыми стенками и валиком ниже плечика. Диаметр венчика 28—34 см. Судя по изгибу стенок, днища закругленные или округло-уплощенные. Обнаружено 7 образцов подобных сосудов. Орнамент — гребенчатый чекан по срезу (1), по валику и плечикам (1). Все сосуды из горизонта X в. (рис. 53, 5).

Чаши — 37 образцов. По форме венчика и изгибу стенок можно выделить следующие типы.

Тип I. Венчик высокий (до 3 см), прямой, утолщенный изнутри. Диаметр венчика (10, 11, 23 см) равен или чуть превышает диаметр средней части тулова. Высота относится к диаметру венчика, как 2:3. Известно 3 экземпляра, происходят из горизонта X в. (рис. 53, 2).

Тип II. Венчик высокий, слегка отогнутый наружу. Плечики округлые. Диаметр венчика меньше наибольшего расширения тулова, приходящегося примерно на вторую треть высоты (считая от среза венчика). Ширина устья чаш — 10—16 см. Край венчика срезан горизонтально, округлен или скошен наружу, не орнаментирован. Найдено 14 образцов. Орнамент по плечикам гребенчатый (2), гребенчатый и прямоугольный (1), плоский (1), резной (1), треугольный (1), веревочный линейный в 2—3 ряда по шейке и плечикам (6). Все образцы чаш происходят из горизонта X в. (рис. 53, 3, 6).

Тип III. Венчик почти прямой, высокий, плечики не выделены, переход от почти прямых стенок к суженному днищу плавный. Диаметр устья 10—23 см. Высота вдвое меньше диаметра устья. Край венчика горизонтально срезан, скошен внутрь, закруглен (рис. 53, 1). Орнамент отсутствует. Известно 11 образцов; один датируется X в., 7 — началом XI в., 3 — XII в. Сходная форма чаш известна на Вычегде в I тысячелетии н. э.

Тип IV. Венчик сужен, край его срезан горизонтально, имеет наплыв внутрь. Диаметр устья меньше наибольшего расширения сосуда, приходящегося на вторую треть высоты (считая от края венчика), и колеблется от 15 до 20 см. Известно 9 образцов. Орнамент веревочно-гребенчатый (1), плоский линейный (1), гребенчатый (1), рамочный (1). 8 образцов происходят из горизонта X в., 1 (с резным узором) датируется XII в.

ПЛОСКОДОННАЯ ПОСУДА

A. Чашевидные горшки — сосуды с большим диаметром устья, относящимся к высоте сосуда, как 2:1. Шейка и плечики не выделены. Диаметры венчика 20—28 см. Известно 10 об-

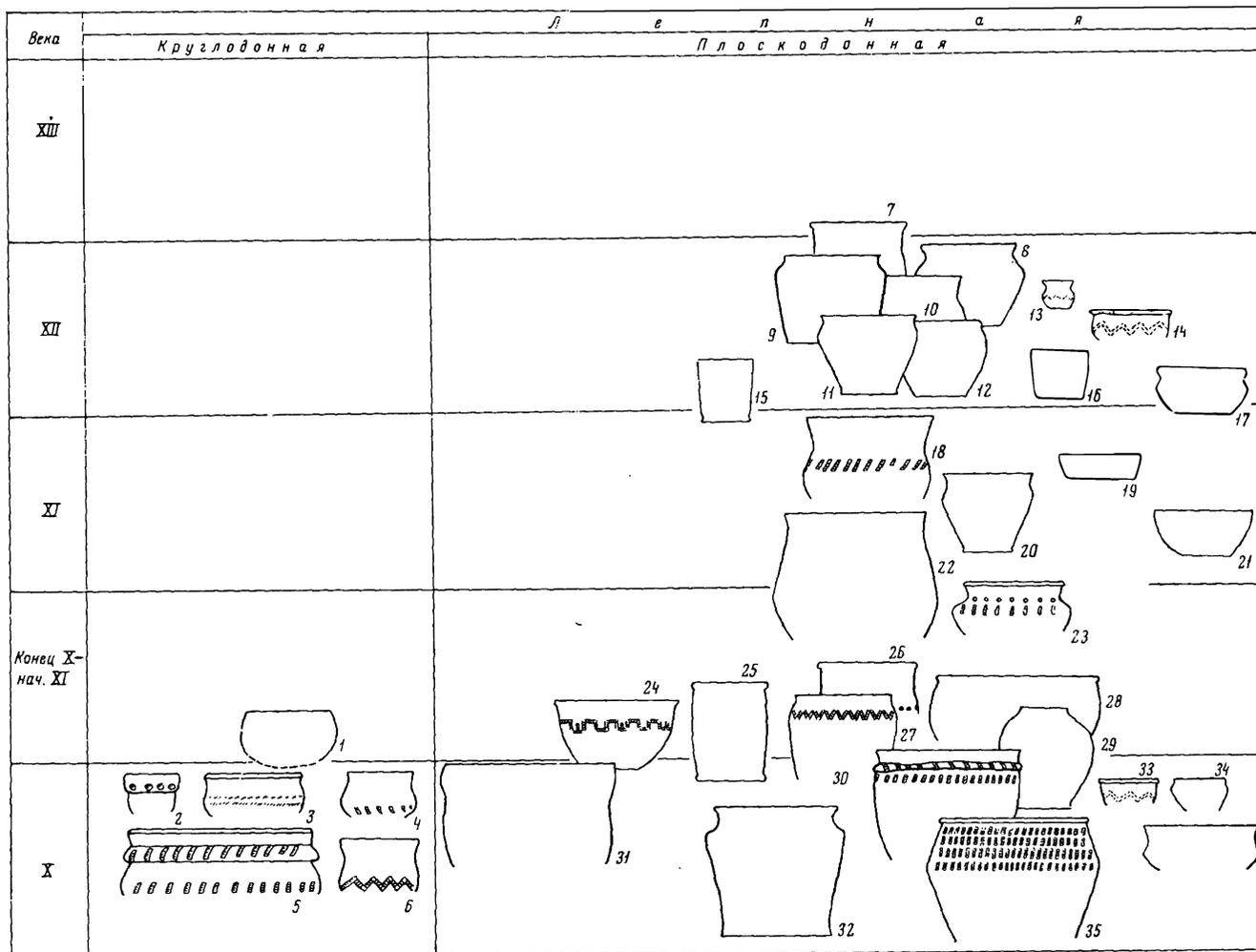

Рис. 53. Типология посуды Белоозера

Лепная круглодонная посуда:

1—4, 6 — чаши;
5 — горшок;

лепная плоскодонная:

7, 26 — тип II;
8, 23 — тип V;
9, 27 — тип I;
10, 18 — тип VI;
11, 30 — тип III;
12, 29 — тип VII;
13 — миниатюрный сосуд;
14, 33 — чашки;

15, 25 — банковидные сосуды;

16 — бокал;
17, 21, 34, 36 — миски;
19 — плошка;
20 — тип IV;
22 — тип X;
24, 31 — чашевидные горшки;
28 — тип VIII;
32 — тип XI;
35 — тип IX;

круговая плоскодонная:

37, 38, 45, 46, 56, 58, 71, 72 — тип I;

42, 47, 63, 66, 68—70, 73 — тип II;
39, 40, 47, 59, 60, 74, 76 — тип III;
41 — тип V; 43 — тип IX;

44 — светильник;
48, 61, 75, 77 — тип IV;

49, 62, 78 — тип VI;

50 — тип X;

51 — тип VIII;

52, 53, 64 — блюда;

54, 65 — миски;

55 — сковорода;

57 — тип VII;

67 — миниатюрный сосуд

разцов, все найдены в горизонте X—начала XI в. Орнаменты разнообразны (рис. 53, 24, 31).

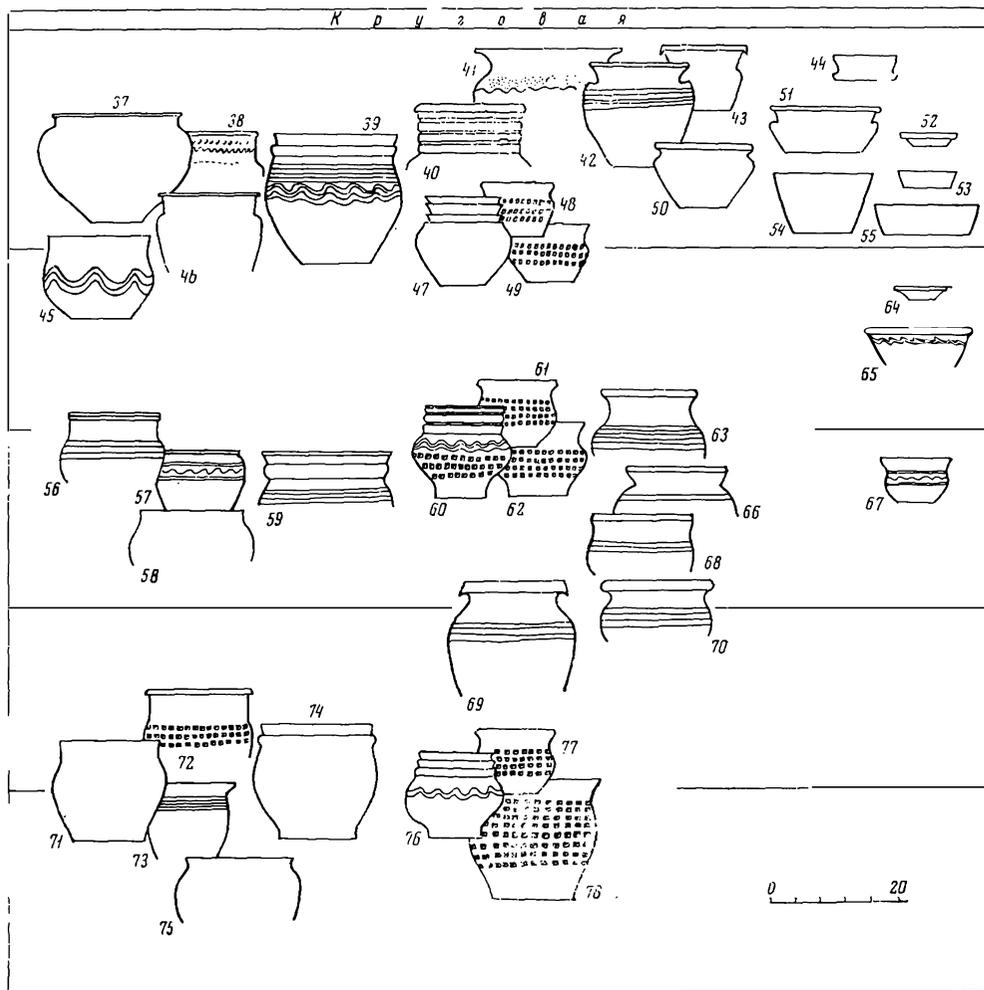
Б. Банковидная посуда. По форме тулова выделяются два типа.

Тип I. Сосуды с туловом почти цилиндрической формы. Стенки отвесные или слегка выпуклые в средней части и суженные к венчику

и днищу. Плечики и шейка почти не выделены. Край венчика оформлен различно: скруглен, скошен, срезан горизонтально, утолщен внутрь или наружу (рис. 53, 25).

Размеры сосудов этой группы варьируют от толстостенных с диаметром венчика свыше 30 см до небольших (с диаметром 10—13 см).

Тип II представлен только одним целым со-

судом. Стенки его расширяются от дна к венчику, плечики и шейка не выделены. Край венчика округлый. Диаметр венчика относится к диаметру дна, как 2,5 : 2 (рис. 53, 15). Около 4/5 всех банковидных сосудов найдено в горизонте X — начала XI в. Архаичной форме посуды соответствуют и наиболее древние приемы орнаментации (сочетание различных орнаментов на одном сосуде: валик, рамочный штамп и др. — см. табл. 22).

В. Горшковидная посуда. Тип I. Горшки с прямым, сравнительно коротким (1,5 см) венчиком и высокими округлыми плечиками. Диаметр венчика меньше наибольшего расширения тулова, приходящегося на первую треть высоты сосуда (считая от среза венчика). Соотношение между высотой и диаметром 2 : 3. Наиболее часто встречаются сосуды с диаметром венчика 18—23 см при высоте 12—17 см (рис. 53, 9, 27). Днище широкое. Срез венчика округлый или горизонтальный; в последнем случае иногда

украшен гребенчатым или прямоугольным чечанками. Орнаменты разнообразны. Известно 213 обломков, из них 94 орнаментированы. Выше 80% горшков этого варианта найдены в горизонте X — начала XI в.

Тип II. Горшки с высоким прямым венчиком, низкими округлыми, слабо выпуклыми плечиками, плавно переходящими в конусовидное тулово. Край венчика горизонтально срезан, утолщен и свисает карнизиком наружу и внутрь сосуда. Диаметр венчика чуть меньше наибольшего расширения тулова, приходящегося на первую треть — половину (?) (считая от среза венчика) высоты сосуда. Размеры устья 10—34 см. Известно 168 образцов, из них орнаментировано 55; орнаменты разнообразны (рис. 53, 7, 24). Около 1/3 горшков этого типа датируется X в. У более поздних образцов наблюдается тенденция к сокращению высоты венчика и большей выпуклости плечиков. Меняется и форма края венчика: карнизик встре-

Таблица 22

Соотношение форм и орнаментов лепной посуды

Форма	Орнаменты																					
	ногтевой	защипной	пальцевые вдавlenia	веревоч- ный		веревочный и гребенча- тый	валик	резной	кольцевид- ный	круглый	плоский		гребенчатый	гребенчатый и ямочный	гребенчатый и кольцевид- ный	гребенчатый и др.	прямоуголь- ный	треугольный	треугольный и круглый	рамочный	фигурный	
				линей- ный	перевя- той						линей- ный	волни- стый										
Кругло- донные	Хозяйст- венные						5					5										
	Чаши				6			2			2		3			1		2			1	
Плоскодонные	Банковид- ные	1	1	2		5		23	13	5	3	24		111	1	1	1		8		28	
	Чашевид- ные												3				1				1	
	Тип I	1	1	4		2			9			34		44				7	5		2	
	Тип II								5	3		6		35					4	1	1	
	Тип III	2	2	3				3			3	1		36				1	1		8	
	Тип IV	2	1	1								4		25	1				5		2	
	Тип V								5	2				9					2		2	
	Тип VI	1		4					13		1	8	1	67			1	1	9		2	
	Тип VII								5	1	1	1		37					2			
	Тип VIII								3			1		16					1		2	
	Тип IX				1				2					12				5	1			
Тип X								5	1		5		21					1		5	1	
Тип XI													4				1					
Миски									1				9									
Чашки									1				5							4	1	
Бокалы								1					1									
Миниатюр- ные сосуды								1														

чается только снаружи или только с внутренней стороны венчика, иногда утолщенный край венчика скошен наружу или внутрь.

Тип III — переходный от горшков с прямым горлом к горшкам со слабо отогнутым наружу венчиком. Край венчика горизонтально срезан, реже округлен или скошен внутрь. Диаметр венчика немного меньше диаметра плечиков. Плечики высокие, округлые, слабовыпуклые; линия перехода от венчика к плечикам плав-

ная, шейка почти не выражена. Наибольшее расширение тулова приходится на первую треть высоты сосуда (считая от среза венчика). Нижняя часть тулова приближается по форме к усеченному конусу (рис. 53, 11, 30). Дно более узкое, чем диаметр горла. Высота сосуда относится к его диаметру как 2:3 или 3:4. Известно 120 экземпляров. Из них украшено 60. Размеры горшков варьируют от широкогорлых приземистых диаметром 24—32 см

до более стройных ($22,5 \times 19$ см). Встречаются и небольшие горшочки с диаметром венчика 15 и высотой 10 см. Орнаменты разнообразны. Данный тип горшка также можно считать устойчивым для Белоозера. Свыше 60% сосудов найдено в горизонте X в., остальные — в горизонте XI—XII вв.

Тип IV. Горшки с коротким, отогнутым наружу венчиком, суженной шейкой и высокими округлыми плечиками. Край венчика горизонтально срезан, реже округлен. Диаметр венчика чуть меньше диаметра плечиков. Наибольшее расширение сосуда на уровне плечиков приходится на $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{7}$ высоты (считая от среза венчика). Нижняя часть тулова сужается на конус. Днище значительно уже диаметра венчика. Среди лепной посуды Белоозера сосуды этого варианта выделяются большой стройностью, однако и у них высота не превышает диаметра венчика, относясь к нему, как 4:6, 5:6, 6:7. Высота 15—18 см, диаметр венчиков 13—20 см. Известно 166 образцов, из них орнаментирован 41 (рис. 53, 20).

Тип V отличают более выпуклые плечики, диаметр которых значительно превышает диаметр венчика. Край венчика горизонтально срезан или утолщен и закруглен. Тулово конусовидно сужается к узкому днищу (рис. 53, 8, 23). Большинство сосудов диаметром 18—24 см. Учтено 63 обломка. Из них орнаментировано 20.

Тип VI характеризуют сравнительно высокий, вытянутый и отогнутый наружу воронкообразный венчик, суженная шейка и округлые пизкис плечики. Край венчика округлен, срезан горизонтально или косо наружу. Диаметр венчика несколько меньше диаметра плечиков. Наибольшее расширение тулова приходится примерно на $\frac{1}{3}$ высоты сосуда (считая от края венчика). К днищу тулово сосудов конусовидно сужается (рис. 53, 10, 18). Наиболее распространены сосуды с диаметром 16—21 см. Найдено 254 экземпляра, из них 112 орнаментировано. Среди последних много украшенных по срезу венчика и плечикам. Это обстоятельство наряду с характером самих орнаментов заставляет признать данный тип посуды традиционным для Белоозера.

Типы VII, VIII представляют собой горшки с венчиком, сильно загнутым во внутреннюю сторону. Диаметры венчиков таких горшков меньше их диаметров на уровне плечиков.

Тип VII. Край венчика таких сосудов округлен или горизонтально срезан. Переход к округлым плечикам плавный. Наибольшее расширение приходится на первую треть высоты сосуда. Известен только один сосуд этого типа с высотой, превышающей диаметры венчика и плечиков. Срез венчика округлен (рис. 53, 29).

Обычно же диаметры венчиков сосудов этого типа равны 10—24 см; их отношение к высоте — 1,5:1 или 1,2:1 (рис. 53, 12). Есть также сосуды (4) с более высокими и крутыми плечиками. Наибольшее расширение тулова у них приходится примерно на $\frac{1}{6}$ высоты сосуда. Известно 89 экземпляров, из них 47 орнаментировано. Преобладающий орнамент — гребенчатый. Значительное число (13) сосудов орнаментировано одновременно по срезу и плечикам. Характерно массовое распространение посуды этого типа в нижнем культурном слое Белоозера (71 экз.) и резкое сокращение ее количества в вышележащем горизонте.

Тип VIII. Горшки с широким устьем, без выраженного горла. Верхний край плечиков слегка загнутый во внутреннюю сторону горшка, в то же время является венчиком. Он то срезан горизонтально, то скошен вовнутрь или к наружной стороне сосуда, иногда утолщен. Плечики округлые, обычно плавно изогнутые, иногда крутые, но без ребра (рис. 53, 28). Диаметр венчика чуть меньше наибольшего расширения тулова, приходящегося примерно на $\frac{1}{4}$ высоты сосуда (считая от венчика). Нижняя часть тулова, сужаясь, приближалась по форме к усеченному конусу. Дно уже диаметра венчика. Высота немного меньше диаметра венчика или равна ему. Преобладают крупные толстостенные сосуды с диаметром венчика 25—30 см; меньшая часть сосудов — тонкостенные с диаметром венчика 18—22 см. Известен 31 сосуд этого типа, из них $\frac{2}{3}$ орнаментировано. Четвертая часть сосудов с орнаментом украшена не только по плечикам, но и по срезу. $\frac{2}{3}$ сосудов происходят из горизонта X—начала XI в.

Тип IX. Горшки со стенками, расширяющимися к средней части тулова и сужающимися к днищу, в разрезе напоминают две трапеции, сложенные длинными сторонами. Характерная черта — резкий перелом стенок, образующих ребро на уровне $\frac{1}{3}$, реже $\frac{1}{2}$ высоты сосуда (считая от края венчика). Край устья оформлен различно: срезан горизонтально, закруглен, слегка утолщен; в одном случае скошен наружу. Диаметры устья 14—21 см (рис. 53, 35). Ребристые горшки связаны только с горизонтом X и начала XI в.

Тип X. Горшки без выделенного венчика или со слабо выраженным прямым или отогнутым слегка наружу венчиком и стенками, плавно расширяющимися к середине тулова и сужающимися к днищу. В месте перегиба тулово горшков округлое. Диаметр венчика несколько больше диаметра днища. Край венчика горизонтально срезан, закруглен или слегка утолщен. Размеры таких сосудов различны: от не-

больших тонкостенных с диаметром 14—15 см до крупных толстостенных с устьем в 34 см (рис. 53, 22). Найдено 83 экземпляра, орнаментированных — 39.

Тип XI. Сосуды так называемой отвесно-биконической формы с коротким, прямым горлом и плечиками, образующими ребро примерно на $\frac{1}{4}$ высоты сосуда (считая от края венчика). Соотношение между диаметром венчика и высотой равно 1:1. Дно широкое. Тип представлен 9 сосудами из горизонта X — начала XI в. (рис. 53, 32).

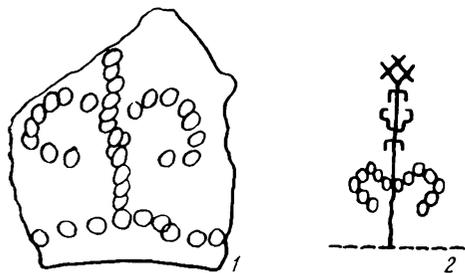

Рис. 54. Обломок бокала с изображением дерева (1) и изображение дерева из композиции с двухголовыми конями и богинями на полотенце XIX в. (2)

Г. Столовая посуда Белоозера немногочисленна. Это миски, плошки, чаши, бокалы и некоторая часть круглодонной чашевидной посуды, о которой было сказано выше.

Миски отличаются широким устьем и узким дном. По размерам они меньше горшков и более приземисты. Устья мисок обычно равны 12—18 см. Высота относится к диаметру устья, как 1:2 или 1:3. Известно 13 экземпляров, 9 из них орнаментированы гребенчатым чеканом и 1 — кольцевидным (рис. 53, 17, 21, 36).

Плошки, как свидетельствует само название, неглубокие сосуды с прямыми или слегка ото-

гнутыми наружу невысокими (3—5 см) стенками. Диаметр венчиков 8—14 см; днища немногим уже венчиков (рис. 53, 19). Известно три образца, все без орнамента. Дата — XI в.

Чаши или чашки с почти прямыми, суживающимися к днищу стенками (рис. 53, 14, 33). Диаметры чашек 12—14 см. Известны три образца, все они украшены рамочным штампом. Два найдены в горизонте X в., один — XII в. Восемь других сосудов имеют вид горшочков с устьем в 9—10 см. Украшенные рамочным (1), гребенчатым (5) и кольцевидным (1) чеканом, они очень нарядны. Три найдены в горизонте X в. и пять — XII в. (рис. 53, 34). Из горизонта XII в. происходят два прямостенных бокала с устьем в 10 см. На обломке одного оттисками кольцевидного чекана изображен выходящий из земли ствол дерева с двумя приподнятыми и загнутыми вниз ветвями (рис. 54). Верхняя часть рисунка отсутствует. Такое же условное изображение дерева известно на многочисленных композициях с женскими фигурами, конями, всадниками народных вышивок XIX в. карел, русских Севера и марийцев⁶⁶.

Миниатюрные сосуды. Несколько сосудиков малой емкости, возможно, имели не утилитарное значение, а служили игрушками. Среди них 8 миниатюрных горшочков с диаметром 6—10 см, отличных друг от друга по форме и орнаменту. Дата — X—XII вв. Маленький чашевидный сосуд с округло-уплощенным дном, опоясанный зигзаговым гребенчатым узором (рис. 53, 13), происходит из горизонта XII в.

⁶⁶ Г. С. Маслова. Народный орнамент верхневолжских карел. «Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», новая серия, т. XI. М., 1951, рис. VI, 2, 3; XI.

Таблица 23

Стратиграфия лепной посуды

Дата горизонта	Круглодонная		Плоскодонная											Миски	Плошки	Чашки, бокалы	Миниатюрные сосуды		
	хозяйственные сосуды	чаши	чашевидные горшки	банковидные	горшки														
					типы														
					I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX					X	XI
XII в.		1		25	14	13	24	11	6	24	6	4	—	4		2			
XI в.		4		78	27	30	24	30	8	34	12	5	4	16		5	3		
Конец X - начало XI в.		7	5	177	63	58	25	43	17	61	40	16	12	15	5	2			4
X в.	7	25	5	195	130	56	47	82	32	135	31	6	14	48	4	4		5	4
Итого	7	37	10	475	234	157	120	166	63	254	89	31	30	83	9	13	3	13	9

На табл. 23 показано распределение посуды разных категорий и типов по горизонтам культурного слоя.

Все категории и типы плоскодонной посуды Белоозера представлены уже в горизонте X в. Почти все сохраняются и в XI—XII вв. Однако в верхнем горизонте количество горшков VII типа резко сокращается, а горшки IX типа после XI в. совсем исчезают из употребления. В горизонте X в. завершают свое существование и крупные сосуды с круглым или округлоуплощенным дном, а также круглодонные чаши с веревочным линейным орнаментом. В верхнем горизонте круглодонная посуда представлена лишь несколькими экземплярами небольших чаш, служащих столовой посудой.

ОРНАМЕНТ И ХРОНОЛОГИЯ ЛЕПНОЙ ПОСУДЫ БЕЛООЗЕРА

Поселение X — начала XI в. разрушило предшествовавшие ему культурные отложения эпохи раннего железного века и неолита. В силу этого в нижнем горизонте поселения оказалась представленной совместно керамика неолитическая, позднекаргопольская, средневековая гладкостенная лепная и круговая посуда — болгарская и местная.

Лепная гладкостенная посуда по своим основным формам представляется однородной как в нижнем, так и в верхнем горизонте поселения. Однако среди нее можно выделить более ранние комплексы, предшествовавшие появлению круговой посуды.

Из прилагаемой табл. 24 видно, что на предматерике ряда раскопов круговая посуда отсутствует совсем, представлена лишь привозной болгарской или имеется в ничтожном количестве. В раскопах XXIX, XXXVII, XXXIX местная круговая посуда появляется только во втором от материка пласту, составляя до 7% всей керамики пласта. Очевидно, древнее поселение уже существовало какое-то время, прежде чем в обиход его населения вошла круговая посуда местного изготовления. На предматерике, возле очагов и отчасти во втором снизу пласту нижнего горизонта Белоозера есть лепная гладкостенная керамика, которую мы выделим в качестве комплекса А. Ее отличает грубое глиняное тесто с большой примесью дресвы, придающей стенкам бугристость. Плоские днища имеют закраины. Преобладает толстостенная (0,7—0,9 см) посуда. Обжиг сильный, но неравномерный. Самое же характерное в этой керамике — ее орнаменты.

На табл. 25 представлены орнаменты лепной керамики Белоозера. Господствующей группой

Таблица 24

Керамика нижнего горизонта поселения веси

Раскопы	Верхняя дата пласта	Пласт *	Керамика					Круговая	
			ямочно-гребенчатая	позднекаргопольская	лепная, комплекс А, Б, В	булгарская	местная		
Южные	XXXVII	X в.	26	32	687	19	57		
		1	13	23	85	1	—		
	XXXIX	»	2	5	2	167	5	13	
		1	4	7	78	—	—		
	XL	»	2	4	4	187	4	132	
		1	—	4	180	—	20		
	XXIX	»	2	98	—	303	—	4	
		1	96	—	25	—	—		
	XXXV	»	2	—	—	46	8	15	
		1	1	—	—	9	2	1	
Центральный	»	2	—	—	895	—	276		
		1	—	—	245	—	12		

* Отчет от материка.

Таблица 25

Орнаменты лепной посуды Белоозера

Тип	Орнамент	Количество	Комплекс		
			А	Б	В
I. Чеканье	Фигурный	10			+
	Граненные:				
	Рамочный	81		+	
	Треугольный	76	+	+	
	Прямоугольный	20	+		
	Прямоуг.-овальн.	5	+		
	Решетчатый	2		+	+
	Гребенчатый	778	+	+	
	Плоский	132	+	+	
	Круглый	25	+		
	Овальный	7	+		
Кольцевидный	22		+		
II	Резной	84	+	+	
III	Валик	45	+	+	
IV	Веревочный	41	+	+	
V	Пальцевые вдавления	12		+	
VI	Защипной	5	+		
VII	Ногтевой	8	+		
VIII	Двузубый узор	3	+		
IX	Лапка	1	+		
Итого		1257			

* Знак + означает наличие.

Стратиграфия орнаментов лепной посуды Белоозера

Тип	Орнаменты	Первая половина X в.	Вторая половина X в.	X—начало XI в.	XI в.	XII в.	Итого
I. Чеканные	Фигурный			1	2	7	10
	Граненные:						
	Рамочный	18	22	20	11	10	81
	Треугольный	24	22	10	11	7	74
	Треугольный и круглый			2			2
	Прямоугольный	9	7	3	1		20
	Прямоугольно-овальный	1	2	2			5
	Решетчатый	1				1	2
	Гребенчатый	114	212	298	110	31	765
	Гребенчато-веревочный	1		1			2
	Гребенчатый и прямоугольный	1					1
	Гребенчатый и кольцевидный	2		2	1	1	6
	Гребенчатый и ямочный		1		1		2
	Гребенчатый и резной	1					1
	Гребенчатый и треугольный	1					1
	Плоский	49	41	25	11	6	132
	Круглый (плоскодонный)	12	5	2			19
	конический	2	2				4
	с крестом	3					3
	Овальный (плоскодонный)	2					2
с зубцами	3	2				5	
Кольцевидный	5	1	8	3	5	22	
II Резной	27	30	18	9	5	84	
III Валик	3	22	9	4	7	45	
IV Веревоочный	линейный	10	11				21
	перевитой	7	11	2			20
V Пальцевые вдавления	1	5	4			2	12
VI Защитной	4						4
VII Погтевой	8						8
VIII Двухзубый узор	3						3
IX Лапка	1						1

орнаментов являются чеканные, преобладает гребенчатый чекан.

Древнейшие орнаменты — «лапка», двухзубый узор, варианты «а» и «б» плоских чеканных. Лапка — оттиск веревочного узелка. Двухзубый узор (рис. 55, 1—3) найден на предметнике трех раскопов Белоозера, что исключает элемент случайности. Это сдвоенные оттиски, нанесенные миниатюрной палочкой соскальзывающим движением руки сверху вниз. Из обширной группы чеканных на нижний горизонт культурного слоя приходится основное количество орнаментов, нанесенных узким плоским орудием. Они выделяются в группу плоских линейных.

Вариант «а» выполнялся узкой палочкой. Узоры: треугольник вершиной вниз, строгие и счетверенные линии (рис. 55, 4—6, 9—11), группы оттисков.

Вариант «б» наносился плоской палочкой с расщепленным концом. Узоры: в виде горошков, вертикальных наклонных сдвоенных оттисков (рис. 55, 16—20, 24—25, 27, 28, 39, 40). Эти узоры выполнены на банковидной посуде и горшках I типа.

Вариант «в» выполнялся палочками более крупными. Ими прочерчивались вертикальные, наклонные или зигзагообразные линии вокруг всего сосуда. Этот орнамент встречался на посуде разных типов как верхнего, так и нижнего

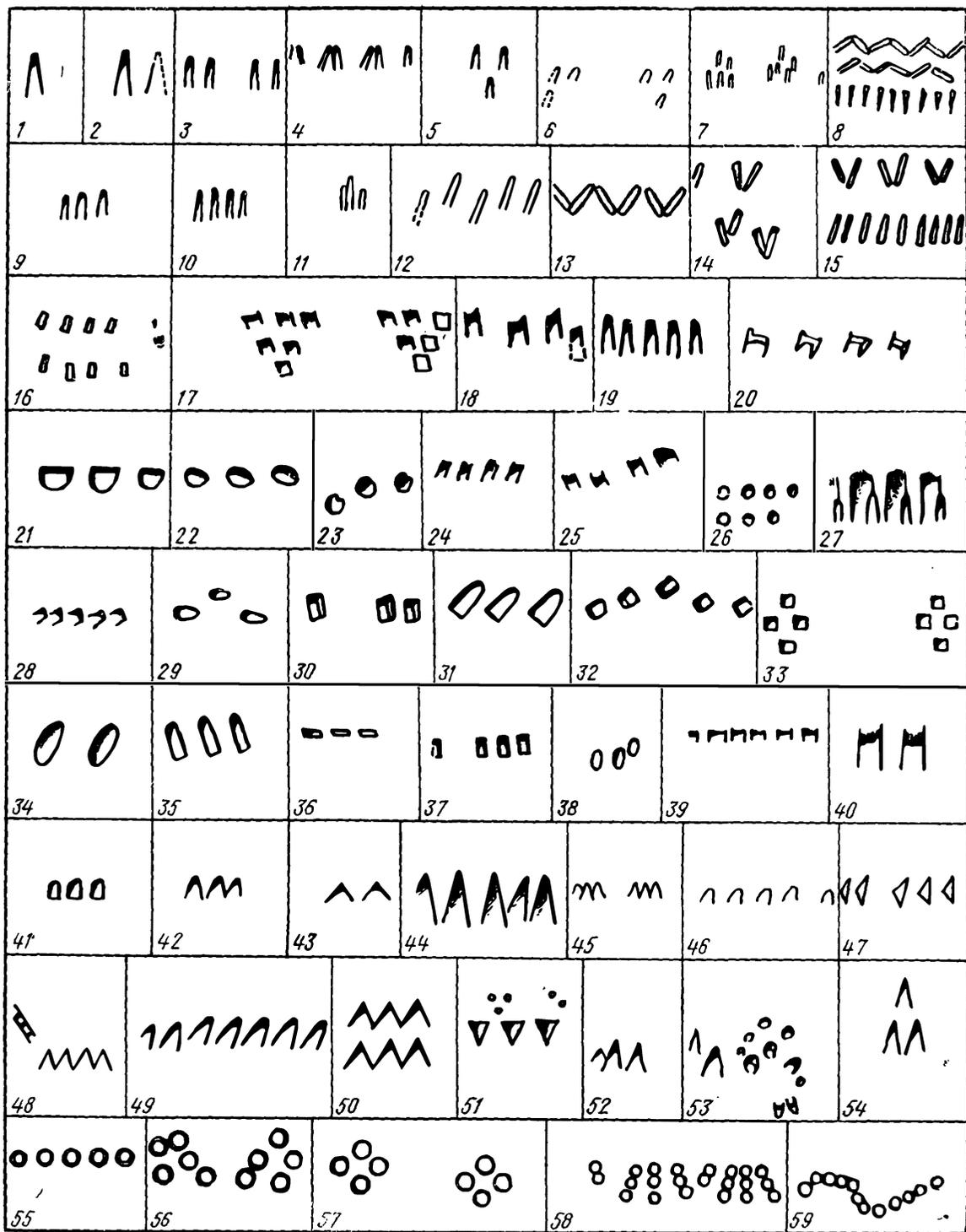

Рис. 55. Образцы чеканных орнаментов на лешной посуде из Белоозера

1—3 — двузубый узор;	23, 26 — кругловый орнамент;	48 — сочетание треугольного и гребенчатого чеканов;
4—6, 9—11 — плоский линейный узор, вариант «а»;	21, 31, 35, 41 — прямоугольно-овальные;	51, 53 — сочетание треугольного и круглого чеканов;
16—20, 24, 25, 27, 28, 39, 40 — вариант «б»;	22, 29, 34, 38 — овальный;	55—59 — кольцевидный чекан
7, 8, 12—15 — вариант «в»;	30, 32, 33, 36, 37 — прямоугольный;	
	41—47, 49—50, 52, 54 — треугольный;	

горизонта Белоозера. Плоский линейный горизонтальный орнамент на Белоозере встречен лишь один раз на баночном сосуде из предматерика. Волнистый орнамент в горизонте X и XI вв. не известен.

Таблица 27

Стратиграфия посуды с плоским линейным орнаментом

Дата горизонта	Вариант		
	а	б	в
XII в.			6
XI в.	1		10
X в. — начало XI в.	9	14	43
X в.	12	17	20
Итого	22	31	79

Почти исключительно в нижнем горизонте встречен самостоятельный орнамент, выполненный круглым чеканом, — так называемый кружковый (рис. 55, 23, 26).

Специфичны и орнаменты, выполненные чеканами прямоугольной, прямоугольно-овальной или треугольной формы. Прямоугольными чеканами образованы вертикальные, в один ряд, вдвоенные, строенные крестовидные или зигзагообразные оттиски по плечикам сосудов. Узоры из треугольных оттисков располагались то группами — вдвоенные, строенные (два ряда), то охватывали сплошным пояском сосуд по горлу или плечикам (рис. 55, 41—47, 49, 50, 52).

Наиболее многочисленный на Белоозере гребенчатый чекан в нижнем горизонте среди керамики группы А представлен, как правило, несложными узорами в виде вертикальных, наклонных или зигзагообразных оттисков. Характерной особенностью только нижнего горизонта является форма некоторых чеканов — узких и длинных (до 3 см), прямоугольных или прямоугольно-треугольных. Ими выполнялись глубоко вдавленные оттиски, часто вдвоенные, напоминающие двойную гребенку на неолитической посуде; иногда оттиски наносились под тупым углом. Такие чеканы известны только на шести сосудах из предматерика. Случаи сочетания на одном сосуде гребенчатого и иного (прямоугольного, веревочного, кольцевидного, резного и др.) орнаментов очень редки и встречены почти исключительно в нижнем горизонте. Большое распространение на керамике группы А нижнего горизонта имел и резной орнамент. Характерными только для посу-

ды группы А являлись насечки по венчику и такие орнаменты, как защипной по венчику (4) и ногтевой (3).

Древнейшие орнаменты лепной посуды Белоозера восходят к орнаментам керамики раннего железного века. Некоторые из них полностью совпадают с орнаментами позднекаргопольской керамики (двузубый узор, «лапка»), другие близки к узорам на позднедьяковской посуде.

Орнаментация гранеными чеканами — прямоугольным и треугольным — применялась на Белоозере на керамике поздняковского облика и позднекаргопольской посуде.

Помимо аналогий с позднекаргопольскими, эти орнаменты имеют определенную близость с узорами, нанесенными круглыми и плоскими линейными чеканами в виде городков, горизонтальных рядов на посуде верхнеокских и москворецких городищ конца I тысячелетия до н. э. — середины I тысячелетия н. э.⁶⁷

Орнаментация разнообразными гранеными чеканами — прямоугольным, треугольным и др. — характерна для посуды верхнего горизонта москворецких городищ (III—VI вв. н. э.)⁶⁸. Там же известны резные орнаменты в виде прямоугольников и ромбов, сочетающихся с вертикальными нарезками⁶⁹. Защипной, резной и прямоугольный (тычковый) орнаменты только по венчику свойственны поздней дьяковской гладкостенной посуде⁷⁰.

Были подвергнуты петрографическому анализу фрагменты керамики с орнаментами: двузубым, «лапкой», плоским линейным (варианты «а» и «б»), кружковым, прямоугольным и треугольным, насечкой по срезу венчика. Несмотря на близость и даже сходство некоторых орнаментов с позднекаргопольскими, керамика отличается иными технологическими свойствами. Основная масса здесь равномернозернистая с многочисленной крупноалевритовой примесью кварца. Другой и обжиг — не окислительный, а восстановительный. Цвет материала под микроскопом — от светло-серого до темно-бурого. В качестве отощающей примеси присутствует древесина.

⁶⁷ Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части вододела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, табл. IV, 8, 13.

⁶⁸ Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. МИА. № 72, 1959, рис. 53, керамика первой группы; Г. П. Лагышева, И. Г. Розенфельдт. Раскопки Барвихинского городища. КСИА, вып. 102, 1964, рис. 30, 11—16; И. Г. Розенфельдт. Посуда Троицкого городища. СА, 1965, № 1, стр. 189.

⁶⁹ И. Г. Розенфельдт. Указ. соч., рис. 2, 15; 3, 13; 4, 1.

⁷⁰ Там же, стр. 191; Е. И. Горюнова. Указ. соч., рис. 26, 4—6.

При паличии в нижнем горизонте белозерского поселения вещей первой половины I тысячелетия н. э. (привесок ножа с горбатой спинкой, кольцевидной пряжки и др.) мы можем допустить, что известная часть лепной керамики комплекса А с орнаментами позднекаргопольского и позднедьяковского облика может относиться к времени, значительно более раннему, чем X в.

Следующая группа керамики нижнего горизонта — комплекс Б — отличается лучшим качеством выделки, более гладкими стенками, почти полным отсутствием закраин у дниц сосудов. Некоторые орнаменты этого комплекса (веревочный) встречены только в этом горизонте. Другие продолжают бытовать и позднее. К ним относятся чеканные орнаменты: рамочный, кольцевидный, гребенчатый, а также резные, валик и пальцевые вдавления. Вероятно, керамика группы Б Белоозера может относиться к времени, предшествовавшему появлению круговой посуды, но она продолжала сосуществовать с круговой.

Петрографический анализ керамики с этими орнаментами из нижнего горизонта Белоозера показал различие ее технологических свойств с керамикой комплекса А.

По заключению О. Ю. Круг, основная масса глиняного теста отличается неравномерной структурой, что объясняется использованием смеси двух глин разного качества при замешивании теста. Эта группа керамики характеризуется новой составляющей в виде жирной, волокнисто-чешуйчатой красно-бурой глины без алевритовой примеси. Основная масса некоторых образцов целиком сложена из этой глины. Метод смешивания разных глин указывает на более прогрессивную ступень местного гончарства. Наиболее поздний комплекс керамики — В — характеризуется орнаментами, выполненными решетчатыми и фигурными чеканами (12 образцов; в основном XI—XII вв.).

ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ЛЕПНОЙ КЕРАМИКИ БЕЛООЗЕРА

П. А. Сухов, П. Н. Третьяков и Я. В. Станкевич считали лепную керамику Белоозера славянской. П. Н. Третьяков полагал, что она оставлена новгородцами, заселившимися в VIII—IX вв. Белоозеро и продвинувшимися по Шексне в Ярославское Поволжье. Впоследствии столь ранняя дата проникновения славян в Белозерский край не подтвердилась. Сопоставляя типичные формы восточнофинской и славянской посуды второй половины I тысячелетия н. э., П. Н. Третьяков указал, что славянская

горшковидная посуда отличается вытянутыми формами, узким дном, резко выраженной шейкой, невысоким венчиком⁷¹.

Вытянутость пропорций — типичная черта восточнославянской горшковидной посуды, генетически восходящая к наиболее ранней и общеславянской керамике пражского типа VI—VII вв.

В. В. Седов в качестве типичных форм славянской лепной керамики длинных курганов называет плоскодонные горшки со стенками, резко суженными к дну, округлыми плечиками, отогнутым венчиком, а также банковидные и биконические горшки. Все сосуды сохраняют вытянутость пропорций⁷². Орнамент очень редок: насечки по венчику, ямочные вдавления, оттиски веревочки, намотанной на палочку.

Указанным выше формам близка немногочисленная опубликованная керамика новгородских сопкок, отличающаяся, однако, большей приземистостью⁷³. Керамический материал из длинных и круглых курганов восточнее Ильмена фрагментарен⁷⁴.

Я. В. Станкевич и В. В. Седов отмечали наличие горшков с резким переломом высоких плечиков (биконических) в Старой Ладоге⁷⁵, на новгородских селищах VIII—IX вв., Пскове. Г. П. Гроздилов указывал, что лепная славянская посуда Изборска VIII—IX вв. представлена баночными сосудами и горшками с ребристыми плечиками (биконическими? — Л. Г.), близкими псковским и старолadoжским⁷⁶.

К формам славянской посуды близки только три типа лепной керамики Белоозера — IV, V, XI. Возможно, их следует связать с первыми славянскими поселениями (хотя тип V известен в Приладожье IX—X вв. еще до массового переселения славян в этот район⁷⁷).

Основные формы белозерской посуды проявляют несомненное сходство с керамикой мери и муромы, посудой из финских курганов Яро-

⁷¹ П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА, № 6, 1941, рис. 9, стр. 27.

⁷² В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970, рис. 25.

⁷³ В. В. Седов. Новгородские сопки. САИ, вып. Е1—8. М., 1970, табл. XIII.

⁷⁴ И. И. Ляпушкин. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. МИА, № 152, 1968, стр. 116.

⁷⁵ Я. В. Станкевич. Керамика нижнего горизонта Старой Ладоги. СА, XIV, 1950, стр. 195—196.

⁷⁶ Г. П. Гроздилов. Археологические памятники старого Изборска. АСГЭ, вып. 7. Л., 1965, стр. 69.

⁷⁷ Горшки из с. Городища на левом берегу р. Сясь (МАЭ, колл. 1305, № 1) и с. Верхняя Мадрго (ОИПК, секция Северо-Запада, колл. 881, без №).

славского Поволжья⁷⁸ и дорусского слоя Ярославля⁷⁹. Их можно назвать традиционными и для финской керамики Междозерья. Так, форма горшков I типа господствует в древнейших курганах с трупосожжениями приладожской веси⁸⁰, преобладает в Челмужских курганах⁸¹, известна из горизонта Е1 Старой Ладogi⁸². Этот тип посуды можно назвать наиболее характерным для восточных⁸³ и западных финнов⁸⁴.

Горшки II и III типов известны среди лепной посуды Приладожских курганов XI в. (группа 1, тип В, по классификации С. И. Кочуркиной⁸⁵). Посуда, аналогичная горшкам III типа, есть в Челмужских курганах X—XI вв.⁸⁶ и найдена на р. Свири с комплексом весских и скандинавских вещей X в.⁸⁷ Этот тип посуды известен также в курганах с северной ориентировкой у дер. Бустрыгино на Сорогоже⁸⁸, в весских погребениях XI в. на Кобоже и в курганах XII в. на р. Суде⁸⁹.

Горшки VIII типа аналогичны одному из распространенных типов лепной посуды муромы⁹⁰. В Ярославских курганах подобные горшки встречались как в финских, так и в славянских погребениях.

Горшки IX типа очень близки ребристым prizemlistym горшкам Сарского, Лядинского, Темеревского, Максимовского могильников и Тумовского селища⁹¹.

Особенно убедительно свидетельствуют о финском происхождении лепной посуды Бело-

озера ее орнаменты. Славянскую принадлежность лепной посуды Белозерья П. А. Сухов и Я. В. Станкевич мотивировали сходством с орнаментами лепной керамики из роменских городищ, Гнездовских курганов и Старой Ладogi. Однако это сходство касается узоров, которые в конце I тысячелетия н. э. приобрели широчайшее распространение и поэтому утратили этническую принадлежность. Это простейшие узоры, наносившиеся острием, гребенчатым чеканом или (чаще) веревочкой, наматанной на палочку, по плечикам сосуда — вертикально, наклонно, в виде зигзагов или углов, обращенных вершинами в одну сторону.

И. И. Ляпушкин указывал на распространение этих орнаментов от Приладожья до Поднепровья⁹². Но они известны и восточнее — на плоскодонной лепной посуде бассейна р. Чепцы IX—X вв.⁹³ Совершенно очевидно, что взятые сами по себе эти орнаменты не могут считаться этнически определяющими. П. Н. Третьяков утверждал славянскую принадлежность лепной посуды Городища на основании тождества ее орнаментации с посудой из Ярославских курганов. Он имел в виду оригинальный орнамент из строенных вертикальных откосных гребенчатого чекана, изданный одновременно П. А. Суховым⁹⁴ и Я. В. Станкевич⁹⁵. П. А. Сухов нашел его на лепной посуде по Шексне, Я. В. Станкевич — в Ярославском Поволжье.

Теперь, когда мы больше знаем о керамике раннего железного века Севера, финское происхождение этого орнамента для нас очевидно. М. Е. Фосс опубликовала несколько образцов позднеаргопольской посуды с этим орнаментом⁹⁶. На керамике со стоянки Кубенино, раскопывавшейся В. И. Смирновым в 1926 г., также есть этот узор⁹⁷. В 1966 г. П. Н. Третьяков издал фрагмент сосуда с таким орнаментом из селища Ватажка в качестве примера позднеаргопольского элемента в орнаментации керамики раннего железного века Костромского Поволжья⁹⁸.

⁷⁸ В. А. Малыш. Культовая и бытовая посуда из Ярославских могильников. Сб. «Ярославское Поволжье X—XI вв.». М., 1963, рис. 24, 25, 27, стр. 46—47.

⁷⁹ Н. Н. Воронин. Раскопки в Ярославле. МИА, № 11. М., 1949, рис. 8, стр. 186.

⁸⁰ С. И. Кочуркина. Приладожье X—XIII вв. Рукопись. Архив ИА АН СССР Р—2, № 2029. Альбом иллюстраций, керамика группы Б.

⁸¹ ОИПК, секция Северо-Запада, колл. 1553, № 66, 95, 201.

⁸² Я. В. Станкевич. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладogi. СА, XV. М.—Л., 1951, рис. 1.

⁸³ А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. СПб., 1901, табл. XXVIII, 21.

⁸⁴ D. Selling. Wikingerzeitliche und frühmittelalterliche Keramik in Schweden. Stockholm, 1955, fig. 1. керамика группы А.

⁸⁵ Альбом иллюстраций к диссертации С. И. Кочуркиной.

⁸⁶ ОИПК, секция Северо-Запада, колл. 1553, № 67, 79, 80.

⁸⁷ Там же, колл. 881, № 22.

⁸⁸ МАЭ, колл. 1533, № 92—94.

⁸⁹ МАЭ, колл. 6012, целые сосуды № 13, 16, 17 и фрагменты из того же собрания.

⁹⁰ Е. И. Горюнова. Указ. соч., рис. 70, 12, 15.

⁹¹ Там же, рис. 70, 19, 20; Н. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена, стр. 27.

⁹² И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. М.—Л., 1958, стр. 19.

⁹³ А. П. Смирнов. Дюды-Карское городище. «Труды научного об-ва по изучению Витского края», вып. IV. Ижевск, 1929, стр. 46.

⁹⁴ П. А. Сухов. Славянское городище IX—X вв. в Южном Белозерье. МИА, № 6, 1941, рис. 1, 6.

⁹⁵ Я. В. Станкевич. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X вв. МИА, № 6, 1941, рис. II, 3.

⁹⁶ М. Е. Фосс. Древнейшая история севера европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, рис. 50, 3, 5.

⁹⁷ Архангельский областной краеведческий музей, колл. В. И. Смирнова, № 4973.

⁹⁸ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М., 1966, рис. 40.

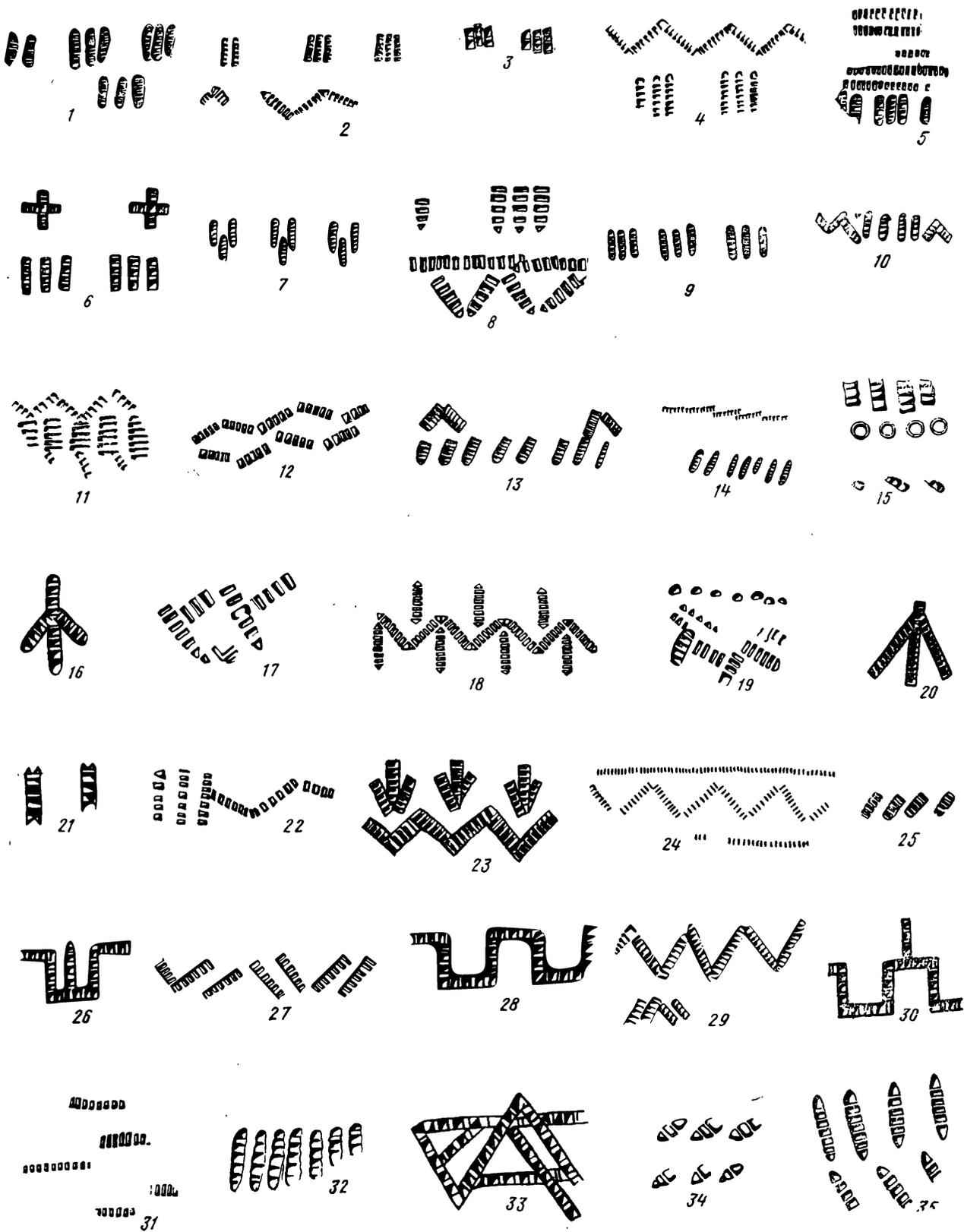

Рис. 56. Образцы гребенчатого чекана на лепной посуде Белоозера (1—35)

Посуда с этим орнаментом обнаружена в пределах ареала веси или на его границах. Так, помимо Белоозера, где этот узор встречен не менее 70 раз (рис. 56), посуда со строенными отпечатками гребенчатого чекана найдена в горизонте Е₁ Старой Ладogi⁹⁹ (IX в.), который многими исследователями считается финским.

Бесспорно финскими являются и те погребения Ярославских могильников, где встречена посуда с этим орнаментом¹⁰⁰. Лепной горшок со строеным оттиском гребенчатого чекана найден в кургане 24 у дер. Новинка¹⁰¹. Э. А. Савельева обнаружила круглодонный лепной горшок с описываемым узором в Кичиль-Косском могильнике перми вычегодской X—XI вв.¹⁰² В фондах Архангельского краеведческого музея хранится лепной горшок со счетверенными вертикальными оттисками гребенчатого чекана, происходящий как будто бы с Васильевско-го городища на Ваге¹⁰³.

Заслуживают внимания и такие узоры, как птичья лапа, меандр, представленные на Белоозере в небольшом числе, но известные в керамике других финно-угорских народов или ставшие традиционными в прикладном искусстве Севера. Так, орнамент в виде птичьей лапы был типичен на синдорской, вычегодской и вымской керамике железного века¹⁰⁴.

Меандр широко представлен в орнаменте посуды нижнеобских угров с середины и до конца I тысячелетия н. э.¹⁰⁵ Он известен также в народной вышивке коми-зырянского населения XIX в. и у верхневолжских карел¹⁰⁶.

Изящный узор в виде зигзага и пальметт на горшках из горизонта начала XI в. Белоозера (рис. 56, 23) близок бордюрной вышивке на рубахе XIX в. из с. Карпогоры Карпогорского района Архангельской обл.¹⁰⁷

Характерной особенностью лепной посуды Белоозера является широкое применение рамоч-

ного чекана. Последний известен на Белоозере с эпохи бронзы. На лепной посуде белоозерской веси орнамент этот — один из распространенных (см. табл. 25, 26). Он обычно наносился по плечикам и венчику сосуда. Представление о богатстве и разнообразии рамочного орнамента на Белоозере дает таблица, содержащая свыше 20 узоров, выполненных разными чеканами (рис. 57). Рамочный чекан известен и на посуде других средневековых поселений Шексны: Городища, Луковца¹⁰⁸, а также на керамике из до-русского слоя Ярославля¹⁰⁹. Он перешел и на круговую посуду Белоозера (3 образца).

В единичных случаях рамочный чекан встречался на лепной посуде Вычегодского¹¹⁰ и Вятско-Ветлужского краев¹¹¹. Однако столь массового, как на Белоозере, применения этого чекана на лепной средневековой посуде не известно нигде.

Валик по шейке и плечикам. Этот орнаментальный прием, восходящий к ананьинской керамике с воротничком, довольно широко применялся в позднекаропольской керамике. На средневековой керамике Белоозера валик связан преимущественно с архаичными формами посуды: круглодонными, баночными. Валик вытягивался из стенки сосуда при формовке последнего, а иногда накладывался на уже готовый сосуд. Более половины сосудов с валиком имеют дополнительный орнамент. Чаще всего он наносился гребенчатым чеканом по валику и срезу венчика. Посуда с валиком (круглодонная и плоскодонная) известна в небольшом числе в Приладожье¹¹². На круглодонной посуде Вычегды есть как валики, так и валикообразные выступы, орнаментированные гребенчатым чеканом¹¹³.

Кольцевидный орнамент из группы чеканных круглых наносился полой трубкой или птичьей косточкой. На Белоозере встречается с горизонта X в., но наибольшее распространение получил в XI—XII вв.

На 15 горшковидных сосудах из различных пластов Белоозера повторяются два узора, вы-

⁹⁹ Я. В. Станкевич. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладogi, рис. 5, 9.

¹⁰⁰ В. А. Малыш. Культовая и бытовая посуда из Ярославских могильников, стр. 46, 47.

¹⁰¹ Раскопки А. В. Никитина в 1969 г.

¹⁰² Э. А. Савельева. Пермь вычегодская. К вопросу о происхождении народа коми. М., 1971, табл. 8, 1.

¹⁰³ Архангельский областной краеведческий музей, инв. № 4470.

¹⁰⁴ Г. М. Буров. Древний Синдор. М., 1967, табл. XXV, 6, 18; XXXII, 9, 15, 17; Э. А. Савельева. Указ. соч., рис. 1, 3.

¹⁰⁵ В. Н. Чернецов. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. МИА, № 58, 1957, ст. 239.

¹⁰⁶ Г. С. Маслова. Народный орнамент верхневолжских карел, табл. XXXII, 18.

¹⁰⁷ И. П. Работнова. Финно-угорские элементы в орнаменте северорусских вышивок и тканей. Сб. «Русское народное искусство Севера». Л., 1968, стр. 89, рис. 1.

¹⁰⁸ Череповецкий краеведческий музей, колл. 1731, 1737.

¹⁰⁹ Е. И. Горюнова. Указ. соч., рис. 37.

¹¹⁰ Г. М. Буров. Вычегодский край. Очерки древней истории. М., 1965, рис. 24, 2; 27, 6.

¹¹¹ А. Х. Халиков и Е. А. Безухова. Указ. соч., рис. 33, 2; М. В. Талицкий. Кочергинский могильник. МИА, № 1, 1940, рис. II, 13; И. Г. Первушин. Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губ. МАВГР, вып. II. М., 1896, табл. VIII, 4.

¹¹² Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. МАР, № 18. СПб., 1895, табл. X, 1; Я. В. Станкевич. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладogi, рис. 4, 1, стр. 234.

¹¹³ Г. М. Буров. Вычегодский край, стр. 89—90; Э. А. Савельева. Указ. соч., рис. 5, 5; 19—21; 24, 6.

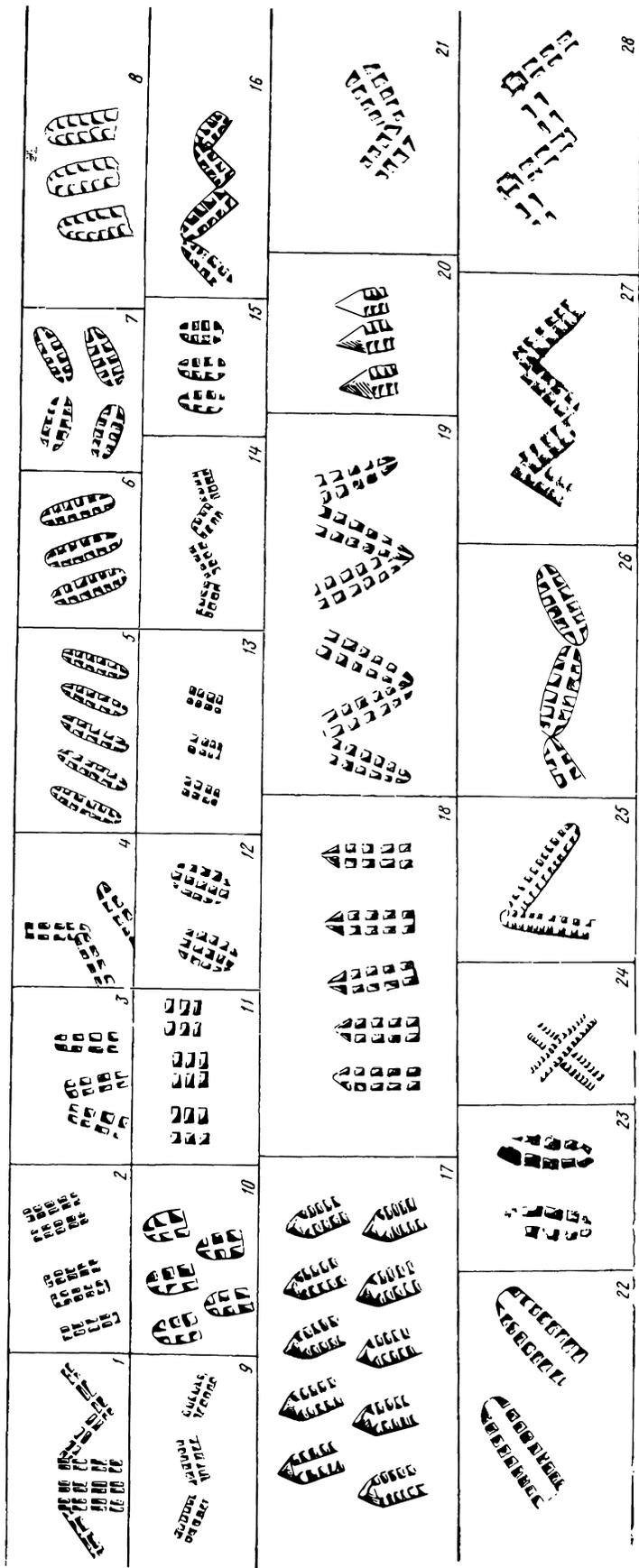

Рис. 57. Образцы рамочного чекана на лепной посуде Белозера (1—28)

полненные оттисками полой трубочки: горизонтальный поясок и строенные отпечатки, образующие треугольник вершиной вверх. Остальные узоры индивидуальны. Это зигзаги, сочетания вертикальных и горизонтальных рядов, двоянные пояски, крестовидные (рис. 55, 55—59). В Белозерском крае этот орнамент восходит к позднекаргопольской керамике. В соседнем Вычегодском крае он известен с последних веков I тысячелетия н. э.¹¹⁴, встречался также на Ветлуге и Чепце¹¹⁵. Наибольшее распространение кольцевидный орнамент приобрел в родановской культуре Верхнего Прикамья IX—XII вв.¹¹⁶ Этот орнамент, по словам Д. Селлини, был характерен и для западных финнов.

Фантастическое великолепие сложных гребенчатых узоров, как и орнаменты, выполненные прямоугольными, треугольными, рамочными, кольцевидными, фигурными чеканами, абсолютно чуждо славянской лепной посуде как южных, так и северных областей. Мы проследили их истоки в финской среде. Именно они придают неповторимый колорит керамике веси.

Любопытно, что на круговую посуду Белоозера перешел орнамент из прямоугольников и треугольников. Чеканом в этом случае явилась длинная узкая кость (реберная), на которой нарезался ряд зубцов нужной формы.

Прямоугольный и треугольный орнаменты на круговой посуде распространены и за пределами бассейна Шексны. Они найдены при раскопках А. В. Никитина на Мологе в слое XII в. В. А. Мальм указала на их широкое применение на круговой посуде XI—XII вв. Ярославского и Угличского Поволжья¹¹⁷. Она подчеркивает, что «употребление штампованного орнамента на круговой посуде северо-западной и северо-восточной Руси является одной из отличительных особенностей этой керамики»¹¹⁸. В этом обстоятельстве сказывается влияние традиций местной финской (весской) керамики.

КРУГОВАЯ КЕРАМИКА БЕЛООЗЕРА

Круговая посуда Белоозера в зависимости от материала — глиняного теста — может быть разделена на несколько групп.

¹¹⁴ Э. А. Савельева. Указ. соч., стр. 137, табл. 4, 1.

¹¹⁵ М. В. Воеводский. Краткая характеристика городищ Ветлуги и Унжи. МИА, № 22, 1951, рис. 3, 2, 13; И. Г. Первушин. Указ. соч., рис. VII, 18, 19.

¹¹⁶ В. А. Оборин. Коми-пермяки в IX—XV вв. (родановская культура). Канд. дисс. Рукопись. Архив ИА АН СССР, P2, № 1406, стр. 102, 124.

¹¹⁷ В. А. Мальм. Производство глиняных изделий. Сб. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.». «Труды ГИМ», вып. 33, 1959, рис. 2, 10, 17; 4, 2, 7—9, стр. 139—140.

¹¹⁸ В. А. Мальм. Производство глиняных изделий, стр. 132.

Сероглиняная. Это основная группа керамики, изготавливавшаяся из местных серых глин с добавлением мелкодробленой дресвы. Она бытовала на Белоозере в X—XIV вв. С XII в. часть сероглиняной керамики изготавливалась с применением песка.

Белоглиняная. Численно небольшая группа посуды, изготавливавшаяся в XII—XIII вв. Белоглиняные горшки отличаются высоким качеством и стройностью пропорций. В Белоозерье имеются залежи белых каолиновых глин, однако данных об их древних разработках нет. Тем не менее не исключено, что на Белоозере, как и в других древнерусских городах, по соседству с которыми были местонахождения белых глин, могло существовать и свое производство белоглиняной посуды.

Красноглиняная. Это небольшая группа керамики, появившаяся с конца XIII в.; ее отличают малозаметные примеси песка, хорошей обжиг, шероховатая поверхность.

Круговая керамика на Белоозере известна с X в. Отсутствие лепной посуды с линейным и волнистым орнаментами — одно из доказательств того, что гончарный круг появился здесь не в результате эволюции местного гончарного производства, а был привнесен извне, вместе с разнообразными и вполне развитыми типами круговой посуды, характерными для северных славян.

Круговая посуда Белоозера близка новгородской и ярославской. Это закономерно, так как именно из Новгородской земли и Верхнего Поволжья шел на Белоозере поток славянских переселенцев. Однако традиции местного гончарства сказываются — в составе глиняного теста (применение дресвы в качестве отождествляющей примеси), приземистости форм горшков (в отличие от вытянутых пропорций новгородской посуды), сходстве исходных форм круговой посуды Белоозера с местной лепной посудой, перенесении некоторых орнаментов лепной посуды на круговую¹¹⁹.

Круговая посуда Белоозера в основном сделана на ручном гончарном круге. Лишь небольшая часть посуды второй половины XIII—XIV в. носит следы изготовления на пожном круге.

¹¹⁹ Примечательно, что для Ярославля, лепная керамика которого имеет много общего с белоозерской. Н. Н. Ворониным отмечена связь круговой посуды с лепной: применение для орнамента штампа «насежки» (Н. Н. Воронин. Раскопки в Ярославле. МИА, № 11, 1949, стр. 186).

Классификация круговой керамики

На Белоозере представлены следующие категории круговой посуды: горшки, миски, миниатюрные сосуды, сковороды, блюда, крышки (рис. 53). Кроме посуды, к изделиям бытового назначения, произведенным на гончарном круге, относятся светильники (рис. 53, 44)¹²⁰.

Сероглиняная посуда

Горшки. Тип I. Горшки с вертикальным венчиком, слаборасширенным округлым туловом, постепенно сужающимся к широкому днищу (рис. 58).

Вариант А. Горшки толстостенные из глины с дресвой; венчик прямой, гладкий, короткий (2—3 см), край округлен или срезан внутрь, плечики пологие, низкие; тулово слабо расширено, переход к днищу плавный. Преобладают горшки с малым диаметром венчика (12—14, редко 18 см). Наибольшее расширение тулова приходится на 1/3 высоты сосуда (считая от края венчика). Диаметр плечиков немногим более диаметра венчика; последний относится к высоте сосуда, как 4 : 3.

Орнамент линейно-волнистый (51 экз.). Эта форма горшков близка типу I лепной посуды Белоозера.

Вариант Б. Горшки из глины с мелкой дресвой, тонкостенные. Венчик прямой, высокий (до 4,5 см), гладкий, диаметр устья 18—24 см, плечики высокие, слабовыпуклые.

Вариант В. Горшки толстостенные из глины с песком. Венчик прямой, короткий (2 см), утолщенный, гладкий. Плечики высокие, переход от венчика к плечикам резкий. Диаметр венчика 16—18, плечиков — 23—25 см. Наибольшее расширение тулова приходится на 1/4 высоты сосуда (считая от среза венчика). Край венчика округлен или имеет бороздку (для крышки). Орнамент только в основании венчика (линейный, волнистый, прямоугольный чекан) — 21 экз.

Вариант Г. Горшки с высоким (до 4,5 см) венчиком, утолщенный край которого свисает карнизиком наружу. Плечики низкие, слабовыпуклые, переходящие в конусовидное сужающееся тулово. Диаметр венчика 18—24 см, обычно он равен диаметру плечиков. Орнамент редок и только по плечикам (прямоугольный чекан, волнистый). Горшки этого варианта повторяют форму лепных горшков II типа Бело-

озера. У поздних экземпляров переход от венчика к плечикам отмечен уступом (21 экз.) (рис. 53, 38, 72).

Вариант Д. Горшки тонкостенные из глины с песком, венчики прямые, высокие (до 6 см). Край венчика утолщен, горизонтально срезан, иногда округлен. Диаметры венчиков 18—24 см. Плечики низкие. Орнаментирован только венчик (однорядный волнистый узор в сочетании с насечкой, линейный). У более поздних экземпляров венчик несколько отгибается наружу, край его становится более пухлым, приобретая форму валика (32 экз.).

Следующие типы горшков близки типам II—V славянской круговой керамики Новгорода, выделенным Г. П. Смирновой¹²¹, а некоторые виды их полностью повторяются на Белоозере. Совпадает и датировка видов керамики, выделенных Г. П. Смирновой внутри соответствующих типов.

Керамика II, IV и отчасти III типов (виды В, Г, Д) представляет собой, особенно в горизонтах XII—XIII вв., формы общерусской «курганной» керамики.

Тип II представлен тонкостенными горшками небольшого размера из глины с примесью дресвы. Хорошо выражены плечики и шейки, венчики вытянуты и края их отогнуты наружу и загнуты внутрь. Этим выработанным в славянской среде формам посуды свойствен только линейный или линейно-волнистый орнамент.

Тип III. Горшки толстостенные из глины с примесью дресвы. Венчик прямой, ребристый, тулово округлое, постепенно сужающееся к днищу. Представлен горшками малого и среднего размеров.

Вариант А. Горшки с прямым венчиком, имеют один валикообразный выступ при переходе к плечикам. Край венчика скошен внутрь или закруглен. Плечики низкие, пологие. Наибольшее расширение тулова приходится на 1/3—1/2 высоты сосуда. Горшки малого размера (диаметр венчика 10—16 см) — более равные. Орнамент только по плечикам (волнистый, линейный). Более поздние экземпляры — тонкостенные, из глины с песком. Диаметр венчика 16—20 см. Венчик вытягивается (до 5 см) и слегка отгибается наружу, край его закругляется. Орнамент по плечикам (линейный, волнистый) (49 экз.). Горшки этого варианта в своей исходной форме близки новгородским горшкам III типа (вид А) (рис. 53, 39, 59, 74).

Вариант Б. Горшки толстостенные, венчик вертикальный, высокий, ребристый, тулово ок-

¹²⁰ Для статистических подсчетов использована керамика южной и центральной групп раскопов, XXX—XXXII.

¹²¹ Г. П. Смирнова. Опыт классификации керамики древнего Новгорода. МИА, № 55, 1956, рис. 1, стр. 230—232.

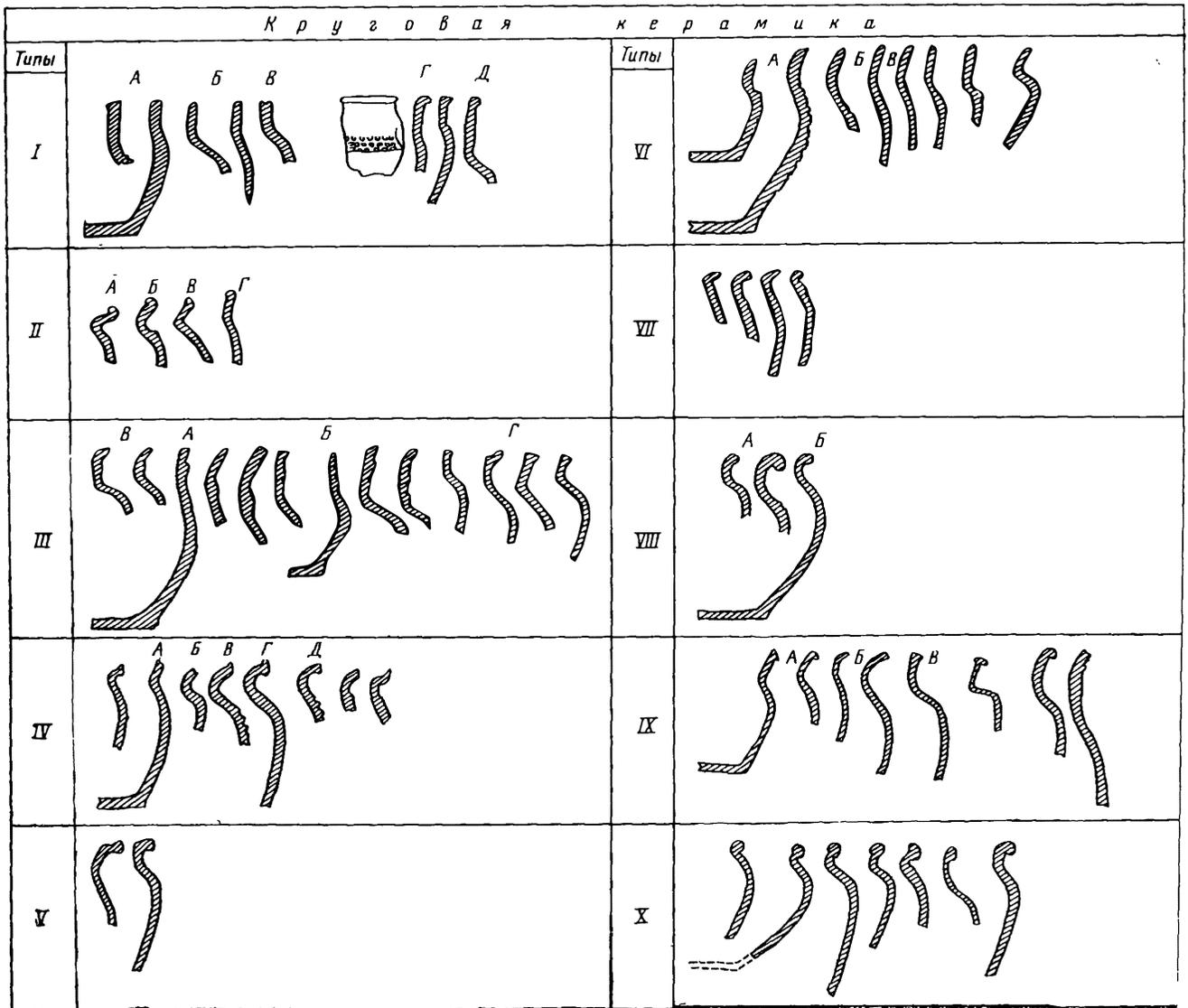

Рис. 58. Типы круговой посуды Белоозера (I—X)

руглое, резко суживающееся к днищу. Представлен горшками малого и среднего размеров. У горшков малого размера высота венчика 3—4, диаметр 12—14 см, диаметр плечиков 12—14, днища 8—9 см, высота 11—13 см. Край венчика скошен внутрь или закруглен. По венчику — 2—3 валикообразных выступа, иногда при переходе от венчика к плечикам также имеются один-два валика. Орнамент (насечка, прямоугольный или треугольный чекан, волнистый, линейный) ниже валиков (рис. 53, 47, 66, 76). Горшки этого варианта близки горшкам вида Б III типа из Новгорода. Горшки среднего размера варианта Б из Белоозера (диаметр венчика 16—20 см) бо-

лее поздние. Их венчик со временем становится все длиннее, достигая 6 см, а число валиков доходит до 5; край венчика округляется и отгибается наружу. Орнамент нанесен по плечикам (насечка, волнистый и линейный) (129 экз.).

Вариант В. Горшки из глины с мелкодробленой дресвой. Венчик прямой, короткий, с одним валикообразным выступом по центру. Край венчика отогнут наружу и скошен внутрь. Плечики высокие, округлые, их диаметр превышает диаметр венчика. Орнамент отмечается только при переходе к плечикам или по плечикам (линейный, волнистый, оттиск веревочки, намотанной

на палочку). Преобладают неорнаментированные горшки. Более ранними являются толстостенные горшки с диаметром венчика 10—14 см. Тонкостенные горшки небольшого размера с прямым венчиком, уплощенным сверху, отчего край венчика имеет наружу и внутрь выступы. Эти горшки сходны с новгородскими горшками типа III В. Их характеризуют линейный и линейно-волнистый орнаменты по плечикам и тулову (76 экз.).

Вариант Г характеризуется высокой, изогнутой внутрь шейкой, переходящей в высокое же округлое плечо. Венчик отогнут наружу и загнут внутрь (261 экз.).

Тип IV представлен толстостенными горшками с примесью мелкозернистой дресвы. Характерны отогнутый наружу короткий венчик с косо срезанным краем, низкие плечики, плавный переход тулова к широкому днищу. Орнамент редок (прямоугольный чекан). Диаметр венчиков таких горшков 14—19 см (66 экз., рис. 53, 48, 61, 77).

Вариант Б имеет отогнутый наружу венчик с раздвоенным краем в виде «ласточкиного хвоста» (18 экз.). Дата — X—XI вв.

Вариант В характеризуется резко выраженной, выступающей внутрь шейкой, высокими плечиками и отогнутым наружу венчиком, край которого слегка загнут внутрь и оттянут вверх. Диаметр венчиков этих горшков 18—20 см. Наибольшее расширение тулова приходится примерно на $1/4$ — $1/3$ высоты сосуда. Орнамент, покрывающий все тулово, линейный, прямоугольный и волнистый. Известно 200 экземпляров.

Вариант Г отличает треугольный выступ верхнего края венчика, сопровождающийся ложбинкой (для крышки). Орнамент также покрывает все тулово (154 экз.).

Более поздние экземпляры обоих вариантов сделаны из глины с песком, тонкостенны, с линейным орнаментом. Особенностью варианта Д является резко отогнутый наружу венчик с вертикально срезанным краем (82 экз.).

Тип V — крупные горшки из серой или красной глины с песком. Появляются с XIII в. Их характеризует резко отогнутый наружу венчик, край которого образует круглый валик. Орнамент (линейный по плечикам) встречен лишь на некоторых образцах (32 экз.) (рис. 53, 50).

Тип VI. Горшки с высоким, воронкообразно отогнутым и утолщенным гладким венчиком. Край венчика скошен внутрь. Наибольшее расширение тулова приходится на $1/3$ — $1/2$ высоты сосуда.

Вариант А представлен горшками малого и среднего размеров. Горшки толстостенные, из глины с примесью дресвы. Край венчика срезан внутрь, сужен, закруглен, плечики выпуклые,

наибольшее расширение тулова приходится на $1/3$ — $1/2$ высоты сосуда, днище широкое. Орнамент — ряды прямоугольного чекана, реже линейный (82 экз., рис. 53, 49, 62, 78).

Вариант Б. Горшки тонкостенные. Часть их изготовлена из глины с примесью песка. Диаметры венчиков 18—20 см. Край округлен, срезан горизонтально, слегка скошен. Высота венчика 3—3,5 см. Наибольшее расширение тулова приходится на $1/2$ высоты сосуда. У более поздних экземпляров переход венчиков к плечикам отмечен уступом. Орнамент нанесен только по плечикам (прямоугольный, волнистый, линейно-волнистый). Часть горшков сделана на ножном гончарном круге. Форма горшков среднего размера сходна с типом VI лепных горшков Белоозера (68 экз.).

Вариант В представлен горшками среднего размера с воронкообразно отогнутым венчиком, край которого косо срезан или закруглен. Плечики высокие, переходящие в конусообразно суженное к днищу тулово. Наибольшее расширение тулова приходится на $1/4$ — $1/3$ высоты сосуда. Орнамент редок. Горшки этого варианта преимущественно тонкостенные (141 экз.).

Тип VII. Горшки из глины с примесью дресвы. Плечики и шейка не выделены, тулово округлое, плавно сужающееся к днищу; наибольшее расширение тулова приходится на первую четверть высоты сосуда. Венчик короткий, резко отогнутый наружу. Представлен горшками среднего и большого размеров. Более поздние экземпляры сделаны из глины с примесью песка. Их диаметры варьируют от 20 до 30 см. Венчик утоньшен или закруглен. Орнамент нанесен только по плечикам — волнистый, линейно-волнистый (76 экз.).

Тип VIII. Горшки с высокими округлыми плечиками, суженной шейкой и отогнутым наружу утолщенным и округлым венчиком. Тулово конусовидно сужено к днищу.

Вариант А. Горшки из глины с примесью дресвы. Диаметр венчиков 16—20 см. Наибольшее расширение тулова приходится на $1/4$ высоты сосуда. Диаметр плечиков больше диаметра венчиков. Орнамент (линейный, волнистый, прямоугольный) редок (98 экз.).

Более поздние горшки варианта В — тонкостенные, изготовлены из глины с примесью песка. Плечики их значительно выступают за линию венчика. Орнамент (линейный) встречается редко. В месте перехода венчика в плечики образуется уступ.

Тип IX. Тонкостенные горшки из глины с песком, с резко выступающими низкими плечиками, суженной шейкой и отогнутым венчиком.

Вариант А. Горшки с резко отогнутым венчиком, утолщенным и слегка загнутым вниз кра-

ем. Размеры горшков сильно варьируют (диаметр венчиков 14—28 см). Орнамент не характерен (15 экз.).

Вариант Б (VII тип новгородской керамики) характеризуют низкие пологие плечики и отогнутый наружу венчик, край которого утоньшен или косо срезан. Диаметр венчиков 18—26 см. Орнамент редок (10 экз.).

Вариант В отличается изогнутой высокой шейкой и отогнутым утолщенным венчиком, край которого косо срезан. Горшки среднего размера. Орнамент отсутствует. Этот тип посуды представлен только в горизонте XIII—XIV вв. (рис. 53, 43).

Белоглиняная керамика

Представлена тонкостенными горшками с хорошо профилированными формами. Разнообразные очертания венчиков могут быть сведены к различным вариантам (видам) типов II и III горшков новгородской классификации. Преобладает мелкий и ровный линейный орнамент по всему тулову. Найдена начиная с горизонта XII в.

Красноглиняная керамика

Представлена горшками среднего размера (диаметр венчика 19—23 см) с высокими округлыми плечиками и венчиком в виде круглого валика. Найдена только в горизонте XIII—XIV вв. (типы V и X).

Кроме горшков, на Белоозере встречены и другие категории посуды, большая часть которой являлась столовой.

Миски. Тип I. Плоскодонные или с округлоуплощенным дном сосуды без выраженных шейки и плечиков. Диаметр венчика 12—28 см, высота равна 1/3 или 1/4 диаметра венчика. Стенки расширены вверх, край чуть загнут внутрь, скошен, имеет ложбинку для крышки или округлен. Орнамент линейный, волнистый (29 экз.).

Тип II характеризуют расширенные вверх прямые стенки, высота которых равна 1/2 диаметра венчика (2 экз.). Дата мисок — XII—XIII вв. (рис. 53, 65).

Миниатюрные сосуды. 3 горшочка с диаметром венчика 10—11 и высотой 5—7 см, с волнистым и линейным орнаментами, могли служить столовой посудой. Дата — XI—XIII вв.

Сковороды (рис. 53, 55) — с толстыми днищами и массивными стенками, прямыми или отогнутыми. Диаметр 16—25 см. Высота составляет 1/4 или 1/5 диаметра верхнего края. Дата — XII—XIII вв. (10 экз.).

Блюдца — плоскодонные, диаметром 8—12, высотой 2—2,5 см. Изготавливались из серой глины с песком. На некоторых днищах имеются клейма: круг, крест в круге, колесо. Блюдца появляются с XI в., но наибольшее распространение получают в XIII в. (рис. 53, 52, 53) (22 экз.).

Крышки. В горизонте XII—XIII вв. найдены 4 разбитые и одна целая крышки. Они полусферические, с диаметром от 18 до 26 см.

Судя по обломкам, на Белоозере бытовали сосуды типа чашек с ручками или кувшинов. Однако восстановить их формы не представляется возможным.

Светильники (4 экз.) имеют вид толстостенных плоских дисков диаметром 10—11 и высотой 4,5 см, с массивными днищами, краины которых выступают за линию венчиков. Стенки расширены вверх, край венчика утолщен, округлен или скошен вовнутрь (рис. 53, 44).

Рассмотрим состав круговой посуды Белоозера по горизонтам культурного слоя.

X в. В горизонте X — начала XI в. круговая керамика составляла 15%. Сделана на ручном круге. Представлена семью типами горшков. Одна треть сосудов этого горизонта — горшки малого и среднего размеров с прямыми венчиками. Половина из них — толстостенные и тонкостенные неорнаментированные горшки типа I, остальные — горшки III типа. Наличие валика в основании венчика сближает тип III А белоозерской посуды с новгородскими горшками типа III (вид А), хотя полного сходства между ними нет. Тип III Б представлен преимущественно горшками малого размера. Их высокие венчики украшены двумя-тремя выступами-валиками. По плечикам нанесен орнамент в виде насечек, волны, прямоугольного чекана. Эти горшки стандартного размера, приземистые, несмотря на высокое горло (их высота — 11—14 см — равна диаметру венчика), выглядят очень нарядными и, вероятно, служили столовой посудой. Они бытуют до XIII в. и могут быть отнесены к специфическим для Белоозера формам посуды.

Аналогичный по размерам и форме горшок с насечкой по плечикам и бороздками вместо валиков по венчику найден в погребении с северо-восточной ориентировкой в кургане 3 в г. Бабаеве, на р. Колпи, притоке Суды¹²². Погребение датируется XI в. и принадлежит веси.

Две трети посуды горизонта X в. принадлежит горшкам типов IV, VI, VII, VIII.

¹²² Н. В. Тухтина. Об этническом составе населения бассейна р. Шексны в X—XII вв. «Археологический сборник». «Труды ГИМ», вып. 40. М., 1966, рис. 1, 8.

XI в. В этом горизонте круговая посуда составляет уже 35%. Продолжают бытовать те же семь типов горшков, что и в X в. Появляются горшки типов II Г и II В; некоторая часть их украшена линейным и волнистым орнаментами. Около 1/3 всех сосудов составляют горшки IV типа (все варианты). Как и в горизонте X в., свыше 50% орнаментированных горшков этого типа украшено прямоугольным чеканом по всему тулову, второе место занимает линейный орнамент, волнистый редок.

Впервые появляются блюда и миски. Они сделаны из серой глины с песком. Часть тонкостенной посуды этого горизонта также сделана из глины с примесью песка.

XII в. В этом горизонте сохраняются горшки с высоким, прямым венчиком, которые составляют 1/4 всех сосудов. В Новгороде в это время горшки с прямыми венчиками не встречаются. Они не характерны и для керамики «курганного типа», или «городищенской», формы которой в XII—XIII вв. более или менее однородны для всех древнерусских городов. Продолжают бытовать и горшки малого и среднего размеров с прямым, высоким, рифленным венчиком (тип III А). Среди горшков с отогнутым венчиком возрастает численность тонкостенных горшков типов II В и II Г.

Горшки IV типа представлены в этом горизонте вариантами В, Г, Д; они украшены прямоугольным орнаментом. Горшки этого типа известны на Белоозере с X в. и отличаются устойчивостью технологии, размера и формы. Они могут считаться традиционными для местного гончарного производства.

В горизонте XII в. наблюдается значительное увеличение числа горшков VI и VII типов. Впервые здесь большой серией представлены горшки VIII типа. Тогда же на Белоозере появляются белоглиняные горшки с пухлыми вычурными венчиками типов II Г и III Г и линейным орнаментом. Увеличивается количество посуды других форм: блюдец, мисок. Часть посуды, в том числе блюдец, миски, изготавливаются из глины с песком.

XIII в. Из горшков I типа получает распространение вариант Г. Среди горшков III типа по-прежнему распространены варианты А и Б. Увеличение числа горшков с отогнутым венчиком происходит прежде всего за счет тонкостенных горшков типов II В и III Г. Венчики этих горшков принимают самые разнообразные и причудливые формы.

Горшки типа IV представлены преимущественно вариантами В и Г. Среди них более половины толстостенных горшков, преобладающий орнамент — прямоугольный чекан. Большое распространение получают толстостенные горш-

ки малых и средних размеров типа VI А. 2/3 орнаментированных горшков этого типа имеют по тулову ряды прямоугольных отгисков.

Таким образом, и в этом горизонте продолжают бытовать сложившиеся еще в X в. и ставшие традиционными для Белоозера типы приземистых толстостенных горшков, орнаментированных прямоугольным чеканом. Эти горшки продолжали изготавливать по старой технологии (с примесью дресвы), хотя почти все остальные типы посуды выделялись в то время уже из глины лучшего качества и обжига. Прямоугольный орнамент переходит и на значительную часть тонкостенных горшков этих типов.

Состав посуды этого горизонта разнообразен. Здесь представлены 10 типов горшков, наибольшее количество блюдец, мисок, плошек, свитильники.

Керамика XIV—XV вв. немногочисленна, так как горизонт XIV в. в раскопах стратиграфически не выделен. Он ощутим только в раскопах XXX—XXXI на восточной окраине города.

Керамика этих раскопов отлична от посуды западных раскопов. В последних продолжает встречаться нарядная посуда с рифлеными венчиками типов III А и Б; в раскопах XXX и XXXI ее нет. Здесь бытуют в то время горшки средних размеров типов II В, III Г, IV В и Г, среди которых очень немногие орнаментированы.

Горшки новых типов — V, IX, (VII, по новгородской классификации) — немногочисленны. Встречены также единичные сосуды из красной глины со скошенной шейкой, уступом переходящей в высокое плечико. Венчик у этих сосудов отогнут наружу и имеет форму круглого валика (тип VIII в Новгороде).

* * *

Незначительная часть круговой посуды Белоозера отмечена клеймами. Последние обнаружены на днищах трех блюдец и 127 горшков. На многих днищах повторены одни и те же клейма. Всего обнаружено 35 клейм разного рисунка (рис. 59)¹²³. На ранней круговой посуде Белоозера клейм нет. К горизонту XI в. относится всего одно клеймо в виде ключа (рис. 59, 1). На керамике XII в. обнаружено 11 клейм; из них пять, представленные каждое в одном экземпляре, позднее не известны (рис. 59, 2—5, 35), а шесть других повторяются и в керамике XIII в. (рис. 59, 7—11, 16). Это широко распространенные клейма общеславян-

¹²³ В действительности число клейм больше, так как один и тот же знак повторялся на клеймах разных размеров.

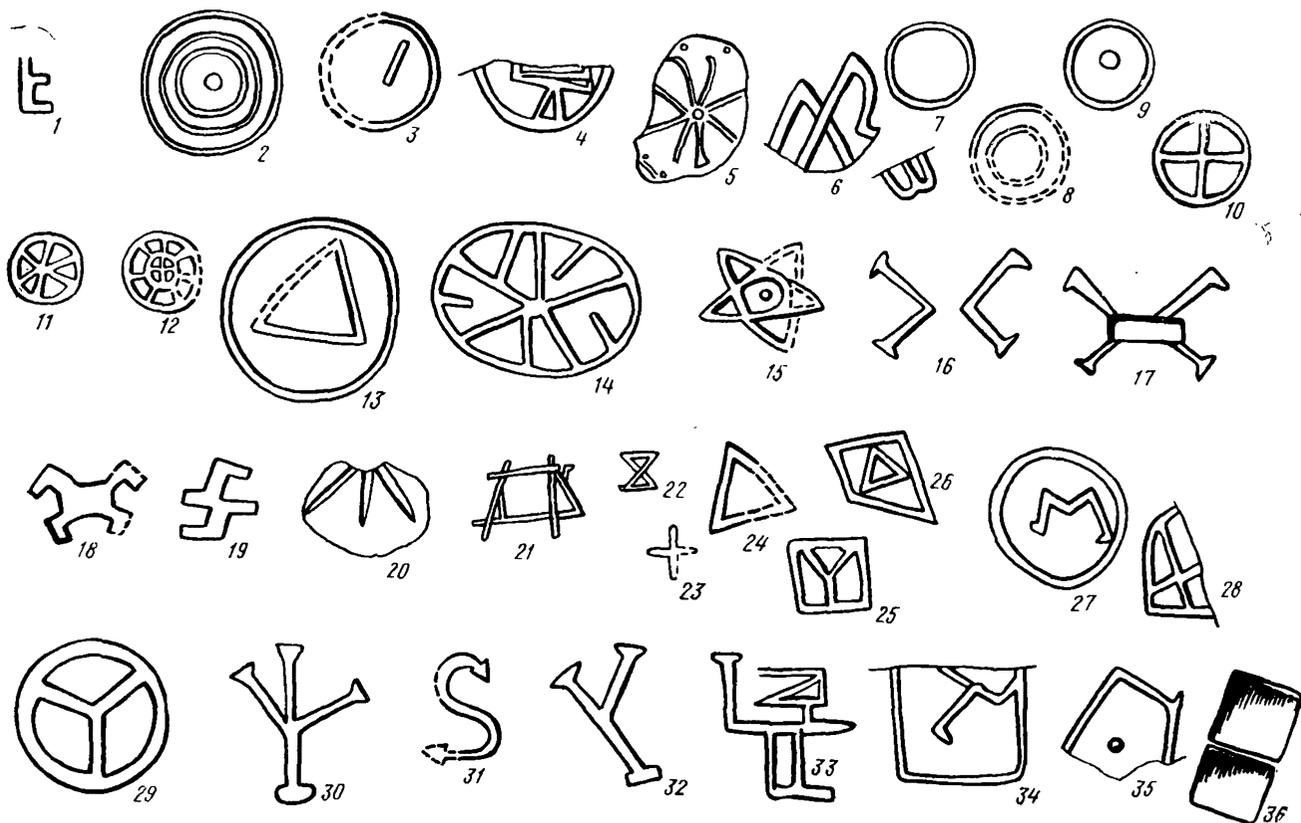

Рис. 59. Клейма на круговой посуде Белоозера (1—36)

ских типов, изображающие круг, круг с точкой, круг двойной, с крестом, колесо, пятиконечную звезду. Эти шесть клейм на посуде XII в. повторены 21 раз.

Всего в горизонте XII в. найдено 26 днищ с клеймами.

Наибольшее количество посуды с разнообразными клеймами (103 экз.) относится к горизонту XIII в. В это время появляются 24 новых клейма. Некоторые из них, например круг с тремя спицами или овал с шестью радиусами и четырьмя дополнительными чертами (рис. 59, 14, 29), являются новым вариантом уже существовавших клейм или их усложнением. Большинство, однако, представляют собой самостоятельные знаки (треугольники, прямоугольники, свастика, эсвидный знак, «гусиная лапа»). Последний знак (рис. 59, 30) уже встречался на местной лепной посуде. Можно думать, что сравнительно большое число клейм в виде треугольников и прямоугольников также стоит в известной связи с распространенностью этих изображений в орнаментах лепной посуды Белоозерья.

Как бы ни рассматривать клейма на древнерусской круговой посуде — как знаки гончаров-

ремесленников¹²⁴ (что мне представляется наиболее правдоподобным) или знаки заказчиков (каждой точке зрения посвящена значительная литература)¹²⁵, можно считать несомненным, что их широкое применение связано с развитием гончарного производства как ремесла. Это подтверждается и данными Белоозера. Обилие и разнообразие клейм в XIII в. совпадает с расцветом гончарного производства, базирующегося на применении ручного гончарного круга.

Клейма вырезались в центре деревянного диска, накладывавшегося на гончарный круг, на днищах горшков их изображения получались выпуклыми. Они характерны для посуды, изготовлявшейся на гончарном круге медленного вращения, приводившемся в движение рукой. На пяти днищах горшков XIII—XIV вв. Белоозера встречены углубленные отпечатки прямоугольников (рис. 59, 36) размерами 4×2 ; $2,2 \times 0,6$; $2 \times 1,2$, $1,8 \times 1,8$ м, которые

¹²⁴ Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948, стр. 175—181.

¹²⁵ А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, № 49. М., 1955, стр. 119—121.

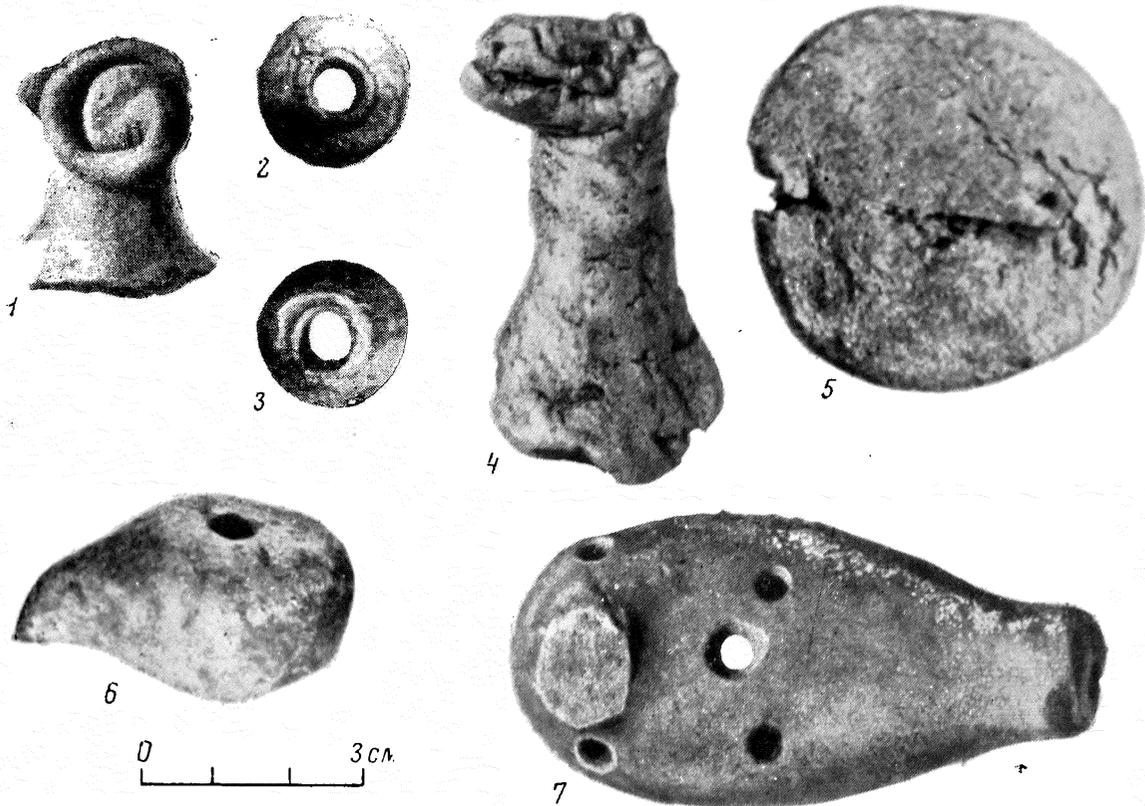

Рис. 60. Игрушки и другие изделия из глины

1 — баран; 2 — косточка от счет; 3 — пряслице; 4 — лошадь; 5 — лепешка; 6 — погремушка; 7 — свистулька

могут быть сопоставлены с отпечатками от верхней части оси ножного гончарного круга с подпятником¹²⁶. На быстро вращающемся круге днище сосуда примазывалось глиной, а готовое изделие срезалось с круга ниткой, поэтому клейм на таких сосудах не может быть. Почти полное отсутствие клейм на круговой посуде Белоозера XIV в. связано, очевидно, с переходом к ножному гончарному кругу.

* * *

Кроме посуды, на Белоозере найдено множество других изделий из глины, производственного или бытового назначения (тигли, грузила, пряслица и др.), о которых говорится в соответствующих разделах о ремеслах и промыслах. Из глины выделывались также игрушки, кресты, плитки.

Игрушки. В горизонте XIII в. найдены фигурки животных, вылепленных из серой глины с крупными примесями кварца, плохо про-

шанной и обожженной. От первой фигурки уцелела только голова на длинной шее (лошадь?). Углубленной линией показаны сомкнутые челюсти, ноздри, уши отбиты (рис. 60, 4). Вторая фигурка условно передает стоящее четвероногое. Голова отбита (рис. 61, 12). Третья представляет собой голову с частью спинки животного. Голова отбита (рис. 61, 11), по кругу нанесен кольцевидный орнамент.

В противоположность этим неуклюжим игрушкам домашнего изготовления, четыре фигурки баранов, найденные на трех прибрежных раскопах, почти на поверхности (1 пласт), отличаются прекрасной выделкой и единообразием. Все фигурки полые, разбитые. Три фигурки сделаны из желтой, хорошо отмученной глины с мелкими примесями песка (рис. 60, 1; 61, 8), четвертая — из красноватой глины (рис. 61, 5). Стилистически и по размеру эти фигурки близки двум московским красноглиняным игрушкам-баранчикам. Дата — XIII в.¹²⁷

¹²⁶ А. А. Бобринский. Древнерусский гончарный круг. СА, 1962, № 2, стр. 42—45, рис. 13—15.

¹²⁷ Р. Л. Розенфельдт. Московское керамическое производство XII—XVIII вв. САИ, вып. Е1—39. М., 1968, стр. 17—18, табл. 23, 24.

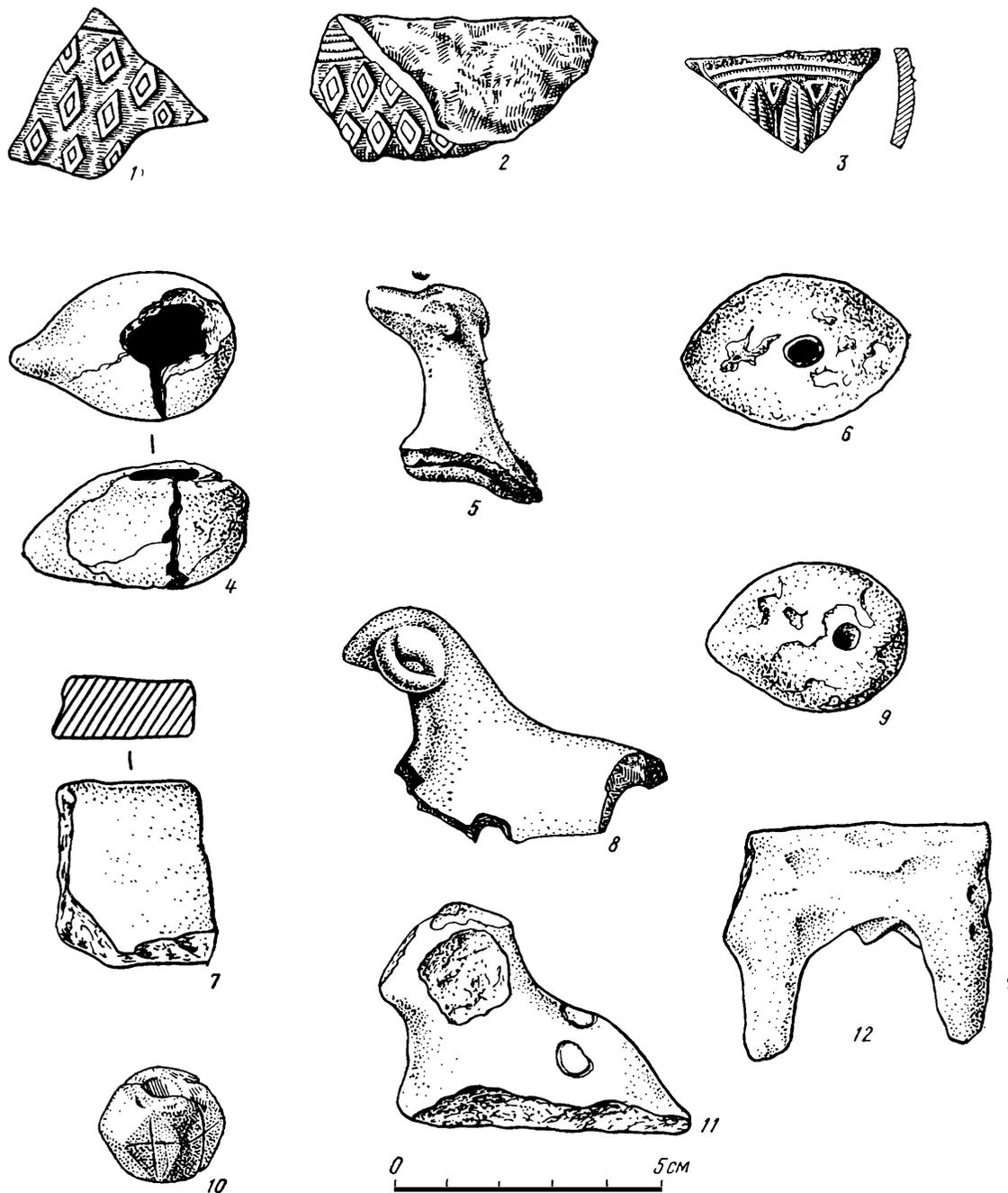

Рис. 61. Игрушки и посуда

1—3 — штампованная посуда;
4 — погремушка-птичка;
5, 8 — барашки;

6, 9 — погремушки;
7 — обломок плитки;
10 — изделие со знаком;

11, 12 — фигурки животных;
1—9, 11, 12 — глина;
10 — камень

Свистульки. На Белоозере найдены три игрушки-свистульки в виде птичек. Древнейшая — белоглиняная, из горизонта XI — первой половины XII в. (см. рис. 66, 28). Головка птички покрыта ярко-зеленой поливой, а тулово — темно-коричневой. В тулове три отверстия. XIII—XIV вв. датируются две свистульки-птички из красной, хорошо отмученной и обожженной глины (рис. 60, 7). Тулово их овальное, полое (7,7 × 3,8), головки отбиты. В корпусе шесть круглых отверстий. Эти свистульки, возможно, местного производства. Такой же формы, но меньшего размера и с четырьмя отверстиями свистулька-птичка найдена А. В. Никитиным в слое XIII в. в Вологде.

Кресты глиняные (8 экз.). Кресты четырехконечные, коричнево-черного цвета, с отверстием для подвешивания. Размеры различные: 2 × 1,4 см — 1 экз.; 2,1 × 1,6 см — 2 экз.; 2,6 × 1,6 см — 2 экз.; 2,5 × 2 см — 2 экз.; 4,1 × 3 см — 1 экз. Толщина боковых граней 0,3—0,5 см.

Семь крестиков происходят из горизонта второй половины XIII в. Один датируется концом XII — началом XIII в. Последний отличается от остальных наличием орнамента: с лицевой стороны по концам его нанесены пятна желтой эмали.

Крестики могли изготавливаться путем отиска комочка глины в твердую одностороннюю форму, предварительно смоченную водой. Затем крестик подправлялся ножом, прокалывался и обжигался. В горизонте второй половины XIII в. найдена форма, вероятно служившая для этой цели. Это — лепешка из глины округлой формы, размером 5 × 4,5 × 1,5 см. В ней имеется углубление в форме креста размером 2,1 × 1,6 × 0,5 см. Форма обожжена (рис. 50, 7).

Глиняные шовиные крестики — довольно редкая находка. В Новгороде, по словам М. В. Седовой, ей известен лишь один экземпляр. Н. Беляшевский упоминает о глиняном кресте размером 2 см, найденном на Княжьей горе¹²⁸. Их изготовление зарегистрировано в золотоордынских центрах Поволжья; вероятно, они производились пленными русскими ремесленниками.

КОСТЕРЕЗНОЕ ДЕЛО

На Белоозере оно было развито чрезвычайно и, вероятно, очень рано сложилось в ремесло. Этому благоприятствовало высокое развитие

черной металлургии и кузнечного дела, обеспечивавших костерезов необходимым инструментарием.

Из рога и кости выделывалось огромное количество орудий, предметов охоты и вооружения (наконечники стрел, гарпунов, детали к колчанам и налучьям, см. выше), рукояти к ножам, шильям и другим колющим и режущим орудиям, застежки, булавки, ложки, пряслица, шашки, печати и другое. Многие орудия, например кочедыки для плетения изделий из луба и бересты и для вязания сетей, всевозможные проколки, острия, сохранялись в неизменном виде до последних десятилетий существования города. Однако костяные швейные иглы с ушком, которые пробивались очень топкими и высококачественными стальными инструментами, известны на Белоозере только с горизонта XII в. (рис. 38, 9).

Форма некоторых изделий, например наконечников стрел, менялась очень медленно; так, двушипные наконечники с круглым черенком в X и XIII вв. были одинаковы. Однако некоторые вещи оказывались очень чувствительными к запросам «моды», и, например, форма гребней с X в. подверглась существенным изменениям.

Гребни (150 экз.) на Белоозере встречены начиная с древнейшего горизонта культурного слоя. 136 экземпляров типологически определены. За исключением одного деревянного, все гребни Белоозера сделаны из рога. Белоозерская коллекция подтверждает наблюдения, произведенные в Старой Ладоге, Новгороде, Пскове, над эволюцией форм гребней по горизонтам культурного слоя. Древнейшие гребни Белоозера — составные односторонние гребни или расчески (см. табл. 28).

В горизонте X в. встречена только эта форма гребней. Деление односторонних гребней на две группы отражает не только типологические, но также различия хронологические и происхождения, как это доказала О. И. Давидан¹²⁹.

В XI в. наряду с односторонними появляются двусторонние цельные гребни. Их деление на типы мы произвели, руководствуясь классификацией Б. А. Колчина¹³⁰.

В XII в. начинают производиться гребни двусторонние наборные.

Гребни составные односторонние (расчески) (47 экз.). Три из них предположительно

¹²⁹ О. И. Давидан. К вопросу о происхождении и датировке ранних гребенок Старой Ладог. АСГЭ, вып. 10, 1968, стр. 58.

¹³⁰ Б. А. Колчин. Хронология новгородских древностей. СА, 1958, № 2, стр. 101, 102, рис. 6.

¹²⁸ Н. Беляшевский. Раскопки на Княжьей горе в 1892 г. Журнал «Киевская старина», вып. 41. Киев, 1893, стр. 144.

Стратиграфия гребней

Дата горизонта	Односторонние		Типы двусторонних гребней								Всего	
	группа		цельные					наборные				
	1 (?)	2	Д	Л	М	Н	Е	О	З	К		
Вторая половина XIII—XIV в.							10			8		4
Первая половина XIII в.							10			6	1	9
XII в.			12	4	6	2	2		8			3
XI в.	1	22	2									
Вторая половина X—начало XI в.		14	2									
X в.	2	7										
Итого	3	43	16	4	6	22	2		22	1	16	136

сопоставляются с гребнями первой группы из Старой Ладogi. Особенностью их являются дугообразная форма спинки или накладки, кружковый орнамент в рамке из двойных врезных линий, тщательно отшлифованные, круглые в сечении, короткие зубья, почти равные высоте накладки.

Первый экземпляр из горизонта X в. (1959 г., № 124, раскоп XXIV) имеет в длину 13 см (рис. 13, 8). Второй гребень с рамкой такой же формы и высоты и с таким же орнаментом, но обломанный найден в горизонте XI в. (1950 г., № 7, раскоп III) (рис. 15, 2). Третий экземпляр из горизонта X в. этого же раскопа представлен половиной спинки гребня, полный размер которой 10 см, а высота равна 2 см. Спинка сильно выгнута, край приподнят; отверстия для штифтов расположились по верхнему и нижнему краям. По нижнему краю накладки — горизонтальный выступ (рис. 15, 1) (1950 г., № 7, раскоп III). Нельзя ли этот гребень сопоставить с фризскими гребенками с горбатой спинкой?¹³¹

Гребенки первой группы, как выяснила О. И. Давидан, фризские по происхождению¹³².

На Белоозере гребни первой и второй групп найдены в одном горизонте. Для последней характерны отсутствие рамки из врезных линий и замена кружкового узора геометрическим орнаментом в виде вертикальных насечек (2 экз.), заштрихованных треугольников или ромбов (12 экз.). Встречены также гребенки только с вертикальными нарезками на концах накладок (2 экз.) или только на лопастях (2 экз.), есть гребенки и без орнамента.

Зубья у гребенки второй группы больше вы-

соты накладки. Для предохранения зубьев гребенки снабжались откидными или съёмными футлярами (рис. 62, 15). На Белоозере их найдено пять.

Дата гребенок второй группы Старой Ладogi — IX—XI вв. На Белоозере они найдены в основном в горизонте X—XI вв. 4 экземпляра датируются концом XI—началом XII в.

Некоторые гребенки второй группы на Белоозере с приподнятыми концами накладок, без орнамента и с вертикальными врезными линиями на концах накладок (2 экз.), с нарезками на лопастях (2 экз.) (рис. 13, 10), отличающиеся прекрасно отшлифованными, круглыми в сечении зубьями, также привозные. Аналогичные известны в погребениях Бирки и Туны X—начала XI в., в Пскове¹³³. Несомненно привозной является и длинная (свыше 23 см) гребенка из горизонта второй половины X—начала XI в. (1962 г., № 76, раскоп XXXIII) (рис. 62, 17). Наиболее ранние экземпляры таких длинных гребенки известны в Швеции, Норвегии, Дании¹³⁴. Однако большая часть гребенки второй группы изготовлялась местными костережами.

На Белоозере доказательства существования местного производства гребенки прослеживаются начиная с горизонта X в. Здесь найдены рога лося со следами отпилов небольших пластин, сами пластины и их обломки.

В жилище резчика по кости и янтарю (раскоп XXVII 1959 г., сруб 10) конца XI в. найдены три односторонних и четыре двусторонних цельных гребенки (три типа Д и один типа Л).

¹³³ Псковский краеведческий музей. колл. 2208 из раскопок С. А. Таракановой в 1948 г., № 295, 296 325.

¹³⁴ О. И. Давидан. Гребни Старой Ладogi. АСГЗ. вып. 4, 1962, стр. 98—101.

¹³¹ О. И. Давидан. Указ. соч., стр. 58.

¹³² Там же.

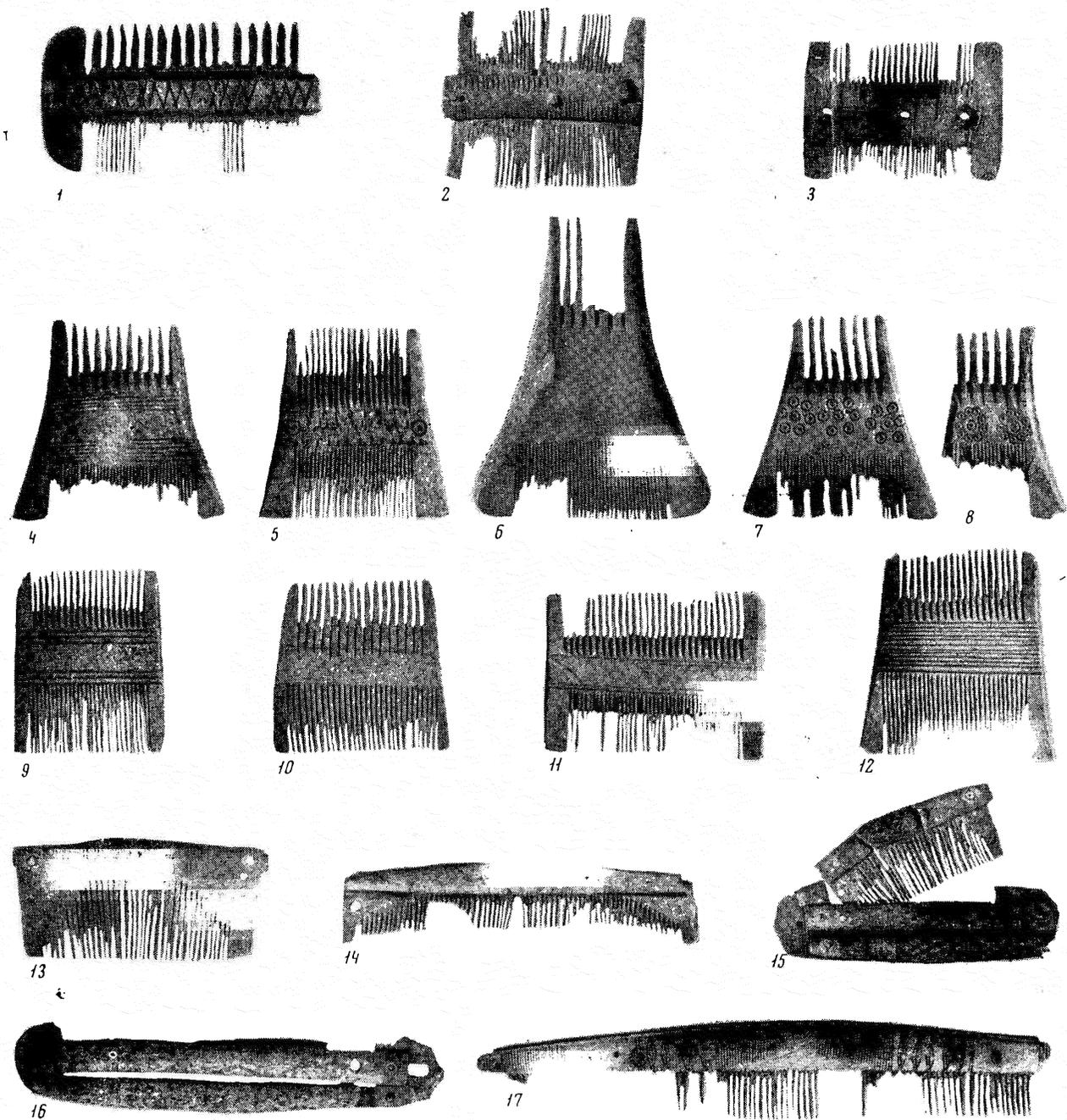

Рис. 62. Гребни из рога (1—17)

Односторонние гребни этого времени совершенно непохожи на узкие изящные гребенки X—XI вв. Они широкие и короткие (3 × 8 см), с грубо пропиленными, неотшлифованными, плоскими зубьями, накладки орнаментированы косой сеткой (рис. 62, 13).

Типы Д, Л, М двусторонних цельных гребней близки между собой. От прямоугольных они эволюционировали к трапециевидным, но

еще не приобрели завершенной формы. Различие между ними состоит в размерах, пропорциях, орнаменте. Так, гребни типа М — небольшие, вытянутые, всего с шестью—восемью крупными зубьями (рис. 62, 6, 8). Гребни типа Е орнаментированы насечкой по боковым краям, линейным и циркульным орнаментами на плоскости. Гребни типа Н при устойчивой трапециевидной форме разнообразны по раз-

мерам и богато украшены циркульным и линейным орнаментами (рис. 62, 4, 5). На одном из гребней этого типа процарапан двузубец с крестом в основании (рис. 15, 13) (1958 г., № 150, раскоп XVIII). Стратиграфия двусторонних цельных гребней на Белоозере в общем совпадает с новгородской.

Эволюция гребней двусторонних наборных на Белоозере отличалась значительным своеобразием. Здесь отсутствуют типы Ж и И новгородской коллекции, а тип З, значительно распространенный в Новгороде, представлен всего одним экземпляром. Зато тип О, в Новгороде наименее известный и бытовавший только в XII в.¹³⁵, на Белоозере в XIII в. пользуется наибольшей популярностью. Гребни этого типа с полукруглыми лопастями по форме и орнаменту центральной накладки (плоско-выпуклой, трапецевидной, с глубоким желобком по центру) представлены несколькими вариантами. Накладки украшались циркульным орнаментом, врезной зигзагообразной линией (рис. 62, 1) и пр. Тип К — с прямыми лопастями как резанными из целой пластины (впоследствии украшенными накладкой, рис. 62, 3, 2), так и составными наборными — на Белоозере тот же, что и в Новгороде.

На Белоозере найдены восемь ложек из рога, одна незаконченная заготовка и миниатюрная ложечка-амулет. Ложки делались плоскими, в виде лопаточек, углубленная только одна.

Древнейшая ложка — из горизонта X в. (1959 г., № 396, раскоп XXVIII). Длина ее 12 см, рабочая часть овальная, черенок плоский, с отверстием. На оборотной стороне весьма схематично вырезан пляшущий человечек с растопыренными руками, а на черенке узор: косая клетка (рис. 15, 5).

Из горизонта XI в. происходит ложечка-амулет с отверстием в рукояти для ношения, копирующая плоские округлые столовые ложки. Размер ее 5,5 см (1962 г., № 253, раскоп XXXIV) (рис. 63, 1), отсюда же и ложка с обломанным черенком. Размеры ее рабочей части 3 × 3 см (1960 г., № 100, раскоп XXVIII).

Ложка, датирующаяся концом XII в., углубленная. Длина ее 11 см. Черенок четырехгранный, по лицевой грани орнаментирован резной плетенкой (рис. 63, 4), а по тыльным сторонам — зигзагообразным узором. Основание черенка круглое, оно выполнено в виде капители, обведенной плетенкой, которую поддерживает голова зверя. Верхняя часть рукоятки ложки отломана (1957 г., № 417, раскоп XVIII).

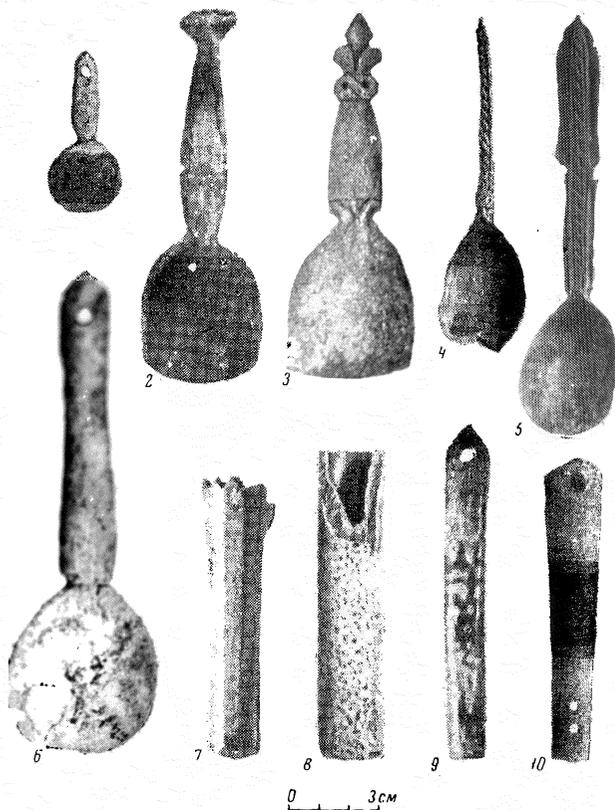

Рис. 63. Ложки и рукояти из рога и кости (1—10)

Серединой XIII в. датируется плоская ложка в виде лопаточки с почти прямым краем (рис. 63, 3). Длина ложки 11,7 см. Рукоять ее завершена пальметтой, в основании которой лежит перевернутая восьмерка. На оборотной стороне рукояти процарапана буква «К» (1952 г., № 95, раскоп VIII).

Ложка такая же, но рукоять имеет Т-образную форму. Общая длина ее 11 см. На лицевой стороне — едва различимый резной поясok в виде плетенки (1951 г., № 88, раскоп VI) (рис. 63, 2). Найдена в горизонте XIII в.

Из этого же горизонта происходит плоская ложка с круглым рабочим краем. Длина ее 12,5 см. По центру рукояти проходит выпуклая полоса с резным узором, имитирующим плетенку (1951 г., № 62, раскоп VIII) (рис. 63, 5).

Самая крупная ложка белоозерской коллекции длиной 16 см. Ложка плоская, вершина черенка обрезана «на конус», имеется отверстие для подвешивания. На лицевой стороне рабочей части вырезано схематическое изображение водоплавающей птицы (рис. 63, 6). Ложка найдена в горизонте второй половины XIII в. (1959 г., № 1059, раскоп XXX).

Другая ложка плоская, изломана. Неполная длина ее 9,5 см. Дата — XIII в.

¹³⁵ Б. А. Колчин. Хронология новгородских древностей, рис. 6.

Найдена заготовка плоской ложки, конец черенка обломан. Размер $15 \times 2,5$ см (1959 г., № 892, раскоп XXVII).

Форма плоских ложек Белоозера близка к прикамским (Роданово городище, Анюшкар)¹³⁶, но орнамент совершенно другой.

На Белоозере найдено много рукоятей различных размеров из рога для инструментов разного типа. Рукояти ножей XIII в. гораздо крупнее рукоятей X—XI вв. в связи с увеличением размеров самих ножей. В отличие от более ранних цельных рукоятей, в XIII в. довольно много рукоятей-пластинок, прикреплявшихся с двух сторон к длинному и широкому черенку ножа на шпеньках-заклепках (рис. 63, 10).

Следует отметить, что навершия и роговые обоймы-накладки к деревянным рукояткам встречены на Белоозере только в горизонте XIII в. Это совпадает с наблюдениями Б. А. Колчина о позднем появлении этих изделий в Новгороде¹³⁷. Из горизонта XIII в. происходит также цельная роговая рукоять с двусторонней росписью красно-коричневой и желтой красками (рис. 63, 9). На одном конце — отверстие для подвешивания (1957 г., № 40, раскоп VI). Сходная рукоять известна из Пскова¹³⁸. О резных рукоятях шильев уже говорилось выше.

Интересны булавки из рога. Две из них — круглые стержни диаметром около 0,7 см с навершием в виде округлых «бусин» (4), чередующихся с плоскими кружками. Булавки обломаны. Один экземпляр найден в горизонте XI в. (1960 г., № 244, раскоп XXIX), второй — в дерне (1959 г., № 67, траншея I) (рис. 38, 5). Они аналогичны новгородским резным булавкам. Третий экземпляр представляет собой круглый стержень со слабовыраженными «бусинами», заканчивающийся боковым отростком, оформленным в виде головы зверя (рис. 38, 13). Стержень обломан (1950 г., № 594, раскоп VIII). Дата — конец XII в.

Пуговицы из кости и рога разнообразны, но каждый тип представлен всего одним-тремя экземплярами. Встречены стержневые (рис. 38, 15), резанные из рога — 1 экз. Другие — круглые, плоские, с отверстием по центру, диаметры 1,3 и 2 см. Они украшались врезными концентрическими линиями или кружком. Крепились к одежде крупным узлом с лицевой сто-

роны. Резались из рога. Производство таких пуговиц известно в древнем Киеве¹³⁹. На Белоозере 4 экземпляра пуговиц найдены в горизонте XIII в. (рис. 38, 18).

Пуговицы полусферические, с круглым отверстием по центру. Делались из эпифизов трубчатых костей и рога. Крепились к одежде так же, как тип 2. Один экземпляр из рога, с орнаментом в виде креста с вписанными кружками, хорошо заполирован. Высота 1, диаметр 1,6 см (1957 г., № 12, раскоп IX).

Круглые или полусферические с рукоятью, в которой просверливалось отверстие. Резались из рога. Длина вместе с рукоятью 1,5—2,6 см (рис. 38, 2, 3). Известны 3 экземпляра. Дата — XIII в.

На Белоозере найдены две пашки, точеные на токарном станке (рис. 38, 4, 11), обе в горизонте XIII в. Любопытна игральная кость, на длинной грани которой вырезано 9 очков (рис. 38, 12). Дата — конец XII в.

Интересна конусовидная печать с ушком ($1,9 \times 1,3$ см). В ободке из круглых ямок (6) помещено резное контурное изображение птички с раздвоенным хвостиком и двумя поперечными полосками по тулову (рис. 37, 3а — в). Печать происходит из горизонта середины XIII в. (1957 г., № 542, раскоп VI).

Вторая печать также конусовидной формы, но с более вытянутой рукоятью, завершавшейся ушком (?) (отломано). Неполная длина ее 2,3 см, рабочая часть овальная ($1,2 \times 0,3$ см). На ней нанесено резное изображение двузубца с отогнутыми в стороны остриями и точкой наверху (рис. 37, 1а, б). Оно сходно с гончарным клеймом из Киева, опубликованным Б. А. Рыбаковым в качестве княжеского знака¹⁴⁰. Печать датируется второй половиной XIII в. (1961 г., № 547, раскоп 32, пласт 2).

При обилии изделий из кости и рога обнаружено всего две копоушки. Одна с резным орнаментом в виде шнура на лицевой стороне, имеет отверстие для подвешивания (рис. 15, ставляет собой круглый стержень, украшенный 10). Ее размер $4,5 \times 0,7$ см. (1959 г., № 283). Вторая, обломанная с обоих концов, также предспирально врезанным орнаментом (1957 г., № 73, раскоп XVI) (рис. 15, 9). Такие копоушки стандартной формы и размера известны в Новгороде¹⁴¹.

На Белоозере найдены отдельные резные пластины из рога, представляющие собой на-

¹³⁶ М. В. Талицкий. Верхнее Прикамье в X—XIV вв., рис. 32, 1—4.

¹³⁷ Б. А. Колчин. Хронология новгородских древностей, рис. 6.

¹³⁸ Г. П. Гроздилов. Раскопки древнего Пскова. АСГЭ, вып. 4, 1962, рис. 48, 4.

¹³⁹ М. К. Каргер. Древний Киев, т. I. М.—Л., 1958, стр. 170.

¹⁴⁰ Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси, рис. 126, 5.

¹⁴¹ Б. А. Колчин. Хронология новгородских древностей, рис. 10, 1.

кладки к разнообразным видам утвари (рис. 38, 1, 20), вертлуги (рис. 38, 22, 23) и многое другое.

ОБРАБОТКА ДЕРЕВА

Как и в Новгороде, на Белоозере имела место ранняя специализация ремесленников по дереву — плотников, токарей, бондарей. Белозерская коллекция изделий из дерева по количеству и ассортименту находок неизмеримо меньше новгородской. Кроме того, в Новгороде почти все виды деревянных изделий представлены в их историческом развитии; на Белоозере же дерева в горизонте X—XI вв. немного, а позднее XIII в. — совсем нет. Однако сравнение белозерских и новгородских деревянных изделий одного и того же времени убеждает в том, что белозерские ремесленники владели теми же профессиональными навыками и не уступали новгородским в мастерстве.

Посуда, сделанная на токарном станке, известна начиная с горизонта X в. По форме среди нее могут быть выделены чаши, миски, блюда. Тонкостенных чаш полусферической формы найдено в обломках более десяти. Весьма интересны трехручные чаши (3 экз.); обломки их найдены в разных раскопах в горизонтах X, XII и XIII вв.¹⁴² Лучше других сохранилась чаша из горизонта начала XIII в. Ее диаметр 27, высота 10, диаметр днища 11 см. Ручки вырезаны из того же куска дерева, что и сам сосуд. Они горизонтальные, плоские, треугольной формы, со сквозным отверстием. Чаша резана из ясеня (рис. 26, 4). Найдены части трех плоскдонных мисок и одна почти целая, со стенками, расходящимися вверх. Диаметр устья 23,5, днища — 8,5 см, высота 10 см¹⁴³. Дата мисок — XIII в.

В горизонте начала XIII в. найдены два круглых неглубоких блюда на низких поддонах. Одно с узкими бортиками, дубовое (рис. 26, 2), диаметром 18 см; второе — размером 25 см, с широким бортиком, березовое (рис. 26, 1). По центру вырезана буква «Ж» и под ней крест со свастикообразным отростком¹⁴⁴. На обломке чаши из того же горизонта культурного слоя сохранилась часть надписи из семи букв¹⁴⁵.

Наряду с токарной посудой употреблялась и резная. К последней относятся небольшие

чаши, резанные из корневищ (3 обломка), ковши (2 экз., рис. 29, 10), ложки (2 экз.), половник. Найдены три заготовки для ковшей (из горизонта X в. — 1 и XIII в. — 2) и две для ложек (XIII в.) (рис. 29, 4). Ложки аналогичны простым суповым ложкам из Новгорода. Лопастни ложек расположены под небольшим углом к рукояти, имеют необходимую глубину.

Найдена на Белоозере и бондарная посуда, но в обломках. Это — отдельные дубовые клепки, днища бочонков, обручи, затычки.

Большое распространение имела здесь берестяная посуда. Обломки стенок, днищ, крышек из бересты встречены повсеместно начиная с горизонта X в. Чаще всего это остатки цилиндрических туесков — маленьких, диаметром 8—12 см, и больших, шириной 22—28 см. Берестяные днища и стенки сшивались лыком. Крышки часто снабжались ручками из прямоугольных полосок бересты, последние иногда украшались резным узором (рис. 29, 11).

Найдено также днище короба размером 46 × 27 см. Оно овальное, сшито из двух кусков бересты.

Кроме посуды, на Белоозере обнаружены различные предметы утвари и домашнего обихода: мутовки (рис. 32, 7), лопаточки и лопаты, в том числе хлебопечные (рис. 26, 3) с круглой рабочей частью, колотушки (чекмари), пест, настенные крюки — как простые, так и резные, с головкой копя (рис. 29, 6), гвозди (рис. 29, 12) и многое другое.

Как и в других средневековых поселениях, на Белоозере ни один вид домашнего промысла или ремесла был немислим без орудий из дерева. Мы упоминаем о них в соответствующих разделах (о прядении и ткачестве, рыболовстве и др.).

Приведем некоторые данные о находках, связанных со средствами передвижения. В горизонте XIII в. обнаружены деревянные клещи от хомутов (3 экз.), служивших необходимой частью конской упряжи (рис. 32, 9), и кнутовище¹⁴⁶.

Из того же горизонта происходят два санных полоза (рис. 64, 3). Оба полоза дубовые, гнутые. Один, прямоугольный в сечении, длиной 270 см, с четырьмя пазами для копылов, сломан. Второй, длиной 305 см, трапецевидный в разрезе, с шестью пазами, целый¹⁴⁷. Полозья принадлежали большим саням¹⁴⁸.

¹⁴² 1959 г., № 585 раскоп. XIII, пласт 7; 1950 г., № 1381, раскоп V, пласт 6; 1961 г., № 537, раскоп XXXII, пласт 6.

¹⁴³ 1961 г., № 533, раскоп XXXII, пласт 5.

¹⁴⁴ 1961 г., № 518, раскоп XXXII, пласт 4.

¹⁴⁵ 1961 г., № 543, раскоп XXXII.

¹⁴⁶ Аналогично кнутовищу см.: Б. А. Колчин. Новгородские древности. Деревянные изделия. САИ. вып. Е1-55. М., 1968, табл. 85, 7.

¹⁴⁷ Белоозеро, 1961 г., № 525 и 532, раскоп XXXII.

¹⁴⁸ Наибольшая длина санных полозьев из новгородских раскопок — 330—340 см.

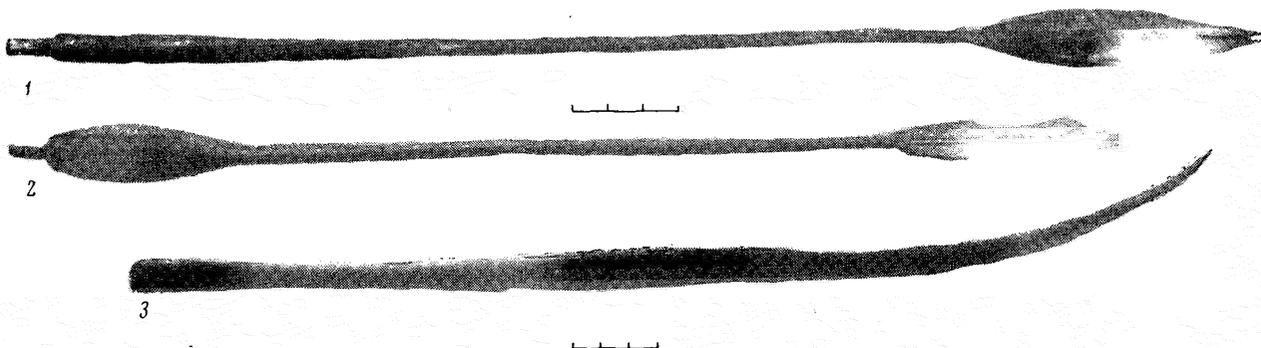

Рис. 64. Весла и санный полоз из раскопа XXXII

В этом же горизонте обнаружен сломанный с обоих концов копыл¹⁴⁹. Копылы — стояки, соединяющие полозья с платформой саней и определяющие их высоту. Длина сохранившейся части копыла 27,5, ширина — 8 и 3 см. Лицевая сторона его украшена резным узором — плетенкой.

В горизонте начала XI в. обнаружен полоз от детских салазок. Это доска толщиной 4, шириной 21 и длиной 101 см. Ее передний конец скошен и книзу закруглен. Около него сделано сквозное круглое отверстие для веревки. На уровне 5—7 см от верхнего края полоза — 4 прямоугольных отверстия 5 × 2 см; в них вставлялись торцы перекладин сидения.

Представляет большой интерес собрание весел, найденных при раскопках Белоозера. Всего известно 10 весел. 8 извлечены из-под сруба 20-х годов XIII в. (сруб № 5 раскопа 32 1961 г.). Четыре из них целые.

Таблица 29

Размеры весел, см

Номер	Общая длина	Длина лопасти	Ширина лопасти	Длина балансира	Толщина балансира
1	245	60	14	40	14
2	260	50	10	40	10
3	205	43	10	40	5
4	200	90	20		

Весла 1—3 — гребельные. У двух лопастей узкие, в форме вытянутого овала; у третьего лопасть фигурная (рис. 64, 2). Весло 4 — кормовое. Его отличает длина лопасти, равная почти половине общей длины весла.

Еще 6 весел найдены в обломках. Все эти весла лодочные. Кроме весел, найдены еще ук-

лючены, части лодочных скамеек — кормовых и средних. Как показал анализ древесины, весла выделывались из ели.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ КАМНЯ

Кресты каменные (13 экз.) Найдены в горизонте XIII в. Все они четырехконечные, прямоугольные. По размеру, материалу, наличию или отсутствию изображений их можно разделить на несколько групп.

Крестики из темного и серого сланца, гладкие (5 экз.). Размеры от 2 × 1,5 до 5 × 5 см. Различия в пропорциях, толщине, размерах свидетельствуют об индивидуальном, а не серийном их изготовлении.

Крест из темного, почти черного мрамора (?), полированный, гладкий. Размер 4,7 × 3,5 см.

Два креста из белого мягкого камня. Первый размером 2,9 × 2,2 см украшен резным изображением, напоминающим знак Рюриковичей. Второй разбит, гладкий.

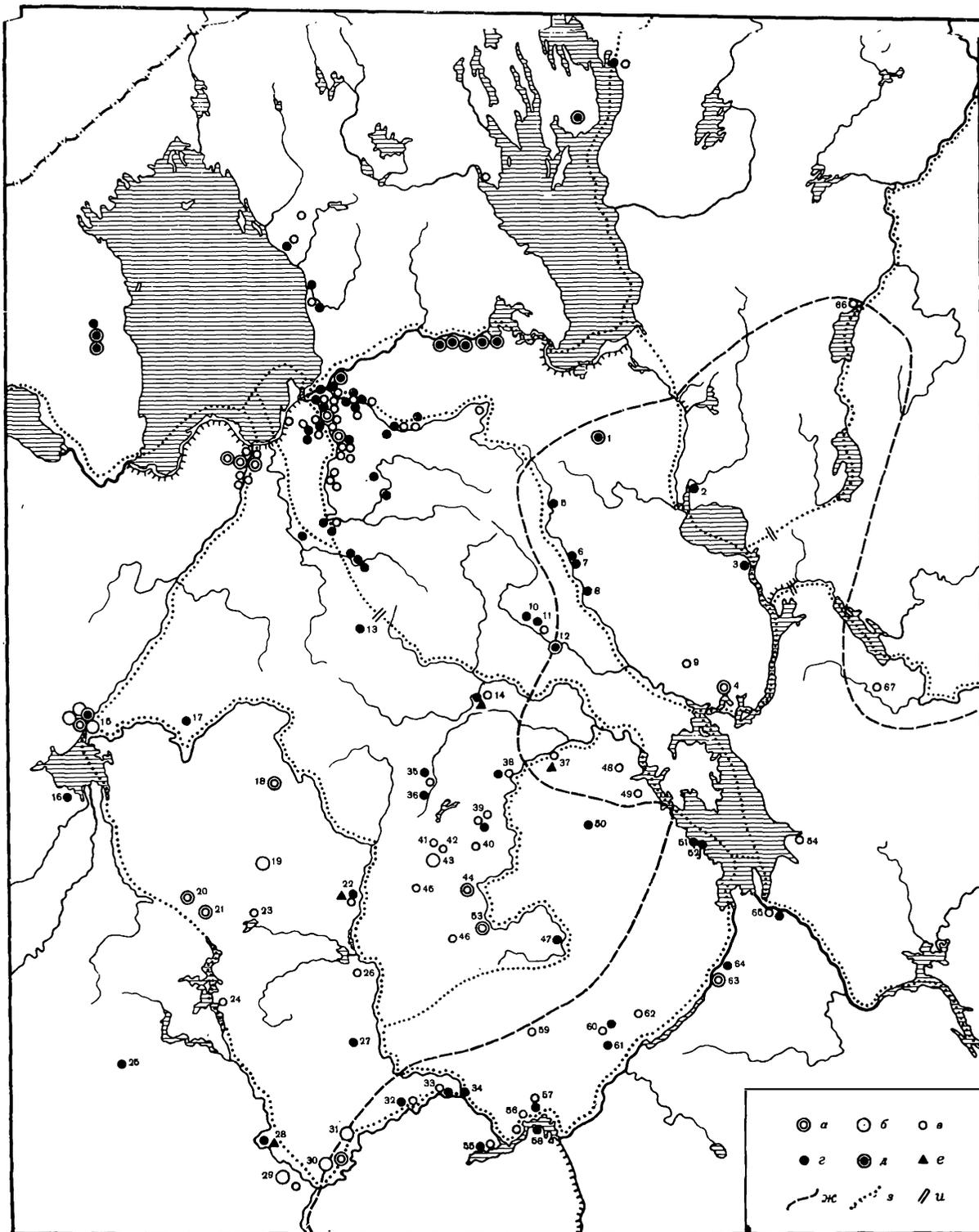
Два одинаковых крестика из темно-серого сланца размером 3,4 × 3, толщиной 0,5 см. Украшены резьбой с выемкой фона. В средокрестии в квадратной рамке — прямой равноконечный крест, на концах косые кресты, по краю ободок. В углублениях сохранились следы белой краски, обратная сторона гладкая.

Крест из серого сланца размером 3,4 × 2,6, толщиной 0,8 см, оббит сверху. На обеих сторонах вырезаны неясные изображения (распятия?).

Крест из темно-серого сланца, один конец оббит. Размер 3,6 × 2,8 см. На лицевой стороне вырезано изображение голгофного креста. Крест найден на поверхности раскопа и относится к позднему времени.

Образки каменные (2 экз.) Оба круглые, резаны из светлого серого камня, обратная сторона гладкая. Образок диаметром 5 см найден

¹⁴⁹ 1958 г., траншея 1, № 500.

Карта 6. Клады и отдельные находки восточных, западноевропейских и византийских монет IX—XI вв. в Белозерье и междуречье Мологи, Мсты и Волги

ТОРГОВЛЯ

в горизонте XII в. Верх и правая сторона об-
разка отбиты. На сохранившейся части — по-
грудное изображение святого с левой рукой, от-
крытой и прижатой к груди. С большим ма-
стерством переданы рука, складки одежды и
облачения, кайма, пояс. У левого плеча на вы-
пуклом фоне вырезаны буквы, из которых чи-
тается «о» (рис. 52, 1). Второй образец диамет-
ром 1,5 см найден в дереве. На нем погрудное
изображение святого: правая рука приподнята
в благословляющем жесте, в левой — еванге-
лие. Резьба грубая, схематичная (рис. 52, 2).

Торговля имела огромное значение в разви-
тии Белоозера. Само расположение последнего
на северном отрезке Великого Волжского пути
имело определяющее значение для роста посе-
ления и его сложения в городской ремесленно-
торговый центр.

На Шексне и Мологе найдены клады восточ-
ных монет IX в. (карта 6), свидетельствующие
об участии местного населения в торговле с Во-
стоком на раннем этапе ее развития. Основой
местного экспорта являлась пушнина. На посе-

Карта 6 (окончание подписи)

- а — клады дирхемов IX в.;
б — клады дирхемов X в.;
в — отдельные находки
дирхемов;
г — отдельные находки
западноевропейских
монет;
д — клады западноевро-
пейских монет;
е — отдельные находки
византийских монет;
ж — граница Ростово-Суз-
дальской земли XII—
XIII вв. (по А. Н. На-
сонову);
з — торговые пути;
и — важнейшие волоки;
1 — Куштозеро;
2 — Болтинская;
3 — Белоозеро;
4 — Паньино;
5 — Нижний Конец;
6 — Варнакушка;
7 — Митино-Зворыкино;
8 — Никольское;
9 — Дмитриевское;
10 — Степаново;
11 — Дудино;
12 — Бабаево;
13 — Мозолево;
14 — Белые Кресты;
15 — Новгород;
16 — Ильменские курганы;
17 — Полище;
18 — Потерпилицы;
19 — быв. Валдайский
уезд;
20 — Демянск;
21 — Шумилово;
22 — Федово;
23 — оз. Шлино;
24 — Осташков;
25 — Малый Бохот;
26 — Вышневолоцкий р-н;
27 — Архангельское;
28 — Горки;
29 — Ржев;
30 — Семенов-Городок;
31 — быв. Старицкий уезд;
32 — Избрижье;
33 — Дуденева;
34 — Калинин;
35 — Левоча;
36 — Кобожя;
37 — Куреваниха;
38 — Пестовские курганы;
39 — Сорогожское;
40 — Мотыли;
41 — Воронцово;
42 — Абаконовские курга-
ны;
43 — Иловец II;
44 — Кузнецкое;
45 — Курово;
46 — левый берег р. Вол-
чины;
47 — Бежец;
48 — Николо Рень;
49 — быв. Весьегонский
уезд;
50 — Залужье;
51 — Владимирское;
52 — Плавь;
53 — Загорье;
54 — Зубаревские курга-
ны;
55 — Загорье;
56 — Глинники;
57 — Устье;
58 — Заборье;
59 — быв. Корчевский уезд;
60 — Посады;
61 — Хрипелево;
62 — Кашин;
63 — Углич;
64 — Грехов Ручей;
65 — Рыбинск;
66 — Каргополь;
67 — быв. Вологодский
уезд;
- Приложение к карте 6:
№ 1, 2, 6, 7, 13, 14, 17, 22,
25, 27, 28, 32—34, 47,
50—53, 56, 57—64 —
В. М. Потгин. Топогра-

- фия находок западно-
европейских монет X—
XIII вв. на территории
Древней Руси. «Тру-
ды Гос. Эрмитажа»,
IX. Л., 1967;
№ 3 — два денария Оттона
и Адельгейды (991—
995 гг.);
№ 4, 12, 15, 18—21, 29—31,
39, 41, 53, 63 —
В. Л. Янин. Денежно-
весовые системы рус-
ского средневековья.
Домонгольский пе-
риод. М., 1956, рис. 5,
17, 31;
№ 5, 8, 11, 35, 36 — Н. В.
Тухтина. Новый па-
мятник веси на р. Су-
де. «Ежегодник Госу-
дарственного Истори-
ческого музея», 1965—
1966. М., 1970, стр. 65;
она же. Об этничес-
ком составе насе-
ления бассейна р. Шекс-
ны в X—XII вв. «Ар-
хеологический сбор-
ник». «Труды ГИМ»,
вып. 40. М., 1966,
стр. 127, 131, 133;
№ 9 — три монеты-подвески
сасанидов. ККПИ,
№ 10 — четыре не-
мецких денария в
разрушенном погреб-
ении, у костей рук.
Найдены в 1958 г.
Устное сообщение
Н. И. Калоева;
№ 12 — клад в глиняном
горшке (570 восточ-
нофризских дена-
риев герцога Ор-
дольфа (1059—
1071 гг.). Найден в
1967 г. при земля-
ных работах, часть
в Череповецком му-
зее;
№ 16 — В. Д. Ершевский.
Ильменские курга-
ны. Сб. «Археологи-
ческие открытия
1969 года». М.,
1970, стр. 17;
№ 23, 24, 26, 29—31, 39—
41, 44—46, 48, 49,
56, 59, 61, 65—67 —
А. К. Марков. Топо-
графия кладов во-
сточных монет (са-
санидских и куф-
ических). СПб., 1910;
№ 42, 43 — Ю. Н. Урбан,
Н. И. Ивановская.
Работа Калинин-
ского отряда верхне-
волжской экспеди-
ции. Сб. «Археоло-
гические открытия
1969 года», стр.
36;
№ 37 — А. В. Никитин. Рас-
копки в Вологодской
обл. Сб. «Археоло-
гические открытия
1966 года». М., 1967,
стр. 13; В. В. Кро-
поткин. Торговые
связи Волжской
Болгарии X в. по
нумизматическим
данным. Сб. «Древ-
ние славяне и их
соседи». М., 1970,
стр. 148;
№ 54 — Е. И. Горюнова.
Мерянский могиль-
ник на Рыбинском
море. КСИИМК,
вып. 54, 1954, стр.
156.

лении у истоков Шексны из Белого озера слой IX в. не выделен. Однако небольшое количество бус староладожских типов VIII—X вв.¹⁵⁰, фризских гребней свидетельствует о ранних связях Белоозера со странами Севера Европы, вовлеченными в восточную торговлю. На Белоозере в свою очередь оседает восточный импорт, представленный болгарской круговой керамикой X в.

Восточные монеты X в. обнаружены уже в 11 пунктах Белозерского края и на Мологе (в погребениях). Бусы и часть гребней 2-й группы Белоозера, бронзовые украшения скандинавского и прибалтийского происхождения поступают на Белоозеро по старому торговому пути: Балтийское море—Приладожье. Следует отметить, что импорт из северных стран Европы оседает не только на Белом озере, но и в среднем течении Шексны—на Городище и в Луковце.

На Городище найден бронзовый ладьевидный браслет из Скандинавии¹⁵¹, в Луковце—бронзовая булава с птичкой финляндского типа¹⁵². Из сборов в Луковце происходят также две гири для малых взвешиваний. На плоских гранях гирек по 4 ямки¹⁵³.

Вероятно, тем же северным отрезком Великого Волжского пути, по Балтийскому морю, для нужд развивавшегося ремесла проникали на Белоозеро олово, слитки меди.

В X в. на Белоозере начинают появляться шиферные пряслица, византийские стеклянные браслеты, амфоры, грецкие орехи. С приходом славян район Белоозера подключился к днепровской торговой магистрали.

В конце X—XI в. приток восточного серебра в Европу прекратился и транзитного пути с Балтики на Восток практически уже не существовало. В это время потребности русских земель в серебре для нужд торговли и ремесла удовлетворялись ввозом монетного серебра из стран, наиболее богатых серебряными рудами,—Германии, отчасти Англии, Венгрии, Чехии, Дании. Германские, главным образом фризские, денарии являются преобладающей монетой¹⁵⁴. Их находки сосредоточены в основном на землях, связанных с Новгородом. Большое количество находок и крупнейшие монетные клады известны в Юго-Восточном Приладожье и на пути, соединяющем Ладожское и Онежское озера¹⁵⁵.

Возможно, в результате возросших связей с Поморьем в XI в. на Белоозере, как и в других центрах Древней Руси, появляется ягтарь, служивший сырьем для русских резчиков-ювелиров. Из Поморья происходит и найденная в горизонте Белоозера конца XII—начала XIII в. бронзовая неорнаментированная чаша¹⁵⁶.

При раскопках Белоозера найдены всего две западноевропейские монеты: денарии Оттона и Адельгейды (991—995 гг.). В Белозерском крае, бассейне Мологи и Волги западноевропейские монеты конца X—XI в. известны из многих пунктов (карта 6). Самый крупный в Белозерье клад из г. Бабаева состоял из 570 восточнофризских монет герцога Ордульфа (1059—1071гг.).

Картографирование находок монет показывает их расположение на основных водных путях, ведущих в Приладожье (по Суде), в Новгородскую землю (по рекам Колпи и Кобоже) и в Прионежье.

Через Белоозеро, по Сухоно-Вычегодскому пути западноевропейское серебро проникает в Вычегодский край и Прикамье. В это же время ряд изделий прикамских металлургов, главным образом украшения и огнива с бронзовыми рукоятками, распространяется в Белозерье, Приладожье и доходят до Швеции¹⁵⁷.

В XI—XII вв. под влиянием тесных политических связей с Киевской Русью усиливаются и экономические связи Белоозера с южнорусскими землями. Это особенно ощущается в XII—первой половине XIII в. на импорте шиферных пряслиц, поливной посуды, изделий из стекла—бус, перстней, браслетов, посуды. В эти же столетия с юга на Белоозеро продолжают поступать амфоры с вином и оливковым маслом. Два раза в горизонте XIII в. на Белоозере были найдены свинцовые пломбы, которыми печатавались привозные товары.

На протяжении IX—XII вв. продолжали существовать экономические связи Белоозера с Булгарией Волжской, время от времени нарушавшиеся русско-булгарскими военными конфликтами.

Белоозеро, особенно в неблагоприятные для северного земледелия годы, нуждалось в привозном хлебе и, как и Новгород, получало его с «низовых земель», из Поволжья, а иногда, видимо, и из Волжской Булгарии. Указание на это усматриваем в летописном свидетельстве, приводимом В. Н. Татищевым под 1229 г.:

¹⁵⁰ В. П. Даркевич. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе X—XIV вв. САИ, вып. Е1-57. М., 1966, стр. 27, № 44.

¹⁵¹ Л. А. Голубева. Белозерская вещь и ее западные соседи в X—начале XI века.

¹⁵⁰ З. А. Львова. Стеклянные бусы Старой Ладogi. АСТЭ, вып. 10. Л., 1968, стр. 91.

¹⁵¹ Череповецкий музей, случайная находка 1964 г.

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Там же, инв. № 2520. Луковец, сборы 1953 г.

¹⁵⁴ В. М. Потин. Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Л., 1968, табл. 3, стр. 47, 69.

¹⁵⁵ Там же, рис. 33.

«В сие время глад был во всей Руси два года и множество людей помирало, а более в Новеграде и Белоозере, но болгары, учиня мир, возили жита по Волге и Оке во все грады русские и продавали и тем великую помощь сделали»¹⁵⁸.

Выше упоминалось о болгарской красноглиняной посуде X в. Булгарская посуда продолжала поступать на Белоозеро и в позднейшее время, о чем свидетельствует сероглиняная лощеная чаша со сливом из горизонта XII в. (1262 г., раскоп XXIV)¹⁵⁹.

В горизонте XI в. обнаружены два разбитых сфероконических сосуда болгарского происхождения.

Дважды найдены на Белоозере бронзовые болгарские замочки в виде лошадок. Первый (рис. 44, 17) происходит из горизонта середины XIII в. (1959 г., № 102, раскоп XXX); второй лежал на настиле уличной мостовой, стратиграфически датированном серединой — второй половиной XIII в. (1951 г., № 489, раскоп VIII)¹⁶⁰.

После монгольского нашествия на Киевщина прекращается производство шиферных пряслиц, поливной посуды, стеклянных изделий. В середине и второй половине XIII в. Белоозеро, вероятно, получает некоторые поливные и стеклянные изделия из Новгорода.

В это время на Белоозере появляются изделия среднеазиатского происхождения, возможно изготовленные в золотоордынских производственных центрах Поволжья. Некоторые из них могли попасть на Белое озеро в результате многочисленных поездок в Орду белозерского князя Глеба Васильевича.

ПРИВОЗНЫЕ ИЗДЕЛИЯ

Пряслица шиферные. На Белоозере найдено 667 пряслиц из розового и серого овручского шифера. Их распределение по горизонтам культурного слоя показано в табл. 30.

У 571 экземпляра промерена величина внутреннего канала. На следующей таблице (табл. 31) приведено распределение пряслиц по горизонтам культурного слоя и величине диаметра внутреннего канала. Последняя таблица подтверждает наблюдение Р. Л. Розенфельда от

Таблица 30

Стратиграфия шиферных пряслиц

Дата горизонта	Количество экз.
Вторая половина XIII — XIV в.	73
Первая половина XIII в.	161
XII в.	219
XI в.	144
Начало XI — конец X в.	32
X в.	2
Итого	631

носительно преобладания пряслиц с большим диаметром в нижних горизонтах культурного слоя домонгольских поселений¹⁶¹.

В X в. белозерцы пользовались глиняными и роговыми пряслицами. В XI и XII вв. эти последние исчезли из употребления и городское население полностью удовлетворяло свои нужды за счет привозных овручских. Их импорт на Белоозеро непрерывно возрастал.

Таблица 31

Стратиграфия пряслиц по величине диаметра канала

Дата горизонта	С диаметром внутреннего канала, мм						Всего
	5	6	7	8	9	10	
Вторая половина XIII в.	17	22	6	3	1	—	49
Первая половина XIII в.	32	42	27	13	2	—	116
XII в.	18	56	94	44	17	2	231
XI в.	5	15	55	53	14	2	144
Конец X — начало XI в.	1	4	7	10	8	2	32
Первая половина X в.				2			2
							574

86 пряслиц отмечены различными знаками. В подавляющем большинстве это крестообразные насечки; встречаются также вертикальные резы, ямки, тамгообразные знаки в виде ромбов, треугольников, прямоугольников; последние иногда осложнены перекрещивающимися линиями и точками. Наибольший интерес представляют пряслица с буквами и надписями; их всего 12. Обычно на пряслицах с буквами других знаков уже не встречается.

Разгром монголами овручских мастерских привел к резкому падению числа находок шиферных пряслиц в древнерусских городах вто-

¹⁵⁸ В. Н. Тагичев. История российская, т. III. М., 1964, стр. 225.

¹⁵⁹ 1959 г., № 715, раскоп XXVII; 1960 г., № 11, раскоп XXVIII.

¹⁶⁰ Л. А. Голубева. Белоозеро и волжские болгары. «Древности Восточной Европы». МИА, № 169, 1969, рис. 1, 2—3.

¹⁶¹ Р. Л. Розенфельд. О производстве и датировке овручских пряслиц. СА, 1964, № 4, стр. 220—223.

Стратиграфия стеклянных бус

раскопы	Дата горизонта культурного слоя	Из тянутых трубочек								Прессованные	Слоеные	Мозаичные	глазчатые	с мозаичными глазками	одноцветные староладожских типов
		лимонки					пронизки								
		синие	желтые	полосатые	серебряные многоцветные	позолоченные	цилиндрические и призматиче- ские	рифленые	биссер						
Прибрежные (северные)	Первая половина XIII— XIV в.														
	Первая половина XIII в.							2	1		2	1	2	1	
	70-е годы XII — начало XIII в.								1		4	1	3	3	
Центральные и южные	XII в.							3					1	2	
	XI в.	2	27				1	5	4		1	2	1	2	
	X — начало XI в.	25	141	17	6	7	19	6	36	6		2	10	10	14
	Итого	27	175	17	6	7	23	13	42	6	7	6	17	18	14

рой половины XIII в. То же наблюдается и на Белоозере. Именно в это время здесь вновь появляются в употреблении глиняные пряслица. Они делались по размеру и форме шиферных и сильно отличаются от глиняных пряслиц X в. На Белоозере в горизонте второй половины XIII в. найдено 12 глиняных пряслиц.

Стеклянные изделия. На Белоозере изделия из стекла представлены главным образом украшениями. Посуды мало. Обломки посуды встречены почти исключительно в пределах одного городского квартала, в постройках, датируемых первой половиной XIII в. Украшения из стекла — бусы, браслеты, перстни — распределены по всей площади раскопов и всем горизонтам культурного слоя.

Самой многочисленной категорией стеклянных изделий являются бусы. На Белоозере найдено 892 бусины из стекла и 7 из глинистой массы, покрытой поливой. Табл. 32 дает представление об изменении состава бус по горизонтам культурного слоя с X по XIII в.

Наибольшее число бус (314 экз.) происходит из горизонта X — начала XI в. Набор бус этого горизонта весьма разнообразен, но в значительной мере корреспондируется с набором бус из Старой Ладogi. На это указала

З. А. Львова¹⁶². Она проанализировала бусы староладожской коллекции и выделила по технологическому признаку девять групп бус. Семь основных (I — V, VIII, IX) представлены в Старой Ладoge начиная с горизонта E. Эти группы З. А. Львова датирует VIII—IX вв., хотя они встречались как в горизонте E, так и D.

На Белоозере (см. табл. 32) представлены I—V и VIII группы бус староладожских типов (I — мозаичные, II — глазчатые крученые, III — прессованные, IV — крученые, V — слоеные, VIII — из тянутых трубочек).

В первых пяти группах бус из древнего горизонта Белоозера насчитывается всего 50 экз. Среди них нет самых ранних бусин староладожских групп, восходящих к горизонтам E1 и E2; бусы из древнего горизонта Белоозера в основном соответствуют набору бус из горизонта D Старой Ладogi.

Так, из шести мозаичных бусин (I группа, по З. А. Львова) только две с желтыми глазками в красном круге (рис. 65, 5) аналогичны

¹⁶² З. А. Львова. Стеклянные бусы Старой Ладogi, стр. 91, рис. 5.

Крученые

золото-стеклянные бочонкообразные и цилиндрические	круглые шарообразные и зонные	битрапециодные		цилиндрические ребристые	кольцевидные	рыбовидные	винтообразные	зонные с крошками цветного стекла	зонные с поперечными инкрустированными нитями	с инкрустацией поперечными «расчесанными» линиями			с валиком у отверстий	со спиральной инкрустацией цилиндрические	с пестлевидной инкрустацией		со сплюснутой инкрустацией	глиняные бусины с поливом	Итого
		желтые	бирюзовые и фиолетовые							черные с желтым	многоцветные	черные с белым			черные	коричневые			
	21	2	5	1	1					3	1			2	1	1		4	42
2	177	7	27	2	23	4	7	2		5	1		1	1	6	6	1	3	284
1	80	4	4		11		2	2			2	4	2		1				125
11	25		4		7					1	1	3	1			1			60
27			1									1							74
4								1	2							1			314
45	303	13	41	3	42	4	9	5	2	9	5	8	4	3	8	9	1	7	899

бусинам VIII—IX вв. Старой Ладоги¹⁶³. Четыре другие, в виде куба со срезанными углами или восьмигранной призмы из рыжеватого, зеленого и молочно-белого стекла¹⁶⁴ с серыми глазками (рис. 65, 25, 26), кроме мест, указанных З. А. Львовой, имеют аналогии в Пестовских и Сорогожских курганах X—XI вв.

Бусы глазчатые крученые (II группа, по З. А. Львовой) — 17 экз., — бочонкообразные с васильковыми глазками в белых кругах (рис. 65, 22) и бусы зонные из зеленого, печеночно-красного и желтого глухого стекла со сложными глазками из красных или желтых ядрышек на белом, синем и зеленом поле (рис. 65, 4, 6, 7), а также желтые, серые, зеленые бусы (рис. 65, 54, 56) из глухого стекла с желтыми или красными глазками аналогичны бусинам из горизонта Д¹⁶⁵. Основное количество этих бус (10 экз.) найдено в древнем горизонте Белоозера. Бусы так называемые прессованные (III группы) из красно-печеночного или коричневатого стекла (6 экз.) имеют многочис-

ленные аналогии в памятниках Северной Европы VIII—X вв.¹⁶⁶ (рис. 65, 12).

Бусы крученые (IV группы) очень разнообразны. В древнем горизонте их найдено 32. 14 экземпляров представляют собой одноцветные из непрозрачного блестящего черного и синего стекла (кольцевидные, цилиндрические, биконические) или прозрачного желтого и зеленого (зонные и кольцевидные); они аналогичны бусам Северной Европы IX—X вв. К ним примыкает толстостенная кольцеобразная синяя бусина с мелкими вкраплениями красного и белого стекла (рис. 65, 23). Кроме Старой Ладоги, такие бусины известны только в Скандинавии¹⁶⁷. Другие, с мозаичными глазками, имеют более широкий ареал. Таковы черные бусы с белыми петлями и мозаичными глазками X — начала XI в. (7 экз.) (рис. 65, 18)¹⁶⁸. Среди них одна (рис. 65, 20) большого размера. Им одновременны зонные черные бусины с поперечными белыми нитями (рис. 65, 17). Широкий ареал и значительный хронологический

¹⁶³ Там же, рис. 1, 22, 23.

¹⁶⁴ Там же, рис. 1, 38.

¹⁶⁵ Там же, рис. 1, 22, 23, 54, 65.

¹⁶⁶ Там же, рис. 2, 1, стр. 72.

¹⁶⁷ Там же, рис. 2, 50, стр. 78.

¹⁶⁸ Там же, рис. 3, 31; М. В. Фехнер. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. «Труды ГИМ», вып. 33, 1959, рис. 5, 27.

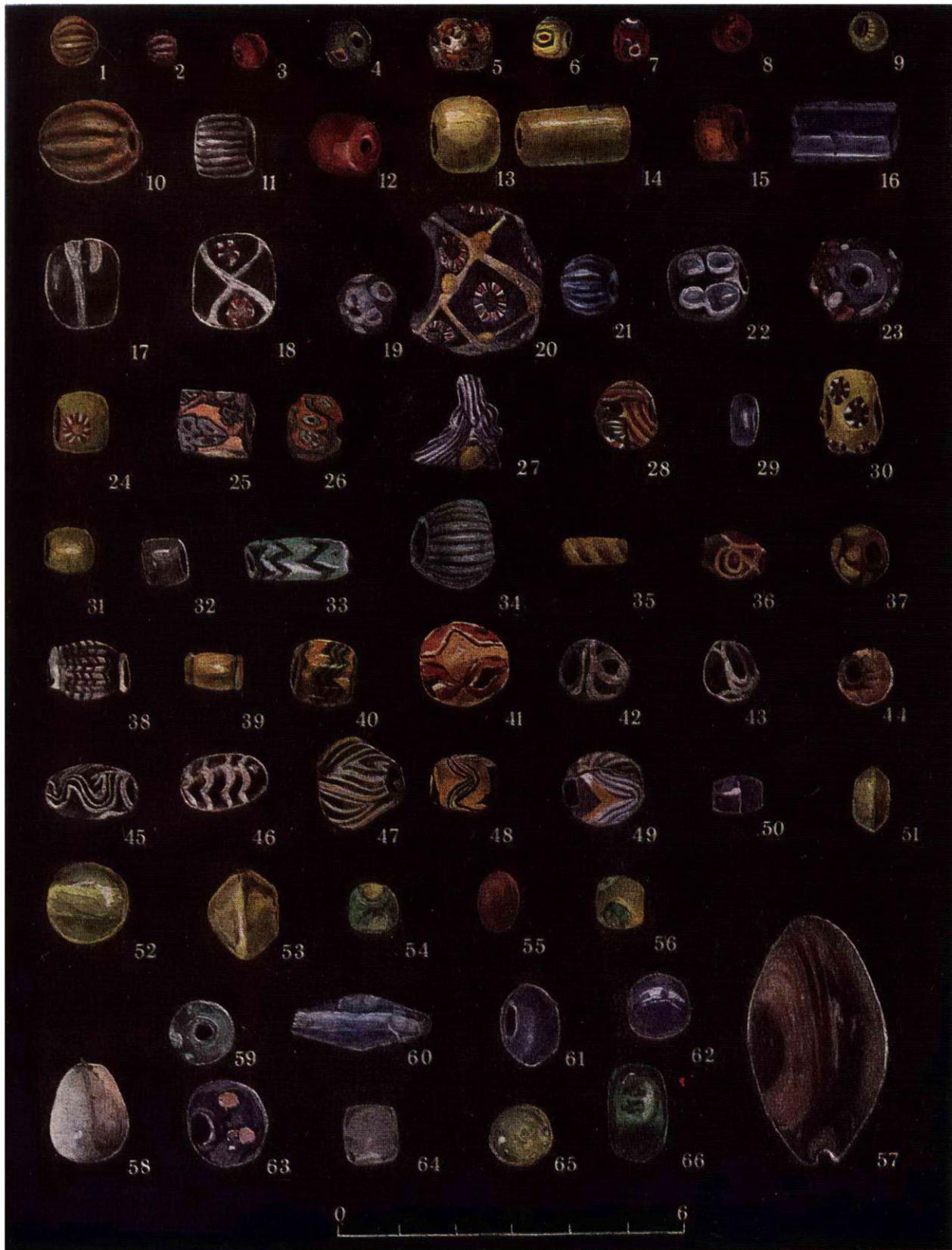

Рис. 65. Бусины, подвески, вставки для перстней. Белоозеро X—XIII вв.

1—56, 59—63, 66 — бусины; 57, 58 — подвески; 64, 65 — вставки для перстней; 1—14, 16—36, 38—43, 45—56, 59—66 — стекло; 15 — глина; 37, 44 — глина с поливой; 57 — яшма; 58 — топаз

Рис. 66. Изделия из стекла и глины с поливой

1, 25, 33 — обломки поливной посуды русского производства; 3, 5, 6, 13 — обломки поливной посуды восточного производства; 2, 4, 17, 21 — обломки стеклянной посуды; 7, 8, 11, 12, 15 — стеклянные перстни; 9, 10 — обломки глиняных погремушек с желтой поливой; 14, 16, 18—20, 22—24, 31, 32, 34 — обломки стеклянных браслетов; 26, 27, 29, 30 — яички-писанки; 28 — свистулька-птичка

диапазон имеют разнообразные по цвету (желтые, зеленые, бордовые, черные) бусы из глухого стекла с бело-красными или бело-черными мозаичными глазками (рис. 65, 24, 30). При этом в горизонте X — начала XI в. найдены только черные (5 экз.) и желтые (5 экз.) бусы с мозаичными глазками.

К староладожской группе V относятся 6 бусин (эллипсоидных и цилиндрических) из черно-белого стекла. Древнейшая обнаружена в горизонте XI в.

Наиболее многочисленна VIII группа бус из тянутых трубочек. На Белоозере она состоит из 251 экземпляра. Среди них самыми древними являются многочастные серебряные, золоченые и густого синего (кобальтового) цвета пронизки-лимонки. Они найдены в основании культурного слоя вместе с цилиндрическими и призматическими пронизками из такого же стекла (13 экз.) (рис. 23, 1—6). В Старой Ладоге аналогичные бусы преобладают в горизонте IX в. К сожалению, другими археологическими данными столь ранняя дата культурного слоя на Белоозере не подтверждается. Цилиндрические пронизки и одночастные лимонки из желтого стекла (однослойного и двухслойного), а также рубчатые овальные бусы встречены на Белоозере в древнейшем горизонте, что и дает основание датировать последний X в.¹⁶⁹

В целом горизонт древнейшего поселения (X — начало XI в.) дал 314 бусин — более трети всех находок. Ареал бус «приладожских типов», очерченный З. А. Львовой в Восточной Европе IX—X вв., — Ладога, Приладожье, Белоозеро, Новгород, Волго-Окское междуречье.

Значительное уменьшение бус в горизонте XI в. (74 экз.) и XII в. (60 экз.) южных и центральных раскопов объясняется не только незначительностью здесь культурного слоя этого времени. В Новгороде число бус в горизонте XI и XII вв. тоже вдвое меньше числа бус в X в.¹⁷⁰; то же наблюдается и на Ладоге. Видимо, это закономерный процесс.

Состав бус в горизонтах XI—XIII вв. изменяется: появляются округлые бусины из черного и бурого непрозрачного стекла с включениями мелких крошек цветного стекла (5 экз.). Весьма характерны также бусы вытянутой бочонкообразной или зонной формы из черного непрозрачного стекла, украшенные поперечными рядами стеклянных полосок желтого цвета разных оттенков (7 экз.). Эти полосы

зигзагообразно смещены, как бы «расчесаны» (рис. 65, 48).

З. А. Львова считает бусы этого типа привозными с юго-востока из Булгар и Средней Азии¹⁷¹. В этой же технике «расчеса», когда мастер острием сдвигал еще не остывшие стеклянные нити, накрученные поперек тела бусины, вверх, выполнены еще 5 бусин из черного, красного, лилового стекла (рис. 65, 47, 49).

Тем же приемом на черностеклянные эллипсоидные бусины нанесены белые стеклянные нити. Таких бусин найдено 8 экземпляров в горизонте конца XI—XII в. (рис. 65, 46). Им одновременно бусы эллипсоидной и цилиндрической форм из такого же черного стекла, но прослоенного белыми нитями (рис. 65, 45). Их найдено 7 экземпляров.

Бочонкообразные и цилиндрические бусины из черного с желтым или серым стекла, гладкие или рифленые, с валиками на концах отверстий для нити (рис. 65, 38—40) найдены в количестве 4 экземпляров.

Характерны и шаровидные бусины из черного и бурого стекла, покрытые сплошной инкрустацией из разноцветного стекла (рис. 65, 41). Аналогии как этой бусине, так и другим, упомянутым выше типам бус из горизонта XI—XII вв., имеются в Саркеле — Белой Веже¹⁷².

Бочонкообразные или округлые бусины из черного непрозрачного стекла с петлевидной инкрустацией белыми нитями (6 экз.) и бусины из коричневого стекла с таким же узором из бледно-желтых нитей (9 экз.) представляют собой еще один тип бус, появляющийся начиная с горизонта начала XI в. (рис. 65, 36, 42, 43).

В горизонте XI в. получают наибольшее распространение золото-стеклянные бочонкообразные и цилиндрические бусы, что совпадает со стратиграфией бус этого типа на других древнерусских памятниках (рис. 65, 31, 32).

Заметно увеличивается количество стеклянных бус на Белоозере в конце XII в. и в первой половине XIII в. — 406 находок. Основная масса бус XII—XIII вв. — это крученые: зонные и шарообразные, цилиндрические, ребристые, битрапецидные, рыбовидные и др. (рис. 65, 50—53, 55, 59—63, 66), изготовленные из одноцветного прозрачного стекла. К этому же времени относится наибольшее количество всех видов стеклянных изделий в культурном

¹⁷¹ З. А. Львова. Стеклянные браслеты и бусы из Саркела — Белой Вежи. МИА, № 75, 1959, рис. 6, 4, 5, 17, стр. 329—331.

¹⁷² З. А. Львова. Стеклянные браслеты и бусы из Саркела — Белой Вежи, рис. 6, 3—5, 12, 17, 18; 7, 1, 2, 8, 10, 12.

¹⁶⁹ З. А. Львова. Стеклянные бусы Старой Ладоги, стр. 94.

¹⁷⁰ Ю. Л. Шапова. Стеклянные бусы древнего Новгорода. МИА, № 55, 1956, стр. 178.

слое Белоозера, что объясняется расцветом русского стекловаренного дела.

Во второй половине XIII в. число бус резко уменьшается. На Белоозере в это время известны бусины из керамической массы, инкрустированные цветной эмалью (рис. 65, 37, 44).

На Белоозере найдено 613 обломков стеклянных браслетов и 52 перстней.

Таблица 33

Стратиграфия браслетов

Раскопы	Дата горизонта культурного слоя	Количество экз.
Прибрежные	Вторая половина XIII — XIV в.	175
	Вторая половина XII — первая половина XIII в.	375
Центральные и южные	XII в.	70
	XI в.	6
	X в. — начало XI в.	5
Итого		613

Четыре самых древних браслета X — XI вв. — византийские: круглый гладкий черный, гладкий синий с росписью и два плоских синих, также расписанных золотом (рис. 65, 14, 16). Во второй половине XII в. сразу появляется значительное количество браслетов, вышедших из киевских (новгородских?) мастерских. На Бело-

озере браслеты и перстни встречаются и во второй половине XIII в.

Перстней найдено 52. Древнейшие из горизонта XI в. — синие, зеленые, желтые, плоско-выпуклые, гладкие. В этом же горизонте появляются первые плоско-выпуклые щитковые перстни. Их всего два. Это литой из желтого стекла (рис. 66, 15) и черный, инкрустированный серым (рис. 66, 8). С горизонта XII в. перстней становится больше, появляются перстни других цветов (бирюзовые, фиолетовые); увеличивается число щитковых (см. табл. 34).

На Белоозере найдены и другие украшения из стекла, но в оправе из металла. К ним относятся вставки к перстням и медальон. Вставок для перстней найдено 10, большинство (9) без оправы. Они круглые, плоско-выпуклые, только одна — из зеленого стекла — имела прямоугольную форму (рис. 65, 64, 65). Распределение вставок по горизонтам культурного слоя показано в табл. 35 (стр. 185).

Стеклянная вставка из медальона — овальная, плоско-выпуклая (2,1 × 1,5 см), фиолетовая. Она заключена в оправу из биллона, зубчики которой удерживают стекло. Медальон найден в горизонте XII в. (рис. 49, 4). Обнаружены также три стеклянные пуговицы XII в.

Стеклянная посуда на Белоозере найдена почти исключительно на территории одного, наиболее богатого квартала города (прибрежные раскопы IV — XII); только две находки известны

Таблица 34

Распределение перстней по цвету и форме

Дата	Круглые	Плоско-выпуклые				Рифленые	Итого
		Гладкие	Щитковые простые	Щитковые литые	Щитковые сложные		
Вторая половина XIII — XIV в.	Зеленый — 1	Зеленые — 3 Желтый — 1 Бирюзовые — 2	Бирюзовые — 5				12
Первая половина XIII в.		Зеленые — 2 Бирюзовый — 1 Фиолетовый — 1	Черный — 1 Коричневый — 1 Зеленый — 1 Бирюзовый — 1		Бирюзовый — 1		9
XII в.		Зеленые — 3 Желтые — 7 Бирюзовые — 4 Фиолетовые — 4					18
XI в.		Зеленые — 3 Желтые — 4 Синие — 3	Черный, инкрустированный серым — 1	Желтый — 1		Зеленый — 1	13
Итого							52

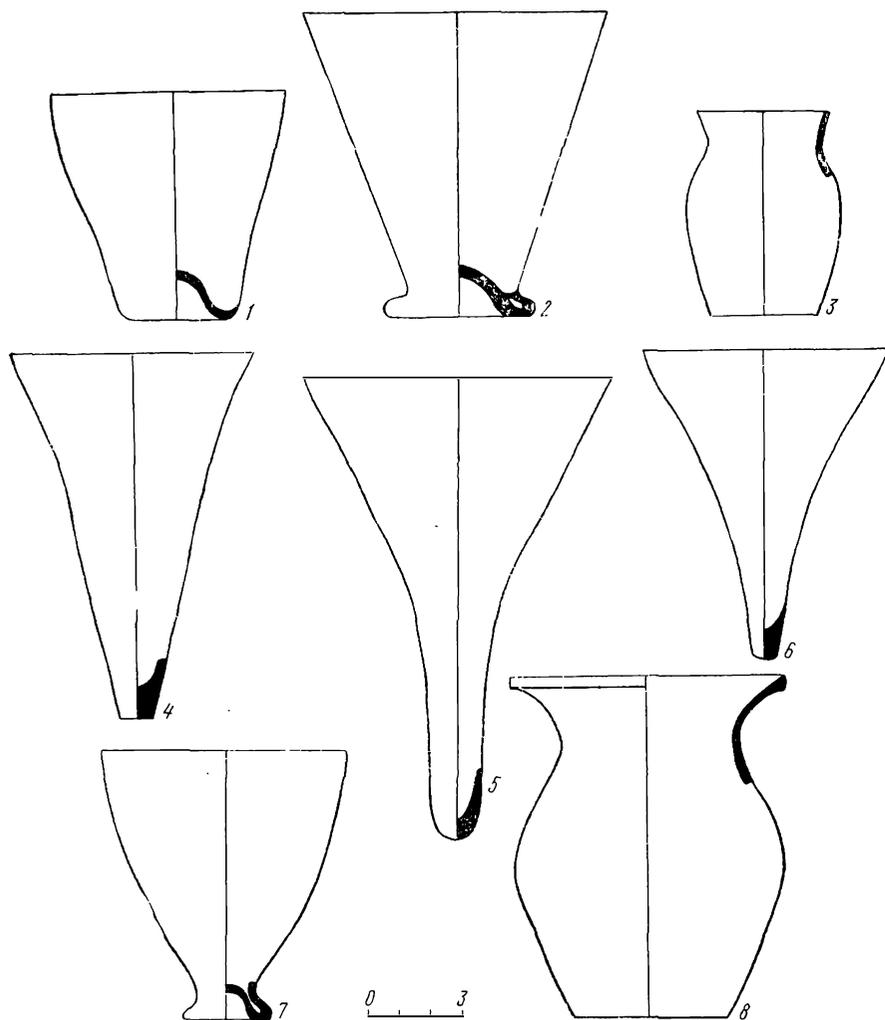

Рис. 67. Типы стеклянной посуды из Белоозера. Реконструкция

1 — бокал; 2, 7 — кубки конусовидные; 3, 8 — горшочки; 4—6 — кубки воронкообразные

за его пределами. Почти все находки (56 обломков) сосредоточены в горизонте первой половины XIII в.; концом XII в. датируются лишь немногие, началом XII в. — одна, XI в. — одна.

Стеклянная посуда представлена главным образом мелкими фрагментами стенок. Найдено только 10 дниц и обломки 6 венчиков. По ним восстанавливаются следующие типы посуды: воронкообразные кубки, бокалы конусовидной формы на поддоне, стакановидные сосуды, горшочки, чаши круглодонные. Дниц воронкообразных кубков найдено 6 экз.: в горизонте конца XI в. — начала XII в. — 1 экз.; XII в. — 1 экз.; XIII в. — 4 экз. Днища диаметром 1,2 см, массивные, толщиной 0,3 — 0,4 см, плоские или округлые. Донная часть кубков почти цилиндрической формы, выше стенки плавно расширяются. Стекло светло-желтое или чуть зелено-

ватое, прозрачное, все в мелких трещинках. Форма кубков восстанавливается по находкам в Новгороде¹⁷³, Турове, Киеве. Обычно высота их равна 10—16 см при ширине устья 8—12 см (рис. 67, 4—6). Дниц конусовидных бокалов на поддоне найдено всего два (XII в.). Днища двойные, конусовидно вдавленные внутрь, диаметры их — 3,5 и 4,8 см. Стекло светло-желтое. Форма реконструируется по находкам в Галиче, Новгороде, Турове¹⁷⁴ (рис. 67, 2, 7).

Днище сосуда стакановидной формы происходит из горизонта XII в. Стекло бирюзового цвета, диаметр днища 4 см (рис. 67, 1).

¹⁷³ Ю. Л. Шапова. Стеклянные изделия древнего Новгорода. МИА, № 117, 1969, рис. 7, 3 и 8, 5, 10.

¹⁷⁴ М. Д. Полубояринова. Стеклянная посуда древнего Турова. СА, 1963, № 4, рис. 1, 3.

Распределение вставок по цвету стекла

Дата горизонта	Коричневый	Зеленый	Желтый	Бирюзовый	Фиолетовый	Итого
Вторая половина XIII — XIV в.			1	1		2
Первая половина XIII в.				2	1	3
XII в.	1			2		3
XI в.	1	1				2
Итого						10 экз.

Обломок еще одного плоского днища с частью стенки (неполная длина 5,5 см, толщина 0,4 см) имеет на тыльной стороне небольшой выступ размером 0,3 × 0,3 см. Этим он напоминает чашу с подобными выступами-ножками из Новгорода¹⁷⁵. Стекло светло-зеленое, прозрачное. Дата — XIII в.

Чаша (1952 г., № 224, раскоп VI) реконструируется на основании 7 обломков (рис. 66, 21). Стекло прозрачное, светло-желтое; по бортику и ниже — накладные горизонтальные фиолетовые полосы. Чаши подобной формы известны в Новгороде. Дата — начало XIII в. От второй чаши, также круглодонной, светло-желтого стекла, сохранился лишь обломок днища (1950 г., № 83, раскоп IX).

По трем обломкам венчиков восстанавливается еще одна форма сосудов с отогнутым наружу краем, суженной шейкой и расширенным туловом (рис. 67, 3, 8). Стекланные сосуды подобной формы, напоминающие миниатюрные плоскодонные горшочки, известны в Новгороде¹⁷⁶. У двух белозерских сосудов этой формы определены диаметры венчиков — 9 см (№ 945, раскоп VIII 1950 г.) и 4,2 см (№ 441, раскоп VIII 1950 г.). У третьего сосуда по шейке напаян стеклянный жгутик (№ 66, раскоп VI 1957 г.).

Все три сосуда изготовлены из прозрачного, светло-желтого стекла.

Еще три небольших обломка венчиков, возможно, принадлежали конусовидным бокалам. У одного край венчика загнут наружу, у второго — внутрь. Два изготовлены из гладкого стекла, третий из стекла с небольшими утолщениями (ребрами).

Мелких обломков стенок сосудов насчитывается более 40. Стекло гладкое, прозрачное,

в основном светло-желтое, лишь несколько осколков другого цвета: синего, бирюзового, голубого.

Почти вся стеклянная посуда Белоозера, судя по составу стекла, русского, вероятно, киевского производства. Это парадная столовая посуда для вина и других напитков.

Небольшой фрагмент стенки сосуда, окрашенный окисью кадальта в ярко-синий цвет, из горизонта XI в. (№ 902, раскоп XVI 1959 г.) принадлежал, по заключению Ю. Л. Шаповой, к изделиям из Средиземноморья¹⁷⁷.

ПОЛИВНЫЕ ИЗДЕЛИЯ РУССКОГО ПРОИЗВОДСТВА

А. Белоглиняные. Из горизонта XI в. Белоозера происходит фрагмент толстостенного (0,5 см) сосуда, расписанного поверх зеленой поливы желтой (рис. 66, 25)¹⁷⁸. Как кроющаяся зеленая полива, так и роспись — двусторонние. Роспись выполнена в технике пастилажа — литьем из льячки с трубочатым сливом¹⁷⁹. Т. И. Макарова относит это изделие к раннему этапу русского поливного дела, возникшему на Киевщине в X—XI вв.

В горизонте XII в. найдена свистулька в виде птички с тремя круглыми отверстиями¹⁸⁰. Носик и часть хвостика отбиты. Головка птицы покрыта зеленой поливой, тулово — коричневой (рис. 66, 28). Она также может быть отнесена к продукции киевских мастеров.

Б. Сероглиняные. В раскопах южных и центральных групп на Белоозере в горизонте XII в. найдены 6 фрагментов тонкостенной (толщина 0,2 см) посуды из серо-белой глины, покрытой двусторонней зеленой поливой. Полива жидкая, неравномерно окрашенная, пятнистая. Почти все фрагменты — мелкие обломки стенок и только один — днище с поддоном (рис. 66, 33) от миниатюрного сосуда (чаши?). Еще один фрагмент такой же тонкостенной посуды с зеленой поливой найден в горизонте второй половины XIII в., вероятно, во вторичном залегании.

В горизонте XII в. (раскоп XXXVIII) найдены два обломка венчиков сосудов типа кубка и тарелки (или блюда). Полива двусторонняя зеленая. Форма сосудов реконструирована на основании аналогий¹⁸¹.

¹⁷⁷ При работе над настоящим разделом автор пользовалась постоянной консультацией Ю. Л. Шаповой, за что приносит ей благодарность.

¹⁷⁸ Белоозеро, 1959 г., раскоп XXVII, пласт 6, № 354.
¹⁷⁹ Т. И. Макарова. Поливная посуда. САИ, вып. Е1—38. М., 1967, стр. 40—41, табл. XIV, 1.

¹⁸⁰ Белоозеро, 1959 г., раскоп XXIV, пласт 5, № 104.

¹⁸¹ Т. И. Макарова. Поливная посуда, рис. XVI, 1, 3.

¹⁷⁵ Ю. Л. Шапова. Стекланные изделия древнего Новгорода, рис. 8, 1.

¹⁷⁶ Там же, рис. 8, 9.

Еще один обломок сероглиняного сосуда, представляющего собой часть миниатюрного ковшичка с ручкой, найден в горизонте конца XI — второй половины XII в.¹⁸² Ковшичек неглубокий, диаметром около 6 см. Он обгорел и полива приобрела неопределенный бурый цвет. Ковшичек подобной формы с зеленой поливой известен из окрестностей Киева¹⁸³. Т. И. Макарова считает, что наряду с привозной, киевской, на Белоозере могла бытовать и сероглиняная посуда местного производства. К сожалению, количество поливной посуды и других сероглиняных поливных изделий на Белоозере так незначительно, что предположить их местное производство пока невозможно. Так, на Белоозере найдено всего 4 целые и 2 разбитые писанки. Они сделаны из серо-розовой, хорошо обожженной глины, полые, с камешком внутри. В широком конце — отверстие. Размеры их колеблются от $3 \times 2,3$ до 4×3 см. У большинства писанок фоном служит полива темно-коричневого цвета и только у одной — зеленая. Роспись во всех случаях выполнена желтой поливой, скобками. 4 писанки происходят из горизонта XII в. и 2 из перекопанного слоя XII—XIII вв. (рис. 66, 26, 27, 29, 30).

По наблюдению Т. И. Макаровой, писанки с фоном коричневого и зеленого цветов производились на Киевщине в различных центрах, где было найдено производство поливной посуды и поливной архитектурной керамики¹⁸⁴.

В. Желтоглиняные. К числу этих изделий относятся пряслица, косточки от счет, погремушки. Они изготовлены из светлой желто-розовой глины, хорошо отмученной и обожженной. Полива преимущественно светло-желтая, жидкая, сохраняется плохо.

Пряслица. На Белоозере найдено восемь поливных пряслиц. Форма их зонная, высота (1,2—1,4 см) всегда меньше диаметра, обычно приближающегося к 2 см. Полива желтая, только на одном экземпляре — желто-бурая (рис. 60, 3). Одно пряслице происходит из горизонта первой половины XIII в.; остальные датируются серединой и второй половиной XIII в.

Косточки от счет (5 экз.). Они отличаются от пряслиц биконусовидной формой и меньшим диаметром (1,8—0,6 см). Диаметр отверстия 0,6 см, канал его хорошо сглажен. Полива жел-

тая и светло-зеленая (рис. 60, 2). Найдены в горизонте второй половины XII и XIII в.

Погремушки (9 экз.). Форма их овальная, яйцевидная; размер $4,6 \times 2,8 \times 2$ см. У некоторых экземпляров оба конца оттянуты и приострены (рис. 61, 6, 9). У одного, с сильно оттянутым и приподнятым узким концом, широкому (оббитому) концу, видимо, была придана головка, и фигурка в целом напоминала птичку (рис. 61, 4). Стенки всех погремушек толстые (до 0,4 см), в центре круглое отверстие, в полости — камешек. Все погремушки найдены в горизонте XIII в., главным образом второй его половины.

Пряслица, косточки от счет, погремушки отличаются стандартностью форм и размеров и, видимо, являлись серийной продукцией ремесленников. Они известны в Киеве, Вышгороде, Новгороде. Татаро-монгольское нашествие приостановило развитие поливного производства на Руси; южные его центры — города Приднестровья — были разгромлены. Однако в Новгороде производство поливной посуды и игрушек продолжалось и в XIV—XV вв. Вероятно, пряслица и погремушки с желтой поливой, найденные на Белоозере в горизонте второй половины XIII в., представляли собой импорт из Новгорода.

Г. Красноглиняные. В горизонте XI—XII вв. на Белоозере найден обломок сосуда с ручкой овальной формы, изготовленного из красной грубой глины с примесью дресвы и покрытого с обеих сторон плотной непрозрачной, ярко-желтой поливой¹⁸⁵. Вторая находка красноглиняной посуды с желтой поливой известна из горизонта второй половины XIII в. Из этого же горизонта происходит обломок яичка-погремушки из красной, хорошо отмученной и обожженной глины с плотно желто-зеленой поливой (рис. 66, 10).

Возможно, что эти красноглиняные изделия с желтой поливой также привезены из Новгорода.

ПОЛИВНАЯ ПОСУДА ВОСТОЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА

В горизонте второй половины XIII в. на Белоозере найдены мелкие обломки поливной посуды с росписью.

Три обломка стенок сосуда толщиной 0,4 см, с росписью черной краской, покрыты бирюзовой поливой. Роспись и полива двусторонние. Характер росписи геометрический: пересекающиеся вертикальные и горизонтальные полосы. Орнамент на внутренней и наружной стороне

¹⁸⁵ Т. И. Макарова. Поливная посуда, стр. 58.

¹⁸² Белоозеро, 1961 г., раскоп XXVIII, пласт 6, № 54.

¹⁸³ Л. А. Голубева. «Квартал металлургов» в Новгороде. Сб. «Славяне и Русь». М., 1968, рис. 1, 5, стр. 30—31.

¹⁸⁴ Т. И. Макарова. О производстве писанок на Руси. Сб. «Культура Древней Руси». М., 1966, стр. 143—144.

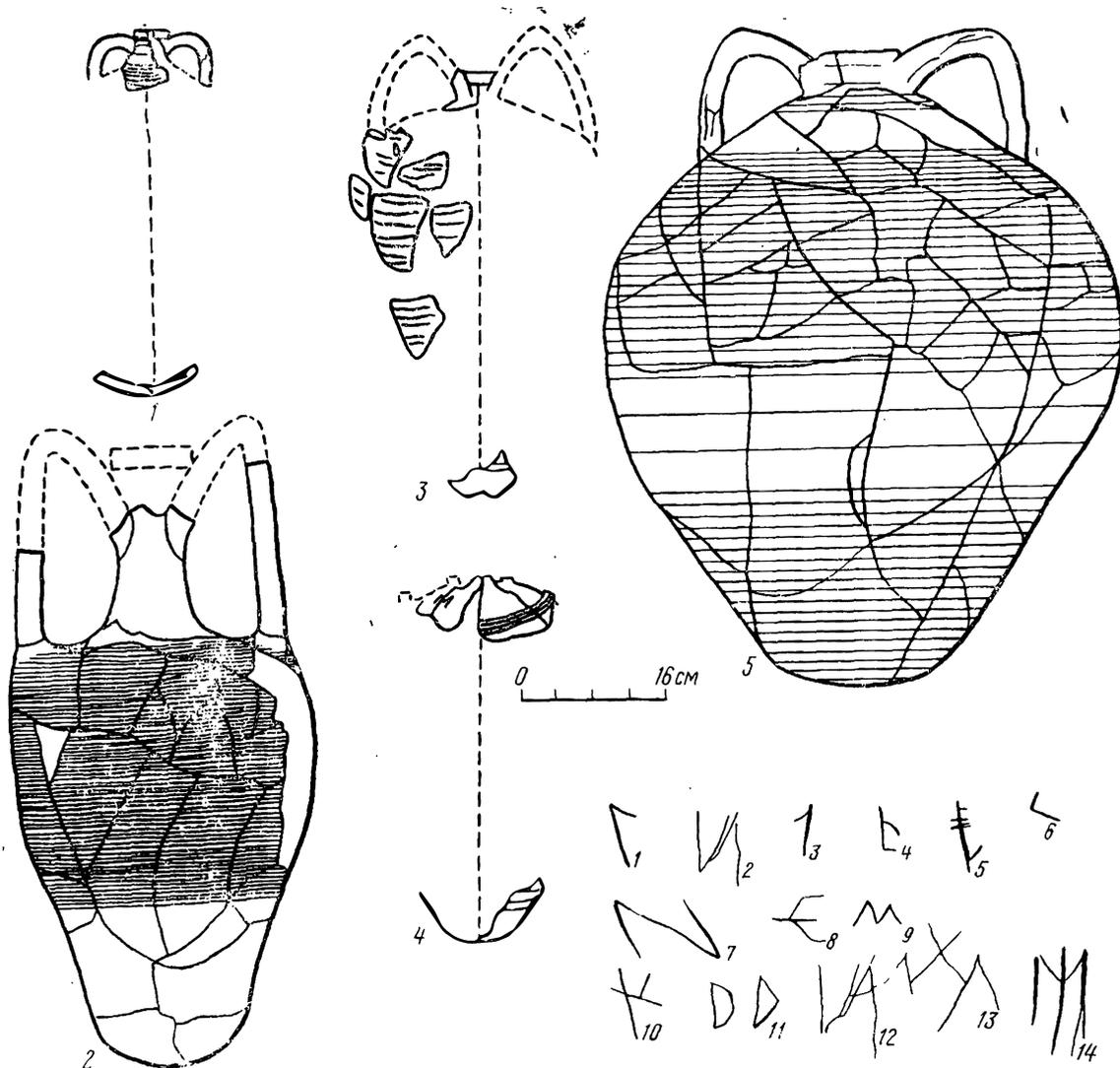

Рис. 68. Типы амфор Белоозера (1—5) и граффити (1—14)

сосуда различен¹⁸⁶ (рис. 66, 3). В XIII—XIV вв. посуда с бирюзовой поливой поверх росписи, нанесенной черной краской, достаточно широко известна в среднеазиатских и приволжских золотоордынских городах. В Новгороде эта керамика встречается в слоях второй половины XIII—XIV в.¹⁸⁷

Обломок венчика и стенки двух разных сосудов. Толщина черепков около 0,2 см. Орнамент стилизованный, растительный, различный на обеих сторонах сосудов. Контуры орнамента обведены синей краской, такой же краской нане-

сены точки внутри орнаментальных завитков и расплывчатые пятна. Черной краской выполнены веточки и листочки. По ободку — синие и белые полоски. Полива бело-зеленая, прозрачная. Такая керамика также производилась среднеазиатскими и золотоордынскими мастерами в XIII—XIV вв. В это же время она известна и в Новгороде¹⁸⁸ (рис. 66, 13).

Часть венчика чаши из серо-розовой глины, толщина черепка около 0,3 см. Полива белая двусторонняя, роспись синей и черной красками, по краю венчика — ободок, имитирующий перевитой черно-белый шнур (рис. 66, 6). Близкая к белозерскому фрагменту керамика,

¹⁸⁶ Белоозеро, 1949 г., № 324 и 1952 г., № 103.

¹⁸⁷ А. Ф. Медведев. Ближневосточная и золотоордынская поливная керамика из раскопок в Новгороде. МИА, № 117, 1963, стр. 279.

¹⁸⁸ Там же, стр. 279.

золотоордынская по происхождению, найдена в Новгороде¹⁸⁹.

К числу импортной восточной посуды принадлежат и три фрагмента неполивных сероглиняных сосудов со штампованным орнаментом. Это — обломки стенок двух (?) разных сосудов, найденных на Белоозере в горизонте второй половины XIII в.¹⁹⁰ На первом фрагменте под мелкоточечным фоном и рельефным линейным пояском — стилизованный растительный орнамент: чередующиеся листья и цветы. Листья широкие, сложены вдвое, цветочные черенки длинные, увенчаны треугольником (рис. 61, 3), условно передающим цветок лотоса (?).

На втором и третьем фрагментах под пояском из двойных выпуклых горизонтальных линий — ряды ромбов, расположенных в шахматном порядке (рис. 61, 1, 2).

Посуда с рельефным орнаментом, оттиснутым в керамических формах, была широко известна в странах Ближнего Востока и Средней Азии в IX—XIV вв. В Мерве открыты мастерские XII—XIII вв., производившие штампованную керамику, — главным образом кувшины и графины¹⁹¹. После монгольского нашествия производство штампованной керамики переходит в золотоордынские города Поволжья.

АМФОРЫ

На Белоозере найдена привозная тарная керамика — амфоры и красноглиняные кувшины.

Амфоры. Удалось почти полностью склеить две амфоры и графически (частично) восстановить еще три. Они принадлежат к пяти типам¹⁹² (рис. 68, 1—5). Остальные обломки от-

Таблица 36

Стратиграфия обломков амфор и кувшинов

Век	Количество фрагментов							Итого	Кувшины
	Амфоры					Итого	Кувшины		
	Тип не определен	Тип I	Тип II	Тип III	Тип IV				
XIII	34					123	157		
XII	9		21	38	13		81		
XI	89	10	123				222	14	
X	19						19		
Итого	151	10	144	38	13	123	479	14	

носятся не менее чем к 20 разным сосудам, о форме которых судить трудно. Почти все амфоры изготовлены из плотного глиняного теста с мелкими песчаными примесями, хорошо обожженного, розово-желтого или оранжевого цвета. Исключением является амфора III типа из рыхлого белого теста с небольшой примесью крупных темных зерен пироксена. Амфоры Белоозера соответствуют типологии и хронологии амфор византийских городов Северного Причерноморья¹⁹³. В них привозилось не только вино, но и масло (оливковое). О последнем свидетельствует русская надпись «масло», процарапанная на обломке стенки¹⁹⁴. Помимо надписи, граффити белозерских амфор состоят из букв славянского и греческого алфавитов, геометрических фигур и врезанных пересекающихся линий (рис. 68, 6). На Белоозере найдены также обломки не менее трех красноглиняных кувшинов.

Ближайшие аналогии этим находкам — красноглиняные кувшины Тамани X—XI вв.¹⁹⁵

¹⁸⁹ А. Ф. Медведев. Указ. соч., стр. 282—283.

¹⁹⁰ Белоозеро, 1950 г., раскоп VIII, № 556; 1957 г., раскоп VI, № 11; 1958 г., раскоп XVIII, № 3.

¹⁹¹ Г. А. Пугаченкова. Мастер-керамист Мухаммед Али Инойятов из Мерва. СА, 1958, № 2, стр. 77—91.

¹⁹² Л. А. Голубева. Амфоры и красноглиняные кувшины Белоозера. КСИА, вып. 135, 1973.

¹⁹³ Л. А. Яковсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. СА, XV, 1951; С. А. Плетнева. Средневековая керамика Таманского городища. Сб. «Керамика и стекло древней Тмутаракани». М., 1963.

¹⁹⁴ Л. А. Голубева. Надпись на корчаге из Белоозера. СА, 1960, № 3, стр. 321—323, рис. 1.

¹⁹⁵ С. А. Плетнева. Средневековая керамика Таманского городища, рис. 35.

Глава седьмая

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫСЛЫ

Население древнего Белоозера занималось, помимо ремесел, земледелием, огородничеством и скотоводством, рыболовством, охотой.

Находки земледельческих орудий немногочисленны и принадлежат преимущественно из горизонтов XII—XIII вв. Так, найден всего один наконечник почвообрабатывающего орудия симметричной формы с треугольной рабочей частью. Длина 14,3 см, ширина сверху 9,5 см. Боковые стороны загнуты и образуют трубицу продолговато-овальной формы (рис. 43, 5). Дата находки — конец XII в. (1959 г., № 195, раскоп XXIII). По форме и размеру этот наконечник близок старолadoжскому (VIII в.) и новгородскому (X в.) наконечникам с овально-продолговатой трубицей¹. Такая форма наконечника, по наблюдению А. В. Кирьянова, характерна для пахотного орудия типа легкого безотвального рала². Она была принесена на север из лесостепной полосы. Применение таких наконечников на Белоозере в XII в. свидетельствует о создании уже окультуренных мягких земель.

Применялся на Белоозере и плуг, о чем свидетельствует плужный нож — чересло (рис. 69, 1), найденный в горизонте XIII в. Длина орудия 27 см. Оно выковано из одного куска железа, имеет четырехгранную рукоять и лезвие. Толщина тыльной стороны лезвия 1 см, режущего края — около 0,5 см (1949 г., № 77, раскоп II).

При раскопах найдены также косы и серпы.

Косы представлены 10 экземплярами, из них две целые из горизонта XI в. (рис. 69, 5, 6) и три крупных обломка, по которым хорошо

восстанавливается форма. Длина кос (по прямой от черенка до конца лезвия) 50 см, ширина лезвия 3,5—4 см. По форме и размерам они представляют собой типичные косы-горбуши, хорошо изученные на новгородском материале Б. А. Колчиным³. По горизонтам культурного слоя находки кос распределяются следующим образом: конец XI—3 экз.; первая половина XII в.—1 экз.; первая половина XIII в.—1 экз.; вторая половина XIII в.—4 экз. Один экземпляр (колл. ГИМ, б/№) происходит из случайных находок.

Серпы — 8 экз. Представлены обломками, три — с черенками. У этих последних серпов ось черенка составляет одну прямую с осью начальной части клинка, а сам клинок слабо изогнут (рис. 69, 3, 4, 7). Форма таких серпов близка форме кос-горбуш и совершенно отлична от новгородских.

Белоозерские серпы найдены в горизонте XIII в. Они повторяют архаичную форму серпов Восточной Европы I тысячелетия н. э.⁴, сохраняющуюся в начале II тысячелетия в Скандинавии и Восточной Прибалтике.

К орудиям, применявшимся в поле и на огороде, можно отнести кирку и лопаты.

Кирка (мотыга?) — узколезвийная, конец рабочей части обломан. Неполная длина 14 см. Втулка подтреугольная, размером 4 × 2,3 см. Кирка найдена в срубе 4 раскопа XVIII 1958 г. (конец XII в.). При обилии валунов моренного

¹ А. В. Кирьянов. История земледелия Новгородской земли X—XV вв. МИА, № 65, 1959, рис. 2, 1—3.

² Там же, стр. 317.

³ Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология). МИА, № 65, 1958, стр. 71—72.

⁴ В. П. Левашова. Сельское хозяйство. Сб. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.». «Труды ГИМ», вып. 32. М., 1956, стр. 65—66, табл. XVI.

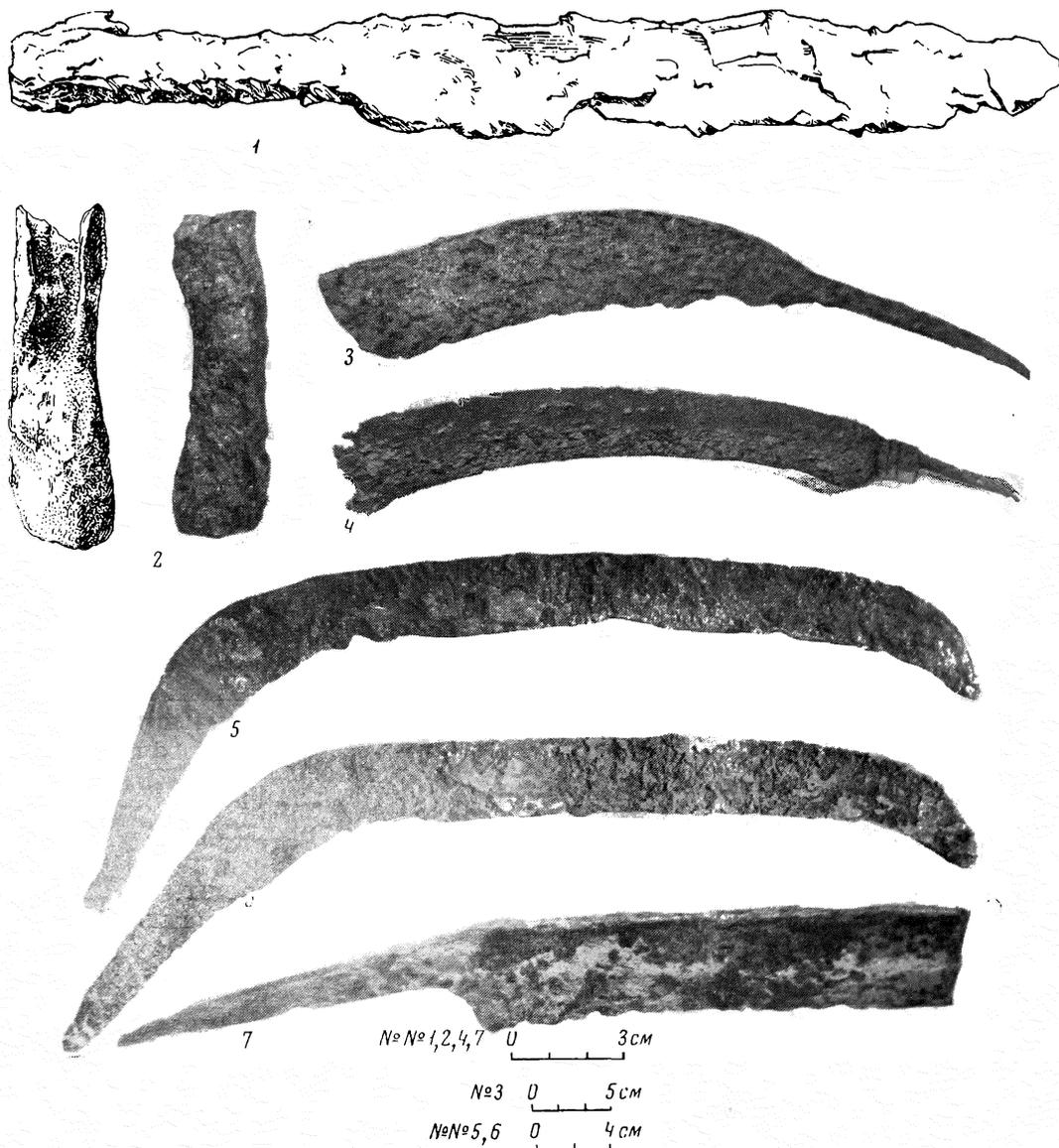

Рис. 69. Сельскохозяйственные и иные орудия

1 — плужный нож; 2 — тесло; 3, 4, 7 — серпы; 5—6 — косы

происхождения в окрестностях Белого озера кирка могла применяться для подготовки участков земли под пашню или огород (рис. 43, 6).

Лопаты. На Белоозере найдены две железные лопаты и железная оковка к деревянной лопате. Лопаты цельнокованные, с длинным черенком и втулкой. Один экземпляр из горизонта XII в. целый. Его длина 30 см, рабочая часть подквадратная, размером $12,5 \times 12,5$ см (рис. 42, 5). Второй экземпляр такой же формы и размера, но с обломанным лезвием найден В. И. Равдоникасом при разведывательных раскопках на Белоозере в 1929 г.⁵ Железная оковка лопаты

сохранилась фрагментарно. Происходит из горизонта начала XIII в.

При раскопках неоднократно находили жернова и их обломки. В трех случаях жернова располагались в срубах домов, возле печи.

Обнаружены зерна конопли. Часто попадались также обрывки конопляных веревок, льняной костры, деревянных крюков, сходных с теми, которыми до недавнего времени в Белозерском крае убирали лен со стлищ, деревянные трепальные ножи для кудели.

⁵ Фотоархив ЛОИА, А 8568, II, 10972.

Рис. 70. Орудия рыболовства

1, 2, 6—8 — крючки; 3—5, 9, 10, 12—16 — грузила; 11 — острога; 1—2, 6—8, 11 — железо; 3—5, 9, 10, 13 — глина; 12, 14, 16 — береста и камень; 15 — камень

Огромное количество костей домашних животных свидетельствует о значительном развитии скотоводства. Определение костных остатков животных, произведенное В. И. Цалкиным, показало, что как в горизонте X—XI вв., так и в XII—XIII вв., первое место в хозяйстве занимал крупный рогатый скот. По количеству определенных костных остатков за ним следуют свинья, лошадь, мелкий рогатый скот, собака. Лесная фауна представлена костными остатками лося, северного оленя, бобра, зайца, лисицы, волка. В горизонте XIII в. найдено бóгато цилиндрическое, железное, размером $3,7 \times 3,5$ см, с пластинчатым язычком. Снаружи и внутри железо покрыто слоем меди.

Точная аналогия известна в Новгороде⁶.

Обработка шерсти, прядение и ткачество были широко развитыми домашними промыслами, но, возможно, что такие производства, как валяние шерсти, уже выделились в ремесло. Встречены обрывки войлока и фрагмент войлочной шали с бахромой.

Части деревянных веретен, пряслица пахидли во всех горизонтах культурного слоя. В горизонтах X и XIII вв. дважды встречены скопления глиняных дисков для вертикальных ткацких станков. О глиняных дисках X в. говорилось на стр. 77. По диаметру (12—13 см)

⁶ Б. А. Колчин. Указ. соч., рис. 63.

и толщине (4 см) они гораздо крупнее дисков из горизонта XIII в. Диаметр последних 7,5 см, толщина в центре 2 см, диаметр канала 1,5 см. Канал расположен по центру диска, стенки его хорошо сглажены. Диски из горизонта XIII в. (16 экз.) разбросаны на площади около 200 кв. м (1952 г., раскопы VIII и X).

Неоднократно обнаружены при раскопках обрывки шерстяных тканей прямого и диагонального переплетения.

Особый интерес представляют найденные в горизонте конца XII в. (сруб 4, 1957 г., раскоп XVIII) вязаные шерстяные изделия: домашняя туфля-шлепанец, детский башмачок, обрывки носка (рис. 31). Вязка ровная и красивая. По способу вязки изделия напоминают старинные русские чулки без пятки, которые еще в середине XIX в. вязали вкруговую при помощи одной (часто костяной) иглы⁷. Шерсть коричневого цвета. Изделия реставрированы в отделе тканей ГИМ.

Выделка кож и сапожное дело с его стандартными формами обуви представляли собой уже с XI в. ремесленные производства (см. приложение 1).

В отличие от новгородцев, носивших, видимо, только кожаную обувь, белозерцы не пренебрегали и лаптями. В горизонте XII в. на Белоозере найден целый берестяной лапоть, изготовленный приемом косо́го переплетения, с низкими бортиками и без оборин (рис. 32, 13). Лапоть относится к так называемому северному типу, распространенному в прошлом в пределах быв. Архангельской и Вологодской губерний у русского и финского населения. Но наиболее характерной обувью вплоть до начала XX в. берестяные лапти оставались у вепсов⁸.

Рыболовство. Большое значение в хозяйстве белозерцев имела рыбная ловля. Обилие рыбы в Шексне и Белом озере, наличие ценных пород (стерлядь, сиги), вероятно, очень рано выделили рыболовство в специальную отрасль хозяйства. Археологически изученные орудия рыболовства — крючки, остроги, грузила, пшени.

Крючки рыболовные — 19 экз. Найденны во всех горизонтах культурного слоя. К X в. относятся 3 находки; к XI в.—8; к XII в.—3; к XIII в.—4⁹. Преобладают большие промысловые

крючки для ловли крупной рыбы. Сечение их прямоугольное, на рабочем конце отковано жало, противоположный загнут в петлю. Длина полностью сохранившихся крупных крючков 10—13 см (рис. 70, 2, 7, 8). Три крючка круглых в сечении (1 мм), их длина от 7 до 3,5 см (рис. 70, 1, 6, 12). Дата — XI—XIII вв. В горизонте XIII в. найдены две однозубые железные остроги. Одна с сильно оттянутым жалом и прямым черенком (рис. 70, 11), длиной 15,7 см (1950 г., № 1062, раскоп XII). Вторая длиной 10 см, с небольшим жалом и суженным, слегка изогнутым черенком для заколачивания в древко (1961 г., № 147, раскоп XXXII).

К орудиям рыболовства может быть отнесена и пешня, употреблявшаяся для скалывания льда. Она втульчатая, длиной 31 см; диаметр втулки внизу 5 см. Найдена в горизонте конца XIII в.

Поплавков для сетей из бересты, дерева, коры найдено множество. Чаще всего встречались берестяные поплавки. Их мастерили из кусочков бересты, свернутых трубочкой, или вырезанной в виде кружков диаметрами 5—9 см. Два—четыре таких кружка сшивались вместе лубяными волокнами.

Поплавки из коры и дерева имели форму шара со срезанными сегментами и сквозным отверстием или плоского кольца диаметром около 5 см. Встречались также полавки подтреугольной формы, размерами 11,5 × 5 и 12,5 × 6 см. Сквозное отверстие располагалось у верхнего суженного и закругленного конца. Таких поплавок найдено в горизонте конца XII и XIII в.—11. На некоторых полавках были отметины, знаки и целые рисунки: круг, перекрещенный линиями, якорь, лук с оттянутой тетивой (рис. 29, 8).

Грузила к сетям изготовлялись из бересты, глины, камня, дерева. Из бересты, нарезанной прямоугольными полосками, плели кошель, в который закладывался камень. Часто встречались грузила из бересты, сложенной треугольником, в середину которого помещался камень (рис. 70, 14). Наиболее распространены грузила в виде круга или овала, согнутого из ивовых прутьев и оплетенного крест-накрест берестой, с заложением в центре камнем (рис. 70, 15, 17). Грузил треугольной и круглой форм найдено 98. Треугольные грузила обнаружены почти исключительно в горизонте XIII в. (34 экз.) и только два экземпляра их датируются XII в. Стратиграфия круглых грузил следующая: XI в.—2 экз.; XII в.—12 экз.; XIII в.—50 экз.

Эта форма грузил на Белоозере дожила до наших дней. Такие же грузила, крепившиеся как к обычным, так и многостенным постав-

⁷ Г. С. Маслова. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX—начале XX в. В кн. «Восточнославянский этнографический сборник. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», т. XXXI, стр. 176.

⁸ В. В. Пименов. Поездка к прионежским вепсам. СЭ, 1957, № 13, стр. 162.

⁹ Один крупный крючок (длина 9 см)— из случайных сборов на Белоозере (Череповецкий музей, инв. № 2105/2).

ным сетям, употреблялись и древними новгородцами¹⁰.

Глиняные грузила (136 экз.) хорошо обожжены, хотя вылеплены чаще всего из грубой глины с примесью крупной дресвы. Различаются пять типов грузил (см. табл. 37). Почти все грузила происходят из горизонта XIII в., здесь же заметно и наибольшее разнообразие их форм (рис. 70, 3—5, 9, 10, 13).

В большом количестве применялись и грузила из камней с просверленным отверстием. Для ловли рыбы употреблялись иногда бóтала — длинные шесты с кольцом из коры или де-

Таблица 37

Глиняные грузила Белоозера

Дата горизонта	Шаровидные	Эллипсоидные	Цилиндрические	Дисковидные	Всего
XIII в.	61	31	12	4	
XII в.	6		4		
XI в.	2				
Итого	69	31	16	4	120

ревянной рогулькой на конце (рис. 32, 6). Богатом мутили воду, пугали рыбу и направляли ее в поставленные заранее сети. На Белоозере найдены обломки шести ботал с кольцом и только одно — с рогулькой; все в горизонте XIII в.

¹⁰ Б. А. Колчин. Новгородские древности. Деревянные изделия. САИ, вып. Е1-55. М., 1968, стр. 23, табл. 7.

Археологически весь впервые выделена в памятниках конца I тысячелетия — начала II тысячелетия н. э. В X—XI вв. весь приладожская активно ассимилировала скандинавских пришельцев, а весь белозерская смешивалась со славянами и мерей. Тем не менее вплоть до XIII в. весь местами сохраняла этнические особенности погребального обряда и инвентаря, позволившие установить веский погребальный комплекс. Тип одежды и характер женских украшений и бытовых предметов указывают на принадлежность веси к прибалтийско-финским народам. Путем сопоставления с погребальными памятниками финноязычных соседей веси XI—XIII вв. (ижоры, води, карел, коми-зырян) определена этническая территория веси. Последняя совпадает в общих чертах с ареалом веской топо- и гидронимии и подтверждает данные этнографии, антропологии, истории.

Вслед за Д. В. Бубриком автор предполагает существование белозерских и приладожских групп веси, развитие которых протекало параллельно и имело свои особенности. Процесс сложения веской народности происходил путем слияния этих групп. Непосредственными потомками веси являются современные вепсы.

Памятники веси до X в. неизвестны. Поэтому в настоящее время невозможно конкретно установить важнейшие этапы этнической истории веси — ее становления в народность, а также более ранний процесс выделения веских племен из западнофинской или прибалтийско-финской общности¹.

Наиболее ранние контакты со славянами

установило финское население верхнего течения Волги, Мологи и Мсты. В XI в. славянский этнос на этой территории господствовал. В Приладожье и Белозерье славяне начали пропихать с X в. На Белом озере они утвердились раньше, чем в Приладожье. Смешение финского населения со славянами явилось одним из этапов сложения древнерусской, а затем и великорусской народности. В то же время часть веси — вепсы — сохранила этническую самостоятельность до наших дней.

* * *

Белоозеро в X в. заселялось в основном славянами новгородскими, что и объясняет весьма ранние политические связи его с Новгородом. Но в освоении Белозерья участвовали также кривичи, и со временем Белоозеро вошло в состав Ростово-Суздальской земли, где кривичское население преобладало. А. В. Насонов полагал, что Белоозеро могло войти в непосредственное подчинение Ростову уже в первой половине XI в.² Он считал, что большую роль в этом сыграла деятельность Ярослава, сидевшего в конце X — начале XI в. в Ростове. В 1024 г. Ярослав приезжал из Новгорода усмирять восстание волхвов в Суздальской земле и «устави землю ту». Возможно, как полагает А. Н. Насонов, что он устанавливал здесь погосты и дани. В конце XI в. территория Ростово-Суздальской земли «...охватывала Поволжье от устья Которосли до устья Медведицы и тянулась по Шексне до Белоозера»³.

¹ Л. А. Голубева. К проблеме этногенеза веси. Сб. «Древние славяне и их соседи». М., 1970, стр. 143—146.

² А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1961, стр. 178—179.

³ Там же, стр. 180.

До первой половины XII в. Ростово-Суздальская земля не имела собственного князя и входила во владения потомков Ярослава Мудрого, княживших в «Русской земле»: Святослава, затем Всеволода Ярославичей, Владимира Всеволодовича Мономаха и Мономаховичей⁴.

Политическое влияние Юга над Северо-Востоком выражалось «в праве южнорусских князей на получение дани и суд населения Ростовской области, как это прекрасно иллюстрирует летописный рассказ о пребывании Яна Вышатича на Белоозере»⁵. Одним из проявлений этого влияния являлось использование местных вооруженных сил для ведения феодальных войн. Так, Изяслав в 1096 г. мобилизует против своих соперников войска ростовцев, суздальцев, белозерцев⁶.

Зависимость Ростовской земли от Южной Руси прекратилась при Юрии Владимировиче Долгоруком — первом самостоятельном ее князе. При Юрии, его сыне Андрее Боголюбском и Всеволоде Большое Гнездо Белоозеро активно участвует во внешнеполитической деятельности ростово-суздальских князей. В это время на Белоозере был уже свой полк. В 1146 г. Юрий Долгорукий посылает своему союзнику «тысячу бронник дружины Белозерские»⁷.

Со второй половины XII в. ростовские князья настойчиво распространяют свое влияние в Заволочье, где приходят в соприкосновение с новгородцами, издавна проникавшими в эти места за даями. Ростовские полки перехватывали в Белозерье новгородские отряды, ходившие на Двину. Об ожесточенной битве на Белоозере между ростовцами и новгородцами рассказывает летопись под 1169 г.⁸ Вполне возможно, что белозерцы имели самостоятельные интересы в Заволочье. По преданию, Глеб Василькович Белозерский ходил р. Сухоной в Устюг и последний входил в состав Белозерского княжества⁹. Проникновение ростовцев в Подвине затрагивало также интересы болгар, имевших обширную сферу влияния на Северо-Востоке и даже, по свидетельству Абу Хамида ал-Гарнати, взимавших в XII в. дань с веси. В 1209 г. болгары захватывали Устюг. Белозерцы принимают участие в походах ростовских

князей на Волжскую Булгарию. В 1183 г. решительные действия Белозерского полка обеспечили успех осады Булгара¹⁰.

С ростом экономического и политического значения Белоозера выделяется из ростовского княжения. В. Н. Татищев сообщает, что в 1218 г. великий князь Константин Всеволодович перед своей кончиной созвал всех бояр и знатнейших людей из городов Ростова, Ярославля, Белоозера и прочих. В их присутствии он завещал старшим сыновьям: Василию — Ростов и Кострому, Всеволоду — Ярославль и Углич. «Малому же сыну Владимиру, которого мамка держала, повелел дать Белоозеро, когда возрастет»¹¹. Этот рассказ свидетельствует о том, что Белоозеро в начале XIII в. было одним из важнейших городов Ростовской земли. Очевидно, уже тогда сложились все необходимые предпосылки для выделения самостоятельного Белозерского княжества. Однако первым белозерским князем стал внук Константина Глеб Василькович.

Под 1238 г. «Никоновская летопись» сообщает, что на Белоозере сел Глеб Василькович¹², хотя ему было тогда всего два года. 1238 год считается началом самостоятельного Белозерского княжества.

Татарская гроза не затронула непосредственно Белоозера. Туда устремился поток людей, спасавшихся от татарского разорения: так, епископ ростовский Кирилл «...избышу тамо ратных татар»¹³.

Князь Глеб Василькович Белозерский неоднократно упоминается в летописях, и А. П. Копанев справедливо указывает на его выдающуюся политическую деятельность, носившую общерусское значение. Особенно важен аспект его отношений с Ордой, где он целиком следует политике Александра Невского. Глеб Василькович ездил в Орду в 1245, 1249, 1257, 1269, 1271 и 1277 гг. В 1257 г. он «женится в Орде и придя из Каневы земли от царя со многою честью в свою отчину»¹⁴. В 1277 г. Глеб Василькович стал ростовским великим князем, но уже в 1278 г. он скончался.

Время княжения Глеба Васильковича на Белоозере совпадает с периодом расцвета как княжества, так и города; последнее хорошо документировано археологическими материалами.

Предание, сообщенное летописцем Троицкого Усть-Шехонского монастыря, приписывает

⁴ В. А. Кучкин. Ростово-Суздальская земля в X—первой трети XIII в. (Центры и границы). «История СССР», № 2, 1969, стр. 74.

⁵ ПВЛ под 1096 г. Изд. Археографической комиссии. СПб., 1910, стр. 228—229.

⁶ ПСРЛ, т. VII. СПб., 1851, стр. 96—97.

⁷ ПСРЛ, т. V, под 1169 г.

⁸ «Энциклопедический лексикон Плюшара». СПб., 1837, т. VII, стр. 550.

⁹ ПСРЛ, т. VII, стр. 96—97.

¹⁰ ПСРЛ, т. VIII. СПб., 1859, стр. 96—97.

¹¹ В. Н. Татищев. История Российская. М., 1964, т. III, стр. 206.

¹² ПСРЛ, т. X. М., 1965, стр. 113.

¹³ ПСРЛ, т. XXV. М., 1949, стр. 129.

¹⁴ ПСРЛ, т. X, стр. 113.

Глебу основание этого монастыря в 1251 г. Второй монастырь основан им на Каменном острове Кубенского озера. Согласно этому же преданию, Глеб улучшал судоходство по Сухоне, прорыв в ее излучине канал, называвшийся «княже Глебова прость». Были прорыты также каналы по рекам Вологде и Шексне¹⁵.

Территория Белоозерского княжества охватывала весь бассейн Белого озера, все течение Шексны с притоками Андогой и Судой, устюженский участок Мологи. Возможно, что какое-то время в состав его входил также Устюг¹⁶.

Преемники Глеба — сын Михаил, внук Роман и сын Романа — Федор никогда не играли значительной роли и редко упоминаются летописью. Известно, что Роман Белоозерский выступал на стороне тверского князя Александра против Ивана Калиты. Возможно, что он вместе с тверским князем погиб в Орде в 1339 г.

Его сын Федор Романович меняет политическую ориентацию и женится на дочери Ивана Калиты — Федосье. Неизвестно, брал ли он при этом на себя какие-либо обязательства, но фактически этот шаг означал подчинение Белоозерского княжества Москве. В духовной Дмитрия Донского Белоозеро называется «куплей» Ивана Калиты. Федор Романович Белоозерский был последним князем формально независимого Белоозерского княжества. Сам он вместе со старшим сыном Иваном и еще 15 удельными белоозерскими князьями погиб 8 сентября 1380 г. в Куликовской битве.

Летописец с большим чувством рассказывает, как белоозерцы одними из первых явились по призыву Дмитрия Донского на сбор общерусского ополчения: «Приидоша же князи Белоозерския, подобии суть воином быти, велми бо доспешно и конпо войско их»¹⁷. На Куликовом поле белоозерский полк, стоявший на левом фланге, принял на себя сокрушительные удары татар и погиб почти целиком.

По духовной Дмитрия Донского (1389 г.) Белоозеро переходит к его потомкам, а в конце XV в. превращается в Белоозерский уезд. Одновременно с ослаблением политической власти белоозерского князя с середины XIV в. шел быстрый процесс феодальной раздробленности. Белоозерское княжество распалось на мелкие уделы, а прежде самостоятельный белоозерский князь стал наместником великого князя.

Страшные эпидемии чумы 1352 и 1363—1364 гг. опустошили Белоозеро. Часть оставше-

гося в живых населения в конце XIV в. переселилась на южный берег озера. В новом городке обосновалась и администрация московского князя. В конце XIV в. источники еще упоминают два города на Белоозере. Так, в «Списке русских городов дальних и ближних», составленном около 1387—1392 гг., сказано: «На Белоозере два городка».

Ослабевшее Белоозеро в конце XIV в. неоднократно подвергалось нападениям повгородцев. В летописях часто встречаются записи о том, как новгородские молодцы «Белоозерскую волость воевали». Под 1398 г. повгородцы «поидоша на Белоозеро и взяша и повоеваша, и пожгоша и старый город Белоозерский сожгоша, а изышого городка вышедше воевода великого князя з белоозерцы, добиша челом»¹⁸.

Летописные известия XV в. о Белоозере относятся уже к новому городу — современному Белоозерску.

* * *

Происхождение древнерусского города и «археологическая картина этого процесса»¹⁹ — вопросы, привлекавшие самое пристальное внимание советских археологов.

Были прослежены конкретные пути возникновения городов как южных, так и северных районов Руси²⁰. Установлена непосредственная связь между славянским освоением Северо-Востока в X—XI вв. и возникновением таких городов, как Ростов, Муром, Суздаль, вырастающих «на почве поселков аборигенного финно-угорского населения»²¹.

Но Белоозеро ставит перед исследователями древнерусского города новую проблему. Город в Древней Руси — это прежде всего укрепленное, огражденное поселение. Конечно, далеко не каждое укрепленное древнерусское поселение являлось городом в социально-экономическом смысле²². Зато каждый известный древнерусский город имел земляную крепость и более или менее развитую систему внешних линий обороны²³.

¹⁵ «Устюжский летописный свод». М.—Л., 1950, стр. 66.

¹⁶ Н. Н. Воронин. К итогам археологического изучения древнерусского города. КСИИМК, вып. XLII, 1951, стр. 8.

²⁰ Н. Н. Воронин, П. А. Раппопорт. Археологическое изучение древнерусского города. КСИИМК, вып. 96, 1963, стр. 11—13.

²¹ Там же.

²² П. А. Раппопорт. О типологии древнерусских поселений. КСИИМК, вып. 110, 1967, стр. 5—6.

²³ М. Г. Рабинович. Из истории городских поселений восточных славян. Сб. «История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI между-

¹⁵ А. И. Копанев. История землевладения Белоозерского края XV—XVI вв. М.—Л., 1961, стр. 20.

¹⁶ Там же, стр. 6.

¹⁷ ПСРЛ, т. 26. М.—Л., 1959, стр. 130.

Белоозеро же не имело земляных укреплений. После того как в конце XIV в. последние немногочисленные жители покинули опустошенное эпидемиями чумы и разоренное новгородцами поселение, Белоозеро являло собой вымерший город. Какое-то время здесь стояли неразобранными дома, потом рухнули и они, закрыв древесным гленом печи-каменки. Новых поселений здесь больше не возникало. Если бы земляная крепость существовала, то после гибели города некому (и незачем) было бы заниматься ее уничтожением.

Территория города не распаивалась, а служила местом покосов жителей г. Белозерска. Если на ней до сих пор заметны невысокие вхолмления, скрывающие руины последних городских построек, то как не сохраниться валам? Итак, следует признать, что Белоозеро не имело земляной крепости. Возможно, что существовала деревянная ограда типа частокола, но ее следы не обнаружены.

На Белоозере не выделены такие характерные для любого древнерусского города части, как детинец и посад. Они не выделены не только из-за отсутствия валов, а в силу необычной планировки города: она не радиально-кольцевая, а рядовая. Город вытянут вдоль реки длинной, но узкой полосой (это не исключает, что у города были центр и окраины).

По отсутствию земляной крепости и планировке, напоминающей позднейшие новгородские «рядки», Белоозеро представляет необычный тип городского поселения. Н. Н. Воронин заметил в 1951 г., что «раскопки Белоозера, по видимому, открывают весьма интересный вариант образования города»²⁴.

Действительно, Белоозеро уже в X в. представляло собой поселение, базирующееся в основном на ремесле и торговле. Оно, несомненно, имело и важное административно-политическое значение. Вероятно, это был один из самых крупных погостов по Шексне. Однако процесс становления Белоозера как города в X в. не был завершен, он продолжался и в XI в.

Возникнув как поселение веси, Белоозеро отразило в своей культуре славянские, болгарские, скандинаво-прибалтийские элементы.

Преобразование Белоозера в центр, из которого шло освоение славянами края, многое изменило в его облике. Со второй половины XII в. город застраивался на новом месте — вдоль берега Шексны. Наличие добротных домов двухэтажного (?) типа, огороженных усадеб, широких

мощеных улиц и дворов свидетельствует о высоком уровне городской культуры и благоустройства.

Ремесленный облик города в XII—XIII вв. ощущается еще более. Почти каждый третий дом из числа раскопанных был жилищем-мастерской (литейщика, резчика по кости и янтарию и пр.). Прослежено (с X по XII в.) сооружение кузниц на одном и том же месте. В первой половине XIII в. выделяется центральная часть города с крупными феодальными усадьбами, где сосредоточены основные находки привозных изделий. Для середины и второй половины XIII в. прослежена также застройка восточной окраины города с домами ремесленников по металлу и рыболовов. Несмотря на явную ремесленную специализацию, горожане не порывали с сельским хозяйством. Большое значение имело рыболовство, в том числе промысловое, были развиты домашние производства.

Вещевой инвентарь свидетельствует о тесных связях с Поднепровьем, Волжской Булгарией, а во второй половине XIII в. — со Средней Азией. Монгольское нашествие вызвало прилив на Белоозеро русского населения из более южных областей. Во второй половине XIII в. город продолжал расти.

Можно считать доказанным, что для Белоозера ремесленные производства являлись основой социально-экономической жизни. Не меньшее значение имела и торговля, отличавшаяся широтой международных связей. Развитие торговли способствовало сложению городской культуры, многообразной, но единой на всей территории Древнерусского государства. В быту горожан-белозерцев шиферные пряслица, стеклянные бусы, браслеты и перстни нашли такое же широкое распространение, как у жителей любого другого древнерусского города. Зажиточная ремесленно-торговая верхушка и феодальная знать пользовались дорогой стеклянной и поливной посудой, привозным вином.

Показателем культурного уровня городского населения является распространение грамотности. К сожалению, на Белоозере не найдено пока берестяных грамот, хотя рисунки на бересте и берестяных изделиях довольно распространены.

Однако здесь обнаружены буквы и надписи на шиферных пряслицах, амфорах, деревянной посуде, гребнях, ложках. Собственники этих вещей, помечая их буквами, надписями, тем самым оставили неоспоримое свидетельство того, что древние белозерцы владели грамотой.

Мы уже указывали на обломок амфоры с пропарпанной надписью «масло». На четырех пряслицах вырезано по одной букве: «Н», «Р» и «Ц» (два раза). На трех встречено по две

народный съезд славистов. Прага, 1968 г.». Доклады советской делегации. М., 1968, стр. 130—131, 135.

²⁴ Н. Н. Воронин. Указ. соч., стр. 11.

буквы: «ЖЖ», «ЦЦ», «ЧИ»; еще на трех одних и те же буквы повторены по три раза и более, превращаясь в своего рода орнамент: буква «Ж» (на двух пряслицах) и юс малый (1 экз.). На одном пряслице в ряд вырезано шесть знаков, напоминающих буквенные и составляющих, очевидно, надпись. Читается только буква «М». На пряслице из горизонта XIII в. хорошо видна четко вырезанная надпись из шести букв: «НАМАЛЕ». Возможно, это женское имя, употребленное в дательном падеже. Такое чтение предложила А. Мединцева.

Буква «Ж» вырезана на днище деревянного блюда из горизонта XIII в. (рис. 26, 1). Из этого же горизонта происходит обломок деревянной чаши с обрывком надписи в одну строку: «ЗАИЖЕ ЮН». Найдены и инструменты для письма — железные писала — 2 экз. (рис. 44, 2, 10).

Древние белозерцы владели чувством прекрасного и стремились выразить его в украшении простых, обыденных вещей: посуды, гребней, рукоятей и многого другого.

Все сказанное выше дает неполную, весьма ограниченную характеристику городской культуры Белоозера, какую можно воссоздать на ос-

новании одних только археологических данных, которыми мы располагаем.

Белоозеро являлось не только древнейшим, но и (в XI—XII вв.) самым окраинным городом на северо-востоке русских земель.

Окраинное положение Белоозера и смешанный состав его населения, несомненно, наложили известный отпечаток на хозяйство, быт и культуру города. Характерно сохранение весских элементов во всех областях производственной жизни города (финские формы серпов, тиглей, котлов, посуды, обуви; переживание лепной керамики в XIII в.). То же можно сказать и о бытовании типично финских украшений. Это свидетельствует о включении весского населения в состав горожан и в позднюю эпоху существования города.

Однако менее всего к Белоозеру применим термин «отсталой окраины, захолустья». Наоборот, на пограничье славянского и угро-финского мира он являлся форпостом могучей и передовой русской городской культуры.

В целом археологические исследования заново открыли для нас Белоозеро, как важный исторический и культурный центр на северо-восточной окраине Древней Руси.

Е. И. Оятева

БЕЛОЗЕРСКАЯ КОЖАНАЯ ОБУВЬ

Белозерская коллекция кожаной обуви составляет около 212 единиц. В нее входят остатки обуви из слоев XI—XIII вв. Несмотря на значительную толщину культурного слоя (до 2 м), создающую благоприятные условия для сохранности археологической кожи,— постоянный режим температуры и повышенную влажность без доступа воздуха, а также консервирующее влияние почвенного перегноя, дерева и навоза, кожаная обувь на Белоозере представлена в сильно фрагментированном виде. При изучении не удалось реставрировать полностью ни одного экземпляра.

В XI—XIII вв. кожевники на Руси выделывали шкуры по каким-то общим правилам, но каждый мастер, в силу своего опыта, имел свой «секрет». Индивидуальные приемы влияли на качество обработанных кож, некоторые из них получались похожими на протык или юфть. Применять современную терминологию, включающую определенные понятия технологии специальной обработки шкур, для характеристики сортности древней кожи методологически неправильно. Технологи не называют археологическую кожу «юфть», а, подчеркивая ее не определенную пока еще обработку, называют «коровиной», «козлиной»¹.

В Белоозере, как и в других городах Северо-Западной Руси, население носило в XI—XIII вв. мягкую обувь трех основных видов: башмаки, поршни, сапоги, изготовленную из обработанных растительными дубителями шкур крупного рогатого скота. Несмотря на фрагментарность и плохую сохранность изделий, коллекция по-

зволяет восстановить формы различных видов мягкой обуви и технологические особенности их кроя, пошива и отделки.

Башмаки. Преобладающим видом обуви на Белоозере в XI—XIII вв. были мягкие, облегчающие ногу башмаки. Крой их состоит из двух основных деталей: заготовки верха и подошвы. Верх кроили из одного целого куска кожи или из двух частей. Под мягким, отгибющимся воротничком через нарезки (частые сплошные, группами по 2—4, одиночные) пропускался узкий кожаный ремешок для закрепления башмака на ноге. В отдельных случаях воротничок не отгибался наружу, а обертывался вокруг щиколотки и завязывался ремешком, закрепленным в прорезь угла на воротничке.

Для изготовления башмаков использовалась, по-видимому, обработанная растительными дубителями кожа коров и телят, довольно плотная, толщиной от 1,5 до 2,5 мм.

Основой для кроя башмаков служили определенные, тщательно выработанные шаблоны. Белозерские башмаки кроились по двум вариантам. Первый вариант предполагает цельнокроенную заготовку верха со швом сбоку и треугольным вырезом на заднике (рис. 71, 9; 72, 2). Чаще всего из-за недостатка материала заготовку кроили из двух частей: одна наружная вместе с носком, вторая — внутренняя. На двухчастной заготовке получалось два шва: сбоку — уступчатый, сзади — округлый по абрису. Для такой заготовки верха подошва была с удлиненной пяточной частью, конструктивно вшивавшейся в задник. Второй вариант кроя башмаков отличен от первого контурами заготовки верха и подошвы. Верх в большинстве случаев цельнокроенный, со швом сбоку (рис. 73, 1), а подошва с закругленным носком и пяткой (рис. 74, 24).

¹ Этот вопрос являлся предметом специального обсуждения с доцентом Киевского института легкой промышленности В. П. Свариком.

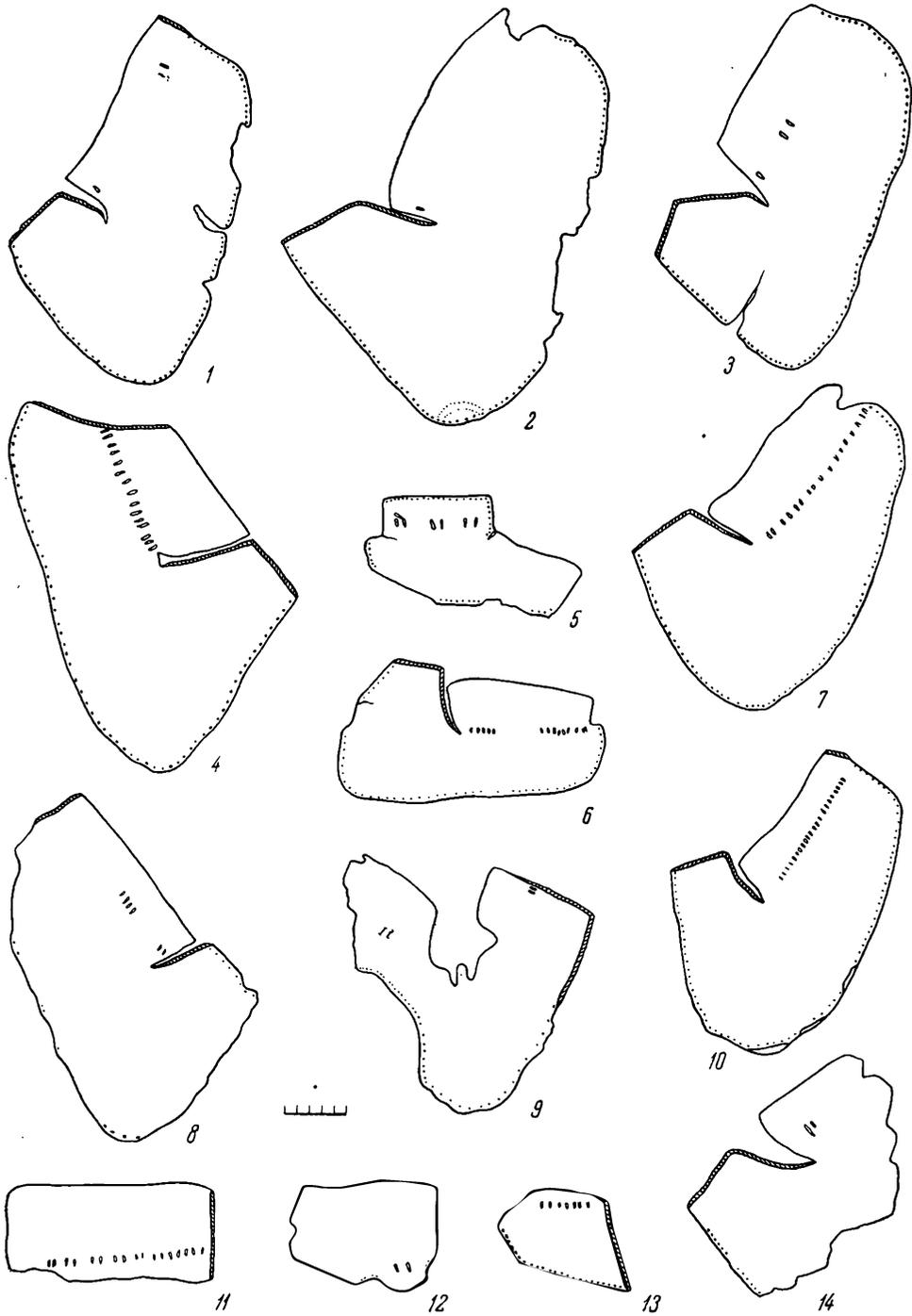

Рис. 71. Детали башмаков первого вида кроя

Почти все белозерские башмаки не имеют украшений. Только на одном обрывке носка от башмака второго варианта кроя было два ряда мелких поперечных пасечек, через которые, вероятно, в шахматном порядке продергивались или проплетались узкие ремешки или крученые цветные нити (рис. 73, 2) ².

Размеры башмаков из Белоозера свидетельствуют, что их носили как мужчины, так и женщины.

Поршни. Четырехугольный кусок кожи с равными краями размером 21 × 14 см, с остатками прямого выворотного шва на одном из округлосрезанных концов и с крупными вертикальными прорезями по длинным сторонам (на одной — 13, на противоположной — 5) с достаточной уверенностью можно определить, как заготовку поршня (рис. 73, 13—17). Но восстановить полностью форму его, а следовательно и технологию изготовления, на основании изучения имеющихся остатков пока не удастся. Однако кое-какие детали следует отметить: заготовки имели на поске специальные, конструктивные вырезы, при сшивании которых под прямым швом получали вполне сформированный носок поршня. По бортам через прорезы пропускался ремешок или лыковый шнурок, стягивавший поршень на ногу. Возможно, что пятка формировалась аналогичным же способом.

В городах Северо-Западной Руси в XI—XIII вв. население носило поршни двух видов: простейшие и резные, а в XV—XVI вв. известны еще составные и поршни «с оборою» ³. Белозерские поршни сочетают в себе как черты простейших типов, так и некоторые особенности (покрой и нитяной шов) поршней «с оборою». Вероятно, они представляют собой разновидность, нам еще мало известную, бытовавшую у населения северо-восточных районов европейской части нашей страны.

Сапоги. В белозерской коллекции сапоги с высокими голенищами представлены небольшим количеством деталей: несколько головок из плотной кожи и два высоких, трапециевидных задника также из довольно плотной кожи (рис. 73, 10—12).

Подошвы. Почти все подошвы изношены и

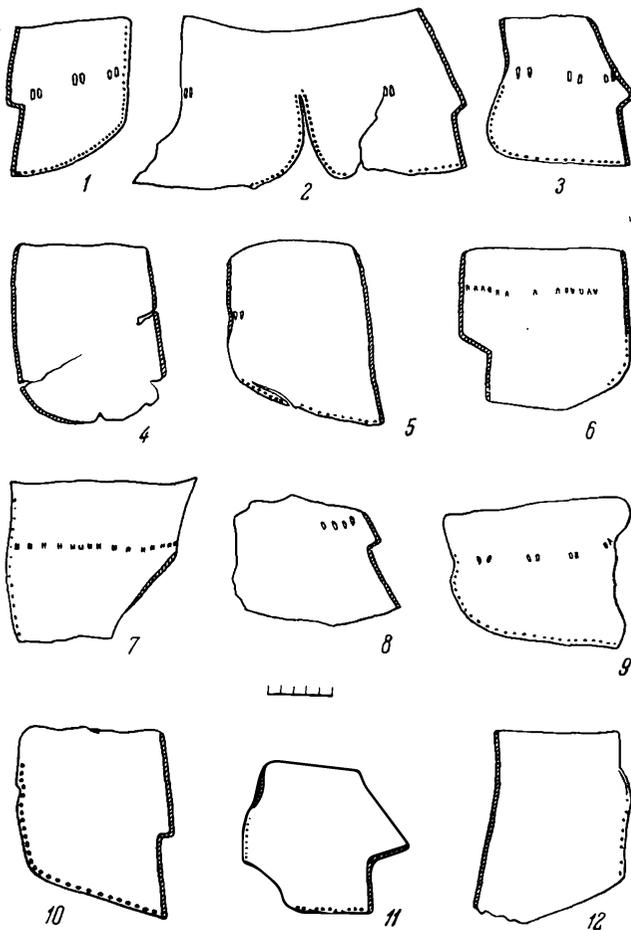

Рис. 72. Детали башмаков второго вида кроя

фрагментированы. Вероятно, на подошвы шли те же шкуры, что и на верха, но более плотные ее участки, например со спины.

Подошвы XI—XIII вв. не имеют особых примет, по которым можно было бы отнести одни из них к деталям башмаков, другие к деталям сапог и так далее. Одно только очевидно, что по контурам подошвы соответствуют двум вариантам кроя: первый — с округлым носком и удлиненной пяточной частью — «хвостиком» (рис. 74, 1—11), второй — с округлым носком и пяткой (рис. 74, 22—24). Почти все подошвы в настоящий момент определяются как правая или левая.

Белозерская обувь XI—XIII вв. проста по форме, однообразна и почти лишена украшений. Башмаки кроили по шаблонам; то же самое можно сказать и о заготовках деталей сапог. Наличие выработанных выкроек — свидетельство стандартизации изготовления кожаной обуви. И только поршни, ввиду их примитивности, могли быть изготовлены домашним способом.

² В. И. Оятева. Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова. АСГЭ, вып. 4. Л., 1962, стр. 82, рис. 2, 7.

³ С. А. Изюмова. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, стр. 212, рис. 8, 6; М. Г. Рабинович. Великий посад Москвы. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 81, рис. 27, 1; Е. И. Оятева. Обувь и другие кожаные изделия Земляного городища Старой Ладоги. АСГЭ, вып. 7. Л.—М., 1965, стр. 53, рис. 5, 2.

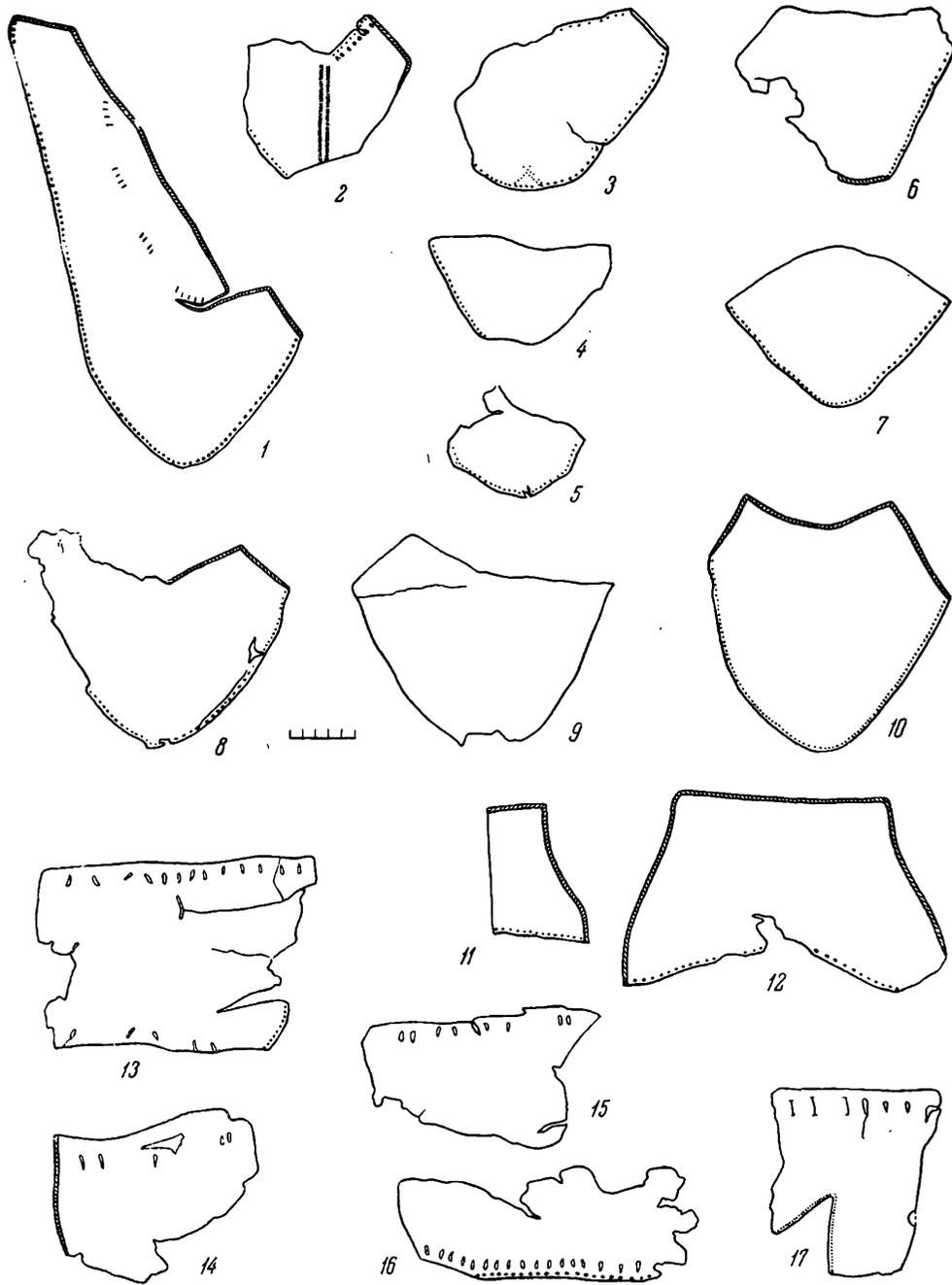

Рис. 73. Детали различной кожаной обуви: башмаков, сапог, поршней

Рис. 74. Подшвы

Для полноты технологического анализа белозерской обуви остановимся кратко на типах швов, которыми скреплялись детали мягкой обуви. Это швы обычные: выворотный, тачной и через край. Полностью отсутствуют швы, присущие жесткой обуви: сандаальный, «в подтай».

Белозерская кожаная обувь относится ко времени, когда дальнейшая специализация ремесел и потребность растущего населения города приводят к становлению сапожного дела как одной из отраслей городского ремесла. Технологические приемы кроя и пошива кожаной обуви в Белоозере, знаменующие эволюцию сапожного производства, не отличаются от технологических приемов сапожного дела этого времени в других городах Северо-Западной Руси, что, безусловно, свидетельствует об одинаковом уровне развития.

* * *

Население средневековых городов Европы в X—XIII вв. носило кожаную обувь самых различных форм. В коллекциях, собранных при раскопках городов, насчитывается до пяти-шести разновидностей мягкой обуви, сосуществующей часто на протяжении двух-трех веков. Многие исследователи обращали внимание на это явление и пытались его объяснить. Польские археологи видели в разнообразии форм обуви их различное функциональное назначение. Попытки выделить мужские и женские формы, зимние и летние, а также повседневные и парадные не привели к ожидаемым результатам⁴. Объяснение, вероятно, следует искать в этнической неоднородности городского населения, особенно на ранней стадии истории города. Рассмотрим с этой точки зрения каждый из четырех видов белозерской обуви.

Поршни. Наиболее близка белозерским поршням низкая кожаная обувь из Веселовского древнемарийского могильника IX—XI вв., изготовленная из цельного куска кожи со швом на носке и пятке, с продернутым по бортам ремешком, реконструированная Г. А. Архиповым⁵. В. Н. Белицер по материалам могильника Чемшай X—XI вв. также реконструирует обувь древних удмуртов в виде мягких низеньких поршней⁶. По всей вероятности, и низкая кожаная

обувь из мордовских могильников VIII—XI вв. аналогична вышеперечисленным⁷.

Нельзя закрывать глаза на то, что в могильниках кожаная обувь плохо сохраняется, а реконструкция допускает известную долю фантазии. Однако, с другой стороны, наблюдается определенное единство форм обуви у трех родственных финско-угорских народов: мордвы, мари, удмуртов.

Сопоставление белозерских поршней с аналогичной обувью из могильников дает возможность с большей достоверностью говорить об этнической принадлежности этой формы.

Может возникнуть предположение, что обувь из могильников — специально погребальная. Но этому противоречат следы от носки и находки таких же форм обуви при раскопках поселений. Погребальная обувь появляется на Руси в XVI—XVII вв. в связи с внедрением в обиход жесткой обуви. Установившийся обряд требовал хоронить умершего в мягкой кожаной обуви.

Башмаки первого варианта кроя. Обувь этой формы находит себе подобную в древнем Новгороде. Мягкие повгородские туфли с «хвостиками» X—XII вв. целиком повторяют контуры заготовок белозерских башмаков первого варианта кроя⁸. Аналогичные башмаки встречаются в культурных отложениях Пскова⁹, Полоцка¹⁰, Минска¹¹, укладываясь в хронологические рамки XI—XII вв. Близки белозерским по форме и башмаки из Старой Ладogi, но, относя старолужские башмаки к общему типу, нельзя забывать о их принадлежности к более раннему времени, — если не к VII, то во всяком случае к VIII—IX вв.

Башмаки первого варианта с «хвостиками» в древних городах Северо-Западной Руси нигде, кроме Белоозера, не являются ведущей формой¹². В то же время в Белозерской коллекции башмаки первого варианта с башмаками второго варианта находятся в соотношении примерно 3 : 1.

Башмаки с «хвостиками» первого варианта кроя довольно широко распространены в Евро-

⁷ «Материалы по истории мордвы VIII—XI вв.». Под редакцией А. П. Смирнова. Моршанск, 1952.

⁸ С. А. Изюмова. Указ. соч., стр. 201, рис. 3, 1—6.

⁹ Е. И. Оятева. Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова, стр. 79, рис. 1, 5.

¹⁰ Наличие башмаков первого варианта в Полоцке Г. В. Штыхов подтвердил в личном письме.

¹¹ К. П. Шуг. Обувь древнего Минска. «Материалы IX конференции молодых ученых. Общественные науки». Минск, 1965, стр. 73, рис. 1, 10.

¹² К сожалению, все исследователи древнерусской кожаной обуви не обратили должного внимания на эту форму и не проследили количественного соотношения между башмаками первого и второго вариантов.

⁴ Е. И. Оятева. Кожаная обувь из средневековых городов Польши. АСГЭ, вып. 12. Л., 1970, стр. 115—118.

⁵ Г. А. Архипов. Древнемарийский женский костюм IX—XI вв. «Труды Марийского НИИЯЛИ», вып. XVI. Вопросы истории, археологии и этнографии мари. Йошкар-Ола, 1961, стр. 130, рис. 1.

⁶ В. Н. Белицер. Народная одежда удмуртов. «Труды Института этнографии им. Миклухо-Маклая», новая серия, т. X. М., 1951, стр. 33, рис. 9.

пе в X—XII вв. Этот общеевропейский тип обуви встречается в городах Польского Поморья (Камень-Поморский и Гданьск), в погребениях Южной Норвегии (Осеберг, Хаммарбю), в Южной Швеции (Лунд). Башмаки из Лунда близки белозерским по форме. Близость сказывается в технологии кроя, пошива и отделки. Корни этой общеевропейской формы уходят в глубь веков. Этническая принадлежность описываемой формы еще не ясна, сказывается недостаток материала. Дальнейшее накопление материала в европейском масштабе поможет, вероятно, внести ясность в данный вопрос.

Башмаки второго варианта кроя. Эта форма башмаков настолько распространена по городам Северо-Западной Руси, что, несомненно, является основной формой древнерусской обуви. Такие башмаки с вышивкой и без нее — наиболее многочисленная группа в коллекции обуви XI—XIII вв., собранной при раскопках Новгорода, Пскова, Гродно, Полоцка, Минска и других. Кроме того, основная форма польской обуви — боты, часто украшенные вышивкой, наиболее близки башмакам второго варианта не только по технологии кроя и пошива, но и по отделке.

Сапоги. Аналогичные белозерским формы сапог встречены при раскопках перечисленных выше древнерусских городов. Начало свое сапоги ведут от кочевых народов, так как высокие голенища были предназначены для предохранения ноги при верховой езде. Ранние формы сапог напоминали кожаный чулок, позднее появляются вытяжные сапоги. Тип белозерского сапога с проработанными деталями и длинным голенищем известен на Руси с XII в., а в XIII в. сапоги вместе с башмаками второго варианта кроя становятся одним из основных типов древнерусской обуви. Позже они получают название «русских сапог».

* * *

Таким образом, анализ типов белозерской обуви подтверждает, что состав населения Белоозера не был однородным, а состоял из различных этнических элементов. Финский тип обуви был, вероятно, оставлен местными насельниками Белоозерья — весью. Тем более, что в Белоозере это не единственный материал, имеющий финское происхождение. Общеевропейский тип обуви привнесен народами, этническое происхождение которых требует уточнения. Русские типы обуви состоят из славянского и пока не известного видов.

Таблица 38

Типы белозерской обуви

Обувь и ее элементы	Количество находок по годам						Всего
	1950	1951	1952	1958	1959	?	
Башмаки первого вида кроя		5	15	3	2		25
Башмаки второго вида кроя		—	1	1			2
Башмаки (обрывки)		2	4	1			7
Подошвы с «хвостиком»		6	6	2		1	15
Подошвы с округлой пяткой		—	3	1			4
Подошвы (обрывки)		3	16	2			21
Поршни		3			2		5
Головки (?) сапог		2	4		2		8
Задники сапог			2				2
Обрывки кожи со следами швов	10	3	8	2	4		27
Обрезки от кроя	69		3	27			99
Итого	79	24	62	39	10	1	215

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АП— Археологічні пам'ятки УРСР
АС— Археологический съезд
АСГЭ— Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВИ— Вопросы истории
ВЯ— Вопросы языкознания
Древности— Труды императорского московского археологического общества
ЖМНП— Журнал Министерства народного просвещения
ЗОРСА (ЗРАО)— Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ИАК— Известия Археологической комиссии
ИГАИМК— Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИРАО— Известия Русского археологического общества
КСИА АН СССР— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
ЛОИА— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАР— Материалы по археологии России
МАВГР— Материалы по археологии восточных губерний России
МАЭ— Музей антропологии и этнографии
МИА— Материалы и исследования по археологии СССР
МИСО— Материалы по исследованию Смоленской области
НПЛ— Новгородская первая летопись
ОАК— Отчеты Археологической комиссии
ОИПК— Отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
ПВЛ— Повесть временных лет
ПИДО— Проблемы истории докапиталистических обществ
ПСРЛ— Полное собрание русских летописей
СА— Советская археология
СБАИ— Сборник Археологического Института
САИ— Свод археологических источников
СГАИМК— Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
СФУ— Советское финно-угроведение
ГИМ— Государственный Исторический музей
ТСАРАНИОН— Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
ЭО— Этнографическое обозрение
ESA— Eurasia septentrionalis antiqua
SMYA— Suomen Museo
RK— Katalog der Ausstellung zum X Archäologischer kongres in Rige 1896

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ

- Абу-Хамид-ал-Гарнати 7, 8
 Агеева Р. А. 13
 Адам Бременский 5
 Ал-Балхи 8
 Алексеева А. А. 20, 45, 59
 Ал-Истархи 9
 Андерсен И. 5
 Андреева Е. Г. 23
 Анучин Д. Н. 40
 Арбман Х. (Arbman H.) 40, 77, 131
 Аристэ П. А. 10
 Арне Т. (Arne T.) 39
 Арсакова М. Е. 28
 Архипов Г. А. 204
 Аспелин И. Р. (Aspelin I. R.) 14, 38, 41, 45, 55
 Барсов Н. П. 10
 Барцева Т. Б. 132
 Безухова Е. А. 74, 126, 158
 Белицер В. Н. 204
 Беляшевский Н. 169
 Вируни 7, 8
 Бобринский А. А. 167
 Богданов Н. И. 9, 10
 Бранденбург Н. Е. 14, 37, 41, 43, 47, 74, 158
 Браун Ф. 5
 Брусенский И. И. 58
 Брюсов А. Я. 19, 20, 59
 Бубрих Д. В. 6, 9, 12, 13, 16, 18, 194
 Булкин В. А. 24
 Булычев Н. И. 154
 Буров Г. М. 158
 Бычков А. Л. 57
 Бэр И. (Bähr I. K.) 40
 Вестберг Ф. 8
 Виноградов Г. И. 10, 58
 Воеводский М. В. 160
 Вознесенская Г. А. 124, 129
 Воробьев В. П. 23
 Воронин Н. И. 139, 156, 160, 196
 Гадзяцкий С. С. 16
 Гамченко С. С. 17
 Гейер А. (Geijer J. A.) 35
 Гендуне Ю. Г. 54
 Герберштейн С. 10
 Голубева Л. А. 8, 16, 18—20, 23, 35, 38, 40, 42—47, 50, 56, 74, 77, 79, 81, 103, 129, 138, 139, 178, 179, 186, 188, 194
 Гончаров В. К. 144
 Городцов В. А. 24
 Горюнова Е. И. 28, 29, 44, 138, 142, 154, 156, 158, 177
 Григ С. (Grieg S.) 75, 131
 Гроздилов Г. П. 15, 16, 28, 39, 45, 51, 53, 54, 59, 155, 173
 Гуштин А. Г. 77
 Давидан О. И. 71, 75, 77, 169, 170
 Даркевич В. П. 144, 178
 Дебеч Г. Ф. 5
 Дубынин А. Ф. 65, 115
 Европеус Д. П. 13, 14, 23, 35, 37, 38, 39, 41, 45, 54, 55
 Едемский М. 7
 Ерофеева Е. М. 47
 Ершевский В. Д. 25, 177
 Жак Я. (Zak J.) 48
 Зарубин Л. А. 12
 Засацкий А. 57
 Засурцев П. И. 112, 113
 Зеленин Д. К. 10
 Золотарев Д. А. 10
 Ибн-Батута 7
 Ибн-Фадлап 7
 Ивановская Н. И. 177
 Ивановский Л. К. 21
 Иверсен Ю. Б. 59, 62
 Изюмова С. А. 201, 204
 Иордан 5
 Казвини 7
 Калачев И. Н. 21
 Карамзин Н. М. 3, 9
 Каргер М. К. 173
 Кивикоски Е. (Kivikoski E.) 131, 143
 Кирпичников А. Н. 19, 123, 124, 128
 Кирьянов А. В. 189
 Колмогоров А. 15, 32, 49
 Колчин Б. А. 119, 123, 124, 128, 143, 169, 172—174, 189, 190, 192
 Коновалов А. А. 132
 Копанев А. И. 10, 13, 58, 196
 Корзухица Г. Ф. 77, 129
 Кочкуркина С. И. 16, 18, 21, 31, 38, 42—47, 50, 51, 156
 Крачковский Н. Ю. 7
 Кропоткин В. В. 177
 Круг О. Ю. 155
 Крупейченко И. П. 47
 Куза А. В. 6, 23
 Кузнецов С. К. 13
 Кузьмин А. Г. 57
 Кучера М. П. 143
 Кучкин В. А. 9, 195
 Лазаревский Я. М. 59
 Латышева Г. П. 154
 Лашук А. П. 45
 Левашова В. П. 74, 138, 189
 Линевский А. М. 16, 39, 40
 Лихачев Д. С. 6, 7, 57
 Лыткин И. И. 13
 Львова З. А. 53, 65, 69, 75, 77, 79, 178, 180—182
 Ляпушкин И. И. 155, 156
 Мавродин В. В. 6
 Макаров Г. Н. 13
 Макарова Т. И. 84, 185, 186
 Малиновская З. П. 9, 10
 Малъм В. А. 19, 21, 23, 74, 143, 144, 156, 158, 160
 Маннинен И. (Manninen I.) 5
 Марвази 7
 Марков А. К. 177
 Маслова Г. С. 150, 158, 192
 Матвеев А. К. 10, 12, 13
 Медведев А. Ф. 100, 129, 131, 187
 Монгайт А. Л. 5, 7, 115, 166
 Моора Х. А. 10
 Мугуревич Э. С. 37
 Назаренко В. А. 24
 Насонов А. Н. 6, 7, 8, 59
 Недошивина Н. Г. 75, 131, 142
 Нефедов Ф. Д. 42
 Нидерле Л. 49
 Никитин А. В. 17, 20, 21, 25, 29, 32, 33, 38, 48, 49, 51, 54, 56, 177
 Никольская Т. Н. 24, 25, 154
 Новосельцев А. П. 8, 9
 Носов Е. Н. 24
 Оборин В. А. 74, 160
 Озернин Н. В. 58
 Орлов С. Н. 24
 Осьминский Т. И. 58
 Oxenstirna E. 45
 Ошибкина С. В. 19, 20, 45, 59
 Оятсва Е. И. 199, 201, 204
 Панкрушев Г. А. 19, 20, 47
 Первухин И. Г. 128, 158, 160
 Петерсен Я. (Petersen J.) 40, 47, 128
 Петренко В. П. 24
 Пименов В. В. 5, 7, 9,

- 10, 12, 13, 17, 35, 82, 192
Плетнев В. А. 54, 55
Плетнева С. А. 188
Плюшар 195
Полубояринова М. Д. 184
Попов А. И. 10, 12
Попов Н. Н. 10
Порошин И. И. 57
Потин В. М. 18, 177, 178
Прозоровский Д. И. 14
Прыткова Н. Ф. 35
Пугаченкова Г. А. 188
- Рабинович М. Г. 196, 201
Работнова И. П. 158
Равдоникас В. И. (Ravdonikas W. I.) 15—18, 28, 33, 38, 40, 42, 43, 47, 59, 69, 74, 138, 143
Раппопорт П. А. 196
Решиков Н. И. 25, 54
Розенфельдт И. Г. 154
Розенфельдт Р. Л. 167, 179
Рузвел А. (Rouswell A.) 128
Рыбаков Б. А. 6, 7, 144, 166, 173
Рыбина Н. Н. 132, 135
- Савельева Э. А. 19, 46, 158, 160
Салмо Х. (Salmo H.) 129
Салонен Х. (Salonen H.) 35
Самсон Грамматик 5
Сахаров А. М. 58
Седов В. В. 10, 17, 23, 25, 27, 29, 31, 53, 155
Седова М. В. 42, 44, 142—144
Селлинг Д. (Selling D.) 156
Serning J. 45
Семина Г. Я. 12
Смирнов А. П. 8, 156, 204
Смирнов В. И. 19, 156
Смирнова Г. П. 162
Соловьева Г. Ф. 27
Сорвачева В. А. 13
Сорокин С. С. 128
Спицын А. А. 14, 15, 21, 23, 25, 37, 43, 47, 55, 59, 71, 74, 75, 139, 156
Срезневский И. И. 59, 60
Стапкевич Я. В. 16, 155, 156, 158
Старцев Г. А. 10
Стоксова Н. Н. 135
Стросов П. М. 58
Сухов П. А. 59, 62, 155, 156
- Талицкий М. В. 8, 74, 126, 158, 173
Тальгрэн А. М. (Tallgren A. M.) 15, 38, 45
Тараканова С. А. 71, 74
Тароева Р. Ф. 35
Татищев В. Н. 3, 179, 195
Тяндер К. 5
Тихомиров М. Н. 58, 60
Третьяков П. Н. 6, 35, 56, 155, 156
Тухтина Н. В. 17, 19—21, 28, 29, 31, 38, 40, 42—46, 48, 50, 51, 53, 59, 60, 164, 177
- Успенская А. В. 21, 23, 41, 55
Урбан Ю. Н. 23, 177
Ушаков Н. А. 14, 28, 29
- Фасмер М. 10
Фехнер М. В. 19, 23, 35, 55, 59, 182
Филимонов Г. 14
Фосс М. Е. 156
Фреп К. 8
- Халиков А. Х. 74, 126, 158
- Хаммельяйнен М. И. 10
Хвольсон Д. 7
Ходаковский Э. Д. 14, 59
- Цветкова Н. К. 20, 59
- Чебоксаров Н. Н. 12
Чернецов В. Н. 158
Черницын Н. А. 19, 20, 38, 43, 44, 46
Чернов Г. А. 39
Черных Е. Н. 132
Черных Н. Б. 9, 62, 97
- Шаскольский И. П. 19
Шахматов А. А. 6, 57
Schwindt T. 35
Шевырев С. 58
Шегрен А. И. 9
Ширинский С. С. 23
Штакельберг Ю. И. 77
Штыхов Г. В. 204
Шульц П. Н. 24
Шут К. П. 204
- Щапова Ю. Л. 86, 182, 184, 185
- Якобсон А. А. 74, 188
Якут Ибн Абдаллах 7
Янин В. Л. 8, 177

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ¹

- Абабкова дер. 47
Абаконова дер. 23, 177
Абакумова дер. 23, 28, 29, 37, 53, 54
Акшенова дер. 15, 37, 42, 44, 46
Алферовская дер. 7, 15
Англия 178
Андога р. 3, 118, 196
Андреевская речка 60
Арв 7, 8
Арсаншйя, Арса см. Артанция 8, 9
Арская земля 7
Артания, Арта 8, 9
Архангельская губ. 192
Архангельская обл. 46, 139, 158
Архангельское усадьба 31, 177
Асс-Славийя 8
- Бабаево г. 17, 27—29, 31, 37, 38, 43, 51, 53, 118, 164, 177, 178
Бабково (Мозгово) дер. 27, 28, 37, 49, 53, 55
Балдино с. 48, 49
Балтийское море 3, 178
Балтика 9
Бежецк г. 14, 21, 23, 27, 31, 37, 53—55, 177
- Бежецкий у. 14
Бежецы, Бежиц погост, см. Бежецк 13, 37
Белая Вежа см. Саркел 7, 182
Белозерск г. 3, 57—59, 197
Белозеро см. Белоозеро 6, 179
Белое море 3, 56
Белос озеро оз. 3, 8, 9, 10, 13, 16, 18, 19, 53, 56—59, 79, 138, 178, 189, 194
Белозерье 3, 10, 16, 17, 19, 39, 43, 45, 47, 49, 50, 54—56, 58, 160, 161, 166, 178, 194, 195
Белозерская волость 3
Белозерский край 3, 6, 7, 10, 12, 56, 59, 118, 154, 160, 178
Белозерский р-н 59
Белозерский у. 9
Белозерщина 3
Белоозеро — древний город и область 3, 6—8, 12, 15—17, 23, 27, 37, 39, 42—47, 53, 56—60, 65, 79, 81—84, 87, 88, 111, 112, 114—119, 122—124, 126, 128, 129, 131, 132, 134, 135, 138, 139, 141—145, 147, 149—151, 153—
- 158, 160—162, 164—167, 169, 170, 172, 173, 175, 177—183, 185—190, 192, 194—199, 201
Белые Кресты дер. 14, 37, 38, 177
Бережок дер. 51
Березовик дер. 27
Березовский рядок — погост 27, 33, 53
Берестово оз. 46
Биляр (древний город) 131
Бирка 35, 40, 77, 131, 143, 170
Ближний Восток 188
Болгария или Булгария 179, 195, 197
Бологое 53
Болтинская дер. 18, 27—29, 31, 53, 177
Большеземльская тундра 39
Борисово-Судское пос. 17, 27, 29, 31, 37, 42, 53
Борисоглебская речка 60, 61
Бор дер. 27, 33, 37, 38, 53
Боровичский у. 23
Британия 9
Булгар, Болгар — с. (древний город) 7, 182
- Бустрыгино сельцо 27, 28, 53, 54, 156
- Вага р. 7, 12, 15, 19, 38, 40, 43—46, 158
Валдайский у. 177
Варнакушка дер. 27, 31, 53, 177
Васильевка (Васильевская) речка 60, 63, 81, 110
Васильевское с. 31, 37, 53
Васильково, Васильки — дер. 39
Вахрушева дер. 49
Вашка р. 19
Вельский у. 7
Венгрия 178
Венская возвышенность 15
Верхнее Поволжье 9, 10, 13, 21, 29, 35, 49, 160
Верхнее Прикамье 3
Верхняя Кокшеньга р. 12
Вески дер. 10
Весково дер. 10
Весь р. 14
Весцо дер. 10
Весьегонский у. 14, 177
Ветлуга р. 39, 46, 126, 139, 160
Вешарка р. 29
Видлица, р. и н. п. 18, 46, 143

¹ Принятые сокращения: г. — город; губ. — губерния; обл. — область; р-н — район; р-н. ц. — районный центр; у. — уезд; дер. — деревня; с. — село, н. п. — населенный пункт; о-в — остров; оз. — озеро; р. — река.

- Византия 182
Вина-Гора дер. 48
Вихмес с. 23
Владимирское сельцо 31, 177
Воймерицы дер. 23
Волга р. 3, 7, 8, 10, 21, 25, 29, 37, 46, 47, 53—55, 58, 178, 179, 194
Волго-Клязьминское междуречье 139
Волго-Окское междуречье 182
Волжская Болгария см. Болгария Волжская 82, 195, 197
Вологда г. и р. 12, 15, 45, 169, 196
Вологодская губ. 7, 192
Вологодская обл. 3, 139, 142
Вологодский у. 177
Володино дер. 33, 53
Воложба р. 44
Волхов р. 6, 10, 12, 15, 17
Волчина р. 54, 177
Вондонга р. 118
Воробьево дер. 27, 32, 53
Ворогово дер. 139
Ворон р. 118
Воронова дер. 31
Ворошцово сельцо 31, 39, 177
Воскресенское с. 15
Восток 178
Восточная Европа 129, 131, 135, 182, 189
Восточная Прибалтика 131, 189
Вотская Пятина 10
Вуокса р. 17
Вымь р. 19, 40, 46
Вышгород с. 122, 129, 135, 186
Вырица г. 44
Вычегда р. 3, 18, 40, 46, 145, 158
Вычегодский край 158, 160, 178
Вышнесолоцкий р-н 177
Вышний Волочек г. 23
Вятская губ. 128
Вятско-Ветлужский край 158
- Гайгово дер. 40
Галич г. 184
Гданьск г. 205
Германия 9, 178
Глазовский у. 128
Глинники дер. 37, 177
Горбиничи урочище близ дер. Овино 23
Горбовка речка 60
Горка-Никольское дер. 23, 38
Горки дер. 23, 27, 177
Городище дер. Череповецкого р-на Вологодской обл. 59, 81, 158, 178
Городище дер. Тихвинского р-на Ленинградской обл. 23
- Городище дер. Кирилловского р-на Вологодской обл. 23
Гостомля дер. 37, 48
Грехов ручей 177
Гридино дер. 23
Гришкино дер. 25
Гродно г. 205
Гульцево сельцо 27, 28, 37, 39, 53, 55
- Дания 128, 170, 178
Демянск г. 177
Дмитриевская речка 60
Дмитриевское с. 177
Дон р. 74
Дуденева дер. 27, 33, 37, 46, 48, 53, 177
Дудино дер. 27, 31, 33, 37, 38, 51, 53, 177
- Европа 9, 178, 204, 205
Егна р. 14
- Железный ручей 118
Железный Устюг (Устюжна Железнопольская) см. Устюжна 118
Жуково дер. 27, 31
- Заборье дер. 177
Заволочье 12, 195
Загородье с. 177
Загорье с. 31, 37, 48, 177
Залахтовые 41
Залужье дер. 23, 31, 35, 39, 177
Залучье дер. 21, 23, 31, 53
Залющик дер. 23, 35
Заозерье с. 43
Западная Двина р. 47
Западная Сибирь 13
Зворыкино дер. 14, 27, 28
Золоторучье дер. 37, 55
Зубарев дер. 27, 28, 31, 37, 43, 53, 177
- Ивановская обл. 45, 47
Ижина р. 118
Изборск г. 3, 7, 155
Избрижье (Избрижи) с. 23, 177
Иловец оз. 177
Ильино с. 48
Ильинский погост дер. 23
Ильмень оз. 155, 177
Исаева дер. 23
- Калинин г. 177
Кама р. 8, 18
Каменка погост 27, 32, 53
Каменка дер. на р. Ояти 48
Каменник н. п. 118
Каменный остров 196
Камень Поморский г. 204
Каргать ручей 12
Каргачская речка 12
Каргачь оз. 12
Каргобода н. п. 12
Каргободка н. п. 12
Каргободь н. п. 12
Каргозеро оз. 12
- Карголовский ручей 12
Карголома волость в Белозерье 12
Каргополь г. 12, 13, 177
Каргопольщина 12
Каргулино дер. 12
Каргулинская слобода 60
Каргулка речка 60
Карелия 9
Карлуха с. 23, 40, 48
Карпогорский р-н Архангельской обл. 158
Карпогоры с. 158
Катъ р. и дер. 21, 40, 54
Кашин г. 37, 53, 177
Кексгольм г. 18
Кема р. 18
Кидомля — пустошь 27, 28, 37, 39, 40, 53, 55
Киев г. 6, 8, 56, 115, 122, 129, 131, 135, 173, 184—186
Киевщина 86, 179, 186
Киевская Русь 86, 144
Кимры г. 37, 48, 55
Кирилина дер. 23
Кирилловский р-н 59
Кирилловский у. 10
Кирило-Белозерский монастырь 57—59, 118
Кирьяново н. п. 31
Киснема (Троицкое) с. 20, 27, 31, 37, 46, 53, 56, 57, 59, 138
Кичиль-кос, порог на р. Вымь 40, 143, 158
Клеопино дер. 27, 32, 53
Княж погост н. п. 45
Княжчино н. п. 23
Княжье село дер. 23
Княжья Гора н. п. 169
Кожожа р. 15—17, 27—29, 31, 37—39, 47, 53, 54, 156, 177, 178
Кокорин о-в 37, 42, 43
Кокшеньга р. 37, 44
Колпь р. 3, 10, 14, 17, 25, 29, 50, 51, 118, 164, 178
Коми АССР 12
Коми край 12
Корчевский у. 177
Косино с. 27, 32
Костино с. 23, 49
Кострома г. 15
Костромская обл. 45, 139
Костромское Поволжье 14, 29, 138, 142, 156
Которосль р. 194
Коши погост 27, 28, 35, 37—39, 53, 55
Крестовая дер. 51
Крестцы-Городок дер. 20, 21, 23, 27, 37, 48, 53, 54, 56
Кривец с. 27
Крохино с. 60
Крюжцы дер. 43
Кубена р. 12
Кубенино с. 19
Кубенское оз. 118, 196
Кудринская дер. 20, 27, 37, 43, 46, 53
- Кузнецкое с. 177
Куяба 8
Куликово поле 196
Кумбита дер. 23
Куреваниха дер. 25, 37, 40, 56, 177
Курово дер. 177
Куштозеро оз. 177
Кяргино (Гаряйки) с. 10
- Ладога г. см. Старая Ладога 6, 57, 182
Ладожское оз. 3, 10, 15—18, 178
Латвия 40, 47, 48
Лаче оз. 19
Лебедево дер. 25
Левоча р. и дер.— 21, 23, 28, 29, 31, 37, 43, 47, 53, 54, 177
Ленинградская обл. 37, 44
Леонино с. 49
Лидь р. 25
Лопатино дер. 21
Лохавере н. п.
Луза р. 19
Луковец с. 23, 31, 59, 81, 158, 178
Лунд 205
Любец дер. 45, 59, 81
Любеч с. 6
- Мадовесь с. 12
Малечкино пос. 25
Малый Бохот дер. 177
Марьино (Марьянская) дер. 20, 27, 37, 38, 43, 53
Мегра р. 12
Мегра н. п. 12
Мегрино дер. 12
Мегрское оз. 12
Медведица р. 10, 13, 25, 55, 194
Межозерье 19, 156
Мезень р. 19
Мерв г. 188
Мишино дер. 18, 27, 28, 37, 38, 43, 53
Миск г. 204, 205
Митино и Зворыкино дер. 14, 27, 28, 31, 35, 37, 38, 40, 50, 53, 177
Могилевская пустынь монастырь 27, 33, 37, 53, 55
Могильцы сельцо 27, 33, 53
Модлона р. 38, 43, 44
Мозолево дер. 27, 31, 37, 42, 53, 177
Молога р. 3, 8, 10, 14, 15, 17, 21, 23, 25, 29, 35, 37, 40, 50, 53—56, 118, 138, 160, 177, 178, 194, 196
Моложский у. 21
Москва г. 196
Мста р. 25, 53, 54, 194
Муром г. 6, 8, 196
Муромское оз. 19, 20, 27, 37, 47, 53
Мыслуга р. 60
Мышкин г. 25
Мягра н. п. 12
Мягрица р. 10

- Мятрой ручей 12
 Мятлева (Мокрые Пожни) дер. 37
 Нева р. 17
 Нефедово дер. 20, 27, 53, 56
 Нижний Конец дер. 27, 28, 31, 35, 37, 38, 40, 53, 177
 Николо Рень с. 177
 Николо-Рожок городище 37, 55
 Никольская речка 60
 Никольское с. Бабаевского р-на Вологодской обл. 17, 27, 29, 31, 53, 177
 Никольское с. 6. Корчевского у. Тверской губ. 27, 34, 53
 Никольщина с. см. Новинки Пашского р-на Ленинградской обл. 41, 44
 Новая дер. 49
 Новгород г. 3, 6, 7, 37, 41, 42, 44, 48, 56, 74, 81, 113, 122, 124, 126, 131, 132, 135, 139, 142, 144, 162, 165, 169, 172—174, 177—179, 182, 184—188, 191, 194, 204, 205
 Новгородовская дер. 19
 Новгородская губ. 14, 58
 Новгородская земля 25, 41, 43, 160, 178
 Новгородская обл. 6
 Новгород, Новгород см. Новгород 6, 179
 Новинка дер. Бабаевского р-на Вологодской обл. 23, 27, 31, 33, 37, 49, 51, 53, 158
 Новинки с. Пашского р-на Ленинградской обл. 41, 44
 Ново-Андреево дер. 23
 Новосельск с. 48
 Норвегия 40, 77, 128, 131, 170, 205
 Ньюбиичи с. 38
 Оболенье 19, 43
 Овино дер. 23, 27, 32
 Озеберг (Осеберг) 143, 205
 Ока р. 8, 179
 Олонцкий перешеек 15, 18
 Олонка р. 18
 Онега р. 3, 15
 Онежское оз. 3, 9, 10, 12, 13, 18, 19, 47, 178
 Оселки н. п. 31
 Осташков г. 177
 Оять р. 9, 10, 16, 17, 18, 25, 31, 38, 40, 41, 43, 44, 47, 50, 51
 Панкино дер. 177
 Паша р. 12, 15, 16, 25, 31, 41, 43, 51
 Пекуново дер. 53
 Пермь г. 45
 Пертовка дер. 10
 Пески пос. 20, 27, 37, 45, 56, 59
 Пестово с. и ж.-д. станция 14, 23, 25, 33, 37, 53, 55, 177, 181
 Песь р. 14
 Петровское с. 27, 31
 Петух р. 118
 Печеньга р. 12
 Печора р. 8
 Пинега р. 12
 Пирозеро дер. 46
 Плавь пустошь 31, 53
 Плакун урочище 23, 77
 Плоское дер. 27, 31, 33, 53
 Победище урочище 23
 Поволжье 169, 188, 194
 Погостище дер. 20, 27, 31, 37, 38, 40, 43—45, 56
 Подборовье погост 27, 33, 37, 53
 Подвылье 195
 Поднепровье 156, 186, 197
 Подол дер. 27
 Подъелье дер. 43
 Подьядебское дер. 48
 Полище с. 27, 31, 53, 177
 Полотск см. Полоцк 6
 Полоцк г. 204, 205
 Польское Поморье 205
 Поморье 144, 178
 Попова Гора дер. 23
 Посады дер. 31, 53, 177
 Потерпилицы дер. 177
 Прикамье 39, 43—46, 71, 126, 135, 141, 160, 173, 178
 Приладожье 8, 13, 17, 21, 30, 35, 40—45, 47, 49, 55, 56, 129, 141, 143, 155, 156, 158, 178, 182, 194
 Приобье 39, 139
 Прионежье 178
 Пробужу дер. 21
 Пронево дер. 118
 Проневская дер. 19
 Прудово дер. 27, 33, 37, 38, 53
 Псков г. 6, 71, 131, 137, 155, 169, 170, 173, 204, 205
 Пустошка н. п. 27, 33, 53
 Пуя р. 15
 Ржев г. 177
 Рождествено дер. 31, 53
 Россия 25
 Ростов г. 6, 7, 9, 10, 194—196
 Ростовская земля 9
 Ростовская обл. 195
 Ростовский край 7
 Ростовское оз. 8
 Русский Север 13
 Русь 7
 Рыбинск г. 25
 Рыбинское водохранилище 44
 Рыбинское море 43
 Рыжкова дер. 47
 Савинские Горки дер. 33, 37, 38, 53, 55
 Сазонова дер. 37, 48
 Саркел (Белая вежа) 7, 74, 128, 131, 182
 Сарское городище 9
 Свирь р. 6, 9, 10, 15, 156
 Свистуново дер. 27, 31, 33
 Север 12, 13, 40, 58, 135, 143, 150, 158
 Северная Двина 8, 12, 13, 19, 56, 118, 195
 Северная Европа 6, 75, 82, 178, 181
 Северное Причерноморье 188
 Северо-Восток 196
 Северо-Запад СССР 47
 Селигер оз. 55
 Семенов-городок с. 2, 177
 Сивец р. 118
 Сить р. 21
 Скандинавия, Скандинавский полуостров 35, 40, 75, 129, 132, 178, 181, 189
 Славново дер. 23, 31
 Славянка р. 118
 Смоленск г. 6
 Сорогожа р. 14, 25, 29, 54, 156
 Сорогожское с. 23, 27, 31, 37, 39, 46, 53, 79, 177, 181
 Средиземноморский бассейн 86, 185
 Средняя Азия 187, 188, 197
 СССР 47, 77
 Стан хутор 16, 27, 28, 31, 37, 44, 53, 54
 Старая дер. 31
 Старая Ладога с. 44, 46, 53, 57, 69, 71, 75, 77, 81, 155, 156, 158, 169, 170, 179, 180—182, 204
 Старая Рязань с. 115
 Старицкий у. 177
 Старовская пустошь н. п. 20, 27, 37, 38, 40, 43, 46, 53
 Старый город см. Белоозеро 59, 60, 71, 81
 Степаново дер. 17, 23, 27, 28, 29, 31, 32, 37, 47—49, 51, 53, 177
 Стораген 131
 Субочиничи дер. 48
 Сугорево н. п. 23
 Суда р. 3, 9, 12, 14, 16, 17, 21, 25, 29, 35, 39, 40, 43—47, 49—51, 54, 56, 79, 118, 135, 156, 164, 178, 196
 Суздаль г. 81, 115, 196
 Суздальщина 25
 Сухолжино дер. 27, 28, 33, 37, 48, 53
 Сухона р. 3, 8, 12, 19, 44—46, 56, 195, 196
 Сысола р. 45
 Сязинга р. и дер. 37
 Сясь р. 12, 15, 25, 29, 54
 Тамань 188
 Татарова дер. 23
 Тверская губ. 14
 Тверца р. 10, 13, 25, 54, 55
 Тихвин г. 15, 47, 49
 Тихвинка р. 15
 Тихвинский у. 9, 41, 45, 47
 Тихвинский р-н 43
 Торово дер. 20, 27, 53
 Троицкая речка 60
 Троицкий Усть-Шехонский монастырь 57, 59, 60, 195
 Тулокса р. 18
 Туна 170
 Турбой речка 60
 Туров р.-н. ц. 184
 Углич г. 177
 Угличское Поволжье 160
 Узмень оз. и с. 37, 38
 Улома р. 118
 Ульяновская дер. 19
 Урал 9
 Уральский хребет 8
 Устье с. 37, 48, 177
 Устье р. 7, 15
 Усть-Рыбежна с. 31, 47, 48
 Усть-Сысольск г. 40
 Устюг г. 8, 195, 196
 Устюженский у. 14
 Устюжна г. 56
 Ухтомица речка 118
 Федово дер. 31, 37, 177
 Ферапонтов монастырь 58
 Финляндия 40, 41, 77, 129, 131, 143
 Финский залив 17
 Хаммарбю 205
 Хрипелево дер. 31, 53, 177
 Чагодоша р. 3, 12, 14
 Чароидское (Воже) оз. 12
 Челмужи дер. 16, 18, 27, 31, 37—39, 156
 Чепца р. 156, 160
 Череповец г. 10, 18, 25, 27, 43, 61, 128
 Череповецкий край 58
 Чернигов г. 129
 Шапгеничи с. 38, 40
 Шахнова дер. 41
 Швеция 45, 77, 170, 178, 205
 Шексна р. 3, 8, 10, 15, 17, 18, 21, 25, 40, 45, 47, 54—57, 59—61, 81, 88, 110, 118, 142, 144, 154, 156, 160, 177, 178, 192, 194, 196, 197
 Ширьево разъезд 37
 Шлино оз. 177
 Шогда р. 3
 Шолохово сельцо 27, 33, 53
 Шоша р. 10

Шумилово хутор 177
Щипняк дер. 43
Эланд о-в 77
Эстония 40, 47, 48

Юг р. 8
Юго-Восточное Приладо-
жье 6, 10, 14—16, 18, 21,
23, 31, 35, 37, 38, 40, 46,
47, 49, 50, 51, 55, 138, 178

Юрьевское дер. 31
Яровщина дер. 38, 43
Ярославль г. 156, 158, 194
Ярославская обл. 142

Ярославское Поволжье 8,
10, 14, 39, 139, 135, 154,
156, 160

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Аланы, Албаны 5

Балты 25, 27

Бипармийцы 57

Болгары 179

Булгары или Болгары
волжские 7, 8, 9, 195

Варяги 6, 7, 15, 57

Вепсы 5, 6, 9, 10, 12—15,
18, 35, 192

Весь 3, 5, 6—10, 13, 14,
17—21, 23, 24, 27, 31,
35, 38, 44, 50, 51, 53—56,
59, 79, 82, 151, 194, 197,
198

Весь егонская 14

Весь колпская 14

Виссы см. Весь 5

Вису см. Весь 5, 7, 8

Водь 5, 7, 13, 17, 35

Волжские финны 13

Восточнославянские пле-
мена 10, 21, 24

Земгалы 37

Зыряне 15

Ижора 6, 17

Ижорцы 35

Карела 6

Карелы 12, 13, 15, 18, 35,
150, 158

Карелы-ливвики 13

Коми (зыряне) 12, 19,
158

Коми 8, 12, 13, 43

Кривичи 6, 7, 24, 25, 35

Латгаллы 37

Ливы 37

Мари 13, 150

Меря 5, 6—8, 13, 14, 19,
29, 35, 43, 44, 55, 155

Монголы 179

Мордва 5, 7, 8

Мурома 6, 7, 8, 24, 155

Обонежская чудь 14

Обские угры 14, 158

Пермь вымская 19

Пермь вычегодская 19, 158

Пермяне 15, 19

Печера 8

Прибалтийско-финские пле-
мена 9, 10, 12, 13

Русские 6, 9, 13, 58, 135, 150

Руссы 8

Саамы 12, 13

Самоядь 8

Северные германцы 47, 48,
49, 77, 83

Скандинавы 22—24, 31,
38—40, 47, 48, 77, 83

Славяне 3, 5, 14, 19, 21, 24,
25, 27, 29, 31, 37, 43, 46,
48, 49—51, 53—56, 59,
82, 83, 86, 155

Словене (славяне новго-
родские или ильмен-
ские) 6, 8, 25

Тавасты 17

Угорские племена 12

Угры 13

Финно-угры 43, 143

Финны 14, 15, 17, 18, 29,
31, 37, 40, 41, 43,
45—47, 49, 51, 54—56,
82, 135, 138, 158, 160

Черемись (черемисы) 7, 8,
13

Чудь (thiudos) 5, 6, 7, 13, 15

Чудь белоглазая 13

Чудь заволоцкая (заво-
лочская) 12

Чукчи 40

Чухарь 13

Чухнь 13

Эскимосы 40

Эстонцы 35

Эсты 5, 6, 13, 37

Югра (юра) 8, 14

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3	Глава третья	
Часть первая		Историческая топография Белоозера второй чет-	
ВЕСЬ И СЛАВЯНЕ		верти XI—XII в. (по данным южных и цент-	84
Глава первая		Второй горизонт культурного слоя	84
Вопрос о веси в современной литературе	5	Третий горизонт культурного слоя	87
Письменные источники о веси	5	Глава четвертая	
Весь — прибалтийско-финское племя	9	Историческая топография Белоозера второй по-	
Поиски памятников веси	14	ловины XII—XIV в. (по данным западных и во-	
Грунтовые могильники веси	19	сточных раскопов северной группы)	88
Глава вторая		Западные раскопы	88
Курганы славян и веси	21	Восточные раскопы	110
Славянские и весские курганы с трупосожже-		Глава пятая	
ниями X—начала XI в.	21	Постройки Белоозера X—XIII вв.	112
Славянские курганы с трупоположениями XI—		Жилые постройки	112
XIII вв.	24	Производственные постройки	115
Этнические черты погребального обряда веси		Хозяйственные постройки	116
XI—XIII вв.	27	Глава шестая	
Характерные особенности погребального инвен-		Ремесла и торговля как основа социально-эконо-	
таря веси X—XIII вв.	31	мической жизни Белоозера X—XIV вв.	118
Глава третья		Металлургия. Производство изделий из железа.	
Территориальные группы веси и освоение сла-		Инструменты и орудия	118
вянами края	50	Оружие воина и снаряжение всадника	128
Часть вторая		Производство изделий из цветных металлов	132
ДРЕВНЕЕ БЕЛООЗЕРО		Гончарное дело	145
Глава первая		Костерезное дело	169
История изучения	57	Обработка дерева	174
Письменные источники	57	Изделия из камня	175
Историография	58	Торговля	177
Археологические исследования	59	Привозные изделия	179
Старый город и его окрестности	59	Глава седьмая	
Стратиграфия	62	Сельское хозяйство и промыслы	189
Глава вторая		ЗАКЛЮЧЕНИЕ	194
Белоозеро в X—начале XI в.	65	ПРИЛОЖЕНИЕ	199
Древнейший горизонт культурного слоя	65	Е. И. Оятева. Белоозерская кожаная обувь	199
		СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	206
		УКАЗАТЕЛИ	207

**ЛЕОНИЛЛА АНАТОЛЬЕВНА
ГОЛУБЕВА**

**ВЕСЬ И СЛАВЯНЕ
НА БЕЛОМ ОЗЕРЕ
X—XIII вв.**

Утверждено к печати
Ордена Трудового
Красного Знамени
Институтом археологии
Академии наук СССР

Редактор
А. Е. Сидоренко

Редактор издательства
Н. Г. Белей

Художественный редактор
В. Н. Тикунов

Художник
Л. С. Кассис

Технический редактор
В. Д. Прилепская

Сдано в набор 26/X-1972 г.

Подписано к печати 22/III-1973 г.

Формат 84×108¹/₁₆. Печ. л. 13,25+1 вкл.

Усл. печ. л. 22,47. Уч.-изд. л. 23,8

Тираж 2000 экз. Т-01278

Бумага № 2. Тип. зак. 1486

Цена 1 р. 55 к.

Издательство «Наука», 103717 ГСП

Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука», 121099

Москва, Г-99, Шубинский пер., 10